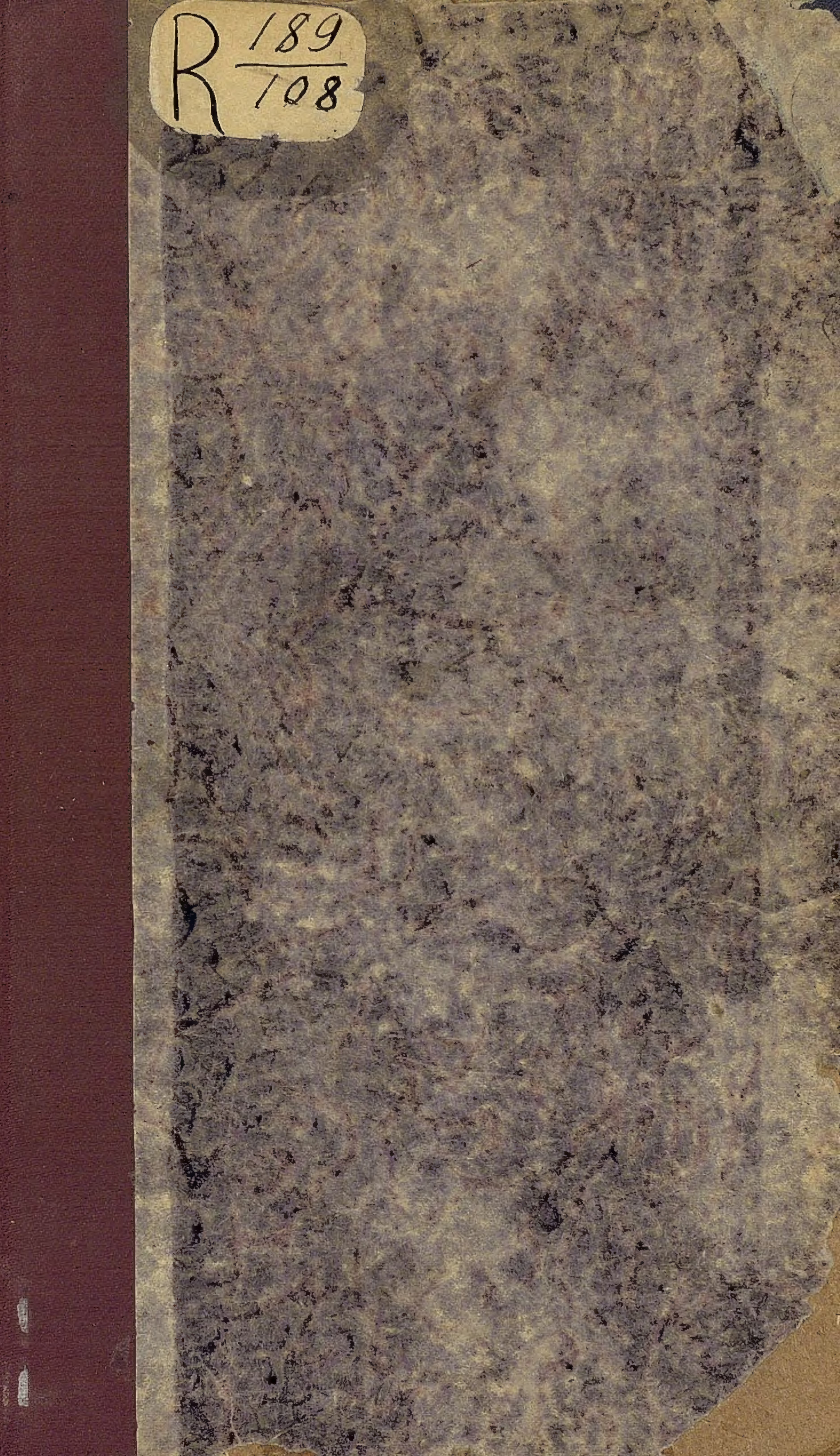


Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Владимир Бонч-Бруевич

Из мира сектантов

Сборник статей

Государственное издательство

Книги Владимира Бонч-Бруевича.

Программа для собирания сведений по исследованию и изучению религиозно-общественных движений в России. (Православие.—Сектантство.—Старобрядчество). Издание пятое.

Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России. Под редакцией **Влад. Бонч-Бруевича.**

Первый выпуск. Баптисты.—Бегуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчестве.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.

Второй выпуск. **„Животная книга духоборцев“.** Записал и собрал **Влад. Бонч-Бруевич.**

В „Животную книгу“ входит более четырехсот различных произведений устной литературы духоборцев. Вступительная статья **В. Д. Бонч-Бруевича:** „Изложение мировоззрения духоборцев“.

Третий выпуск. Штундисты.—Духовные скопцы.—Постники.—Свободные христиане.—Старообрядцы.

Четвертый выпуск. **Новый Израиль.**

Пятый выпуск. **Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды.** Том первый.

Шестой выпуск. **Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды.** Том второй. (Готовится к печати.)

Седьмой выпуск. **Чемреки. (Ответвление Старого Израиля.**

Тринадцатый выпуск. **Кружок Татариновой.** (Печатается.)

Назарены в Венгрии и Сербии. (К истории сектантства.) (Распродана).

Волнения в войсках и военные тюрьмы. Второе издание.

Духоборцы в канадских преriях. Книга I-ая.

Духоборцы в канадских прериях. Книга II-ая.

Духоборцы в канадских прериях. Книга III-ья.

К истории русского духоборчества.

Община „Новый Израиль“.

Среди сектантов.

Из мира сектантов.

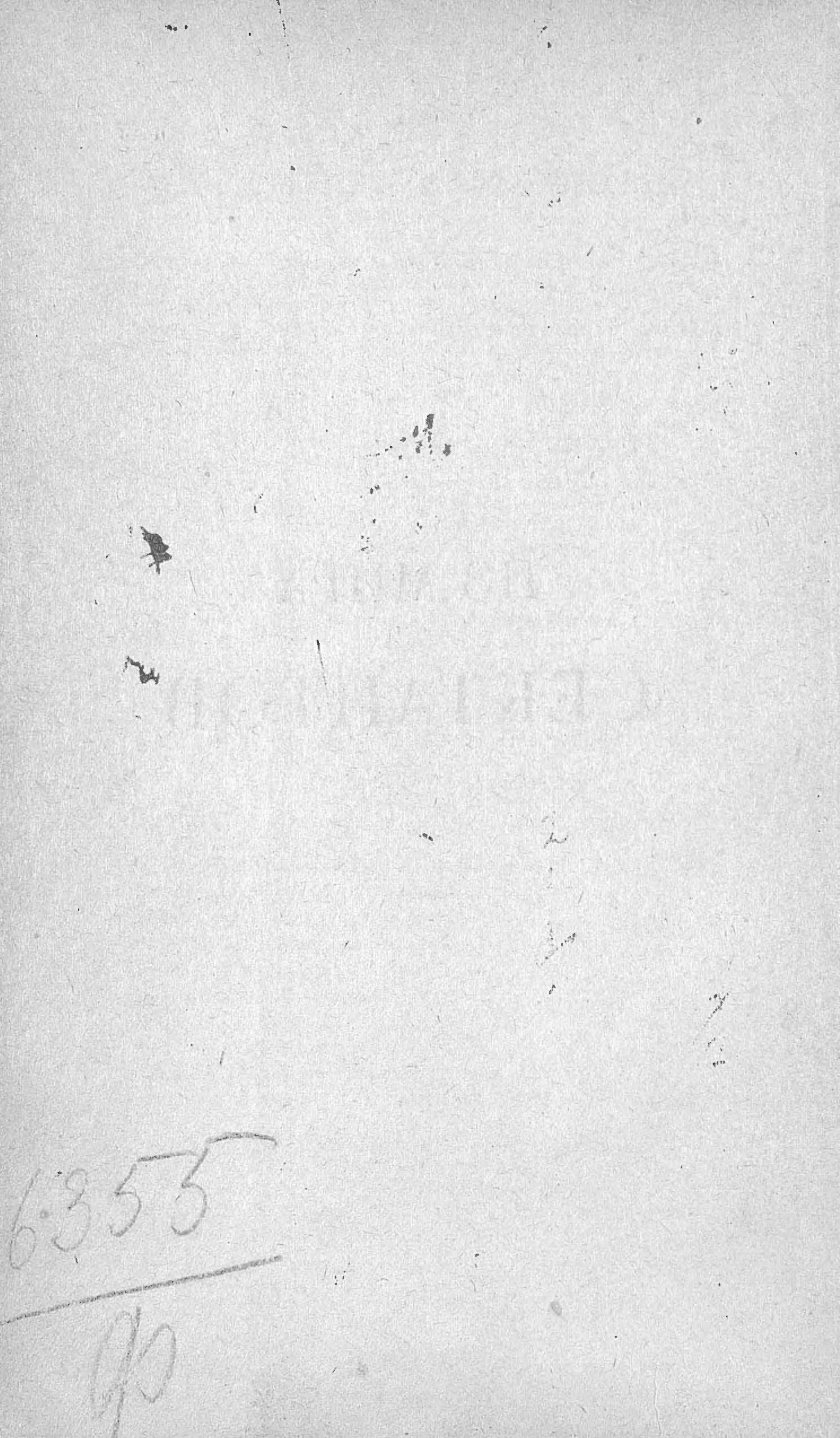
Кровавый навет на христиан. Второе издание.

Знамение времени. (Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса.) **Второе издание.**

Избранные произведения русской поэзии. Пятое издание. Сборник стихотворений на гражданские мотивы от Пушкина и до наших дней. В сборник вошли 829 произведений 232 авторов.

Родные песни. Сборник стихотворений Некрасова, Никитина, Плещеева и др. Издание четвертое

ИЗ МИРА
СЕКТАНТОВ


6355

Владимир Бонч-Бруевич

ИЗ МИРА СЕКТАНТОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Гиз. № 1103. (Р. Ц., Москва). 230. 10.000 тыс. экз.

20-я Государственная тип. (бывш. Кушнерева), Пименовская ул., 1/16.

СОДЕРЖАНИЕ

Сожжение коммунистов в России [1])

I.

Двести двадцать лет тому назад, 4 октября 1689 года, в Москве после пыток были сожжены живыми, вместе со своими сочинениями, два близкие друга, учитель и ученик — Квирин Кульман и Кондрат Нордерман.

Против мучеников средневекового коммунизма соединились все протестантские пасторы, русский заплечных дел мастер прославленный Шакловитый с помощниками-палачами, иезуиты, дворянство и князья, осведомленный обо всем патриарх и представители духовенства православной церкви, придворная знать, действовавшая тогда именем царей „Великой, Малой и Белой Руси",—именем малолетних Петра, Иоанна и Софьи.

Сыск, дознание и пытки отпугнули последователей, обрекли на молчание друзей, и в полном одиночестве вошли мечтатели о лучшем будущем на трон мучеников средних веков—на костер, замененный в России смолистым срубом.

И здесь, у дверей смерти, юстиция того времени не могла обойтись без обмана, без усиления пытки ожидания рокового конца.

Накануне казни начальство тюрьмы заявило Кульману и Нордерману, что они „завтра" будут освобождены. И „завтрешнее освобождение" наступило... в вихрях пламени и дыма костра-сруба из смоляных бочек!

Мало, очень мало сохранила нам история сведений о последних минутах жизни этих иноземных просветителей Московской Руси. Осталось письмо матери Квирина Кульмана, которая, по сведениям, полученным из Москвы, так рассказывает об ужасной кончине своего сына и его верного друга

[1]) Этот очерк впервые был напечатан в журнале „Современный Мир" 1910 г., стр. 51—65.

„3-го октября вечером им (Кульману и Нордерману) сказали, чтобы они приготовились: завтра утром они будут освобождены. Но на следующий день, в одиннадцать часов утра, их, как ложных пророков, привели из заключения на обширную городскую площадь, где уже приготовлен был из смоляных бочек и соломы небольшой сруб. И когда этих невинных людей повели на смерть и не было около них никого, кто подал бы им утешение, и не хотели дать им отсрочки,— они оба остановились и стали молиться, обративши глаза к небу. Когда же подошли они к домику и уже не видели себе спасения, тогда сын мой поднял руки и воскликнул громким голосом: „Ты справедлив, великий Боже! и праведны суды Твои: Ты ведаешь, что мы умираем ныне без вины". И оба, утешенные, вошли в сруб и тотчас же преданы были огню; но больше не слышно было никакого голоса".

Так умерли эти „беспокойные люди", сожженные вместе с своими книжками и „богомерзкими письмами".

В чем же заключалось их учение, за которое они приняли такую ужасную смерть?

II.

Квирин Кульман был страстным последователем известного немецкого писателя и пропагандиста XVII века Якова Бёма. Прочтя его сочинение „Mysterium magnum" („Великая тайна"), Кульман беспредельно увлекся его духовным толкованием Библии, особенно книги Бытия.

В те далекие и темные времена, когда пришлось жить и действовать Кульману, схоластическая наука не давала пищи для ищущего ума, желавшего подыскать теоретические основания для пересоздания общественных отношений, тяжким бременем лежавших на народных плечах и обеспечивавших существование и беспредельный произвол и эксплоатацию власть и силу имевшим.

Реформаторы, выходившие из народной среды, или те, кто направлял свои думы на несчастное положение порабощенных масс, волей-неволей должны были сосредоточивать свое внимание на Библии и Евангелии, где в страстных проповедях и обличениях ветхозаветных пророков и в заветах Христа и его учеников черпали они, как из „живых источников вод",—силу слова и убеждения, примеры мужества и само-

отвержения. В этих же древних, легализованных временем писаниях находили они доводы и доказательства правильности своих коммунистических построений, теорий и взглядов.

Библия и Евангелие, освященные в глазах народа святостью боговдохновенного закона, были теми краеугольными камнями теоретической мысли средних веков, на которых созидали тогда свою страстную пропаганду и неутомимую агитацию бесстрашные поборники освобождения народа, противники светской и духовной власти.

Так как многое из написанного в Библии и Евангелии уже утеряло свой первоначальный смысл, устарело и не подходило по своим требованиям и понятиям к жизни средних веков, тем более к первым столетиям новой истории, то учителя и пропагандисты того времени должны были *духовно, иносказательно*, по смыслу, а не по букве толковать многие места этих книг, особенно Откровения Иоанна. Это *духовное* толкование, всегда приноровленное к созревшим экономическим и политическим требованиям данной среды, называлось господствующей властью и духовенством *мистическим* толкованием, хотя в огромном большинстве случаев в таких толкованиях не было и в помине никакой мистики, а торжествовал тот здравый смысл, который ясно и определенно диктовал желания, чаяния и ожидания угнетенной массы.

Только те пропагандисты, пророки, учителя, „Христы" имели успех в народе, кто сумел подметить, почувствовать, уловить назревшее общее настроение, часто даже не сознаваемое вполне отдельными лицами; тот становился истинным вождем, кто этой неоформившейся, полусознанной идеологии мог придать законченность определенного, так сказать, программного требования.

И именно за таким провозглашенным, общепонятным и общепризнанным требованием шли десятки и сотни тысяч обездоленных людей.

Справедливость этих требований всегда подтверждалась многочисленными ссылками на тексты библейских пророков и Евангелия, что еще более укрепляло колеблющихся и окрыляло и без того проникновенных.

Внешним предлогом проявления протеста нередко служило появлявшееся разномыслие в толковании того или иного обря

да, не имевшее в сущности само по себе никакого значения. Но это *внешнее оказательство* бывало знаменем великих народных движений. Достаточно, однако, отбросить эту внешность движения и заглянуть поглубже в причины, породивише движение, чтобы немедленно обнаружить огромную социальную сущность.

Писатели и пропагандисты-коммунисты того времени отдавали дань своей эпохе и нередко пускались в головоломные соображения и выкладки по поводу того или иного обрядового или догматического спора. Но все это были только аксессуары, „кружева на платье“ — по выражению сектантов. Суть лежала дальше и глубже. Не эти схоластические соображения, академические трактаты и диалектические хитрости увлекали за собой обнищавшие, исстрадавшиеся и нередко доведенные до крайности народные массы. Крестьяне, ремесленники, цеховые и все прочие подневольные люди того времени чутко прислушивались к каждому новому „голосу с неба“. И лишь только начинала греметь „труба архангела“, лишь только раздавалась смелая, страстная обличительная речь нового пророка, нового Христа, призывавшего мир покаяться, требовавшего от сильных—смирения, покорности воле Бога, провозглашаемой Его посланным, — требовавшего уничтожения притеснения и угнетения и поднимавшего веру в лучшее будущее среди угнетенных масс, в то „будущее“, которое вот уже здесь, „при дверях“, лишь только облетала весть о „сошествии и проявлении Святого Духа“ в греховном мире через несомненного „сына Божия“ такого-то, выступившего на проповедь—как сейчас же неудержимыми потоками, дотоле смирная, покорная, долготерпеливая, льстивая и униженная масса — смело и гордо шла под знамена нового пророка-вождя. Вековой, долго сдерживаемый и затаенный народный гнев вырывался наружу, опрокидывал все на своем пути и на долгое время заставлял господствующие классы трепетать за свое существование.

Господствующие классы напрягали все силы в борьбе с народным движением, по большей части неизбежно переходившим в восстание.

Вожди этих народных движений были всегда обречены на ужаснейшие пытки и издевательства, какие только могла придумать дикая фантазия палачей той эпохи. Мученическая

смерть почти всегда венчала жизнь народных вождей того времени.

Их противники, — феодалы, дворяне, духовенство, иезуиты, — не знали пощады. Они, как смерч, проносились с своими наемными войсками по восставшим местностям и все предавали уничтожению; огнем и мечом истребляли они население, города, деревни целых областей, подвергая жителей всяким насилиям, издевательствам и пыткам. И эта постоянная жестокость воспитала мужество и беспредельную храбрость отчаяния у порабощенных в момент их активных выступлений, непоколебимую решимость в действии. Долго терпели угнетенные массы, долго сносили все в своем закрепощенном состоянии, но раз восставали, то почти всегда шли напролом, до самого последнего конца, прекрасно зная, что их ожидает, если последует неудача.

В эпоху жизни Квирина Кульмана (1651—1689 г.г.) идеи христианского коммунизма и так называемого „тысячелетнего царства“ (хилиазм) были широко разлиты в народах Западной Европы. Все ожидали перемен в общественной жизни. Угнетенные ждали сошествия в мир „нового неба на новую землю“, т.-е. обновленной веры в обовленном, счастливом строе жизни.

Пророки ходили по городам и селам и упорно вели свою пропаганду. Волнения проявлялись то там, то тут. Впечатлительного Квирина Кульмана не могли миновать эти новые веяния. Он случайно наталкивается на сочинение Бёма и сейчас же излагает его в своей работе, названной им „Воскресший Бём“. В этом своем сочинении он концентрирует учение Бёма, делая обширные цитаты из сочинений этого простого, академически неученого народного писателя-самоучки, который был по ремеслу башмачник. Кульман в этом своем сочинении окончательно порывает связи с господствующей церковью, резко и насмешливо полемизирует с ее учением и сосредоточивает внимание читателя на теософской и социальной стороне учения Бёма.

Учение Бёма как нельзя более отвечало потребности неудовлетворенных и ищущих людей XVII века. Объединяя всю природу в единую целостную сущность, в которой везде и всюду бьется и живет одна общая предвечная жизнь, проявляющаяся в различных формах. Бём особенно высоко в

ряду сущего ставит человека. Он,—этот угнетенный, униженный и порабощенный простой человек XVII века, подданный всяких князей мира сего,—выдвигается Бёмом на высоту горы. Он,—этот человек,—по учению Бёма, есть непременный и самый близкий сын Бога, одаренный высшими божественными качествами духа жизни. Именно через него-то,—этого раба земли, раба силы и власти,—и изливается в мир все божественное, прекрасное, высокое, и сам он, униженный и оскорбленный, прекрасен и высок. Дух тьмы,—от века борющийся с духом света,—поработил и искалечил его, но не навсегда. Еще есть спасение. Дух света стоит на страже счастья человека и ведет беспрерывную, неустанную борьбу с духом злобы, тьмы и несчастья. Люди должны итти навстречу этой борьбе, помогать ей везде и всюду. Сбросим старый греховный строй жизни и начнем осуществлять блаженную жизнь райской природы и жизни первого чистого, счастливого человека. Сейчас плохо жить человеку. Ничего,—это до времени. „Истинная сущность“ жизни затоптана; она покрыта загрубелой корой рабской и подневольной жизни, несчастиями, злобой, ненавистью и унижениями. Но она жива, она бьется там, глубоко, может быть чуть слышно, но настанет время, и эта светлая, радостная сущность жизни широкой волной разольется во всем мире на счастье и радость всем несчастным и угнетенным; надо только крепиться и мужаться и не падать духом. Сейчас всюду проникла смерть. Все притаилось. Все умолкло, даже не слышно биения своего сердца. Тяжело... Но мужественно пройдем и через это испытание, ибо в жизни нет смерти,—есть только замирание жизни. Везде и всюду таится непреодолимая и непреходящая сущность—сущность мира и жизни. „Посмотрите на дерево,—пишет Бём,—у него снаружи твердая, грубая кора; она как бы мертвая и окоченелая; но тело его имеет живительную силу: пробивается через загрубелую кору и рождает много молодых тел, которые все сводятся к старому. Такова и вся храмина этого мира: в ней священный свет Бога как бы вымер; но через эту храмину смерти все еще пробивается любовь и рождает священные, небесные ветви на громадном древе мира“.

Эта проповедь человекобожества возвышала и поднимала в своих собственных глазах забитых, затравленных, угнетенных и подневольных современников Бёма, принадлежавших к

низшим податным сословиям. Пропаганда непосредственной сыновности Богу, пропаганда безусловного спасения всех тех, кто через совершенство духа познает истину,—неожиданно бросила в угнетенные массы идею равенства всех людей по рождению, идею, низвергавшую сословные, родовые, фамильные, коронные и прочие привилегии, которые господствовавшими тогда классами не только поддерживались всеми мерами, но для большей внушительности и страха обожествлялись и освещались якобы предвечными таинствами природы и самого Бога.

И вдруг оказывается... не тот хорош, кто высок, а кто совершенен в духе истины. Само собой понятно, что это „еретическое“ учение, распространяемое Бёмом и другими пророками и учителями того времени, страшно взбудораживало всех власть имевших, ободряло и оживляло тех, кто ожидал хоть какого-нибудь „движения воды“ в общественной жизни.

Переходя из области теософических размышлений в область политики и социологии, Бём, будучи последовательным, резко нападал на существовавшие тогда общественные отношения.

Для отдельного человека он требовал личного самосовершенствования, стремления к Царству Божьему. По отношению к другим, каждый должен помогать своему ближнему, в чем только он может, твердо помня, что во всех людях есть частица добра и правды; что и то и другое может быть заглушено; что совесть человека может быть погружена в дремотное состояние и даже во мрак, но что надо только разбудить людей, надо, чтобы они проснулись, для чего нередко достаточно самого незначительного толчка, чтобы в них самих возгорелся огонь правды, радости, добра, справедливости и подвига. Кротость, милосердие и любовь—вот главные двигатели человеческой жизни. И так как эти чувства исключают всякую вражду, угнетение и порабощение, то Бём совершенно отрицает войну, осуждает всякие походы и завоевания.

Как не нужно войны телесной, так не нужно войны духовной, а потому всякие религиозные споры и пререкания Бём считал ненужными, лишними. Напоминая, что только „дух животворит“, он предлагал людям как можно меньше обращать внимания на букву писания, спорить из-за нее и расходиться.

Отрицая всякое превосходство в религии, в происхожде-

нии людей и проч., само собой разумеется, Бём отрицательно относился к разделению на сословия. „Все сословия, — писал он, — исходят из одного источника: откуда же могло явиться в царстве Христа благородное и крестьянское сословие? Где начало тому? В гордости и своеволии. Не говори в душе: „я по праву пользуюсь этою властию, я ее купил или наследовал: что делают мои рабы, то они обязаны делать“. Рассмотри и исследуй, откуда взялось твое право: учреждено ли оно Богом, или основывается на обмане, гордости и скупости“.

Последователи Бёма, рассеянные по всей Европе до Архангельска, Новгорода и Москвы включительно, жадно слушали эти обличительные речи, эти призывные слова. Всплывали еще ярче все обиды действительной жизни, еще громче вопияла нужда и горе, еще мрачней и ужасней выступало все несчастное положение подневольных людей, не видевших выхода из своего положения, но чувствовавших и понимавших всю жестокую его несправедливость и ненормальность.

И совершенно согласно с духом того времени Бём рисовал своим последователям и ученикам будущую, новую жизнь, гармонично объединенную во всей природе. Минет время угнетения человека человеком; пройдет и навсегда исчезнет это царство обмана и лжи, это царство серебра и золота, меча и крови. Все будут равны в объединенном царстве мира, и, наконец, настанет время, „когда бедняк утолит свою жажду из источника с горы Сиона“. В мире наступит мир и в человеках благоволение.

Вот именно эти-то теософские, политические и социальные воззрения Бёма легли главной основой в миросозерцании Квирина Кульмана.

С страстной пылкостью понес он это новое откровение в мир, везде и всюду пропагандируя его. Ища единомышленников и союзников, Квирин Кульман постепенно знакомится с другими проповедниками переустройства мира на новых, справедливых началах.

Когда „в университетах, — пишет он, — раздавался волчий вой служителей папы, дух Христа действовал во многих людях, чтобы открывать векам мерзость папства, — в Петре Вальте, Иоанне Виклефе, Иерониме Пражском, Иоанне Гуссе и, наконец, Мартине Лютере“.

В это же время Квирин Кульман знакомится с сочинениями чешских пророков: Коттера, Драбика и Понятовской. Проповеди этих народных трибунов более чем что-либо отвечали потребностям души Кульмана. Он еще более утверждается в своей правоте и с еще бо́льшим жаром берется за пропаганду, начиная сознавать в себе „дары Святого Духа“, начиная верить в свое призвание возвестить правду миру, как возвещали ее ранее другие пророки, и вывести народы из „вавилонского пленения“.

В Амстердаме он скоро приобретает себе страстного последователя, некоего Христофора Бартута, который своими писаниями, полными огненной силы, быстро обращает внимание и народа, и возненавидевшего его духовенства господствующих церквей.

Деятельность Кульмана была замечена властями. Его начинают преследовать. Он должен был скрываться, перекочевывая из страны в страну, и, наконец, гонимый, двинулся нелегально, с чужим паспортом, через шведскую границу, в Россию. Он шел на решительную проповедь; его не смущала, скорее даже ободряла жестокая судьба некоторых из его друзей, среди которых так высоко подымался его любимый писатель, страстный агитатор и неутомимый пропагандист, чешский пророк Драбик.

После неудачной попытки подготовить восстание против царствовавшего австрийского дома, Драбик, наконец, был пойман властями в 1671 году. Его судили. Приговоренный к смертной казни, он на эшафоте города Пресбурга был подвергнут сначала публичной пытке. Будучи семидесяти четырех лет, он спокойно и смело шел на смерть, запечатлевая свою агитацию венцом мученика.

На эшафоте ему сначала отрубили правую руку. Потом, несколько помедлив, клещами вырвали язык. Язык тут же пригвоздили к позорному столбу. И только после этих предварительных мучений палач отрубил ему голову. Но для католического „смиренного“ духовенства, „скромных“ иезуитов и местной светской власти всего этого было мало. Было приказано вывезти за город голову Драбика, его туловище и отрубленную руку, где все эти останки бросили в костер и сожгли вместе с его „откровениями“, которые были напечатаны в книге „Свет из тьмы“.

Воспоминания о жестокой смерти Драбика как бы еще более воспламеняют Квирина Кульмана, и он, как верный и неизменный друг одного из своих учителей, не забывает помянуть замученного старика добрым и искренним словом на допросах в московском приказе, когда и сам идеалист-мечтатель Кульман был подвергнут жестокой „истинно-русской“ пытке Шакловитого.

III.

Поездка Квирина Кульмана в Россию, в Москву, кроме желания скрыться от преследований, была вызвана еще соображениями особого рода.

В то время Россия эта страна Дальнего Востока средних веков была покрыта романтической дымкой в глазах Западной Европы. Взоры многих обращались на нее. Оттуда доносились сведения о различных вольных городах, движениях крестьян; там было царство приключений, войн и полной таинственной неизвестности.

Вот и Кульман был убежден, „от Духа Святого“, — как говорил он, — что „свет возгорится с востока“, что именно там, на востоке, будет образовано новое царство с новым народом, который будет назван „езуелиты“. И этот „новый народ восстанет тем именем“, привлечет к себе всех жаждущих иной, хорошей жизни, жаждущих свободы и поведет все человечество ко спасению. Тысячелетнее царство должно вскоре начаться, о чем так определенно возвещал в своих посланиях ученик Кульмана Бартут.

„Имянованные богословы, — пишет он, — или геродианские убойственные школьные лисицы добре ведают, что время близко великого мира и евангельское пременение, но слепыми очесы своими не видят и твердым сердцем восприять не могут, что сие время то есть, еже в Апокалипсисе написано есть...“ [2]).

Из Новгорода Кульман пишет послание царям Петру, Иоанну и Софии, предвещая им великую славу, если они станут во главе нового освобождения человечества.

[2]) Цитируем—как здесь, так и далее—по материалам Дм. Цветаева „Памятники к истории протестантства в России“.

С собой он имел недавно им написанное иносказательное сочинение, в подлиннике озаглавленное так: „Drei und Zwantzigstes Kühl-Jubel, Aus dem ersten Buch des Kühl-Salomons an Ihre Czarische Majestäten“, которое также было обращено к московским царям.

Своим последователям в Москве Кульман вез также письма и воззвания Бартута, где гораздо более определенно высказывались обличительные взгляды новых проповедников.

Прибыв в Москву, Кульман остановился в Немецкой слободе у лекаря Ренира Петлинга, вместе с которым он и начал распространять свое учение и привезенную им в большом количестве нелегальную литературу того времени. Самое горячее участие в его пропаганде в скором времени стал принимать купец Кондрат Нордерман. Пропаганда шла очень успешно и сначала она более всего направлялась против местного лютеранского духовенства.

Пастор Мейнке, с которым Кульман познакомился по своем приезде в Москву и с которым он с первого же раза расстался очень холодно, видя опасность для своего влияния среди московских лютеран, вступает в борьбу с Кульманом и его последователями.

Вскоре пастор Мейнке получил от Кульмана послание Бартута, в котором последний резко осуждает деятельность духовенства и между прочим пишет:

„Господи, господствующий на небе и на земли, иже мир сотворил еси от своего властного существа и дал еси Сыну своему, Сын твой дал в той святыне, правде и любви, смирении по образу ево живущим, подай чрез свою пространную зело и необъятную милость и милосердие сим проклятым Аристотельским каменным лисицам ясные очеса, смиренные и слышательные уши, умягчи и освяти их твердые и железные, а, конечно, рещи возмогу, и закамененные, алмазные, твердые, неумягчительные сердца. Ты возможешь молотом твоей милости их умягчить, бив, бив их“.

Нападая на духовенство, Бартут не забывал и светских властей: „Господь Бог попущением своего Святого Духа мне объявил, — пишет он, — что тяжело будет к покаянию привести вельможие и те(х), которые на свете нарицаются великие господа (меж которыми почитаются вышнего и нижнего духовного чина) и их товарищей, которые чают, иже

от Бога честь имеют миру служити; но большая часть не от Бога присланы и не от мира призваны, но, аки воры и разбойники, под порогом в овчарню подкрались".

Разоблачая всех утеснителей жизни, нападая на их „неправедные дела", Бартут с нежной любовью и сердечностью пишет о бедных, несчастных и угнетенных, которым он готов был бы сделать все, что только возможно.

„О, когда б имел болши, нежели человеческий язык, — восклицает Бартут, — дабы миру, и в том остающимся великую светлость объявить возмог к радости и утешению бедным и знатно учинить им паче вышнего пророка, в нем же срединоточия всех пророков обретаетца! Но неблагодатный злобный благоотступный мир зело злобен Богу, противный и твердый есть, что зрящими очесы видети не хочет".

Конечно, все это послание крайне не понравилось пастору Мейнке. В письме своем к живописцу Отто Генину (от 23 мая 1689 г.) он так аттестует послание Христофора Бартута: „Книга Христофора Бартута, — пишет он, — и бездельное его писание не токмо не годны ко чтению, но и отвещати на них недостойно... Годен быть тот Христофор Бартут, дабы пресветлый курфирст саксонский учинил такой указ, как цесарское величество учинил над Христофором Отерем и Николаем Дабрицием в городе Пресбурке, и указал им головы и руки отсечь, и тело их с книгою, нарицаемою „Светлость с темнотою", под виселицею сжечь, для того, что в той книге много еретичества написано".

Из этого собственноручного письма пастора Мейнке мы видим, что ретивый „слуга Христов", забыв все заповеди своего учителя, только и мечтает о лютой смерти для Квирина Кульмана. Виселица — вот истинное спасение от „проклятого еретика", пошедшего против власти духовенства.

Искренний друг Квирина Кульмана, Кондрат Нордерман не стерпел обиды, нанесенной его учителю, и мужественно ответил взбешенному пастору.

„Ныне же проклятой, негодный зверь, безумник, негодник и неверный, безлюбивый богоотступник, страшный вавилонский зверь! — так начинает свое послание к пастору Мейнке К. Нордерман. — Над собою видеши страх Божий, понеже суд Божий над тобою объявится, словом Христовым: „Не проклинайте, дабы вам вечно проклятым не быть." Ты

для своей токмо корысти многим таким блудникам и грешникам грехи отпущал, которым по суду Божию проклятым быти; а против того проклинаешь многих святых, у Бога опочивающих, верных слуг Божиих, которые Святым Духом писали, наипаче славного Якова Бема, которого курфирст саксонский сам своими учеными богословы накрепко расспрашивал, и по расспросу все его ученые люди сказали, что ничего проклятого в нем не нашли, и курфирст паки его отпустил. Второй есть Николай Драбиц, яко истинно новорожденной в Дусе Святом, или нововоскресший Николай Чудотворец. Третий — Христофор Бартут, которым аз не годен ноги поцеловати. Четвертый — от Бога послан господин Квирин Кульман".

Мейнке прежде всего начинает громить Кульмана с церковной кафедры, призывая на его голову все громы небесные. В скором времени он переходит от призывов к власти небесной к власти земной и делает донос московскому патриарху и доводит до сведения царей о „зловредной деятельности" Кульмана. Политическое дело создано и следствие начато. У Кульмана и его последователей произвели обыск, забрали все бумаги, воззвания и переписку. Самого Кульмана и его друга К. Нордермана арестовали.

IV.

26 мая 1689 года в „Посольском приказе" был произведен первый допрос Кульману, на котором он рассказал свою биографию и изложил свое учение.

29 мая того же года был произведен первый допрос купцу Кондрату Нордерману.

Этими допросами тогдашние следственные власти ограничиться не сочли возможным. Изготовив переводы всего от них отобранного на обысках, они испросили особый царский указ для того, чтобы подвергнуть Кульмана и Нордермана пыткам.

„И маия в 28 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, все и Великие, и Малые, и Белые России самодержцы, — гласил указ, — слушав вышеписанных иноземских

роспросных речей и переводов с писем их, указали и бояря приговорили росспросить их о вере, и о лжепророчестве, и о ереси их подлинно, накрепко, и для чего тот иноземец с таким прелестным учением и расколом к Москве приехал, и по призыву ли чьему или собою, и чего ради он о Московском государстве и впредь будущих делех такие печатные листы писал, и много ль их напечатано, и куда он их россылал, и кто с ним единомышленников в той ереси и расколе есть, и от кого он и где той ереси научился; и по росспросу про то про все разыскать боярину князю Алексею Васильевичу Голицыну да окольничему Федору Леонтьевичу Шакловитому с товарыщи; а буде они в чем учнут запираться и правды сказывать не станут, и их в том росспросить в застенке и пытать".

Само собой понятно, что этот указ издавался ради последних заключительных строк. Федор Леонтьевич Шакловитый только и ждал его, чтобы начать свою обыденную работу и допросить арестованных „с пристрастием".

Еще дважды допрашивали „накрепко" Шакловитый и Голицын обоих заключенных, но без пыток, наконец, наступило время истязаний. 31 мая 1689 г. — по счету четвертый — допрос Кульману и Нордерману был произведен под пыткой. Снова подтвердив все им сказанное на первых допросах, Кульман под пыткой, когда его рвали раскаленными клещами и нещадно били, вспомнил о своих учителях и единомышленниках и не только не отказался от них, уже умерших и казненных, но воздал им должную хвалу и почитание. Несмотря на все терзания, Кульман наотрез также отказался назвать своих единомышленников и последователей.

Очевидно сознавая, что он жестоко ошибся в своих расчетах на Москву и ее властей в деле построения нового свободного царства езуелитов, Кульман на втором допросе, под конец, между прочим, заявил, что было бы самое лучшее, „чтоб де великие государи указали книги его и письма все ему отдать, а он с ними поедет в свою землю, и то дело тем и погаснет".

Но „гасить дело" не было в расчетах ни пастора Мейнке, ни иезуитов, в то время понемногу свивавших себе гнездо в Москве, ни Шакловитого „с товарыщи". Вольнодумец

должен был погибнуть во славу и торжество законности, тишины и общественного порядка.

Официальные переводчики „Посольского приказа“ Иван Тяжкогорский и Юрий Гибнер дали самый отрицательный отзыв обо всех книгах и письмах, отобранных у Кульмана и Нордермана. „Книжка еретическая и противна христианской вере, и дела в ней написаны проклятые, и к великому похулению христианской вере и святому Евангелию, и учению Христову. И за такою де в ней написаною ересию и проклятыми делами не токмо им переводить ее, но и честь невозможно: понеже все в ней писано учению Христову и закону не токмо греческому, но и римскому и иным противно; да и печатана де она воровски, подставными именами, потому что таких хулных и богомерских книг ни в которых бы государствах явно в печатных дворах печатать не стали“.

Кульман в своих писаниях, в своей пропаганде и агитации особенно сильно нападал на папу, папство и все католическое духовенство. То же, даже еще более страстно и резко, делали его последователи. Вот почему московские иезуиты сейчас же приняли горячее участие в деле Кульмана, стараясь всеми мерами оказать влияние на властей, дабы довести дело до любезного их сердцу конца, т.-е. предать, с смирением и покорностью, без пролития крови, изловленных Кульмана и Нордермана смертной казни.

Если присяжные переводчики, застеночных дел мастера Голицын и Шакловитый и другие участники следствия видели в писаниях Кульмана, его учителей и учеников более всего „бунт против веры“, то московские иезуиты Товий Тихановский и Давид в своем отзыве, обвиняя в преступлении против веры, кроме того прямо становятся на политическую почву, зная, что своим указанием они бьют в цель без промаха. В этом отзыве, из всех других наиболее тонком, хитром и умном,—иезуиты писали, что „естли бы те пророчества и песни честь кому, и тот не токмо в соблазн впадает, но христианские веры лишается; и та книга поистине есть злоковельная и бунтовная малодушных людей противу веры истинной христианской. И есть нечто подобное пророчестию будущему о антихристе“.

„В той их книге, — продолжают доносить они далее, — писаны видения и пророчества их против государства Цесар-

ского и против цесаря Леопольда: естли не перестанет гнать их пророков и последователей их в Венгерской и других землях, то примет от Господа своего наказание и лишение своего царства.

И такая книга у цесаря сожжена многажды вьявь на площади, для того, что бунтовная на государя своего под покровом веры".

Так тонко совлекали иезуиты следствие над своими врагами с пути „преступления против веры" на широкую дорогу „преступления государственного". В то смутное время, когда на престоле были три лица, господствующая группа московской знати и дворян чутко прислушивалась к каждому шороху, в котором можно было хоть что-либо уловить „бунтовное на государя".

Откровенные и сильные показания Кондрата Нордермана еще более должны были укрепить мысль у московских судей, что изловлены люди очень опасные.

О Квирине Кульмане Нордерман высказался и под пыткой с большим почтением. Он объявил его „за пророка, за проповедника и за великого человека". Об его и своем учении он заявил на допросе так:

„...Тайное де у него великое дело такое открыл ему Бог во сне и наявь, что нынешнего времени приближается кончина миру, и цесарь римской, также и папа—последние, и по них впредь папы и цесаря не будет; и та вся римская вера исчезнет, а будет во всей вселенной една вера христианская, такая, какова была сначала у апостолов: что все будут имения и сходы, и соборы общие и явится всякая правда, и грехов люди и беззаконий творить не будут. А у тех де у всех людей будет един пастырь Христос; а царей, и королей, и великих государей князей, и иных вельмож не будет, а будут все равные и все вещи будут общественные, и никто ничего своим называть не будет".

Все наперерыв старались нанести еще и еще удар измученным допросами и пыткой воодушевленным коммунистам. Помимо пастора Мейнке, сыгравшего роковую роль в этом процессе, и другой пастор, товарищ Мейнке, — некто Бартольд Вагециюс, своими отзывами о сочинениях, отобранных у Кульмана, энергично подталкивал его на костер.

И наконец, к общему торжеству и радости всех этих блю-

стителей ортодоксальной веры, восторжествовало то, в чем они видели спасение свое и своих „пасомых“. Католические, лютеранские и православные попы, объединившиеся с иезуитами, в один голос требовали смертной казни этим смелым провозвестникам новой, свободной веры, отрицавшей весь старый уклад жизни и звавшей на борьбу с утеснителями и эксплоататорами бедняков города и деревни.

Запылал костер, и два преданных друга угнетенных, два доверчивых мечтателя, убежденные коммунисты, погибли в огне, оставив несомненный след среди соприкасавшихся с ними, которые, в свою очередь, перебросили семена их учения в ряды русского сектантства.

Центральная правительственная власть — после казни коммунистов — поспешила разослать грамоты в Новгород, в Псков, в Смоленск и в Киев, строго-на-строго приказывая везде и всюду следить за приезжими иностранцами, „а к Москве тех иноземцев пропускать, без нашего великих государей указу, отнюдь не велели“. Так боялась Москва XVII века иноземного влияния, думая, как бы не случилось „потрясение основ“.

По делу Квирина Кульмана и Кондрата Нордермана был привлечен к следствию живописец города Москвы Отто Генин, которому было учинено несколько допросов, а сам он был заключен в тюрьму. Узнав об участи своих друзей, Отто Генин не стал дожидаться пыток и сожжения на костре; он предпочел отравиться в тюрьме.

Сектантство в освободительную эпоху [3]).

В конце пятидесятых годов XIX столетия, среди крестьян севера и юга России все шире и шире распространялось неопределенное, невыяснившееся, почти глухое волнение. Все ожидали чего-то, силы бродили, чувствовалось какое-то напряжение, которое должно было, наконец, вылиться во что-нибудь более определенное. Северо-восток Европейской России, это исконное убежище воинствующего раскола, ознаменовал себя именно в эти годы сильным брожением среди старообрядцев различных толков. Это брожение реализовалось наконец в целом ряде крестьянских бунтов, но ему не удалось создать какую-либо новую, организованную силу, которая стала бы упорно, так или иначе, бороться за свои интересы с господствовавшим экономическим и политическим угнетением своих собратьев.

На юге России,— родине штундизма, баптизма и других сект новейшего происхождения,—по свидетельству современников, брожение среди крестьян достигало наивысшего предела.

Народ страстно жаждал „воли" и понимал ее по-своему, по-народному, в широком смысле,—волю от помещиков, чиновников, волю от солдатчины, волю с землей и без особенных повинностей. Определенные политические требования не выставлялись народной массой, однако само собой подразумевалось, что всякий будет жить согласно своей совести: и сектанты и старообрядцы ожидали прекращения тех преследований, которые, как из рога изобилия, сыпались на их головы в царствование Николая I.

---

[3]) Эта статья впервые была напечатана в сборнике: „Великая реформа". Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Том V, стр. 252—268. Москва Издание т-ва И. Д. Сытина, 1911 г.

Манифест 19 февраля 1861 года совершенно не удовлетворил крестьян.

Для нас очень интересно и важно то указание, что именно в одном из самых крупных будущих центров южно-русского сектантства крестьяне не только отнеслись отрицательно к манифесту, но прямо-таки, после его объявления, подняли бунт против помещиков и властей. Мы говорим здесь про крестьян местечка Любомирки Херсонской губернии.

Г. Автономов в своей брошюре „Краткие сведения о прошедшем и настоящем штундизма в любомирском приходе Елизаветградского уезда“ сообщает: „Прочитав манифест об освобождении от крепостной зависимости, любомирские крестьяне, не поверив условиям этого освобождения, возмутились против власти помещиков, подняли бунт, для усмирения которого потребовалась военная сила. Через год протест повторился, и опять нужно было усмирять мятежный народ. Народ, повидимому, утих и подчинился требованиям власти, но не утихла вражда, не затихло брожение умов, возбужденных ложными слухами о воле-волюшке“ [4]).

Молва о подобных возмущениях переливалась по России из края в край и заставляла то там, то тут подниматься некоторые группы крестьян и бороться за „волю“. Силой экзекуций представители исполнительной власти эпохи „великих реформ“ приводили в порядок и в „полное спокойствие“ освобожденное от крепостных цепей отечество.

Но, конечно, это „спокойствие“ было только наружное.

Перелом в народном хозяйстве после освобождения крестьян оказал, несомненно, весьма большое влияние на формировку новых сект в русской пореформенной деревне. Смена натурального хозяйства денежным; вовлечение деревни во все более расширявшийся круговорот деревенско-городского обмена, принудившего крестьянское население к усиленной циркуляции; развитие отхожих промыслов, достигшее достаточно напряженного состояния в первое десятилетие по освобождении крестьян,—все эти более или менее новые деревенские явления пореформенной жизни расшеве-

---

[4]) Цитируем по книжке свящ. Арсения Рождественского „Южно-русский штундизм“ (стр. 37).

лили крестьянскую мысль, расширили ее кругозор и заставили призадуматься над многим.

Население резко стало расслояться и группироваться согласно своего экономического положения. Разница между богатым, средним и маломочным крестьянином сразу стала гораздо более заметна после первых, вскоре утихших, восторгов от эмансипации вчерашних рабов.

Таким образом, реформа не успокоила, а еще более обострила экономические конфликты среди крестьянской массы. Надежды маломочных, и без того ранее угнетенных своим тяжелым материальным положением, рухнули окончательно и обаятельный призрак „воли" вновь исчез во мгле туманной, тяжкой жизни, полной лишений, мелочной борьбы, постоянных страданий из-за нехватки всего самого необходимого. Приходилось, хочешь—не хочешь, осмысливать свое новое, доселе неведанное положение.

Вместе со сменой всех крепостных отношений, с ростом и изменением правового сознания крестьян, вызванного реформой, рушилось и то народное религиозное миросозерцание, которое уже более не соответствовало общественному положению этих „освобожденных" исконных представителей „труда и терпения". Старая, вековая идеология раба стала постепенно разрушаться, и начинает, сначала неясно, постепенно, робко, выкристаллизовываться понятие нового гражданина, правда, приниженного и низведенного „державной опекой" на степень „обывателя", члена „податного сословия", подданного.

Церковная проповедь о смирении, подчинении и вечной, тяжкой покорности своему подневольному существованию более не могла уже удовлетворять тех, кто в избавлении от барского ярма почувствовал хоть небольшую, но все-таки долю индивидуальной и общественной свободы.

Родились новые запросы, властно потребовавшие новых ответов.

В недрах народа в то время почти совершенно отсутствовали такие организации, которые могли бы дать тон, придать известную окраску, пробить определенное русло для выхода настроения народных масс.

И именно в это-то время среди южно-русских немцев колонистов как раз тоже происходило значительное движение.

Среди них появились приверженцы различных, более или менее крайних, сектантских учений Запада на протестантской почве. Они, ведя пропаганду среди своих соплеменников, живших на юге России, обратили также внимание и на волнующееся крестьянство нашего юга. Их пропаганда и там имела успех, так как христианская мораль о равенстве всех, о порицании богатых и возвеличении бедных, о полной свободе человека после многовекового угнетения личности как раз соответствовала психологии волнующихся южно-русских масс, и многие из более развитых крестьян стали чутко прислушиваться к этой новой, доселе неслыханной, проповеди.

Русский народ, имея о догматах православной религии крайне смутное понятие, исполняя по привычке известные обряды, нередко придавая огромное значение „хождению посолонь" или обратно, возложению креста тремя или двумя перстами, конечно, вместе с Евангелием, только что тогда появившимся на русском языке, и которое ранее, вплоть до половины XIX столетия, ему, в сущности, было очень мало известно,—приобрел огромную, новую философскую систему, целый мир новых взаимоотношений, совершенно отличных от повседневной, тусклой, измученной жизни.

Жизнь первых христиан времен апостолов манила к себе многих, как тот образец человеческих взаимоотношений, который казался высшим идеалом и концом счастья „свободных хлебопашцев".

Все это вместе взятое направило мысль волнующихся южно-русских крестьян именно по тому руслу, которое им было указано немецкими пропагандистами нового учения. Русло это влекло всех, попавших в его течение, в религиозно-евангелическую сторону, отрывая новообращенных от господствовавшего православия. В этом новом учении многие из крестьян видели все свое прибежище и силу и с восторженной чуткостью и радостью неофитов кинулись на этот засветившийся на их горизонте огонек и отвлеклись на п е р в о е в р е м я от забот мирских, во имя принципа самосовершенствования, во имя забот о душе.

Таким образом, выход бродившим силам был найден. Евангелический протестантизм на время успокоил взволнованные души крестьян, подпавших под его влияние, и примирил многих с печальной действительностью гнета обществен-

ной и политической жизни. Очень вероятно, что если бы русское правительство оставило эту новую секту в покое и не пришло следом со своими гонениями, то эта, сначала чисто-религиозная, проповедь во имя будущей счастливой загробной жизни через искупившего своею пролитой кровью род человеческий Христа, как реакция предшествовавшего общественного возбуждения, могла бы на долгое время усыпить многих деревенских жителей нашего юга и во всяком случае не дала бы их мысли того удивительного фермента, в который так умело превратили наши администраторы проповедь первых русских и немецких баптистских начетчиков, призывавших к единению, взаимопомощи, к филантропии, к братской любви и всепрощению, но отнюдь не к борьбе за лучшее политическое и экономическое будущее.

Светские и духовные власти ревностно напомнили новым сектантам о своем существовании и тем самым вновь всколыхнули успокоившихся было крестьян этих районов России.

Правительственные преследования русских баптистов и штундистов, несомненно, принесли огромную пользу делу политического воспитания приверженцев этих сект: они волей-неволей должны были вплотную подойти к вопросу об отношении их как гонимых людей ко всему существующему политическому строю в России. Эти преследования быстро расшифровали в глазах больших масс народа благожелательство многих заверений эпохи „великих реформ“ и, обнаружив их истинную природу, определили цену полученных сверху политических свобод.

Вместе с гонениями стала быстро расти и численность секты.

В семидесятых же годах мы видим уже целые уезды почти всех южно-русских губерний, охваченные пропагандой баптизма.

Что же вообще давало это новое евангелическое учение всколыхнутому уму простолюдина?

Для крестьянина, вечно загнанного нуждой, всегда помыкаемого служителями алтаря и местной полиции,—в особенности в эту бурную, „освободительную“ эпоху,—протестантизм, в лице баптизма, являлся совершенно новым миром, объединявшим всех верующих действительно воедино, дававшим возможность всем до одного принимать активное уча-

стие в божественной службе, молитвословии и в других обрядах. Баптизм или, как его чаще называли тогда, „штундизм" водружал среди вновь обращенных взаимопомощь, поддержку, солидарность и не только не разграблял последние крохи, как это бывает с прихожанами ортодоксальных церквей, а, наоборот, укреплял благосостояние каждого из членов новой христианской общины-церкви.

Провозглашая, что „несть бо власть, аще не от Бога", учителя баптизма сначала не касались политических форм жизни; они считали необходимым подчиняться тому, что есть. Это новое учение ставило прямой и ближайшей своей задачей евангелизацию России. Объединение всех „истинно-верующих", создание своей церкви, с той иерархией, которая указана в Деяниях апостолов,—вот непосредственная практическая задача, следовавшая за страстной пропагандой. Только у некоторых особенно выдающихся членов этого нового общества возникла мысль, роились планы о широкой народной реформации по образцу западно-европейских движений этого типа.

Таким образом, баптистами было заложено начало крепкой, своеобразной, самостоятельной, тайной организации среди населения сел, деревень, хуторов, местечек и пригородов. Эта организация жила своей жизнью и под влиянием общественных сил приняла совершенно иной вид, чем это предполагали первые провозвестники баптистского учения в России.

Новое учение проповедывало новую жизнь, более нравственную и высокую. Оно широко раскрывало священное писание, читая и толкуя его на братских собраниях. Эти чтения Библии и Евангелия все более и более укрепляли среди нововеров ту мысль, что православие—с его поклонением иконам, мощам, со всеми обрядами и службами—есть грубое язычество, против которого ратовали еще древние библейские пророки.

Несомненная и самая ранняя заслуга за распространителями баптизма остается та, что они впервые доставили в деревни в больших массах Евангелие, из которого внимательные деревенские читатели вычитывали, что на свете можно жить не только так, как живут они, крестьяне, по „завету своих предков", но и совершенно по-другому,—более возвышенной, лучшей жизнью.

Страстно бросились на проповедь эти первые провозвестники нового учения. Всю душу вкладывали они в свое дело. Везде и всюду появились они и вели безустанную пропаганду своего учения, несмотря ни на какие преследования, ни на какие препятствия.

„Изумительно, до какой степени они изучили тексты священного писания, — сообщают „Херсонские Епархиальные Ведомости".—Штундисты всегда готовы на диспут, и не только мирянам, но и священникам спорить с ними затруднительно; они засыпают вас текстами и умеют их сопоставить так, что, повидимому, они правы [5])". Проповедь штундистов производит в народе смущение. Она открыто и с немалым успехом ведется „в трактирах, в вагонах железных дорог, иногда на постоялых дворах, на полевых работах, на свадьбах, крестинах, похоронах, на вечеринках и во время бесед крестьян в летние вечера на призьбах хат..." [6]). Одним словом, штундистская пропаганда ведется при всяком удобном случае, всегда и везде. „Что же против такой пропаганды может сделать незначительное число нашего духовенства?" [7])—недоуменно восклицает А. Горжалчинский.

И несмотря на эту страстную проповедь о братстве всех людей, всепрощении и любви, мечтания об объединении всех „верующих" в одно общество, куда, по первоначальной мысли, должны были входить все уже захваченные пропагандой элементы города и деревни, не осуществились. Мы видим, что прошло с небольшим четыре года по зарождении у нас, **среди русского народа**, этой новой секты, как в ее рядах уже произошел раскол.

Причины этого раскола чрезвычайно важны.

Пропагандисты баптизма направлялись в крестьянскую среду, твердо убедив себя, что „все люди—братья", почему и не обращали внимания ни на состояние, ни на сословие, ни на экономическое положение пропагандируемых. Они привлекали в свою среду положительно всех, кого только могли привлечь. Тут были и батраки, и их хозяева, и мелкие лавочники, и ремесленники, и хуторяне, и мелкие поме-

---

5) „Херсонские Епархиальные Ведомости", № 14, 1876 г., статья А. Горжалчинского „Штунда и штундизм", стр. 183.

6) Там же, стр. 185.

7) Там же, стр. 185.

щики, и богатые крестьяне, и крестьяне маломочные. Присоединялись иногда более или менее крупные купцы, люди свободных профессий и проч.

Это смешение различных элементов повлекло за собой значительную путаницу во взаимных отношениях. Богатые новообращенные хотя и стали заниматься филантропией в большей мере, чем прежде, но все-таки не переставали богатеть, а подчас и эксплоатировать своих же „братьев" по вере и общине. Неравенство экономического состояния и общественного положения давало о себе знать и здесь. Все эти обстоятельства неминуемо должны были повлечь за собой, когда прошло первое увлечение, сначала—глухое недовольство внутри общин, потом—более или менее открытый ропот, постепенно перешедший в прямое возмущение заведенными порядками.

Так зародился раскол и совершилось разъединение богатых и вообще обеспеченных „братьев" от бедных, батраков, рабочих и крестьян, работающих только своими семейными силами и кое-как прокармливающих себя.

В то время как более состоятельные баптисты или совершенно не затрогивали имущественного вопроса или своими беседами подтверждали святыню собственности и частного предприятия, бедные члены общины, перебивавшиеся изо дня в день, мечтали, под впечатлением Евангелия, об общинной жизни по образцу древне-христианской общины. Правоверные состоятельные баптисты или совершенно не обращали внимания на те места Евангелия, где призывалось к вполне братскому единению, или объясняли их, как простую благотворительность. Бедная же часть членов баптистских общин, наоборот, всецело сосредоточивала внимание на общественно-коммунистической стороне евангельского учения и начинала открыто говорить о том блаженном времени, „когда не будет твоего и моего, а все будет общее: и имения всякие, и земля, и постройки, и даже все то, что Бог возрастит из посеянного плода".

Старые мысли о „вольной волюшке", подавленные было новой проповедью, но не переставшие бродить в народе, с течением времени вновь возродились и здесь, среди части членов баптистских организаций.

Более состоятельным баптистам эти мечты были совершенно ненужны. На путь общественности их вывела по-

требность жить по-своему, согласно своим убеждениям,—чему так постоянно мешали разнообразные представители власти русского правительства. Добившись этого хотя отчасти, они успокоились, пока не разбудили их вновь прокуроры окружных судов.

Это разделение, происшедшее, как мы видим, прежде всего на почве общественных отношений, не замедлило отразиться и на религиозных основах расколовшихся и особенно на тех практических выводах, которые каждая из сторон делала из христианской морали, приспособляя ее к своему социальному положению.

Те, кто остались верны евангелическому баптизму, еще более сорганизовались, еще более правильно отлили формы своих обрядов, таинств, иерархии, взаимоотношений, прочно установляя все это в своем особом „Исповедании веры", которое, в конце концов, и было издано ими за границей на русском языке.

В это время главное свое внимание баптисты сосредоточивают на борьбе с православием и на пропаганде своего учения среди широких слоев населения.

Те же, кто отделился от баптизма, подвергли беспощадной критике все „старо-штундистское" установление, расширили русло общественного течения внутри своей организации и, оторвав свои взоры от царства небесного, творящегося где-то там, в заоблачных мирах, по ту сторону человеческого сознания, перенесли свои мечты и планы о лучшей жизни на эту греховную землю и стали стремиться помочь понять всем и каждому, что так жить, как живет наш русский народ, более нельзя. Устройство „царства Божия здесь на земле, среди человеков"—вот главный лозунг молодых исповедников.

В то время, когда баптистские проповедники ломали голову над выработкой устава о преломлении хлеба, о крещении и проч.,—„новоштундисты",—так стали называть отколовшихся,—устами своего вдохновителя и смелого пропагандиста, крестьянина Балабана, открыто заявили, что „обряды это—театры", и перенесли центр тяжести своего внимания из области догматически-религиозной в область общественных и политических отношений.

Горечь отцов, оставшаяся после освобождения крестьян

в их сердцах, всплыла в новом поколении с еще большей силой, и среди ново-штундистов толки о „переналелении“ землей и пр. все увеличивались и увеличивались...

В хранящейся у нас рукописи одного из официальных исследователей новоштундизма о развитии социальной мысли в этой секте приводятся следующие интересные данныя. „Сектанты,—пишет исследователь про новоштундистов,—отрицательно относятся к властям. Власти православные, носящие на себе награды в виде крестов, прокляты; они—когтятые, куцехвостые ангелы (намек на вицмундиры,—прибавляет от себя исследователь). Они—живые идолы, а почитающие их—идолопоклонники. Власть их—насилие, ибо власть имеют те, которые побогаче и сильнее других. Никакого начальства, никаких наказаний, никаких острогов не нужно; на земле не должно быть никакой власти, кроме Божьей“...

„...С наступлением ожидаемого сектантами нового государственного и общественного строя,—пишет далее официальный исследователь,—их (сектантское) начальство все земли от православных помещиков поотбирает и нас всех понаделит землею; будет все общее, все магазины с шелками и другими товарами будут открыты для всех: бери бесплатно. Иисус Христос пострадал за весь род человеческий, следовательно, любовь Его ко всем одинакова, поэтому и блага мира сего должны быть разделены поровну между людьми. Христос есть только старший брат наш; Его дети должны быть равны. Люди должны жить отдельными братствами; труд должен быть общий, обмен продуктов—производиться натурой: деньги существовать не должны конторы и торговцы тоже. Все должно производиться по средством обоюдного согласия и по-братски. Попы проповедуют веру языческую; мы ее отвергаем, а наша вера будет вот какова—„свобода, равенство и братство... Вообще следует сказать утвердительно,—прибавляет исследователь,—что в штундизме (правильнее: в новоштундизме) замечается сильное стремление к усвоению западных европейских социальных идей и порядков“ [8]).

[8]) Рукопись, входящая в „Собрание сектантских рукописей В. Д. Бонч-Бруевича“, в настоящее время хранится в сектантском отделе рукописного отделения Библиотеки Академии Наук и значится по описи „Сект. 1117“.

Из Евангелия новоштундисты стали брать только то, что объясняет их желания, а некоторые кружки новоштундистов стали вообще остывать к „слову Божьему“ и серьезно заинтересовались светской литературой. В их собраниях стали читать газеты, журналы, различные книжки. Но и баптизм, подгоняемый деятельностью правительства, не остановился в своем развитии. Он начинает повсюду вербовать своих приверженцев, выбирая их не только из православной среды, но и из других сект, начавших уже разлагаться и терять свое прежнее значение: молокане многих толков, несмотря на в общем враждебные отношения, установившиеся между этими сектами, начинают, однако, мало-по-малу выделять из себя приверженцев новой веры.

Баптисты становятся крепкой всероссийской организацией, издающей нелегально в России свой орган: то литографированный, то гектографированный журнал „Беседа“, который, в конце концов, после преследований, переносится за границу, сначала в Стокгольм, а потом в Лондон. Баптисты устраивают свои тайные съезды, организуют свои школы-приюты, устраивают общественные кассы и, несмотря на все гонения со стороны правительства, все умножаются и умножаются.

В других местах России, сейчас же после освобождения крестьян, было далеко неспокойно. И это движение вскоре отразилось в области религиозно-общественной мысли народа, отметив его появлением новых сект. Помимо широко разлившихся баптизма и штундизма, этого характерного явлениия пореформенной жизни южных крестьян России, мы видим столь же цельное выступление крестьян Уральской области. Мы говорим о появлении там секты „немоляков“. „Замечателен повод к появлению секты „немоляков“ в Вятской губернии, Сарапульского уезда. Это— введение так называемых „уставных грамот“,—пишут „Пермские Епархиальные Ведомости“.—Секта „немоляков“ (так она именуется здесь) в Сарапульском уезде возникла летом 1865 г., среди крестьян удельного ведомства. Первой побудительной причиной к уклонению крестьян в ересь было их озлобление на действия властей по нарезке им земли, согласно положения 23 июня 1863 г. Дело в том, что до введения этого положения удельные крестьяне Сарапульского уезда

владели значительно бо́льшим количеством земли сравнительно с тем наделом, какой был определен положением 23 июня 1863 г. Летом 1865 г. вся излишняя против надела земля была отрезана от крестьян и поступила в собственность удела. Обстоятельство это вызвало волнения в четырех волостях Сарапульского уезда, в Мостовинской, Галановской, Мазунинской и Арзамасцевской. Значительная часть крестьян этих волостей отказалась от принятия поземельного надела и от платежа за оный выкупа. За возмущение против правительственных распоряжений в августе месяце 1865 г. произведена была начальством экзекуция чрез военную команду. Это еще более ожесточило крестьян против власти. Между строптивыми крестьянами началось уклонение „в немолякство“. Особая комиссия, бывшая в ноябре 1867 г., таковых сектантов заключила в сарапульский острог“ [9]).

В январе 1868 г. была назначена особая духовная комиссия, которая выехала на места для борьбы с сектой. Духовенство принялось за усовещание крестьян и 150 человек убедило вернуться в православие. Остальные же остались непреклонными. Духовенство передало их в руки светской власти. „Светская комиссия“ многих арестовала и, заключив в тюрьму, предала сектантов суду вятской палаты уголовных и гражданских дел. Вердиктом суда 40 крестьян разных селений Мостовинской волости были обвинены и подвергнуты разного рода наказаниям. Однако эта строгая репрессия не оказала ожидаемого воздействия, и секта продолжала распространяться и перекинулась из Вятской в Пермскую губернию, где и появилась в Осинском и Оханском уездах.

Столь же разительный пример глубокого неудовлетворения и возмущения несправедливостями земельной экспроприации 1861 года и последовавшей затем налоговой тяжести мы видим в секте „медальщиков“, также возникшей в северной части Вятской губернии. „Главные основания учения секты „медальщиков“, — сообщает исследователь Вятской губернии г. В. Я. Заволжский,—следующие: подати на земли высоки, урожаи не окупают их, пахать землю

---

[9]) „Немоляки“, „Пермские Епархиальные Ведомости“, № 4, 1884 г.

не нужно поэтому, чтобы не платить податей. Сам-де царь знает, что тяжело его крестьянам за бесплодную землю платить подати, и освободил-де их от земли и от податей, в знак чего и вычеканил медали. Землю пахать заставляют-де чиновники, но стоит-де показать медаль, никто не посмеет о податях заикнуться. И действительно, медальщики признают обязательною для себя только одну подушную подать, от платежа же остальных податей отказываются. Землю они забросили, дома попродали и скитаются по заводам. Чтобы обезопасить себя от притеснений в платеже податей, они заботились о приобретении медалей, вычеканенных в память освобождения крестьян от крепостной зависимости“ [10]).

Как медальщики, так в особенности „немоляки“, потерпев неудачу у представителей светской власти, сейчас же бросились за советом и защитой к духовенству, думая, что пастыри духовные вонмят их справедливым взываниям и помогут им восстановить попранные права свои. Конечно, их ждало жестокое разочарование. Местное духовенство не только им не сочувствовало, но, чураясь их, как „бунтовщиков“, не сочло даже нужным ближе войти в их положение. Это вызвало среди населения взрыв негодования, и массы крестьян решили отомстить своим „батюшкам“, откалываясь от православной церкви. Так, начавшись строго экономическими требованиями, этот крестьянский протест в процессе своего развития все расширялся и захватывал все новые и новые стороны жизни и личной и общественной, переходя из области экономики в область политическую, и, наконец, в корне затронул и область религиозную, так тесно связанную, через государственную религию, с государственным устройством пореформенной России. Эти новые сектанты решили больше не молиться (отсюда „немоляки“) по-православному, отказались от священников, от обрядов православной церкви и от самой церкви. Изучая Евангелие, немоляки пришли к заключению вредности частной собственности на землю и стали распространять и отчасти проводить в жизнь принципы первобытного коммунизма.

---

[10]) См. В. Я. Заволжский, „Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии“, Вятка 1871 г., стр. 84.

Такое же, но только в еще более развитых формах движение мы наблюдаем в эти знаменательные годы на Кавказе, где оно вылилось в учение так называемой „секты общих“, начавшей образовываться в десятилетие, предшествующее освобождению крестьян.

Еще в марте 1853 года эриванский военный губернатор „вошел с представлением к наместнику кавказскому об оказывающихся проповедниках новых толков среди молокан, поселенных в управляемой им губернии“.

Немедленно было сделано распоряжение задержать „раскольников“, на которых падало подозрение в распространении новых учений.

Из числа этих людей, доставленных в Тифлис, Шемахинской губернии, Шушинского уезда, „раскольничьей“ слободы Карабулак поселенец Денис Клеменов объявил, что он—упования Михаила Акинфиева, называемое „общее“ [10]).

Эта группа сектантов, последовательно развивая свои взгляды, унаследованные ею от древнего корня русских „духовных христиан“, нередко ранее называвшихся „Людьми Божиими“, „Израилем святым“, в учение которых всегда входили мечты о тысячелетнем царстве, о „царстве Божием здесь, на земле, среди человеков“,—стала осуществлять эту мечту на деле. Они стройно организовались, придав устройству своего общежития нечто вроде своеобразных фаланстер, строго регламентировали все свои взаимоотношения, для чего и был создан особый „устав упования общего“.

Главнейшие его основания, построенные на известных словах Евангелия: „И имяху вся обще, и стяжания и имения продаяху, и раздаяху всем, его же аще кто требоваше“ (гл. 2, ст. 44 и 45, Деяния апостолов), „и никто ничего из имения своего не называл своим, но все было у них общее“ (гл. 4, ст. 32); а также „не было между ними никого бедного, ибо все владельцы поместий или домов, продавая оные, приносили цену проданного и полагали у ног апостольских, и каждому давалось, в чем кто имел нужду“ (ст. 34) [12]).

В этом уставе говорится, между прочим, о „приношениях“:

[11]) См. статью В. С. Толстого „О всероссийских беспоповских расколах в Закавказье“, 91 стр. „Чтения в Общ. Истории и Древн. Российск. при Московском университете“, 1764 г., № 4.

[12]) См. там же, стр. 104.

„Приношения троякие:

„1. Столовая милость,—собирается со стола жертвенников, записывается в имеющуюся нарочито книгу и, по совету чинов, раздается нуждающимся сиротам и вдовам.

„2. Подаянная милость,—которую сам от себя подает просящему во имя Христа.

„3. Тайная милость, — когда видит нужду ближнего, каждый помогает ему тайно от народа.

„Хотя все имения и доходы общие, но вышесказанные приношения приобретаются следующим образом: самая малая часть из заработков партии остается у нее, и из этой части домашний распорядитель кладет по праздникам в столовую жертву соборной церкви и производит милостыню, кроме того, предоставляется женскому полу, в свободное время от общественной работы, заниматься частными рукодельями и плату оставлять у себя; сверх того, из общего имения раздаются женщинам, по уравнении числа душ кровного семейства, полагая на взрослых полный, а на малолетних полпая — лен и шерсть, из которых мать прядет нитки и ткет ткани и, продавая свое изделие, покупает себе и детям наголовные платки, а что затем остается—принадлежит ей с мужем; наконец, деньги и подарки от родственников, не следующих этому учению, остаются у получателей, и из этих-то источников подают милостыню и производят тайную“ [13]).

Весьма интересно посвящение в новые члены в секту „общих“. Прием в общину может состояться только после публичного ответа на вопросы, которые задает „судья“ общины:

„1) Согласен ли в общее мнение?

„2) Согласен ли в уравнение?

„3) Согласен ли быть в братском совете?“ [14])

И, получив на каждый из этих вопросов ответ: „согласен“, судья делает распоряжение о принятии имущества вновь поступающего.

„Церковные чины приступают к описи и оценке его имения, которое, если окажется более, чем у прочих, то равная часть, в изравнении с другими, записывается на него, а за-

---

[13]) См. там же, стр. 106.

[14]) См. там же, стр. 108.

тем остающееся в излишке приписывается на тех, у которых недостает до изравнения“ [15]).

„Дома, скот, земледельческие орудия, телеги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни, — одним словом, все сельское хозяйство и промышленность, находящиеся в распоряжении партий, принадлежат соборной церкви слободы, в которой партия находится, и доходы с этого всего имущества составляют общую сумму соборных церквей“ [16]).

Так устраивали свою жизнь на новых коммунистических началах закавказские молокане. Предвидя возможность желания уйти из общины, они установили на тот случай такой параграф устава:

„Буде кто из последователей общего упования пожелает оставить это учение, на его волю предоставляется получить или свою изравненную часть, или все имущество, которое он имел при вступлении в общее“ [17]).

В это же время у выселенных в Закавказье духоборцев теперешней Тифлисской, а прежде Кутаисской губернии, в Ахалкалакском уезде, было в самом разгаре устройство нового Сиона, нового царства — „Духобории“. Поселенные на Мокрых Горах, — на этом почти заоблачном плоскогории, — где не произрастало ничего, кроме травы, эти сильные представители того же древнего русла, что и молокане, проникнутые полным отчуждением от гражданских установлений России, от царского правительства и властных его представителей, духоборцы мечтали только об одном: как бы устроить свою жизнь так, чтобы „они“ (т.-е. представители петербургского правительства) совершенно бы их, духоборцев, не касались. Духоборцы готовы были платить „дань“ своим сильным соседям-русским, но сами считали себя отдельным народом, живущим на самостоятельной территории, выработавшим свое управление своей страной, имеющим свою иерархическую власть, свой центр — „Сиротский Дом“, эту резиденцию вождя, правителя и руководителя народа, облеченного дарами вечносущего Христа. Все эти группы сектантов, не имевшие определенной связи с освободительными реформами, так как они не

[15]) См. там же, стр. 108.
[16]) См. там же, стр. 108.
[17]) См. там же, стр. 113.

были крепостными, однако чутко прислушивались ко всему происходящему там, по ту сторону Кавказского хребта, и чаяли от этого движения возможности еще более свободного проявления творчества в жизни своих общин.

И все эти формы жизни, вырабатываемые на полувековой заре XIX столетия нашими сектантами крайнего юга России, громко говорят нам, что те общественные и политические формы, в которые была втиснута русская жизнь этого времени, были крайне узки; в них задыхался народ, метавшийся из стороны в сторону, лишь бы уйти, скрыться от той давящей, кошмарной жизни, которую им насильственно навязывало царское правительство.

Несколько особняком стоят общины этого времени, того же цикла сектантства — „Людей Божиих" („хлыстов", как ругали их темные элементы народа и представители господствующей церкви). Сильно разгромленные в предшествующие годы, они собирались с силами под руководством своего знаменитого вождя Аббакума Ивановича.

История „Людей Божиих" времени освобождения крестьян почти совершенно не изучена, однако можно с достоверностью утверждать, что именно в эту эпоху появилось сильнейшее оживление в этих организациях сектантов. „Корабли" „Людей Божиих", эти строго конспиративные, стройные и могущественные народные организации, покрыли Россию именно в это время от края и до края.

В эту эпоху „Люди Божии" собирали свои силы, чтобы выступить организованно, главным образом, против одного из триединого основания, вскоре провозглашенного, как незыблемый принцип политики пореформенной эпохи. Православие было объявлено ими главнейшим врагом, против которого „Люди Божии" повели весьма энергичную атаку, конечно, совершенно не подозревая того, что, борясь с государственной церковью, тем самым они уже выступали на путь политической борьбы с одним из главных оснований всей внутренней политики, всенародно провозглашенной правящим классом той эпохи в известной формуле: „православие, самодержавие и народность".

У закавказских духоборцев [18]).

I.

Нас было шестнадцать, отправляющихся к Холодненским духоборцам, в Ахалкалакский уезд, Тифлисской губ. [19]). Пятнадцать сектантов новоизральской общины, да я, шестнадцатый, пишущий эти строки.

Двинулись мы через Тифлис по железной дороге на Александрополь, а далее предстояло ехать на лошадях.

Я давно предполагал посетить эти поднебесные селения духоборцев, заброшенные на высоту восьми с половиною тысяч футов над уровнем моря волей правительства Николая I, преследовавшего все свежее, сильное и вольнодумное. В 1841 году, основываясь на ложных доносах священников и пр. представителей духовенства и светской власти, петербургские вершители судеб народа русского порешили разорить Крымских духоборцев, собравшихся на Молочных водах в силу „милостивого манифеста" Александра I. Духоборцев вновь ссылали не на жизнь, а на смерть, в глухое Закавказье, почти на самую границу тогдашней Турции, в незамиренные места, в такие трущобы, где, казалось, вообще человеку и жить-то не для чего. Духоборцев загнали в один из углов тогдашней Кутаисской губернии,— ныне эти места принадлежат к Тифлисской,—на безлюдное плоскогорье Мокрых гор, прозванное Холодным, почему и духоборцев, живущих здесь, нередко называют „Холодненскими".

[18]) Эта статья впервые была напечатана в журнале „Современный Мир", июнь 1910.

[19]) В Закавказье духоборцы еще живут в Карсской области, где я еще не был, и в Елисаветпольской губернии. О моем посещении Елисаветпольских духоборцев я сообщу особо.

Духоборцы давно интересуют меня, как несомненный остаток весьма древней секты, в учении которой ясно звучит сознание и голос христиан первых веков. Пристально изучая учение духоборцев, сравнивая его с учением тех, кто ранее именовал себя Людьми Божиими, Израилем, все разнообразие так называемой христовщины, а также рассматривая учение скопцов и молокан прежнего времени, я пришел к ясному теоретическому убеждению, что все эти сектанты одного корня, одного происхождения и принадлежат к одной семье Духовных христиан, разошедшейся в разные стороны каких-либо 150—200 лет тому назад (а молокане выделились от духоборцев, как это фактически и известно, немного более 100 лет тому назад).—Разошлись они, споря о некоторых вопросах своего учения и приложения его к жизни. На это расхождение, очевидно, также влияли преследования светской и духовной власти, которые были особенно жестоки в XVIII веке, и люди бежали кто куда мог: в пустыни, в болота и дебри, лишь бы подальше от „ненавистных язычников", и таким образом, дробясь и множась, разносили свое слово, свое учение по всем углам России, изменяя и дополняя его в силу естественного стремления к развитию и совершенствованию своих взглядов, оставаясь в основе все теми же „духовными христианами".

Особенно близкими, совершенно родными мне всегда казались две главнейшие ветви этого направления в сектантстве: говорю про духоборцев и израильтян, подразделяющихся теперь на Старый и Новый Израиль. На мой взгляд, именно они-то и есть наиболее типичные представители остатков старого восточного сектантства, того сектанства, когда и само христианство, в чистом его виде, было сектой в языческом мире. Мне всегда казалось, что именно эти нам современные секты, сохранившиеся еще только в России, пришедшие к нам с Запада через славянские земли, при отступлении духовных сект восточного происхождения от натиска пап и их инквизиции—с крестовыми походами против альбигойцев,—только они, и особенно израильтяне, сохранили в себе ту душу живую христиан первых веков, которая так притягивает к себе и своей поэзией, и творчеством, и непреклонностью, и свободой.

Изучая в последние годы весьма обильную рукописную

литературу израильских общин вообще, и новоизраильских в частности, я пришел к несомненному выводу, что их учение совершенно тождественно не только в главнейших пунктах, но и в подробностях, с учением тех сектантов, которых именуют духоборцами. Когда нынешней весной представители новоизраильской общины достаточно подробно ознакомились с учением духоборцев по их „Животной Книге“ [20]) то они сами увидели, что их учение весьма родственно духоборческому.

Весной 1910 года я поехал в закавказские общины новоизраильтян для еще более подробного ознакомления с их учением, бытом, нравами и обычаями.

Чтобы совершенно убедиться на самом деле в общности взглядов „Нового Израиля“ и духоборцев, я, отправляясь к Холодненским духоборцам, предложил новоизраильтянам поехать со мной. Это мое предложение встретило отклик прежде всего со стороны вождя новоизраильского народа, В. С. Лубкова. Оказалось, что он предполагал и ранее, при первой возможности, завязать знакомство с духоборцами, живущими теперь неподалеку от мест их поселения. Для меня же этот социологический опыт был в высшей степени важен, так как, при встрече представителей этих двух стариннейших сект России, я надеялся окончательно установить степень сходства и расхождения исповедуемых ими учений.

II.

На вокзале в г. Александрополе нас встретили два духоборца, выехавшие за нами с фургонами. Один из них оказался известным в Духоборье Алешей Воробьевым. Это—один из ближайших друзей Петра Васильевича Веригина, с которым он был побратан руководительницей духоборцев Лукерьей Васильевной Калмыковой. Принадлежа к большой партии, он, однако, не пошел с ней до конца; и когда начались самые ужасные экзекуции и преследования, отстал от нее, образовав так называемую „среднюю“ партию, по

---

[20]) „Животная книга“ духоборцев заключает в себе почти все псалмы, вопросы и ответы и пр., касающиеся учения духоборцев. Она издана мной в „Материалах к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества“, выпуск второй.

принципам совершенно схожую с направлением тех духоборцев, которые ушли в Канаду, но не столь последовательную, твердую и сильную...

Заночевав на постоялом дворе, на утро мы выехали в дальний путь на двух духоборческих фургонах, запряженных прекрасными, сильными лошадьми четвериком.

Нам предстояло подняться на высоко лежащее ахалкалакское плоскогорье. Чем дальше мы ехали все в гору и в гору, тем все безлюднее и угрюмее становилось кругом. Мало-по-малу исчезала растительность: лес сменился отдельно разбросанными купами деревьев, потом деревья стали мельчать, потом пошел какой-то кустарник и, наконец, исчез и он. Перед нами всюду расстилались ущелья и долины, высокие холмы и кряжи, иногда совершенно оголенные, серые и мрачные, иногда покрытые густым зеленым ковром цветистого горного луга. Кое-где на солнечных склонах гор встречалась пахота, обнажавшая густой, тучный, глубокий чернозем.

Жар и духота закавказской долины, откуда мы приехали, сменялась умеренным и, наконец, весьма прохладным климатом.

В лощинах, ущельях и падях еще кое-где лежал пластами снег. И там, на горах, 12 мая, приближаясь к духоборческим селениям, мы местами встречали снег и шутя перебрасывались снежками.

Вот она, эта неприглядная суровая страна, куда семьдесят лет тому назад царское правительство, мстя духоборцам, послало их, этих стойких, свободолюбивых крестьян-землепашцев, послало не на жизнь, а на смерть... Жутью веяло от этого безлюдного полумертвого края, в бесконечных горах, крутизнах и буераках которого, казалось, не могло быть жизни для человека. Горным орлам да диким сернам было бы здесь привольно и раздольно...

Но мы вот едем все выше и выше, туда, к людям, где народилось уже несколько новых поколений, едем и слушаем печальную повесть Алеши Воробьева, который на наши расспросы, не спеша, спокойно и толково рассказывает нам о том, как жили здесь их предки, первые русские насельники Мокрых гор, как обижали их турки, делая набеги, как отбивали они стада и табуны, как уводили они в

плен целыми селами и мужчин, и женщин вместе с детьми, как приходилось им, духоборцам, волей-неволей защищаться и браться за оружие, чтобы остаться живыми, как многие из их братьев или пропали в Туретчине, или были убиты при набегах и грабежах, в пути на дорогах.

— Трудно было первое время нашим предкам,—говорил Алеша.—Лесу здесь у нас нет ни хворостинки; хаты стали делать земляные, а лес на всякую поделку возили оттуда, снизу, и теперь так делаем. Наши дети растут и не знают, какой он есть, этот самый лес, не ведают, как растет дерево... Дерево-то настоящее видят только мертвым, когда его привозят бревном сюда снизу, а у нас пробовали сажать—ничего не принимается, все чахнет. Уж очень у нас зимы лютые, снежные, долгие...

На пути мы встретили несколько фургонов духоборцев, отправлявшихся в Канаду. Это переселялись те семьи, которые имели близких родственников в Канаде и которые, затосковав по ним, стремились с ними соединиться. Приволье канадских степей, свободная и вполне независимая жизнь, отсутствие воинской повинности и крайне малое налоговое бремя,—все это сильно привлекает духоборцев, и они постоянно малыми партиями переправляются туда, в неведомые края, за океан.

Мы каждый раз останавливались, слезали с фургонов, приветствовали духоборцев, расспрашивали их, а новоизраильтяне пели им стройным хором в путь-дороженьку своего, полного тоски и грусти, полного стойкой непреклонности „Странника“.

Недоумевали духоборцы: кто это? что за люди? И плакали они в ответ на хватающие за душу слова новоизраильской „сионской песни“.

— Это, видно, наши братья едут из Канады на проведку,—решали они,—и даже узнавали в каждом из нас того или иного духоборца, который, конечно, несколько должен был измениться за 15 лет отсутствия.

— Не вернуться ли нам?—настойчиво спрашивали Алешу духоборцы, со скорбью и грустью покидающие свои насиженные места, свою дикую, но уже им милую и прекрасную Духоборию, их отечество, где так много было пережито, где остается так много близкого и святого для каждого из них.

И Алеше Воробьеву стоило больших усилий уговорить их продолжать свой путь, и что едущие—не духоборцы, а другие — „новоизраильтяне“, живущие внизу, в долинах, приехавшие на побывку, погостить среди духоборцев и познакомиться с ними.

Часа на три мы остановились где-то на полпути, около армянского духана. Нужно было покормить лошадей и отдохнуть самим.

Вечерело. Хмурилось. Холодом несло с гор, и можно было ожидать не то дождя, не то снега.

Разостлавши огромные войлочные „полости“, мы, кто стоя на коленях, кто присевши по-татарски, наскоро закусывали и пили чай, спеша в дальнейший путь. Вскоре мы двинулись. К вечеру мы доехали, наконец, до того места, где прекратилось шоссе, и нам нужно было ехать или по плохому проселку, или целиной. Мы поехали проселком. Еще более сурова, еще более дика, как-то пустынна здесь местность. Тишина прозрачного горного воздуха, снежные горы кругом нас, освещенные закатывающимся солнцем, безлюдье, бесконечное небо, пересекаемое обагренными вечерней зарею облаками и тучками, сизые хлопья тумана, быстро вылетавшие из ущелий и расселин гор,—вся эта тишь и спокойствие приковывали к себе, сосредоточивали. Разговоры умолкли, и только мерный лязг кованных лошадей да тяжелое громыхание наших фургонов нарушали это созерцательное настроение.

Сумерки быстро надвигались, принося с собой зябкую сырость и холод. Закурились горы, и тучи, все более и более темнея, вихрем проносились над нами. Только лазурь неба, образовывая кое-где среди разорвавшихся туч пятна озер и причудливых заливов, еще золотилась отдаленной зарей и таяла и млела где-то там, в далекой синеве потухающих снежных вершин.

Стемнело. Заморосил дождь. Раскаты грома гулко отозвались в горах. Туман, быстро окутавший нас, густел, клубился, и скоро мы погрузились в непроницаемую черную мглу.

— Стой, стой!..—резко закричал наш кучер-духоборец,— предупреждая другой фургон, шедший за нами, чтобы он дышлом не наскочил на нас.

— Как будем ехать, ничего не видно!

Я напряженно вглядедся, и, действительно, стало так темно, что из фургона не было видно лошадей.

— Надо итти, искать дорогу,—сказал другой духоборец постарше и слез с облучка фургона. — Я пойду, а ты езжай за мной, как скажу...

Духоборец, закутанный в бурку, сделал два-три шага и сейчас же исчез из наших глаз. Мы стояли, точно притаившись, окруженные мертвой тишиной.

Долго тянулось время, но вот впереди заблестела чуть видная искорка огня. Казалось, горела она ужасно далеко. Это наш вожатый, разобравшись по неведомым признакам в дороге и, очевидно, ориентировавшись в бессветной, туманной ночи, указывал нам путь.

— Езжай на спичку!—раздался точно из пустой бочки его тусклый голос: так сырость поглощала всякий звук.

Мы осторожно тронулись. Огонек то вспыхивал, то исчезал. Через минуту, другую опять тот же крик: „стой! стой!"— и мы стоим, проехав всего несколько десятков сажен, а он, наш проводник, бродит где-то там и опять кричит:

— Поворачивай круто налево! Не туда едем, сбился ты!

Почему, по каким таинственным признакам узнал он, куда нам ехать,—это его тайна, тайна вечного жителя горной пустыни, где малейший ветерок, чуть заметная в тумане складка гор, мелькнувшее очертание ближних и дальних возвышенностей дают природному чутью смелость почувствовать и сказать уверенно, куда нужно держать путь.

Мы опять тронулись на спичку, круто забирая влево, и тут только заметили, что стояли почти на самом краю значительного обрыва. Наскакивая на камни, мы спустились, наконец, в ложбину и кое-как перебрались через каменистое русло небольшого ручья и, громыхая и стуча, поднялись на другой берег, где уже приветливо мерцал наш путеводный огонек...

Проехав с такими же мытарствами еще две-три версты, мы, наконец, завидели в отдалении то там, то здесь поблескивающие, маячившие огоньки жилья. Это была Ефремовка—первое духоборческое селение на нашем пути.

Мы поехали смелее, и вдруг туман поднялся, разорвал тучи, и там, в поднебесной дали темной ночи, сквозь сито измороси, зарделись чуть видные звездочки...

Вот мы уже въехали на широкий двор; вот мы и в первой духоборческой хате. Как все здесь чисто, приветливо, уютно! Все сделано солидно, плотно, впрок... Толстые, земляные стены, говорящие о сильных морозах, гладко оштукатурены и тщательно выбелены. Лавки, столы, потолок, ровно закругленный по углам, как бы широкой легкой аркой обрамлявший хату, — все выделано из прекрасной шпалеры и досок и отшлифовано так, что все блестит и лоснится. Огромные столбы-колонны, поддерживающие массивную земляную крышу, украшены резьбой. Везде и всюду видна хозяйская заботливая рука, не чуждая художественности и изящества. Русская печь со множеством печурочек и загнеточек, занимающая почетное место в хате, тщательно выбелена и разукрашена всевозможными поясками-кантами и разноцветными орнаментами, весьма правильно нарисованными от руки.

Было близко к полночи. Народ уже спал. С нашим приездом все встали. Встречают нас. Приветствуют. Пришли соседи. Идут еще и еще. Стали в один ряд—сначала мужчины, потом женщины. Мы, все приезжие, против них, также в один ряд. Помолчали, и началось хорошо мне известное по Канаде и диковинное и новое для новоизраильтян духоборческое торжественное приветствие:

— Здорово живете?

— Слава Богу!

— Как вы себе?

— Слава Богу. Благодарим.

— Живы ли? Здоровы себе?

— Живы. Слава Богу. Как вам ездилось?

— Ничего, слава Богу.

— Домашние ваши живы ли, здоровы ли?

— Слава Богу, живы, здоровы.

— С гостями вас!

— Благодарим и приветствуем...

И к приехавшим с нами духоборцам, и ко мне, и к новоизраильтянам подходили эти добродушные и спокойные люди,—все, мужчины и женщины, и подростки, и девушки, и дети, — радостно, сердечно брали нас правой рукой за плечо, как бы привлекая к себе, и умиленно и взволнованно, со слезами на глазах, целовали нас и потом приветствовали глубоким поясным поклоном.

Сколько трогательной простоты, радушия, гостеприимства и задушевности чувствуется в этом вековом, глубоко-народном русском обычае. Теперь это только обычай, а прежде это была веселящая, глубоко волнующая радость, тихо ликующее торжество, славная весть о благополучном возвращении из путешествия дорогих и милых сердцу близких и родных, из путешествия, которое в былое время всегда было опасно, всегда грозило несчастием, наездом горцев и турок. И не раз бывало, что среди возвратившихся не досчитывались тех или иных, а на вопрос приехавших духоборцев:

— Домашние ваши как поживают?—получался сдержанный пугливый ответ:

— Не все благополучны!

На самом же деле нередко очень большая беда встречала приехавших.

Таково действительное содержание этих духоборческих обычаев—встреч и прощаний,—всегда свято выполняемых

После приветствий все нам стали как-то ближе, знакомей, и непринужденная беседа быстро охватила всех. Новоизраильские женщины с нескрываемым любопытством рассматривали убранство духоборок, которые в своих национальных духоборческих костюмах были и милы, и приветливы, и заботливы о приехавших „сестрицах". Открылись сундуки, и стали рассматривать парадные богатые костюмы, искренно восхищаясь тонкостью работы, удивляясь шитью, вышивкам, тканью и всякому другому рукоделью.

Вскоре нас пригласили к столу. Зашумели самовары, и вот раздался возглас хозяина:

— Извольте молиться!—и мы, постоявши на молитве (новоизраильтяне не совершают никаких молений ни перед едой, ни после нее), когда духоборцы про себя шептали молитву перед едой, поклонились и сели пить чай.

Хата была полна народа.

Шли степенные разговоры; но вот примолкли, новоизраильтяне переглянулись, пронесся тихий шопот, и кто-то запел еле слышно:

„Трубите трубою на Сионе святом..."

„Бейте вы тревогу пред лицом всея земли",—тихо вступили все голоса.

„Пойте про свободу, объявите торжество",— ширилась песня и полилась и полилась, как разливная река, захватывая и подымая всех.

„Стройтесь и готовьтесь в ряды славных божьих войск",— призывала песня.

Духа мудрости примите,
Обновите разум свой.
По стезям правды ходите,
Прославьте Бога своего,
Ибо близок день Господень—
Мрак погибнет навсегда.
Заря в небе загорится,
И пробудится народ,
И восстанет от востока
Муж правды, сам Христос,
А за ним идут народы
К свету, Боже, Твоему,
Народ сильный и свободный,
Возрожденный во Христе,
Ему имя есть Израиль,
Идет под знаменем Христа.
Солнце правды загорится,
Бездну светом озарит,
Из уст радость всех польется,
Восклицать будет народ.
И будут в тот день
Горы капать вином,
И холмы все потекут млеком.
И все русла земли
Наполнятся водой.
А из дома Господнего
Выйдет источник добра;
Напоять будет народы
Живой водой во всю жизнь...
И узнают про Израиль,
Что Господь Бог среди нас.

Эта „сионская песня", впервые зазвучавшая на Мокрых горах, близка и родственна пониманию духоборцев, и она сразу заполонила их сердца. Звучный распев песни, переливы стройных голосов, как один вступавших в песнопение, чувство певцов, проникновенно звавшее всех к себе, создавали высокое настроение и шевелили души людей. Сосредоточенно слушали духоборцы и были, видимо, сильно удивлены и потрясены этим никогда не слыханным пением. Они

изредка переглядывались друг с другом, ничего не говорили, только просили петь и петь, и женщины, особенно внимательно вслушивавшиеся в голоса, нередко украдкой вытирали набегавшие слезы.

Спели „Странника", потом—„Вы много страдали..." и кончили петь, и все сидели молча, удовлетворенно.

* * *

Алеша сказал, что посветлело и можно ехать далее.

— Петр Петрович (Веригин) наказывали беспременно доставить вас, хотя бы в ночь, в Орловку к ним, и хотится сделать это... Собирайтесь, братья, поедемте!

Мы собрались, попрощались, уселись в фургоны и под напутственный говор провожающих и вновь приглашавших нас к себе духоборцев поехали дальше в Орловку, к Петру Петровичу Веригину, нынешнему руководителю части ахалкалакских духоборцев.

Через два часа мы уже въезжали в спавшую Орловку и, проехав несколько улиц, остановились у нового, большого дома. Здесь жил Петр Петрович со своей хозяйкой, матерью, сыном и дочерью.

III.

Утром мы отправились осматривать духоборческое хозяйство. Широко раскинулось селение; просторно устроены дворы. В закромах много хлеба; на задворках огромные скирды сена, соломы, и тут же сложены большие запасы кизяка,—единственного топлива духоборцев. Просторные конюшни, коровники сразу указывали нам, что скотоводство—главная отрасль духоборческого хозяйства. Нам вывели заводских лошадей, стоявших на конюшне. Великолепные кровные рысаки резвились и играли, пока проводили их конюха. Духоборцы вот уже много лет под ряд берут первые призы на сельско-хозяйственной выставке в Тифлисе за замечательные экземпляры рабочих и выездных рысистых лошадей. Природные хлебопашцы, духоборцы все время стремятся к земле. Климат, однако, мало благоприятствует этому стремлению, и только бесконечное терпение, настойчивость и труд произвели здесь сельско-хозяй-

ственное чудо: по всем условиям на Мокрых горах произрастает только ячмень, овес, хуже рожь; этими злаками и занимались духоборцы, при чем на их памяти мороз выбивал и этот хлеб. Но вот уже более тридцати лет духоборцы упорно здесь сеют пшеницу. Сначала ее совершенно и ежегодно выбивал мороз. Мало-по-малу применились к климату, выбрали более теплые, защищенные места, нашли различие в сортах пшеницы, кругом много распахали земли, и „климат как будто помягчал,“—говорят духоборцы, и вот, наконец, пшеница стала вызревать.

В некоторых селениях, как, например, в Богдановке, которое лежит несколько пониже, пшеница стала родиться и вызревать ежегодно, в других же селениях год на год не приходится. Так, в Орловке пшеница вызревает не более как один раз в пять лет, но, несмотря на это, духоборцы упорно продолжают ее сеять, надеясь, что при дальнейшей культуре края они и здесь победят суровость природы. Земля здесь тяжелая, нередко каменистая; для пахоты запрягают по пяти и более пар волов. Распашку все более и более начинают производить большими плугами, а ранее пахали самодельными „оралами“. Вообще, под влиянием времени и просвещенного воздействия П. П. Веригина, заметно тяготение духоборцев к машинной обработке земли и такой же уборке полей. Ранее духоборцы усиленно занимались по зимам извозом, но в последнее время этот промысел заметно стал падать. Огороды тоже дают мало духоборцам, так как многое из корнеплодов погибает от морозов. Всякую овощь приходится по преимуществу покупать.

Духоборцам известны многие ремесла, и они положительно все, начиная от фургонов и кончая одеждой, делают для себя сами, до сего времени почти совершенно обходясь без покупного товара. Во многих хатах мы встречали ткацкие станки, прялки, имеются столярные, кузнечные, шорные, сапожные мастерские, в которых обыкновенно занимаются свои семейные, и ремесленная наука переходит из рода в род. Женщины выделывают прекрасные полотна и разноцветные сукна. Привычка одеваться чисто и хорошо создала замечательных искусниц в деле всевозможного шитья и вышивания. Полотенца („утирки“), головные и носовые

платки, рубашки, запаны, юбки, занавески, туфли, чулки, кармашки и пр.,—все это тщательно и красиво расшивается гарусом, шелком, стеклярусом и бисером на все манеры. Рисунки составляются самими мастерицами, и только в самое последнее время стало заметно влияние рыночного рисунка. Все эти рукоделия, а также кружева, прошивки, оборки и пр., созданные по собственным рисункам, представляют из себя, помимо ремесленно-технического, несомненный этнографический интерес.

Живут духоборцы просторно; дома их построены прочно, в несколько больших комнат, всегда чистых и по возможности украшенных портретами в рамках, картинами, полотенцами и пр. Крыши домов земляные, пологие. На них засевается трава, и селения представляют весьма оригинальный вид, когда всюду на крышах колышется зеленый ковер.

За последнее десятилетие духоборцы обзавелись великолепными сыроваренными заводами. Сначала заводы были в руках немцев. Но теперь духоборцы сами выучились сыроваренному делу и приготовляют замечательные кавказско-швейцарские сыры, совершенно не уступающие по качеству настоящим швейцарским. Ранее, сбывая через посредников, духоборцы много теряли при продаже, но с 1909 года они стали сами продавать сыр большими партиями прямо на места в Москве и в Петербурге. Сыроварение, при обилии молочного скота, при замечательных горных пастбищах, является большим подспорьем в духоборческом хозяйстве, и нет оснований сомневаться, что это дело будет сильно развиваться у духоборцев. В настоящее время они уже имеют два сыроваренных завода. Заводы эти пока принадлежат частной компании духоборцев, но с полным устройством нового дела инициаторы его желают их перевести на кооперативные начала. В настоящее время уже достигли того, что заводы дают прибыль, которая откладывается в запасный капитал. С появлением прибыли, инициаторы дела сейчас же повысили плату за доставляемое молоко, так что молоко на духоборческих сыроваренных заводах оплачивается значительно выше, чем на всех остальных таких же заводах в крае, по преимуществу принадлежащих немцам-колонистам.

IV.

Мы жили в новом „Сиротском доме“ — этом общественном центре духоборческой организации.

Старый „Сиротский дом“, о котором мы будем говорить ниже, находится в с. Горелом и в настоящее время является историческим, весьма интересным памятником предшествующих времен в жизни духоборцев. Традиции и заветы его должны были перейти к Петру Васильевичу Веригину. Но так сложились обстоятельства, что возгоревшаяся борьба между двумя партиями духоборцев привела к решительному расколу в их общине, и духоборцы большой партии после напряженного протеста и борьбы выселились в Канаду, где в настоящее время вместе с ними живет их вождь П. В. Веригин, проведший долгие годы в тюрьме и в далеких северных ссылках. Оставшиеся в Закавказье духоборцы — средняя и малая партия — жили весь этот период сами по себе, без вождя, и постепенно утрачивали свой старый общественный уклад, „утериваясь“, как говорят они, и в нравственном смысле. Но за время с 1886 года—года смерти любимой руководительницы Л. В. Калмыковой—успело вырасти и подойти к „полным годам“ новое поколение, среди которого вырос и единомысленно воспитался Петр Петрович Веригин, единственный сын Петра Васильевича.

Петр Васильевич в молодых годах женился на духоборке Дуне Котельниковой, от которой у них и „нашелся“ сынок Петя. Хорошо, любовно и дружно жили они. Молодой Петр Васильевич, простоватый, но весьма красивый, выделялся чертами своего прямого характера из толпы сверстников. Он был и ученее других, так как его мать стремилась дать ему и братьям возможно лучшее образование, для чего даже приглашала к ним особых учителей, что, конечно, в то время, да еще в крестьянском быту, было крайне редким и замечательным явлением.

Лукерья Васильевна увядала давнишней вдовой,—она лишилась супруга в ранней молодости. Многие мысли томили ее: и будущее духоборчества смущало, и личная жизнь была не полна. Приезжая в с. Славянку, она заметила Петра Васильевича и решила именно его приблизить к себе: неожиданно она взяла его к себе в „Сиротский дом“.

— Петр Васильевич, — пересказывали мне полулегендарное воспоминание,—шел по дороге и гнал осла. К нему подошел посланец-духоборец и сказал: „Лукерья Васильевна приказали тебе сейчас же итти к ним в Сиротский дом.“ Петр Васильевич оставил осла на дороге, а сам, в чем был, не заходя домой, отправился туда, в с. Горелое, в Сиротский дом, внутренние покои которого,—этой наследственной резиденции вождей,—были редко доступны простым смертным. Лукерья Васильевна была там. Петр Васильевич был принят, обласкан, разодет в великолепную черкеску, окружен заботой, уходом; возле него выросла дюжина „казачков“-сверстников, и целых пять лет прожил он там, в хоромах обаятельной духоборческой повелительницы. И за это время,—как пишут духоборцы в одной из своих рукописей,—„никто не видел от него ничего худого, а только одно хорошее“. Он нашел в большинстве народа любовь к себе и общее признание.

Лукерья Васильевна стала подготовлять его к будущему руководительству. Дуняше была дана разводная, материально вполне ее обеспечивающая.

— Разошлись мы мирно, тихо, полюбовно, — рассказывала мне Дуняша, обливаясь слезами,—я хоронила свою молодость, свою любовь. Петюшка, сынок наш, остался при мне...

И она, эта скорбная, раненая в сердце женщина, перенесла все свое неизжитое любовное чувство на сына. Почетным и горестным было ее положение в духоборчестве. Она не хотела выходить,—хотя и могла,—вторично замуж, и молодой женщиной осталась она, как бы во вдовах, храня свой завет, свою верность возвеличенному судьбой молодому духоборцу.

Лукерья Васильевна умерла, а Петр Васильевич вскоре „пошел на стражду“ за дело своей общины. Его сослали, а она, Дуняша, страдая за него, радуясь каждой весточке, продолжала воспитывать своего сына, окружая его самым тщательным попечением и любовью. Она стремится дать ему более широкое образование, и молодой Петя отдается в Тифлисе, после окончания хорошо организованного сельского училища, в технические классы, где и кончает с успехом курс наук. Жизнь в городе, чтение книг, новые знакомства расширяют кругозор молодого духоборца; пытливый ум

и горячее сердце ищут путей в жизни. Он, выросший в атмосфере воспоминаний о последних гонениях на духоборцев, стремится вступить в переписку с сосланным отцом. Его интересует и тянет к себе история духоборчества, основы жизни тех духоборцев, которые ушли в Канаду, и он жадно знакомится с историей своего народа по всем тем источникам—печатным и устным,—которые доступны были для него. За что же сослан отец? Что сделал он дурного, за что его гнали этапом с арестантами и бродягами? Оказывается, он пострадал за правду, за народ... Эти „преступления“ близки сердцу и понятны уму каждого духоборца почти с пеленок... А он, этот полный жизни, страсти, могучий отец, слово за словом, письмо за письмом, наставляет своего сына на путь той жизни, которую считает истинной, свойственной земледельцу-крестьянину, приохочивает его заняться улучшением земледельческого труда в своей общине, направляет его всякими советами [20]), а в 1896 году посылает ему в подарок Евангелие, сделав на нем надпись: „Дорогому сыну Петру Петровичу Веригину—П. Веригин, сосланный за распространение идеи „Всемирного Братства“. Авг. 1896 г., село Обдорск, Тобольской губ.“

Конечно, каждое слово, приходящее оттуда, из этого неведомого далекого края, из этого сказочного Обдорска,— глубоко западает в душу молодого сына вождя духоборцев, волнует его хорошим волнением, притягивает мысли и думы к идее, к делам и событиям, за которые так много пострадал его отец, за которые легли костьми, но не отступили многие и многие его братья и сестры по духу, его родные духоборцы. Вон и тот и этот рассказывают о страшных днях казацких экзекуций, избиений, ссылок целых селений, издевательств и насилий, как злой вихрь, носившихся над беззащитными, бросившими всякое оружие, отказавшимися от какого бы то ни было насилия, твердыми в своем решении братьями-духоборцами, добровольно последовавшими за его непоколебимым отцом.

Евангелие?—Хорошая книга.

---

[20]) Эта весьма интересная переписка будет опубликована нами в одном из выпусков „Материалов к истории и изучению религиозно-общественных движений в России“.

Она известна уже ему из псалмов духоборцев, но, ведь, его предки, эти потомки древних христиан, понимали Евангелие духовно, толкуя его сокровенный смысл. Они делали из него выводы совершенно не те, даже прямо противоположные тому, что обыкновенно „в миру“ берут из этой книги. И Петр Петрович принимается за духоборческое учение. „Сознание предков“ еще сохранилось „в старой памяти“ духоборческих старичков и старушек, и, слушая эти повествования, эти старинные псалмы, их толкование и разяснения второго смысла, эти „заветы предков“, он все более и более внедряется в тайный смысл древнего учения духовных христиан и овладевает им настолько, что может уже и сам выступать как толкователь и разъяснитель многих мест духоборческого учения.

Вместе с ним растут и его однолетки-духоборцы; с детских лет они все помнят те ужасы, которыми была обвеяна вся Духобория, и эти первые воспоминания дали направление их мысли. Все они выросли в стремлении узнать историю своего народа. Им чужды те хитросплетенные интриги их отцов-старичков, которые так искусно опутали целую половину духоборческого народа, названную малой партией. Они видят, что духоборцы начинают грубеть, падать духом. Все более отдаляются они от всякого стремления к просвещению, разрастается жажда наживы, свадебной и праздничной гульбы.

Появилось пьянство, курение, разгул, непостоянство в слове; появились обедневшие духоборцы, и все более и более образуется пропасть между богатыми и бедными. Во многих семьях нет уже равных отношений, есть зависимое положение рабочих и хозяев, в обществе полный разлад, нет дозора за общественным имуществом и мирскими суммами. По селам идут глухие толки, и недовольство против отживающего поколения все возрастает. Мало-по-малу все то, чем когда-то гордились духоборцы, за что они справедливо выделялись из сплошного крестьянского населения, стало исчезать. Но, как нередко бывает в сектантских общинах, за периодом упадка наступает время возрождения, и для закавказских духоборцев это время уже настало. Их возрождение совершается на наших глазах.

„Молодые силы“ организуются. В деле принимают боль-

шое участие женщины-молодухи и девушки, поддержанные такими светлыми и чистыми духоборками старого закала, как Дуняша Веригина, и ее сверстницами, участницами движения девяностых годов XIX века.

Все молодые женщины против пьянства и прочего разгула.

Молодежь столковалась, и повсюду на сходах на все мирские должности проводятся молодые духоборцы. Они быстро вносят новые начала в жизнь и оказывают огромное влияние на весь ход общественной и частной жизни своих однообщинников.

В этой кипучей жизни Петр Петрович Веригин выделяется своей энергией, преданностью общественным интересам, умом, и мало-по-малу народ выдвигает его своим представителем, своим вождем. Правда, далеко не все присоединились к нему, однако, у возрождающейся духоборческой общины уже есть свой общественный „Сиротский дом" с особым большим залом для собраний (тут же совершаются воскресные богомоления). Есть зачаток общественного стада, уже подумывают „заложить столб" общественного капитала и о прочих обычных проявлениях обще-духоборческой солидарности.

Молодежь уже выделила из себя „казачков"—т. е. группу лиц, неустанно заботящихся о благообразии и благоустройстве „Сиротского дома", и в то же время они служат как бы свитой своего нового вождя. Жены этих „казачков" и их подруги-девушки, однолетки жены Петра Петровича, особенно близки с ней и с его матерью, у которой тоже есть свои приближенные сверстницы. „Сиротский Дом" имеет своего атамана, заведующего всем его хозяйством, блюдущего все его интересы и распоряжающегося всем, по уполномочию народа, властию им данной и утвержденной словом, желаниями и указаниями того, кто является первенцем народа, его избранником, носящим в себе ту мудрость, которая отмечается „разумом свыше", „благодатию от Господа Бога", „сошествием Святого Духа" и дает силу и наименование Христа, т. е. помазанника, избранника народа, вождя, которому следуют и повинуются безусловно.

По внутреннему своему содержанию, понятие „христос, вождь" совершенно тожественно как у духоборцев, так и у Нового Израиля.

И там и здесь это—последняя, безапелляционная инстанция для всех дел и решений. Слово вождя—священно и ненарушимо. Его воля—воля самого Бога, в нем пребывающего. Его устами говорит с народом вековая художница-премудрость. Он сам есть начаток учения.

Конечно, теперь в XX веке, когда вообще все нравы и понятия изменились и демократические начала всюду берут решительный перевес, и вожди духоборцев и новоизраильтян считаются с духом времени. Они стремятся всегда находиться в глубоком соответствии с целями, надеждами и желаниями всей общины и, осуществляя свою волю, на самом деле творят волю пославшего их общества, их организации, своего народа. И только это соответствие создает гармонию и равновесие этой добровольной власти и исполнения ее воли, и именно оно-то и создает ту гранитную твердость, слитную общность, которой всегда во все века отличались и отличаются теперь общины восточного сектантства типа „духовных христиан“—„христовщины“. [21])

V.

В первый день этого нашего пребывания у Ахалкалакских духоборцев нам предложили обед в доме Петра Петровича Веригина. Начался он приветственными речами со стороны духоборцев и новоизраильтян, где эти родственные два народа как бы представлялись друг другу. За обедом присутствовали почетные старички-духоборцы и духоборки. Ни сам хозяин, ни его жена, по обычаю духоборцев, не садились за стол, а заботились о гостях и всех присутствующих, стремясь накормить обедающих досыта. Духоборческие обеды, особенно званые и торжественные, поражают своим обилием. Начинаются они, как это вообще нередко среди крестьян, с чая, который пьют с хлебом, маслом, молоком, сыром, медом и всяким печеньем. Это как бы предварительная закуска; потом начинается обед. Подают обыкновенно кислые щи, несколько раз подливая их. Едят из общих маленьких чашек, обыкновенно человека по четыре на

---

[21]) О „Новом Израиле“ подробно см. четвертый выпуск наших „Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества“, издание 1911 г.

чашку. После щей—мясо. Ножей, вилок, тарелок не полагается; едят просто руками. Кости и всякие остатки от еды складывают тут же на белоснежные скатерти, всегда покрывающие обеденные столы. Вместо салфеток, протягиваются вокруг столов „утирки"-полотенца, которые обедающие и держат у себя на коленях. После мяса подают лапшу, потом опять мясо, потом жареную птицу, потом нередко какое-либо кушанье из теста или кашу, потом блины, потом узвар (компот), и все это заканчивается или кофе или простоквашей. Я бывал на духоборческих обедах, где подавалось по двенадцати перемен кушанья.

Духоборцы, как и все здоровые рабочие люди холодных местностей земли, едят обильно и жирно. За едой подается красное виноградное вино, водка, настойки [22]). Среди Ахалкалакских духоборцев, особенно из тех, которые принадлежали прежде к большой партии, многие и до сего времени не употребляют совершенно спиртных напитков и не курят. Во время нашего посещения Холодненских духоборцев кроме красного вина ничего не подавали, но были обеды и ужины, на которых, по желанию хозяев, совершенно отсутствовало вино. Кушанья духоборцы любят сдабривать острыми приправами; перец во всех видах, горчица, уксус, лимонная кислота употребляются в больших количествах. За обедом духоборцы вели беседу с новоизраильтянами, знакомились с ними. Серьезная беседа отлагалась на вечер, когда должно было произойти большое собрание, а теперь „гвоздем" обеда было пение новоизраильтян. Между переменами кушанья, которые подавались не спеша, новоизраильтяне пели свои задушевные песни. Это пение и здесь, в Орловке, произвело сильное впечатление на духоборцев. Многие песни вызывали пояснение со стороны новоизраильтян, а духоборцы с радостью подтверждали, что все эти понятия близки им, „все, как у нас",—не раз говорили они.

Обед продолжался несколько часов, и после того, как хозяин пригласил помолиться и все, отмолившись, опять уселись, новоизраильтяне запели свой благодарственный распевец, который они не поют у себя дома, а иногда благо-

---

[22]) Канадские духоборцы совершенно ничего не пьют, а новоизраильтяне пьют, весьма умеренно, только виноградное вино.

дарят им гостеприимных хозяев. Он интересен по своему аллегорическому содержанию.

Вот он:

Благодарим Бога Отца, Сына Божьего Творца,
Что нам пищу сотворил, ее кушать благословил.
Благодатью посолил, на престол постановил.
Михайло Архангел к нам сходил,
По ряду нас посадил и кушать благословил.
Насытил наши уста благодатью от Христа,
Напитал нас, накормил, живой водой напоил.
Дай Бог здравствовать тому
Хозяину в сем дому.
Мы за милость за твою помолимся все в раю,
Чтоб услышал Бог Отец да пожаловал венец.
За твою ли доброту Бог покроет сироту,
А за веру, за надежду пошлет белую одежду.
За умильный за привет засветит Спаситель свет,
Называет Божий Сын и прибавит тебе чин.
А милостыня твоя у престола, у рая
Осияет, яко свет, тебе имя Филарет.
Растворяешь ворота, идет всяка сирота.
Убогие, безногие, безрукие, слепые,
Безрукие, слепые и праведные святые.
Всем одна там будет честь, хоть вельможный кто тут есть.

Эта благодарственная здравица очень нравилась духоборцам. Нам интересно здесь отметить, что распевец этот давнишнего происхождения и широко распространен среди „духовных христиан". Его поет не только „новый", но и „старый" Израиль. Он входит в послеобеденные стишки у скопцов, у которых этот распевец схож с новоизраильским почти слово в слово, только обрывается не на этом стихе, а продолжается в том же духе дальше.

VI.

Вечером того же дня состоялось большое собрание. Огромная зала была битком набита народом. Все желающие присутствовать не могли вместиться в ней, и многие стояли в примыкающем коридоре, на балконе и даже на дворе. Все стояли,—сидеть было негде. Нас, приезжих, пригласили в передний угол за стол. С нами, и во главе нас, был Петр Петрович Веригин, который открыл собрание речью, знакомившей духоборцев с гостями.

Представители новоизраильтян высказали причины своего приезда, заявили о желании познакомиться, тем более, что по учению своему, как они видят из бесед, им с духоборцами нечего делить между собой. Они совершенно одинаково понимают все главное; все основы их миропонимания—одни. Они и духоборцы—по духу одна семья, кровные братья. Тут же один из новоизраильских ораторов сказал большое и интересное слово о том, почему они называют себя Израилем, кто они и каких они взглядов.

— Правильно!

— Это верно!

— Это все так!

— Благодарим за хорошее слово! — нередко слышалось с разных сторон, и видно было, ясно чувствовалось, что люди эти, только что встретившиеся друг с другом, ранее не только не видевшиеся, но и почти не слыхавшие друг о друге,—понимали друг друга с полуслова, с одного намека, нередко договаривая почти теми же словами мысль, которую начали высказывать с другой стороны. Мне стало совершенно ясно, что тут передо мной происходит сближение двух временем разъединенных частей одного и того же общественного организма, и я могу с уверенностью заявить, что духоборцы и израильтяне — секты одного происхождения, обоюдно связанные совершенно одинаковыми понятиями и взглядами на жизнь.

Беседа кончилась и началось пение, как продолжение беседы, тем более, что в „сионских песнях“ новоизраильтян, поющих отчетливо и ясно, очень хорошо, просто и вполне доступно изложено все их учение, кодекс нравственных требований и стремлений. И когда раздавалось это пение, то грустное и заунывное, то бодрое и смелое, торжественное и призывное, я опять видел и слышал общее сочувствие со стороны духоборцев. Пение новоизраильтян настолько понравилось духоборцам, что на другой уже день женщины и девушки „заучались“ у новоизраильтянок, „брали“ мотивы и слова.

Духоборцы тоже пели в этот вечер. Пели и свои псалмы и свои стишки.

Слушая пение духоборческих псалмов, всегда невольно грустишь,—так чувствуется в них вся заунывность притес-

ненной, вечно страдавшей, преследовавшейся, травленой жизни. Эти длинные, все поднимающиеся взводы рыдающих голосов точно призывают вас куда-то, влекут и вместе с тем грозят всеми громами и бедами жизни. Слов нельзя понять в этой бесконечно переливчатой песне. Предание говорит, что эти мотивы были выработаны народом в давно прошедшие времена, потому что прежде за каждое ясное слово псалма духоборцев, в которых духовные и светские власти усматривали „ересь“, сильно преследовали, как за оказательство „повреждающей веру секты“. Вот духоборцы и пели свои псалмы, как „песню без слов“, один мотив, в душе про себя повторяя слова псалма. Если духоборцы наверно знали, что на богомолении нет никого постороннего, то они прочитывали этот псалом вслух после окончания его пением. Теперь это делается всегда открыто. Изменились времена, но пение, самые мотивы остались неприкосновенными. Мотивы настолько консервативны, что переживают даже всякие изменения и ломку общества, организации. Мне приходилось бывать у молокан, живущих в Предкавказье. На первом же их собрании, как только они запели что-то из Евангелия, мне сейчас же вспомнились канадские духоборцы, столь мотивы пения тех и других были схожи. Более ста лет прошло с тех пор, как молокане отделились от духоборцев и разошлись с ними настолько, что нередко открыто враждовали друг с другом. Они изменили костюм, обряды, отказались от многих обычаев, отвергли псалмы, стишки и пр., большинство современных молокан, живущих в Предкавказье и других местах Европейской и Азиатской России, никогда не только не видели, но, может быть, чуть только слышали о духоборцах, а мотивы пения, хотя и изменились несколько, но в корне своем остались те же.

VII.

Нам предстояло посетить знаменитое кладбище духоборческих вождей.

На другой день к полудню мы двинулись туда все, в сопровождении большого числа духоборцев с. Орловки.

Новоизраильтяне, сами с большим почтением относясь к своим руководителям, прекрасно понимали значение, как памяти, могил руководителей духоборцев. Сосредоточенно

и молчаливо шли мы туда, к этому четвероугольнику, огороженному в лугах высокой каменной стеной и видневшемуся издали.

Мы завернули за угол кладбища, чтобы войти в ворота, и пред нами неожиданно развернулось несколько рядов длинной шеренги духоборцев, стоявших плотной стеной у ворот кладбища. Эти духоборцы с. Спасовки встречали нас во главе со своим старшиной. Они стройно пели псалом. Мы остановились и сняли шапки. Внушительное, бодрое зрелище представляли они, эти сомкнутые ряды рослых, здоровых духоборцев, начинавшиеся синей массой мужчин, казацкого покроя чекмени которых придавали им стройную выправку и какую-то могутность. А там дальше запестрел цветник женских уборов. Все в новых, лучших платьях, в шапочках с бантом-розеткой напереди, в белых платочках поверх их, в расшитых душегрейках, в цветистых самотканных юбках, унизанных прекрасными гарусными вышивками, из-под которых выглядывали самодельные узорчатые, весьма оригинального рисунка пестрые чулки. Вышитые шелками и гарусом маленькие туфельки на низких каблучках дополняли красоту своеобразного костюма духоборческих женщин.

Стройно и хорошо пели они, эти спасовцы, приветствуя своего вождя, братьев-духоборцев и приезжих гостей. Кончилось пение, дочитали псалом, и Петр Петрович приветствовал народ. Мы все вошли за ограду кладбища. Тут же у входа, у ворот, в стене на каменной доске высечена надпись: [23])

„Вечная память праведным родителям, именованным духоборцами, погребенным и поклонявшимся Отцу и Сыну и Святому Духу. Спасали и спасаем души свои кротостию и смирением, любовью, правды ради. Было угодно Богу и Государю собрати нас на обетованную землю в Таврической губернии в 1805 году, а в 1841 году переселены за Кавказ, Кутаисской губернии, селение Терпение. И кто сию повесть чувствует, не должен потерять сие дело.“

Доска эта высечена в конце шестидесятых годов XIX века.

„Кто сию повесть чувствует“... Просто и коротко сказано, но многое слышится здесь каждому, кто знает историю духоборцев, а для них самих в этом выражении по истине

---

[23]) Мы поправляем в ней только орфографию.

Мало слов, а горя—реченька,
Горя реченька бездонная...

...Мы шли дальше. Было затаенно-тихо. Все сняли шапки. Сотни людей передвигались бесшумно, и только мятая трава чуть-чуть шуршала под ногами... Подошли к памятникам. Это—высокие, почти саженные мавзолеи, массивно возвышающиеся над могилами вождей духоборцев и их ближайших родственников. Тут же похоронены несколько других почетных духоборцев.

Здесь покоятся три духоборческих вождя: Ларион Васильевич Калмыков,—это он вел свой народ из Крыма в Закавказье. Его сын—Петр, муж Лукерьи Васильевны, и сама „Лушечка", эта удивительная женщина, общая любимица, управлявшая своим народом более 20 лет и оставившая по себе неувядающую память, и до сего времени прямо приковывающую сердца всех духоборцев.

Духоборцы стали возле памятников, запели псалом и совершили свой обряд поклонения памяти усопших вождей. Этот обряд очень мало отличается от обыкновенного обряда духоборческого богомоления; [24]) при пении псалмов, после поклонения друг другу и „святого лобзания", каждый „поклоняющийся" отдает поклон в сторону могил вождей. Все настроение духоборцев, вся эта тишина, сосредоточение, сдержанные вздохи, — все ясно свидетельствовало о волнении душ, о чувстве искреннем, неподдельном, о той непрерывной связи, которая объединяет эту сильную общину не только между собой, но и с предыдущими поколениями и с их вождями-христами.

Нельзя не остановиться перед этими прекрасными мавзолеями-гробницами, высеченными из гранита, художественно обработанными и украшенными орнаментами. Эта замечательная работа, тонко выполненная, принадлежала самоучкам-художникам и скульпторам, духоборцам Алексею Федоровичу Воробьеву, жителю с. Орловки, с которым мы уже несколько знакомы по предыдущим главам, и Ивану Павловичу Сбитневу, жителю с. Горелое. Эти два духоборца пора-

[24]) Подробное описание этого обряда см. в моей статье „Обряды и обычаи духоборцев" („Живая Старина" 1905 г.), подписанной моим псевдонимом „Влад. Ольховский".

жают своим мастерством. Мы еще встретимся с их работами при описании старого „Сиротского дома“. В с. Орловке Алеша Воробьев показывал нам седло, сделанное им самим, которое украшено великолепной чеканки серебром с чернью. Мы видели у него тонкую, изящную инкрустационную работу по дереву. Рамки к портретам, рамы зеркал, хорошо выделанные и выточенные из ореха, украшенные букетами цветов тончайшей работы, мозаичные части которых сделаны из множества частичек разноцветного дерева. Гармония красок, тонкость и правильность рисунка настолько изящны и хороши, что вполне заслуживают названия художественной работы. Надо заметить, что А. Ф. Воробьев нигде, ни в каких школах, никогда не учился, а до всего дошел исключительно „самоуком“. Свое искусство он стремится передать сыновьям, работы которых, однако, значительно слабее работ отца.

...После богомоления у могилок нам была предложена трапеза, устроенная спасскими духоборцами здесь же на кладбище, в доме, давно сооруженном на общественный счет. И здесь впервые была пропета новоизраильтянами новая „сионская песня“, вышедшая из народа и посвященная духоборцам.

Вот она:

Слава вам, борцы герои,
Честь вам, воины Христовы!
Слава! Слава!
Вы за истину страдали,
За правду Божью умирали.
Слава! Слава!
Не щадили своей жизни
За честь дорогой отчизны.
Слава! Слава!
Правду Божью защищали,
Радость людям завещали.
Слава! Слава!
Глашатаи Христова ученья,
В порыве святого увлеченья,
Слава! Слава!
Заграждали пасти львов.
Побеждали злых врагов.
Слава! Слава!
Пред властями палачами,
Без боязни отвечали!
Слава! Слава!

Путем скорбным проходили,
Своей кровью обагрили.
Слава! Слава!
Ваша кровь пролита
Во всех частях света.
Слава! Слава!
Долг великий совершили,
Венец славы заслужили!
Слава! Слава!

Хотя вас не будет,
Слава не умрет о вас!
Слава! Слава!

Плакали духоборцы, плакали и новоизраильтяне, каждые вспоминая при этом пении свою долю, свое прошлое, улитое кровью и слезами от гонений и преследований господствующей церкви и светских властей.

Кончилась трапеза. Отблагодарили спасовцев. Вышли. Отдали последний поклон могилкам и разошлись по домам.

VIII.

— Сегодня поедем к пещере, — пригласил нас П. П. Веригин. — Вот позавтракаем и поедем.

Пещера — одно из любимых мест духоборцев. Верстах в трех от с. Орловки, в степях, в предгорье, вьется небольшая горная речка, крутые, извилистые берега которой красиво обрамлены диким серым гранитом. Среди расселин и на уступах то там, то тут зеленеют бархатистые лужайки, подымаются купы какой-то густой высокой травы; повсюду пестреют степные и горные цветы. На одном из изгибов речка делает как бы залив; в заливе образовалась большая отмель, покрытая густым слоем ила, по которому повсюду разрослась буйная зелень.

Мы подъехали к обрыву. Здесь уже были духоборцы. Это молодые „казачки“ Петра Петровича встречают нас пением. Это они устраивают празднество сегодняшнего дня. Мы выслушали приветственный псалом, поздоровались и пошли прежде всего вниз по тропинке, вьющейся по крутому спуску ущелья. Поодаль на отмели виднелась видимо только что устроенная переносная палатка из толстой парусины. Везде был народ. Тропинка привела нас к небольшой пе-

щере, находившейся под огромными, нависшими над берегом камнями. Под навес камней была подделана стенка, образовавшая закрытое помещение, свет в которое проникал через дверь и окошечко. Было тихо. Где-то звенели мерно падающие капли воды. Угрюмый темно-бурый камень скал покрыт мхом и какой-то вьющейся травкой. Было сыро.

Мы вошли в пещеру, из которой образовалась довольно просторная комната. В ней — каменная скамейка, каменные табуретки-тумбы.

Это—любимое место покойной Лукерьи Васильевны. Оставшись молодой вдовой, она сильно тосковала. Ища уединения, она полюбила это пустынное место, куда нередко уезжала со своими подружками, оставляла их наверху, а сама спускалась сюда в пещеру и здесь оплакивала свою долю и изливала свою тоску. Поднятая на гребень волны общественного положения, возвеличенная и любимая своим народом, она нередко была грустна, задумчива.

Облюбованное „Лушечкой“ место пустыни делается любимым пребыванием всех духоборцев. Здесь совершаются празднества; сюда же съезжаются духоборцы на всеобщие торжественные богомоления; эти места — постоянные места прогулок молодежи.

Когда П. В. Веригин был взят Лукерьей Васильевной в „Сиротский Дом“, она часто приезжала с ним в пещеру и здесь, как говорит духоборческое предание, долго беседовала, наставляла его на будущее поприще, передавая ему все заветы руководительства общиной.

При входе в пещеру, на природном камне, в год приглашения П. В. Веригина в „Сиротский Дом“, по приказанию Лукерьи Васильевны была отшлифована доска, на которой высечены следующие слова, ею лично продиктованные: [25])

„О, ты, радуйся, пещера, веселись, пустыня, прибежище Господа Бога нашего, тут пристанище истинное и покров утешения, а на врагов моих победа, а на супостатов одоление, оружие на неверующих, правоверным упование. О, ты, мать Божья, пресвятая Богородица, скорая помощница, и в делах наших была ты нам теплая заступница.“

Эта надпись, имеющая сокровенный смысл, многозначи-

---

[25]) Исправляем орфографические ошибки.

тельна для духоборцев. В ней выражена история внутренней борьбы в общине. Она начинается с личного элемента. Пещера,—это любимое место „Лушечки", знавшая пролитые ею здесь слезы о личной доле в жизни, обвеянная тоской молодой женщины,—призывается теперь к радости и веселию, т.-е. к тому, чего не видала она никогда от своей властительницы. „Лушечка" была очень счастлива с Петром Васильевичем и эту радость, это кратковременное счастье она жаждала развеять повсюду и особенно там, куда такие долгие годы приносила она свою печаль, сомнения, заглушаемое страдание и грусть. Здесь в пустыне, в пещерке, уединенная с любимым человеком, нашла она „пристанище истинное" и „покров утешения".

Но что такое личное счастье для человека, всю жизнь стоявшего у безграничной власти в своей общине, тем более для женщины, которой пришлось много вынести борьбы и натиска враждебных сил, прежде чем завоевать себе положение всесильной повелительницы, избранницы своего народа, дочерью которого она была по своему происхождению? И вот, найдя достойного себя человека, она в нем видела наследника себе, своей власти, своего руководительства. Привлекая Петра Васильевича, она твердо верила, что разрушает ковы врагов своих, честолюбивые замыслы которых уже предрешали вопрос о наследии, перенося его из рода умершего Калмыкова, от бездетной вдовы, вниз по женской линии, в семью Губановых, родственников „Лушечки". Но она не хотела этого, она враждовала с родней, дружила с Веригиными и им хотела передать свое наследство. Приближая Петра Васильевича, она давала народу,—не любившему ни Губановых, ни Зубковых,—„на супостатов одоление", „оружие на неверующих" и „правоверным упование". И эта каменная надпись, возведенная духоборцами на степень псалма, служила как бы обнародованным до смерти завещанием руководительницы. Огромное большинство духоборцев опиралось на него, когда поднимался спор о том, что Лукерья Васильевна умерла, ничего не завещав о своем преемнике.

В чистоте и бережности содержится эта пещера духоборцами. Она обвеяна воспоминаниями не только сладостными из времен безмятежной, полной довольствия жизни правле-

ния Лукерьи Васильевны, но и глубоко трагическими, потрясающими, жуткими, полными крови и стенания. Именно здесь у пещеры, там, на верху, у обрыва, в ночь на 29 июня 1895 года, в этот духоборческий праздник „рождества Христа", т.-е. в тот день, когда Петр Васильевич еще в 1887 году был окончательно признан своим народом за руководителя, когда духоборцы, как говорят они, „обрели Христа", когда у них родился „новый Христос", именно под этот великий для них день они решили, по указанию Петра Васильевича, сжечь все имевшееся у них оружие и тем самым въявь подтвердить свою неприкосновенность ни к какому насилию человека над человеком.

Сюда сошлись они, эти тысячи людей, заедино объединенных, сюда принесли они свою христианскую идею непротивления злу насилием, здесь сложили они высокий, саженный костер из дерева и угля, облитого керосином, и радостно побросали в него все свое оружие, начиная с прекрасной, дорогой винтовки самого Веригина, специально им присланной для этого случая из далекой ссылки.

— Началась пальба,— рассказывали мне духоборцы,— так как оружие было заряженное...

И под этот последний, прощальный салют погибло в огне здесь то „зло",—говорили мне духоборцы,—которое приняли они к себе против своих убеждений, в силу обстоятельств подневольной суровой жизни и беспрерывной борьбы.

Мы стояли здесь, возле огромного черного круга, этого следа костра, вот уже пятнадцать лет не зарастающего травой, и слушали рассказы духоборцев, вспоминавших об этих страшных днях.

На утро в Петров день,—рассказывали они мне,—наскочили развернутым строем казаки и ударили на тысячные толпы духоборцев, съехавшихся сюда со всех сел на торжественное богомоление. Сгрудился народ, трепыхнулся и чуть-чуть не опрокинулся туда, в обрыв, на краю которого совершалось празднество. Раздались крики оторопевших людей, все остановились на месте как вкопанные, боясь пошевелиться, прекрасно понимая, что даже самое малое движение каждого грозит неминуемой смертью крайним, стоящим там, на обрыве. А на самом обрыве все больше были дети. Они любили там играть. И эту замлевшую в испуге

тысячную толпу, стоявшую не шевелясь, били и терзали казацкие плети...

— Сменяйте крайних братьев!—раздался крик из середины толпы, и избитых до крови, стоявших ближе других к казакам, стали осторожно втягивать внутрь, а из середины на края, под сыпавшиеся удары казаков, выходили все новые и новые духоборцы, своими телами защищавшие изнемогших женщин и детей. Со всего размаха били людей нагайками по лицу, „стараясь достать глаза", в карьер скакали на лошадях, желая потоптать этих непокорных, не пожелавших прийти на зов губернатора, ответивших ему на его приказ: „Мы молимся; кончив дело Божье, придем для дела человеческого."

— Устали бить,— рассказывали духоборцы, — и лошади притомились, перестали скакать на народ. Ударили отбой и остановились кругом. Отдыхают. Утирают казаки пот, а народ утирает кровь, приводит в чувство избитых до бесчувствия. Плачут. Прошло несколько минут; не успели и передохнуть; раздался сигнал, нас окружили и погнали в Богдановку пред лицо губернатора.

Мы запели:

Тебя ради, Господи, возлюбил врата тесные.
Тебя ради, Господи, оставил отца и матерь.
Тебя ради, Господи, оставил брата и сестру.
Тебя ради, Господи, оставил весь род-племень свой.
Тебя ради, Господи, оставил все житье-бытье.
Тебя ради, Господи, хожу в тесноте гонений.
Тебя ради, Господи, терплю хулы и поношения.
Тебя ради, Господи, хожу алчущий и жаждущий.
Тебя ради, Господи, живу без покровища.

А казаки, желая перебить наше пение, заиграли, запели срамные песни.

Так вот она, эта живая история преследования духоборцев.

... Мы двинулись вниз, к палатке.

— Это —та палатка, которая служила еще Лукерье Васильевне,—сообщили мне духоборцы.

— Вот здесь она любила кушать чай.

— Вот тут она гуляла...

— А это—ее тропинка...

Все дышало здесь тщательно хранимыми воспоминаниями о любимой руководительнице... И мне казалось, что вот-вот сейчас отворятся невидимые двери пещерки, и выйдет она, эта редкая красавица, вся в голубом, с кружевами, гладко причесанная, смугло-румяная, и гордой повадкой, мило улыбаясь широкими вишневыми глазами, пригласит всех нас к себе—на беседу...

Тут все дышало ею, и образ ее как бы носился над зачарованной толпой.

Вошли в палатку. Сели.

... Вы много страдали за веру Христа,—

вознесся к нему плачущий женский прелестный голос

И жизнь покладали, собой не щадя,—

подхватили рыдающие голоса новоизраильтян.

Вас били жестоко враги - палачи,
И шли вы на ссылку в тяжелых цепях,—

разливалась „сионская песня“,

Вас в тюрьмах гноили и жгли на кострах.
И ядом вас травили как вредных людей,
Но вы не страшились, любовью горя
И правду Христову пред миром говоря.
Вы кровь свою пролили во всех концах земли,
Свободу Христову для нас обрели.
Ваш путь благородный вы честно прошли
И в жертву святую себя принесли.
Вы славу земную попрали тогда
И крест Христов взяли, отвергли себя.
Вы шли за ним слепо в небесный чертог,
Венец получили и славу во век!...“

Торжественно звучало пение этой „сионской песни“, являющейся перифразом известного похоронного революционного марша, проникшего в недра народа и посвященного новоизраильтянами всем борцам, славно погибшим на своем посту, не отступившим ни словом, ни делом от веры и убеждений.

Навзрыд плакали люди,—так соответствовала песня этому месту тревожных воспоминаний.

И делались друг другу близкими, роднились эти представители народных самобытных организаций.

Уже вечерело, когда мы возвращались в Орловку, где нас пригласили к столу в новый дом Алеши Воробьева, атамана нового „Сиротского Дома“.

Входим. Пред нами—высокий, как лунь седой старик. Это—отец Алеши. Он слепой. Более десяти лет как ослеп. Стоит опираясь на посох, и ждет.

— Все вошли?—спрашивает он.

— Все, дедушка.

— Славен Бог прославился!—восклицает он.

— Славно имя Его во веки веков,—отвечает кто-то.

— Лик дар наш?—испытующе спрашивает дедушка.

— Слово — дело ликундар...—отвечаю я ему духоборческий старинный пароль, так как, конечно, никто из новоизраильтян не знает его.

— Милость и истина встретохся,—пытает словом старик,— „свои ли, мол?“

— Правда с миром облобызохся,—отвечаю для успокоения старца.

Поздоровались. Сели.

— Ну, слушайте,—твердо сказал старик и начал читать один из самых главных вопросо-ответных духоборческих псалмов. Читал внятно, раздельно, выговаривая каждое слово, подчеркивая интонацией голоса особенно важные места, прочел, степенно поклонился и примолк. Слушает. Сели обедать. Запели новоизраильтяне. Внимательно вслушивался дедушка.

— Поют не по-нашему, а слова наши, самые сердечные и нужные, чувствую, что братья они нам,—сказал мне слепой дедушка, когда передавал я ему сладкий чай и хлеб с маслом и сыром—его обед.

Поздно вечером кончили мы весьма интересную беседу о прошлом духоборцев, о том, что делается теперь среди них и что можно от них ожидать в будущем...

Было темно и туманно, когда мы после дружеского прощания расходились по домам...

IX.

После многих бесед, толкований, разговоров и выяснений, так ярко подчеркнувших однородность учения духоборцев и новоизраильтян, наступило, наконец, время нашего отъезда. С утра начали готовиться к проводам. Собралось

множество народа, попрощались, поплакали, отдали земной поклон, пообещались навещать друг друга, не забывать и двинулись в путь. С нами ехали и духоборцы. Мы решили мимоездом заехать в с. Горелое, осмотреть „Сиротский дом", потом в Ефремовку, где погостить и заночевать, а на утро дальше в обратный путь.

Духоборцы, ехавшие с нами, волновались. Как-то примут гореловцы? Впустят ли во двор? Ведь это—самый центр малой партии. Ведь это они в течение десяти лет травили доносами и предавали своих братьев, свой народ на поток и разграбление. Многие из духоборцев с тех пор не были у них в селе. Теперь приходилось встретиться.

Гореловцы,—эта самая зажиточная часть духоборцев,—хотели со смертью Лукерьи Васильевны захватить власть руководительства в свои руки, а вместе с ней и общественный капитал и все огромное имущество „Сиротского дома". Они добились этого. Коронный суд не пожелал войти в рассмотрение народного обычая, а действуя формально, на том основании, что Лукерья Васильевна жила в этом доме, передал все это общественное имущество, скопленное целыми поколениями родственникам Лукерьи Васильевны, Губановым. Но не пошло оно впрок захватчикам: бо́льшую часть его они должны были израсходовать на взятки и подкупы.

В „Сиротский дом" к ним часто заезжало начальство, и они так привыкли к великому князю, наместнику Кавказа, что среди них распространилась легенда, что со смертью Лукерьи Васильевны к ним явится вождь новый, из новой среды, не иначе как из дома Романовых.

Гореловцы в творении этой легенды были, однако, совершенно одиноки среди духоборцев. Вся духоборческая масса отнеслась к этой легенде совершенно отрицательно. Когда я спросил как-то об этом мнении одного из своих собеседников, он, видимо обидевшись, резко ответил: „Вот еще, на что он нам дался? У нас и так от полиции некуда деваться!" Почитая Романовых за старших полицейских, духоборцы относились к ним с насмешками и полным отрицанием.

Мы въехали на широкий двор своеобразного здания. Ряд домов — квадратом — обрамляет этот обширный двор. Дома были разного типа; очевидно, построены они не в одно

время. Посередине двора большая затейливая беседка. К нам сейчас же вышли духоборцы. Мы объяснили цель посещения. Пришел духоборец Сбитнев, и в сопутствии его мы пошли осматривать эти удивительные хоромы. Вот огромное помещение для собраний и богомолений. Вот дом для почетных гостей. Потолки старинные, низенькие. Комнаты обставлены прекрасной старинной мягкой мебелью. Шкафы наполнены хрусталем и фарфором. Канделябры, картины в золотых рамах, зеркала, ковры, тяжелые занавесы, множество безделушек, затейливые часы. Богато убранная постель, на которой спали проезжие высокопоставленные гости. Здесь Лукерья Васильевна принимала и наместника края, и губернаторов, и разных других заезжих гостей.

Рядом стоит маленький домик, построенный в сороковых годах, сейчас же после переселения, еще Ларионом Васильевичем Калмыковым. Это и были собственные аппартаменты Лукерьи Васильевны. Со дня ее смерти здесь никто не живет, и все сохраняется в том же виде, как было при смертном ее часе, в полной неприкосновенности. И постель, и мебель, и расположение вещей, и умывальник, и даже тот кусочек мыла, который остался в мыльнице, — все сохранено свято, нерушимо.

Мы пошли осматривать беседку, в которой были жилые комнаты, где отдыхала Лукерья Васильевна. Везде уютно и хорошо. Пришли старушки, последние придворные дамы при Лукерье Васильевне, — они все помнят и все хранят.

Вот платья Лукерьи Васильевны, шубки, запаны, юбки, полотенца и прочий гардероб покойной руководительницы. Здесь сохраняются также шапки, сапоги и одежда других руководителей духоборцев. А вот особый сарай, где сохраняются повозки, кареты, фаэтоны, брички, на которых ездили и совершали путешествия вожди духоборцев. Цел рыдван, в котором „родимый Ларюшка" совершал путешествие из Крыма в Закавказье при переселении своего народа. Вот знаменитая, инкрустационной работы шкатулка, сделанная более чем из тысячи частей, кусочков дерева, и преподнесенная Лукерье Васильевне все теми же Воробьевым и Сбитневым. Она с секретным замком, изобретенным самими этими искусниками, и в ней Лукерья Васильевна сохраняла свои документы, письма и фотографии. Они же преподнесли ей

замечательный стол такой же инкрустационной работы, кровать, „на которой оне и спали-то не более как два разочка“, мебель и зеркала. Везде и всюду видна художественная работа этих первоклассных мастеров.

Обходили мы этот пустынный дом, когда-то кипевший жизнью и превращенный теперь в духоборческий музей, и видно было, что отлетело отсюда живое дыхание жизни.

„Мертвые в мире почили,
Дело настало живым...“,

так и хотелось сказать сопровождавшим нас гореловцам. Но и они почти все мертвы, живут старинкой, воспоминаниями, у них уже нет творческого духа и нет силы на новое строительство жизни. Они — духоборцы только по одежде и названию, и все типично-духоборческое уже безвозвратно ушло от них. Но среди них есть также и живые люди. Пройдя через все мытарства жизни духоборцев, познавши близко и их историю, и быт, и нравы, и учение, — они подвергли жестокой, самобичующей критике все духоборческое установление. Пришли к заключению, к необходимости порвать со всем сектантством вообще и, освободившись от своеобразно истолковываемой христианской идеологии, зажили простой жизнью более или менее просвещенных, скептически настроенных крестьян-фермеров.

Молодежь, в некоторой своей части, примыкает к духоборцам возрождающимся.

Нас накормили здесь медом с яблоками и хлебом. Пропеты были сионские песни. Сказано было слово молодой новоизраильтянской девушкой Женей, так беззаветно все время путешествия отдававшейся ознакомлению духоборцев с своим учением, и мы, откланявшись, двинулись в путь.

Огромная толпа народа — гореловских духоборцев, — делилась на-двое в своих мнениях. Были люди, явно недовольные нашим приездом, это—по преимуществу представители отживающего поколения, хотя многие старички очень были заинтересованы нами. Но молодежь и люди среднего возраста открыто радовались и заслушивались пением, охотно готовые вступить в беседу. Общее настроение, однако, было подавленное.

К вечеру мы были уже в Ефремовке, где ночевали. И рано утром, душевно простившись со всеми духоборцами, двинулись в путь, туда вниз, на Александрополь. Мы спешили домой. Все пережитое теснилось в уме и так хотелось видеть новых людей, чтобы поделиться с ними многими впечатлениями.

На Александропольском вокзале стояло большое оживление. Сотни бородатых, типично русских людей старинного покроя сновали по станции и заполняли вагоны.

Это молокане всех толков отовсюду стекались, спеша на всероссийский съезд „духовных христиан" в местечко Делижан, куда ожидались тысячи гостей.

Надо спешить.

Через два дня мы должны быть там.

На съезд к духовным молоканам в Делижан [26].

I.

Поздно вечером, когда тьма наступающей южной ночи уже окутала селение Елизаветинское, мы сели в молоканскую телегу, запряженную парой лошадей, и двинулись в путь. Нас было шестеро: я да пятеро новоизраильтян. Мы только что вернулись из поездки к духоборцам, едва успели немного передохнуть, спешно собрались и... в Делижан. Ехать нам почти сто верст, а съезд вот-вот должен начаться. Первая партия новоизраильтян уже выехала накануне, и нам нужно было торопиться присоединиться к ним.

С любопытством смотрели на нас лавочники-армяне и персы, когда проезжали мы мимо них по поселку около станции Акстафа Закавказской ж. д. Здесь не принято ездить ночью, особенно с женщинами. Дикие нравы страны, постоянные разбои и нападения приучают жителей к особой осторожности, и на беззаботность русских они посматривают косо и удивленно.

Нам было весело. Стройно пели молодые новоизраильтянки стишки; мелкой рысцой бежали хорошо покормленные лошадки, и, тарахтя по прекрасному шоссе, мы быстро потонули в пустынном мраке надвинувшейся черной ночи. Вот еще мигают огоньки последних домов, вон промаячила где-то вдалеке вспыхнувшая зеленым огоньком стрелка железной дороги, и все сразу скрылось за легким изгибом шоссе. Умолкли певуньи. Тишина окутала нас, и усталые

---

[26]) Эта статья впервые была напечатана в журнале „Современный Мир". Май, книга V, 1911 г. (стр. 176—210).

люди кое-как стали размещаться на ночь в просторной телеге. А звездное, черно-голубое небо так было прекрасно, и млечный путь так глубок и загадочно близок, и в природе все так было мягко, свежо и душисто, что, право, до сна ли тут! Вот она, обильная, прекрасная, обаятельная страна; вот она, по прозванию сектантов, „долина рая“,—и климат, и благоухание, и богатые жатвы, и тучные стада... И нет радости в этой стране. Печаль обняла ее. Все подавлено, угнетено... Казалось, вот только бы один вздох свободы, и все трепетно зарделось бы радостью, все ожило бы и в этой красе и благодатности воспело бы песню торжеству любви и счастью беспредельному...

— Вот такая же была тихая, звездная ночь, когда стали нас громить,—чуть слышно, задумчиво сказала мне Шура, молодая новоизраильтянка, поглаживая и играя кудрями прикурнувшего и крепко задремавшего ее ближнего [27]) Андрюши. — Я была еще подростком... Мы легли спать. Мать затворила ставни. Попрощалась с нами. Отец был дома. Я заснула. И другие дети тоже спали. Вдруг слышу я страшный стук, крик, шум, что-то падает и разбивается. Отец вскочил. Перепуганная мать прибежала к нам. Мы тоже вскочили. Заплакали. „Не плачьте, деточки“,—утешала нас мать, а сама трясущимися руками зажигает огонь. Взглянула я на мать, а она, как смерть, бледная, полуодетая, испуганная, и еще страшней мне стало...

Опять стук в дверь, в ставни, и такой оглушительный, страшный...

Мы притихли, притаились...

Слышим, отец с кем-то говорит... Прислушиваемся...

— Я тебе покажу, проклятому хлыстуну... Я тебе башку размозжу...— кричит кто-то.— Всех передавлю...

И зазвенели стекла в окнах. С грохотом что-то упало, звякнуло... И опять все стихло... Мы ни живы, ни мертвы... Мать хочет итти, а мы не пускаем, плачем тихо-тихо, прижались к ней...

— Не ходи, мамонька, убьют тебя, — говорим ей, а сами за нее цепляемся...

---

[27]) У новоизраильтян нет слов: „муж“ и „жена“, — они считают эти слова грубыми,—а есть „ближний“ и „ближняя“.

— Нет, детки, итти надо, нельзя отца одного оставлять...—И она сразу двинулась к двери. Мы за ней, в одних рубашонках...

— Господи, спаси,—прошептала мать и вошла...

Посреди комнаты стоял в папахе, подбоченясь, огромный казачина, покачиваясь на пьяных ногах. Это был урядник. Он ненавидел почему-то всех нас и давно грозил разорить, истребить. Поодаль, к выходным дверям, стояли еще какие-то люди.

Отец пробовал что-то говорить, обращался к казаку с уговорами, но тот и слушать ничего не хотел и только, ругаясь самой ужасной бранью, кричал, что всех задушит, все перебьет и самый дом сожжет...

— Вот вам, вот вам! — кричал казак и разбивал окна, бросал о пол стулья, срывал со стен фотографические карточки, выхватывал посуду из шкафа, опрокинул комод и, наконец, так толкнул стол, на котором стояла лампа, что все полетело на пол... Мы обмерли, ожидая, что сейчас все загорится, но, к счастью, лампа, падая, потухла... Засветили снова огонь...

— Так и пожар можно наделать,—сказал отец.

— Вот бы хорошо, — кричит казак, — и вас всех, чертей, живьем пожечь надо...

Отец стал настоятельно просить его уйти.

— Идите к себе домой, там и буяньте, если хотите, а нас оставьте...

— А-а-а... так ты так! — завопил казак, выхватил шашку и ударил отца по голове. Шашка скользнула и сильно оцарапала отцу висок... Показалась кровь и залила отцу лицо. Все это промелькнуло в моих глазах, как молния, и обдало меня жаром... Я выскочила к отцу, в чем была... в одной рубашке да платок на плечах... Выскочили дети, все плачут, рыдают. „Убили убили, — кричат, — папу убили!..“ А кровь течет по лицу отца, и нам еще страшней делается. Казак совсем озверел...

— Всех зарежу... —кричит и начал гоняться за нами, а у самого глаза красные, налились кровью. И все больше норовит меня захватать... Бросается на меня с шашкой... „Беги скорей, беги!..“—закричала мать, и я черным ходом выскочила на двор и бросилась бежать, босая, в одной рубашке.

Казак подался, было, за мной, но потом остановился и закричал мне вслед: „Не уйдешь от меня, погоди...“ Я бежала изо всех сил и только помню, как сзади меня раздавались удары, грохот и звон разбиваемых стекол, посуды... Уже начинало светать... На улице тихо. Все спят. А я бегу, бегу, босая, в одной рубашке, растерзанная, с растрепанными волосами... Сначала и сама не знала, куда бегу, но ноги принесли в семью наших братьев по вере, живших на другом конце селения. Я застучала в окно и закричала: „помогите! помогите!“ В доме сейчас же все повскакали, отперли и увидели меня в таком несчастном виде. Силы оставили меня, я свалилась у дверей и зарыдала,—не могу и слова сказать. Меня подняли. Хозяйка дома взяла к себе, уложила в постель, укутала, стала утешать, и я еле-еле смогла рассказать, в чем дело. Братья сейчас же оделись, побежали за другими, и все бросились к отцу на помощь. Потом мне рассказывали, что, когда они прибежали, казак и его спутники уже перестали безобразничать и с руганью, криком и шумом, разрушая все, что возможно, во дворе, направились куда-то по улице...

Нашим братьям представилась ужасная картина разрушения. Отец, окровавленный, сидел, понуря голову, мать плакала, плакали дети, жались к ней и утешали ее...

Я сильно заболела...

Отец подавал в суд, но никакого толка не вышло [27]). Этот погром переполнил чашу нашего терпения, и отец решил переехать на жительство в другое место...

Шура тяжело вздохнула и умолкла... Долго молчали и мы. Тяжело было...

— И раньше нас очень преследовали,—опять оживилась она, точно рой воспоминаний не давал ей покоя.

— Помню, я была еще совсем маленькой, и мне так хотелось иметь игрушки—куколок и зверьков: я у кого-то видела их. Вот мать мне и говорит: будешь умница, будешь слушаться,—игрушки к именинам куплю. И я так ждала игрушек, что вся притихла, прямо боялась как-либо пошалить.

[27]) Много случаев преследования новоизраильтян, погромов их домов, избиения и убийств собрано и описано в 4-м выпуске моих „Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества“, 1911 г.

И вот пришли именины, и мне подарили игрушки; я так была рада им, так счастлива, что и сказать нельзя,—прямо счастливей всех на свете. После обеда вышла за ворота, ко мне подошли подруги, и мы на завалинке стали играть и в куклы и в зверьки: рассадили их, дом сделали и зверинец, и так нам было весело и так было хорошо... Мы и не заметили, как подошли ребята с соседних дворов, православные; они всегда нас дразнили; конечно, не сами они, а за взрослыми шли, взрослые их подучивали. Окружили они нас. Некоторые как-будто бы с добрым стали с нами заговаривать, а мы так уж рады своему счастью, что и их не испугались. Один, который постарше, вдруг как закричит: „смотрите, смотрите!..“

Мы все обернулись к нему, а они как закричат, как загалдят, нас опрокинули, пихнули, ударили, куда пришлось... Мы встали, а игрушек уже нет... все унесли... Мы так и обомлели... Горько заплакали и пошли домой... Так плакали, что и теперь вспомнить, так сердце сосет. Ничем не могли утешить нас дома... Большие тоже плакать стали, глядя на наши слезы и на нашу обиду... И так скучно стало... Со двора боялись выходить... Бродим по двору, и ни за что взяться не хочется... А как выйдем посмотреть не завалинку, где играли, где последний раз видели наших зверьков и куколок,— так плачем горько, рекой разливаемся... А они, чтобы нас еще больше убить, возьмут куколку, разломают ее на мелкие части да сложат опять, как будто целая, и положат на завалинку, завернут в тряпицу, так что она только чуть видна... Выглянула я как-то за ворота... Ай, батюшки, смотрю, куколка!.. Обрадовалась... Вот счастье... Сердечко забилось... Подбежала я, схватила ее, а она и разсыпалась... Заплакала я пуще прежнего... А они из-за всех углов хохочут, грязью, каменьями швыряются... И так больно стало, и так обидно, что прямо лучше умерла бы... Несколько раз проделывали они этот обман, пока я сама брать их подбросы перестала... Все равно, знала,—все кончено, нет уже больше моих зверьков, моих куколок...

Так вот и росли мы, травленые... Всю жизнь травили... Зимой в снег затолкут, как с горы пойдем кататься, подшибут нарочно, санки отнимут... В школу стали ходить, там еще хуже. Поп иначе как хлыстовкой да кадушницей [28]) не называли...

[28]) Обычные прозвища сектантов.

вал, точно и имени у меня нет... Все смеются, хохочут; прямо в школу идешь, как на пытку... Родители сами плачут, слушая нас, а в школу посылают, терпеть велят, потому что без школы нам нельзя... Что будешь делать?... К учению-то мы были очень охочи, и читать книжки, это—наше любимое дело...

И опять мы смолкли... Горькое, тяжелое чувство охватило душу...

Преследование, погромы, надругательства... Кого? Над кем? За что? За то, что люди вырвались из-под властной опеки, не хотят больше верить тому, чему приказывают; не хотят жить так, как указывают; стремятся жить так, как велит совесть, по-своему, по-новому и лучшему... И фанатизм невежд, возбуждаемый заинтересованными, своекорыстными лицами, снова и снова прорывается, как и в былые, дикие времена так называемого „язычества"!

Но чем же это современное „христианство" ортодоксальной, господствующей православной религии отличается от старого „язычества" в отношении терпимости к другим верам и убеждениям?

...Тихо ехали мы, вступая все глубже и глубже в долину гор. Дорога, вьющаяся по левому берегу горной бушующей реки, то входила в огромные купы деревьев, то выбиралась на открытые места, откуда открывался обаятельный вид на спящую долину, где повсюду, как минареты мечетей, возвышались гордые, стройные вершины пирамидальных тополей. В нежном свете луны тихо трепетали они, словно знали какую-то тайну... Все затихло, все уснули, кое-как свернувшись в телеге. Мы въехали в перелесок. Вновь набежали тучки, и замерли последние отблески луны. Ночь стала еще темней. Как-будто бы весь сумрак гор, все тени и призраки ущелий, вся грозность вершин надвинулись на нас, покрыли и не давали вздохнуть. Мы остановились.

— Как дальше ехать-то?—проворчал молоканин, слез с облучка, походил вокруг телеги, подтянул подпруги, протер рукавом морды лошадей, взобрался опять на свое место и тронул.

Усталым, как бы сонным шагом не шла, а плелась наша пара карих лошадок...

Туманная сырость охватила нас, как только мы въехали в темный и, казалось, зловещий лес...

— Скоро будет солнце,—подумал я.

— Светать будет...—словно подслушав мою мысль, отозвался молоканин и стегнул лошадок, но оне, отмахнувшись хвостами, не изменили шагу: „что, мол, ты лезешь!.. Сидел бы!.. Сами знаем, как надо итти в этакую темь!..“

II.

Стало сереть. Поползли тени, и мрак редел... Закружились, заклубились горные туманы. Стремительно понеслись они. Как занавес невидимой сцены, взвивались они из пропастей, из-за леса, все выше и выше, точно втягиваясь куда-то, в невидимую, бескрайнюю бездну... Вот еще поворот, еще перелесок, потом круто за гору, и нас сразу озарило из пересекающей долины новым, только-что рожденным, сильным утренним светом. Все оживилось. Бурно неслась река, а там, за рекой—плавни, густые поросли камыша-бамбука, повыше виноградники, а дальше на горку—сады, сады без конца, пересекаемые лужайками, как азиатские ковры, запестренные цветами. И там и тут виднелись распаханные поля. А там, за культурой человека, начиналась культура природы. Все выше и выше на противоположную крутизну долины вздымался могучий лес. Буен и почти непроницаем темно-зеленый, широколистый лес южных закавказских долин. Широкошумные вершины грецкого ореха, каштанов и платанов сливаются вместе, и, как безбрежное море, волнуются они легкой, неумолчной рябью. И там, где крутизна берега долины неровна, где делает она значительное падение, лес тоже идет за ней, образуя огромные, воздушные гавани—глубокие и хмурые, где ходуном ходят волны густолистой листвы, где то водоворотом бурлили тени, то разом все застывало, как тихая, нежная гладь южных морей. И вот-вот так и кажется, что оттуда, из недосягаемых далей, из этих горных долин, от реющих в облаках огромных вершин отплывает, как белый лебедь, чудесный воздушный корабль-самолет и, покружившись над нами, сверкнет своей грудью в лучах уже озарившего нас солнца, взмахнет, улыбнется могучим взмахом своих крыльев и причалит там, в эти воздушные гавани, где копошатся и взлетают птицы, где реют коршуны и горные орлы, где притаились ночные хищ-

ники, совы и филины, так часто почти беззвучно пролетавшие над нами во мраке прошедшей ночи...

С буйной радостью взметнулось солнце и покатилось от вершины к вершине все выше и выше, одевая своими лучами охолодавшие, пасмурные горы. Все заблестело, заиграло, и неугомонный хор как бы сразу проснувшихся птиц встретил румяное утро всехвальной песней весенней любви...

— Утро, пора вставать!..—зашевелились мои спутники и, поднимаясь и оправляясь, весело и радостно глядели кругом.

Мы завернули за гору, и перед нами открылись развалины домов. Стены, сложенные из мелкого камня и вымазанные глиной, облезли. Окна выбиты, и вокруг них черной тенью легли копоть и гарь сильного пожара. Трубы, как оголенные кости скелета, торчали над провалившимися кровлями домов. Кое-где обвалились, выпали стены, обнажая убогую внутренность этих жилищ. Надворные постройки разрушены, исковерканы, все мертво, дико, пустынно. Ужасом веяло от этих чернеющих окон-впадин, словно прогнивших глаз мертвеца...

— Что это?..

— Это—армянский дом... Богатый был!.. Какое хозяйство-то!.. И-и!.. Сказать нельзя!..—протянул молоканин.—Всего было вдоволь, садоводы были, настоящие крестьяне...

Не успел он договорить, как вон открылся еще такой же дом: такой же оголенный, растерзанный мертвец стоял перед нами, а там еще и еще...

— А это татарский...—показал молоканин кнутом на развалины,—тоже богатый был...

— А это опять армянский, а вон то татарский...

— Что же это такое?..—удивлялись новоизраильтяне.— Пожар, что ли?

— Какой пожар!.. Война была... Как пришла это, значит, свобода, как объявили, что никакого теснения больше не будет, вот татары и поднялись, говорят: это наша земля, наши отцы и деды на ней жили, а армяне завладали; а армяне говорят: мы купили... Нам какое дело?.. А кто говорит: еще раньше ваших дедов наши деды здесь жили... И взбулгачился народ... И пошла война... Татары в армян стрелять, а армяне—в татар... Что тут только было?.. Не приведи Создатель!.. Все горит... Пожары повсюду пошли... Громят до-

ма, амбары... Отбивают скот... Что угнать в горы не могут, убивают тут же... Людей побитых сколько было! Прямо на дорогах лежали... Всех убивали: и детей, и женщин, и девушек. Над женщинами татары всегда сначала надругаются всяко, а потом убивают. Детей били на глазах матерей и отцов, чтобы мучительства больше было... Ну, и армяне защищались, кто чем мог, а больше бежали... Такая была война, аж и сейчас страшно вспомнить. По всем местам здесь так было...

Еще больше разгорелось солнце, ярко освещая и нежно лаская эту благословенную долину... Но не было нам радости, отлетела она... Мы ехали по местам, недавно буквально залитым кровью, этой ужасной татаро-армянской резни... И вот все пришло в запустение. Где, по рассказам, пять лет тому назад кипела радостная жизнь, где раздавалась песня мирных тружеников, где разрабатывалась и холилась тучная, плодородная земля, где богатейшие фруктовые сады гнулись, томились от разнообразных плодов, где скотоводство возрастало ежегодно,—там теперь редко встретишь человека. С проклятиями бежали оставшиеся в живых, бежали, куда глаза глядят...

Все пустынно, заброшено... Диким хмелем и всякими иными живо растущими южными травами и кустарником заглушаются сады и нивы луга... Разрушены водяные мельницы, разрушены арыки, собиравшие с гор воду и орошавшие безводные долины; все брошено, оставлено на произвол судьбы; население разбрелось, и нет сил никому вернуться сюда, где все облито кровью близких, родных, где кошмарные воспоминания вызывают ужас и оцепенение, леденящие кровь, где призраки вопиющих к небу убиваемых и истязуемых, проклинающих судьбу и самую жизнь так и реют над вами, терзая сердце и мозг...

Все разрушено, сожжено, убито... Огромные труды целых поколений снесены взмахом фанатичной, варварской руки...

— По некоторым местам проезжать трудно было, такой смрад стоял от убитых... Долго не убирали их...—рассказывал молоканин.

— Что ж, судили разбойников-то?..—спросил кто-то.

— Нет, суда и следствия не было никакого... — ответил молоканин.

Долина радости помертвела... Все поникло... Притихло... И эта весенняя, бодрая жизнь, жизнь долины, где так недавно смерть гуляла от края и до края, вдруг стала жутка, холодна, уныла, и ужас и тоска охватила нас.

Молчаливо, понуро ехали мы дальше...

Вот перед нами завиднелось селение,—здесь будем кормить лошадей. Живут армяне и татары. На постоялом дворе -непролазная грязь. Устроили лошадей. Пошли искать харчевню,—подкрепиться надо, пообедать. На улице народ: армяне, татары, разговаривают бойко, оживленно, по-восточному, с сильными жестами. Обсуждают дела, продают, покупают... Детишки бегают, снуют... Вот татарчонок идет, играет и бьет ногами: он—в кореннике тройки, лихие пристяжки, армянские курчавые ребята, несутся во всю прыть, и кучер армянин... Вон девочки играют и плещутся возле лужи... Везде все смешано: татары и армяне, и все дружны, и все веселы, вместе смеются, деловито бьют по рукам, выносят из лавок товары, рассматривают их на улице, отдают обратно, покупают, торгуются, шутят, смеются, ругаются; татары клянутся бородами, выкрашенными в честь Магомета в ярко-красный цвет; армяне призывают в свидетельство и единого Бога, и Божью Матерь, и самого Христа, и все так просто и ясно, и доброжелательно... Никак нельзя было бы подумать, что только всего несколько лет тому назад здесь пронесся смерч злобы, мести, ненависти, ожесточения и самой смерти, когда они, эти простые, милые, трудящиеся люди,—стояли друг против друга как заклятые, доведенные до изступления враги, стояли с оружием в руках на исготовке, ожидая каждое мгновение сигнала к нападению и взаимному ожесточенному истреблению...

И оросились цветущие долины жертвенной человеческой кровью.

Кто приносил ее?.. Во имя какого Бога лилась она?... Кому она была нужна?.. Кто тот окаянный жрец, который дерзнул возжечь ее на алтаре народных страданий?.. [29])

[29]) Эта армяно-татарская резня, стоившая жизни десяткам тысяч людей, была организована в 1906 году чиновниками царского правительства вместе с татарскими бакинскими капиталистами для подавления революционного движения, широко разлившегося тогда среди армянского населения. Прим. В. Б.-Б. (1919 г.)

И кровь эта вопиет к небу, и будет она стоять в сознании людей огненным путеводным столбом, пока ее вопль не будет услышан, пока мир и радость и счастье не зацветут в скорбных долинах прекрасной полуденной страны, и благоухающие цветы грустной радости вновь не покроют своей мощью пепелящиеся развалины нашей мятущейся жизни...

...Покормив лошадей, отдохнув, мы двинулись дальше... Ночью один из наших спутников потерял со сна шапку и теперь, спасаясь от палящих лучей, покрылся платком-косынкой..

Сколько веселого смеха вызвал он среди этих простодушных детей гор и ущелий! Женщины и дети смеялись навзрыд. Мужчины хватались за бока, указывая на него нагайками, с которыми они никогда не расстаются...

— Усатая баба!—кричали они.—Усатая баба!.. - неслось, как эхо, со всех сторон... И все были рады и веселы... Смеялись они, смеялись и мы...

Стесненный ущельем горный поток грохотал и ревел... В поднебесье кружились альпийские орлы... И все так тихо, безмятежно, томно, так упоительно хорошо... А там за селением снова развалины,—остатки погрома,—и леденящий холод снова охватывал душу, тяжелые думы ложились камнем на сердце, и так хотелось уйти, убежать туда, в горы, в леса, в синеву небес, но ропот жизни, признаки ужаса прошлого, неведомые дали будущего держали и держат всех нас здесь, среди безпросветной современности... [30])

— Здесь и нигде больше,—кричали они,—должно обрести счастье и радость!.. Ведь все так прекрасно кругом!..

III.

К вечеру, поднимаясь все выше и выше, мы, наконец, увидали вдали, по склону горы, среди густолиственного темно-зеленого леса, приветливые, изящно разбросанные сотни беленьких домиков. Они, точно ласточкины гнезда, лепились под

---

[30]) Эта статья была мною написана в 1911 г., когда в России господствовала злая реакция николаевского царского режима.

Прим. В. Б.-Б. (1919 г.).

скалами на уступах гор... То там, то тут,—то выше, то ниже,—поблескивали они своими яркими стенами и черепичными крышами.

Мы подъезжали к Делижану, местечку, расположенному на большой дороге в Джульфу. Внизу под нами, в долине,—наша дорога все время вьется по склону горы,—тяжелыми, правильными рядами и квадратами растянулись казармы и службы местного, весьма значительного гарнизона. А там, поодаль, точно ряды конусообразных холмиков, белеют солдатские лагерные палатки.

Все чаще и чаще нам попадался навстречу народ... Приезжих повсюду более, чем местных жителей. Здоровые, коренастые, с огромными бородами „духовные молокане" из отдаленных мест и лощин Закавказья. Более цивилизованные, „аккуратные", как говорят здесь, „молокане-постоянные", а также субботники и разные другие толки молокан, собравшиеся сюда со всей России на съезд „духовных христиан", именуемых „духовными", они же „духовные молокане".

Народ все идет и идет. И женщины, и подростки, и мужчины. Здороваются, приветствуют друг друга, знакомятся, вступают в беседу. Гудят, как пчелы на пчельнике, и все радостные, довольные, по праздничному одетые... А вот и новоизраильтяне... Радостная встреча...

— А мы и не чаяли, что приедете...—приветствуют нас.

Двигаемся дальше и все тише и тише... Народа — море; запрудили улицы. На нас смотрят с любопытством: „Это, мол, что за люди?.." Вот он и дом, где заранее пригласили нас остановиться... На дворе битком набито повозками. В комнатах расположились приезжие... Вот и наша комната... Кое-как сложив вещи, мы двинулись туда, в селение, в кипучий центр муравейника, к палатке. Идем. Вот они и наши остальные новоизраильтяне! Здравствуйте! Собралось все посольство. Обрадовались друг другу.

— А нас сегодня уже лишили слова...— говорит, добродушно улыбаясь, Степа.

— За что? Как? Рассказывай!..

— Было открытие, приветствовали съехавшиеся устроителей. Ну, и я пошел. Думаю, надо чего-сь сказать от нашей общины... Стал говорить. Слушают со вниманием, а потом

вот этот кудластый,—он у них за самого главного представителя, — как закричит: „Довольно! Не позволю!“ — Как это так довольно?—говорю ему,—я еще мысль не кончил, не все высказал... В народе шумят: „просим! просим!“ А он свое „довольно!“ кричит.—Не кончил, говорю я!..—„Мало ли там что! Говорю тебе, довольно, ну, и все тут!.. Лишаю слова“,—кричит. Ну, думаю, и молодец ты, паря!.. Не хочешь, как хочешь!.. Пожал я плечами, высказал неудовольствие и ушел. Этак, думаю, мы и с миссионерами привыкли, а ты еще себя „духовным“ именуешь... Сошел я, а в палатке гул пошел. Недовольны!.. Он этак не только меня, а и других оборвал, а сам говорит, что твоя шарманка... Говорят, что он от страха... Очен пуглив, начальства боится — страсть!.. „Как бы чего не вышло!..“—все спрашивает. Вот он и обрывает, как какое слово не по нем сказанное заметит.

— Что же это ты наговорил, Степа?.. — с любопытством обступили его вновь приехавшие собратья...

— Да вот у меня вкратце тут все записано, я заранее приготовился... Думаю, так-то лучше, складней скажешь...

И он подал нам весь исписанный полулист писчей бумаги.

„В данное время нам представляется случай высказать несколько слов пред вами, дорогие слушатели, от имени Нового Израиля,—прочли мы в рукописи. — Во-первых, мы приветствуем всех собравшихся сюда, кто горел сердечным стремлением побывать на этом общем съезде и в настоящий момент присутствуют здесь. Мы, новоизраильтяне, как только что услышали об этом, положили в своем сердце побывать на съезде и, насколько представится возможным, принять хоть скромное участие в благих намеченных целях съезда, а потому мы и присутствуем здесь. Теперь, конечно, хотим вас познакомить всех с тем, что представляет из себя Новый Израиль, какие его идеи и его жизнь, так как о Новом Израиле знают очень мало,—это благодаря его подпольной жизни, которую он проводил в течение многих веков. Как вам всем известно, что вот только по объявлении веротерпимости многие из сект обнаружили свое существование. Так точно и Новый Израиль не в силах был заявить о себе громогласно, а жил себе своею собственною внутреннею жизнью, хотя и не скрывал своих духовных познаний о Боге, об Его вечной правде, за что от безбожного

мира перенес много страданий и скорбей. Постоянно почти темные силы набрасывались на него, как воронье стадо на беззащитных птенцов, выхватывая одного или более и упиваясь их кровью. И они снова с дьявольской силой поднимались и кружились в поисках новой невинной жертвы. Порою слышался страшный шум свирепых волн возмущенного моря невежд, готовых каждую минуту выйти из своих пределов и произнести свой страшный приговор. Отборная ругань священников господствующей церкви, широкий размах кулака невежды, произвол, насилие властей — делали жизнь Нового Израиля прямо-таки невыносимой. Убийства, ссылки на поселение, штрафы за то, что собирались на собрание,—вот обычное явление было во Израиле. Нету возможности, нету слов, чтобы объяснить все ужасы, которым подвергались мы в недалеком прошлом. Теперь на ряду с другими мы получили свободу своего вероисповедания и гораздо свободней чувствуем себя, как пережившие все невзгоды, которым и вы все в свое время подверглись и, быть может, с радостию перенесли, и за то благодарим всемогущего Господа. Теперь на весь этот народ, на всех страдальцев Новый Израиль смотрит как на честных тружеников за правду, а все подвиги страданий ценит очень высоко, без различия в упованиях; какого бы убеждения кто ни был бы, каждому они распростерли объятия всеобщей, братской любви, потому что каждый из этих людей пострадал за правду, и хоть маленькая частица была у него Христовой правды, но все-таки он способствовал утверждению истины на земле. Теперь цепи позора разрушились, и сама жизнь и справедливость осуждают наших врагов. На самом деле, эти люди,—по человечеству, наши братья,—угнетали людей, которые хотели молиться по-своему,—кто же это предоставил им право врываться и вдираться грубыми руками в душу человека? Это, ведь, святая святыхъ, союз души с Творцом вселенной. Но они с этим не считались. Теперь это хоть не совсем, но все-таки миновало, и темные тучи рассеялись, и Новый Израиль в своем неуклонном стремлении к правде Божией и непрерывному движению к осуществлению вечного Христова идеала выступил на видное поприще духовной жизни, высоко поднял знамя Христа-Бога, на котором начертано живыми словами—царствие Божие на земле, среди

человеков, где царствует Бог и господствует Его святая разумная воля, потому что она нигде кроме не может быть, а в тайниках бессмертной человеческой души, как и было сказано самим Христом: „Царствие Божие внутри вас".

— И это не дали сказать?..

— Да... Не дали...

— Чем вы это объясняете?..

— Да прежде всего они все чего-то боятся... Сегодня даже пронесся слух, что закроют съезд, не допустят... А потом старцы здесь всю силу имеют, боятся кого-либо другого допустить до народа... А народ-то хороший, жадён послухать... Так и льнет... Вон как меня прогнали, сколько ко мне подходили, знакомились, расспрашивали.

... Мы, разговаривая, подвигались понемногу к палатке. Палатка была огромная—целое сооружение, дом-манеж из парусины. Занимала она 800 квадратных сажен. Устроена легко, красиво, даже изящно, на высоких столбах с продолговатым, аркообразным куполом. Посреди—трибуна для совета съезда и почетных гостей. Повсюду стояли рядами столы, окруженные скамейками.

Мы подошли к главному распорядителю, почтенному старцу с добрым лицом и ласковой улыбкой. Сказали ему, что приехали оттуда-то, хотим послушать беседу на съезде и просим отвести нам постоянное место. Я объяснил, с какими целями приехал к ним на съезд. Совсем, было, у нас все хорошо сладилось. Приветливый старичок ласково поговорил с нами, обрадовался, что мы приехали посетить их, одним словом, высказал нам всю учтивость и доброжелательство, с которыми обыкновенно встречают хозяева-сектанты своих гостей. Он сейчас же подозвал своего помощника и указал ему, где поместить нас, какой стол занять, чтобы все было „и слышно и видно".

В это время, в самую последнюю минуту нашего разговора, вынырнул из-за трибуны, как оказалось после, тот самый человек, который прогнал с каѳедры Степу. Грубое черное лицо, все заросшее волосами; длинная паклеватая борода; черные, прямые, длинные волосы, подстриженные в кружок, и злые зеленовато-черные глаза затаенно, дико поблескивали из-под нависших, топорщащихся густых длинных бровей. Когда говорил он, слюна кипела в углах его

темнокрасных, толстых, чувственных губ, а угреватый широкий нос вздрагивал. Это был бакинский молоканин-духовный. Как взбаломученный фанатик, дико озираясь, подскочил он к нам и крайне неразборчивым языком, грубым, хриплым голосом стал бросать отрывочные слова:

— Ты смотри... Так што... Ни на што не посмотрим.. Вон выгоним... Вы кто будете?.. У нас не полага-атца...

Мы пробовали ему спокойно объяснить, кто мы, зачем приехали, чего хотим. Но он не слушал, дико ворочал глазами и также отрывисто бросал слова, то отходя от нас, то опять наступая. Грозил нам, потом разрешал остаться, хлопал по плечу, приговаривая: „смотри у меня!“, глядел на нас исподлобья точно, всматривался и, видимо, сильно волновался. На лице его выступил румянец, и он, пробурчав еще что-то грозное, вдруг улыбнулся, и улыбка его была добрая, оиветливая, даже ласковая, и глаза засветились другим светом, светом несомненного ума, и сам он весь стал другой... И я почувствовал, что под всей этой корой суровости, дикости, фанатичности есть что-то иное, какая-то сила, которая может баюкать и чаровать... Я посмотрел на него еще раз, чтобы лучше запомнить... Лицо его сразу осунулось, бесконечная усталость подернула его глаза, он как-то беспомощно рухнул на скамейку, держа в руках толстую старую Библию, откинул длинные волосы, прядями спускавшиеся на лицо, и весь грустно задумался, тяжело вздыхая и охая... [31]).

Добренький старичок, встретивший нас так приветливо, виновато улыбался, то сжимал, то разжимал руки и что-то говорил, словно извиняясь перед нами.

---

[31]) На другой год я был в гостях у этого прекрасного старика, жившего в Баку и действительно стоявшего во главе общины духовных молокан.

Лебешов оказался, как это впрочем узнали мы уже на съезде, прекрасным человеком, большим конспиратором, совершенно измучившимся с организацией съезда, ждавшим каждую минуту его закрытия со стороны правительственной администрации, отчего и происходило его крайнее волнение и тревога. Этот первый легальный съезд для духовных молокан был крайне необходим, и его расстройство могло весьма пагубно отразиться на всей организации общины. Болезненно и мучительно переживали они натиск администрации, от которой сектанты никак не могли ничем откупиться. Создалося настроение отчаяния, и председатель съезда, взявший на себя всю ответственность, этот самый Лебешов,

Мы поняли, что здесь чем-то все волнуются, что-то у них не ладится, и не стали больше ни расспрашивать, ни объясняться, а двинулись и заняли тот стол, который нам указали.

Вечерело. Быстро надвигались сумерки приближающейся ночи. Зажгли керосино-калильные фонари. Народ беспрерывной рекой вливался в палатку, наполняя ее от края до края. Шел сдержанный говор, сливавшийся в общий гул. Изредка то там, то тут пели протяжные заунывные молоканские псалмы. К нам стали подходить старички и объясняться по поводу случившейся размолвки.

— Вы уж не примите это к сердцу... Столько хлопот... Вы люди в здешнем краю новые... Приезжие... Все боимся, как бы чего не вышло... Эвона, сколько народу-то съехалось, а знаете,—и он тихо шепнул мне на ухо,—говорят, прикрыть нас хотят, закроют... Что будем тогда делать?..—воскликнул он, ударяя себя руками по коленям...—Вы уж не обессудьте нашего старичка-то... Он, ведь, хороший, угрюм он у нас... хмурый—совсем пасмурный с виду, а предобрейшей души человек... Болеет за всех и за съезд опасается... Съезд-то—его дите... Вот все и боится, все и смотрит: ах, закроют! ах, не дадут и слова вымолвить! Начальство—ты знаешь какое ноне... Куды там!.. Беда!.. А мы, ведь, сколько сил уложили, средствий на это дело... Вон какую махину соорудили...—и он обвел рукой вокруг себя...—За все время, пока стоит наше молоканство, т.-е. мы, молокане-прыгуны... в первой-то раз съезд имеем... А делов у нас.... куча...

— Дорогой мой,—сказал я ему,—а почему вы себя „прыгунами“ зовете?

На лице его выразилось отчаяние и глубокое удивление. Он даже попятился от меня.

— Я что-то о таких не слыхал,—продолжал я,—вот о духовных молоканах много знаю...

Его лицо быстро расцвело в широкую, ласковую улыбку.

в первые дни был неумолимо строг к ораторам и, спасая съезд, обрывал всех за каждое лишнее слово, потом помягчал. Так он поступал со своими. С тем бо́льшей опаской он относился к приезжим гостям, боясь чтобы они не подвели съезд. Нечего и говорить, что за кулисами легального съезда, как я узнал после, шли нелегальные заседания главарей общины и различных групп, которые решали весьма нужные свои дела. Прим. В. Б.-Б. (1919 г.)

— Это мы и есть.... Оно, действительно, так, мы духовные, т.-е. молокане,—указывал он на себя, ударяя пальцем в грудь.

— А зачем вы сами себя называете так, как вас ругают? Я слышал, что вы в духе ходите? Или, может быть, вы только „прыгаете“?

— Нет, как можно, оно точно, мы на нашей молитве в духе ходим... Прыгать,—нет, упаси Боже...

— Ну, то-то оно и есть,—кто-то добавил из слушающих,—как же это вы сами себя так унижаете?..

— Зовут нас так, и обидно это нам, да что будешь делать? Совсем уж привыкли мы к этому срамному названию... Терпеть надыть... А все это миссионеры да попы про нас славу пустили, а древославные и рады, и сейчас подхватили.

...По столам расставили чайную посуду, чайники, хлеб, сахар, соль... Все встали... Молились перед трапезой... Представители какой-то общины пели псалом. Наш собеседник заторопился к трибуне, а к нам все подходили и подходили на краткую беседу старички, стараясь объяснить, загладить все тот же, очевидно, неприятный для них самих инцидент...

На дворе совсем смерклось. Густая ночь окутала нашу палатку. После чая подали традиционную молоканскую лапшу, а потом нарезанное кусками мясо. Трапеза тянулась долго, общины все пели и пели, и воодушевление входило в сердце людей.

Вон встали там... Сразу поднялось много народа... Запели.. Подмывающий женский сильный голос несется в песне, идет один, сильней других. Другие поют не для себя, а для этого главного голоса; для него они поют, для этого тоскующего, иногда пронзительного, иногда рыдающего, захлебывающегося голоса, голоса той женщины, которая стоит в середине хора. Вот она двинулась и опять стала, на всех посмотрела, обвела взором, а голос идет все шире и шире, несется он, увлекает...

И вдруг как-то ухнул стишок, точно подбросило всех; зарыдали, закружились звуки, и она, тихо покачиваясь, как бы раздавая благодать, зажмурив глаза, склонив в истоме голову, плавно идет, колышется, вздрагивает мелкой зыбью и постепенно вздымает руки к небу, все выше и выше, и, кажется, растут они, эти беспомощные, трепетные руки, вы-

растают из нее и подымаются, и осеняют, и благословляют... А песня взмывается из самой глубины человеческих сердец, кружится, догоняют друг друга голоса, обнимаются, сплетаются стишки и несутся беспрерывно, неуемно, как волны плещущего моря... А она плывет, кругом, кругом, томная, обессиленная, просящая, и озаренное лицо ее тихо, спокойно, ласково, примиряюще и обворожительно хорошо... Затихает стишок... Падают звуки... Все реже и тише, тише и реже, и, наконец, замерли... Полная тишина... Мертво, пусто... И, как опьяненная волшебными чарами наития духа, ослабевшая, усталая, упала она, как подкошенная, на руки своим сестрам и братьям... Нежно, бережно отвели, почти отнесли они ее на место, и все наперерыв хотят помочь ей, приголубить, приласкать, услужить, прикоснуться к ней... А она, усталая, смотрит кругом черными, как сливы, глазами, и взор ее помутнел, заволочен налетной дымкой... Изящным подъемом руки оправляет она выбившиеся пряди черных волос и смотрит на всех так добро, так ласково, чуть улыбаясь, вся светлая, радостная...

Кончилась трапеза, кончилось пение. Помолились, и все разом двинулись из палатки на улицу. Несметная толпа... Запрудили все, что видно кругом, что освещается вздрагивающим, ярким пламенем многочисленных факелов и костров... Идут... Запели где-то там, запели здесь, отозвались сбоку, сзади, где-то в темноте подхватили разом, и пошло и понеслось пение. Взмахивая руками, поднимая их ввысь, совершенно так же, как делают это священники в алтаре при освящении даров, все время продолжая держать так руки кверху, шли они и пели, пели эти тысячные толпы свои священные сионские песни, напоминавшие боевые марши... Множество рук трепыхалось над морем голов, как крылышки вспугнутых голубей, трепыхались они в отблеске факелов, в зареве, в вспышках костров... Мощными шеренгами шли они, железной поступью ступали эти ряды восхищенных людей, потрясая и небо и землю своими победными песнями, ищущими возгласами, взыскующими кликами „славному Сиону“, новой жизни на новой земле...

То там, то тут выделялись особенно воодушевленные люди и кружились и неслись в вихре священной пляски...

Вот озаренный сильным светом вспыхнувшего факела,

весь перед нами, плотный мужчина среднего роста, с блаженной, немного смеющейся улыбкой. Наклонившись всем туловищем вперед, откинув немного голову, держа у пояса полусогнутые руки, как лапки, он, весь сияя, легко вспрыгивает высоко, плавно, мягко как пух; точно несет его что-то; почти не касаясь земли, он прыгает, прыгает высоко, на ходу, и поет, поет неумолчно... Огромная изжелта-русая борода, словно гофрированная, как у ассирийских богов и царей, покачивается, вздрагивает мерно, в такт его прыжкам... Вот другой вскинул руками, затрясся и также прыгает легко и свободно, и вся толпа, вся его община, взмыла руками и вдруг подняла на пение, словно выплеснула, полную женщину, красивую и статную... Она легко, как балерина, стала вспархивать и опускаться, раз за разом, и запела, залилась звонким, сильным голосом.

Идет эта пара, как по воздуху плывет... Вот они схватились, обнялись за плечи—крепко-крепко, точно слились, сплелись, и два, как один, кружась, поднимались и опускались часто, быстро... Все замерло... Остановились... Мигом образовался круг, и в пламени вечерних огней закружились замелькали трепыхающиеся, как крылышки, ладони, и люди вздымались и опускались один за одним, пара за парой, без череда, свободно и вольно, и казалось, этому мощному танцу, этой священной пляске не будет конца... А песня неслась, крутилась, порывисто взвизгивала, становилась все чаще, все выше, все выше и чаще...

Людская лава, запрудившая, насколько хватает глаз, широкую улицу-шоссе, от края до края колыхалась, трепетала, млела... Повсюду мелькали руки, поднимались и опускались люди, и все пели, пели и пели...

Из-за гор выплыл месяц и бросил бледно-матовый свет на этих беспредельно радующихся людей, и звезды, как крупные алмазы, ярким, живым, переливающимся светом поблескивали в глубине бездонных небес... И было тепло. И ароматы садов, горного леса, полей и лугов несли свои дары к этим людям, жадно, по-своему ищущим давнишнюю чаровницу-свободу и счастье в свободе...

Толпа двинулась, и нам теперь только издали слышались все те же звуки песни, и мы видели все то же удаляющееся вздрагивание и трепыхание тысяч рук...

Погасли факелы, и в таинственной полутьме лунной ночи беспрерывно двигались шуршащие толпы еле видимых людей.

> Слава апостолу Павлу, честь Христову борцу,
> Страдальцу святому, вестнику славных небес,
> Избранному сосуду, в нем полагал Христос дары,
> Носителю духа Божия, вечных глаголов Его.
> Правду Божию настаивал, жало смерти он попрал,
> Сеял зерна добра, был судим за Христа...

Тихо, чуть слышно запели...

Стройно, мелодично неслась к небесам, с глубоким подъемом проникновенного чувства, торжественно печальная, но полная надежды и непреклонной уверенности священная песня...

Замолкли шорохи. Притаились, затихли люди. Задумались.

— Это кто такие?...—еле слышно спрашивали друг друга удивленные прохожие.

— Тише....

— Слушай...

— Не знаем...

— Такого ангельского пения по нашим местам не слышно...

> В цепи тяжкие закован и сослан в дальний край...

неслась далее песня восторженных голосов...

> Не устрашили темницы, скорбь, узы, дальний путь.
> Свято, честно долг исполнил, всюду свет Христов носил,
> Насаждал святой Израиль, а сам в ссылке жизнь скончал.
> Достигши бессмертной славы, тебе имя сын небес!
> Донес жизнь до конца, воссиял средь сонма звезд..

— Слова-то самые настоящие... Так и у нас все было...

— Правду говорят, правду...

— Это к нам Богом посланы...

— Ангелы это прилетели к нам...

— А голоса-то!... Так и несут...

— Сердце плачет...

Стали тесниться. Подходят. Снимают шапки... Кланяются... Все чинно, степенно, тихо... Вот один, другой во двор вошли, а там на балкон тихо, тихо, без шума, без шороха. Сняли шапки и стали. Думают. Слушают и плачут... И такая тишина кругом, как будто бы никого нет, а кругом не оглянешь народа...

Это пели новоизраильтяне, пели свою любимую распевную песню, посвященную твердости, стойкости и непреклонности в борьбе сосланного еще в 1899 году в Сибирь Козьмы Петровича Лордухина, где он и скончался.

И эта песня была другая, совершенно отличная от тех, что пелись на улице духовными молоканами. Она — новая, преображенная... Новоизраильтяне, как и все другие сектанты восточного происхождения, близки, родственны по внутреннему пониманию „духовным молоканам". В учении, особенно в „духовном" понимании Библии, они с ними вполне согласны, но между жизнью тех и других легли целые века разобщенности...

— И мы когда-то ходили в духе и чувствуем и понимаем все их настроение, но это детство,—объяснял мне чуткий Степа,—это от нас уже отошло, мы теперь уже стали взрослыми, дитячий ум возрос, и детство более не удовлетворяет нас... Вот и песня наша стала другая, а когда-то и мы певали так, как они, да у них и сейчас песни все более наши, старинные, прежних веков. Теперь и поется иначе. Прежде поешь,—душа плачет, и сам плачешь: в слезах и горе и радость топишь, а теперь поешь,—она тебя, песня-то, подымает, несет куда-то, истинным человеком сознавать заставляет, на жертву, на подвиг зовет тебя она; и такой ты делаешься в ней твердый, закаленный, что, кажется, нет того на свете, что не мог бы ты совершить под эту воспетую славу сионскую... А другая песня — за раздумье берет; и такие есть у нас. Поешь, а у самого с каждым взводом поперед мысли бегут, и, пока поешь, все-то ты осмотришь, оглядишь: и свою жизнь, и самого себя, и на других взглянешь, —на их жизнь посмотришь, и что далее, то более, по всему свету обежишь, о всех порядках подумаешь, занесешься не весть куда. Кончат песню, смотришь, а ты дома... Что за оказия? А где был? Что видел? Что слышал? Вот оно, что значит мысль! Быстрей молнии! Шире света! Глубже небес! Вот потому-то мысль мы за душу почитаем, и душа-то наша у нас обитает в чистом, совершенном разуме... Вот у кого мысль проснулась, заработала, тот вновь родился, ею, мыслью, крестился, ею и утвержден в звании истинного человека...

С величайшим одушевлением пелись эти новоизраильские песни. „Сомкнулся ток" между душами нашими, — говорят

они про такое пение, пение подъемное, заражавшее своим воодушевлением и их самих и посторонних слушателей, всю толпу, какая бы она ни была. Песня за песней лились без перерыва, и казалось, им не будет конца... И все слушали и все снова просили петь. И разнеслась молва повсюду, по всему Делижану, что приехали какие-то необыкновенные люди, которые берут людей песней своей за сердце и держат столько, сколько хотят, и от них никак нельзя уйти. И, раз только прослушал эту песню,—кончено! Она уже не отпустит тебя, так и будет стоять в ушах: и во сне в въяве везде она будет с тобой... „Перед их песней никто устоять не может...“—говорили в народе. И стали приходить люди и поодиночке и группами, стали просить „послухать“ пения сионского, а другие говорили: „дайте нам райского пения“. И темные южные ночи стали светлыми, бодрыми, радостными, и поздно-поздно шли мы на покой, усталые от пережитых тревог дня. И в глубине ночи, на старой террасе, под окнами, на завалинках, в тиши укромных уголков двора долго, далеко за полночь, слышны были тихие, примиряющие, серьёзные разговоры. Это совопросники различных сект, взволнованные новыми толкованиями, новыми смелыми взглядами, прямо и твердо отметавшими старые догмы, даже авторитет самой „матушки-Библии“,—это они, ущемленные в сердце своем, приходили ночью, без народа, „как Никодим к Христу“,—определил один сектантский старец,—приходили на беседу и изливали „милым братцам“-новоизраильтянам свою наболевшую душу; искали правды, добивались истины, стремились разрешить вечные вопросы о жизни, о том, как жить, как быть, что делать, куда итти, к чему стремиться. И светлым огнем горели их глаза; не знали они усталости, и только ясные зори начинавшегося утра разводили их по домам на краткий отдых, дабы с наступлением дня снова и снова „шукать правду“, „искать истину“...

IV.

На другой день рано утром Делижан копошился, как муравейник. Народ все шел и шел туда, к палатке.

Сегодня—официальное открытие съезда. Все ждут. Настроены нервно. Вчера было много недоразумений. Совет

съезда хотел брать деньги за билеты на съезд и за кормежку. Поднялся ропот.

— Как так деньги? Мы ехали сюда вон откуда!..— говорили в толпе, — последнее издержали, только бы слово Божие послушать, от мудрых людей правду взять, истину поведать, а тут,—на!—деньги!.. Ну, и времена! Пропадет народ!

Сектантские съезды обыкновенно устраиваются на деньги общин, и этот щекотливый вопрос никогда не выходит наружу. Заранее представители общин столкуются о всех расходах, разложат все потребное, —и деньгами и натурой, — по силе и возможности на всех, все устроят, а там... „добро пожаловать!“ — всем рады, никому отказа нет, и широкое русское хлебосольство радует устроителей, „хозяев“ съезда, и умиляет и преисполняет благостью сердца всех собравшихся. И знают люди, — крепок еще народ, сильна в нем любовь к людям-братьям, таким же труженикам, как и он сам, любит он распахнуть свою душу, спрятать хоть на время беспокойство и суету дневную и отдохнуть „на людях“, „на миру“, в творческой работе устроительства жизни своей и в беседе умственной и душевной, где рождаются новые силы у старых и новых людей на новую жизнь и борьбу. И первый раз в истории сектантских съездов „бакинцы“ предложили этот новый прием— покрытие расходов, хотя бы частичных, платой с гостей Приезжие долгое время не понимали, в чем дело; шли и шли в палатку, где должна была совершаться частная беседа, подготовка к открытию и первая общая братская трапеза. Поставленные контролеры — „бакинские молодцы“, как их сейчас же презрительно назвал народ, — переусердствовали, толкали, отгоняли, не пускали, прогоняли, срывали платки у женщин, особенно настойчиво желавших пройти в сокровенное место, и все это произвело крайне тяжелое, удручающее впечатление.

Народ заволновался. Многие кровно обиделись и велели запрягать лошадей.

— Нам не денег жалко, — говорили они, — коль вы нищи, подадим вам, соберем на ваше худое житьишко, а зачем звали, приглашали да просили, на весь свет раскинулись, а потрохов-то у вас и не хватило, — язвили „духовных молокан“ их всегдашние противники, „молокане-постоянные“.

И многие, действительно, сейчас же уехали.

— Отменить, отменить! — зашумели „духовные молокане“, народ, воставший на вождей своих.

— Смотри, братцы, билеты дают!.. А?.. Вот до чего дожили!.. Билетные мы...

В совете съезда произошел раскол. Большинство было против этих бакинских, оскорбительных для гостей новшеств. Масса „духовных молокан“ просто была ошеломлена таким неучтивым, зазорным поступком совета съезда.

— Ну, и старцы! Отличились! — говорили в толпе. — Какой позор-то на нашу голову накликали! Видимое ли это дело? А? Покорыстовали! Мы ли не старались? Мы ли всего не наготовили для дорогих гостей? Как светлого праздника, ждали дня мы этого! И вот на, поди... устроили! Старцы-то наши из ума повыжили... Сменить их надо!.. — перекатывалось в толпе.

— Да што, сестрица-родненькая, — нараспев говорила широколицая, дородная, старая, как сама мать сыра земля, молоканка-духовная, — мы ли не старались? Почитай, я одна с девоньками своими пуда полтора одной лапши накрошила... Смотри, миленькая ты моя, до кровавых мозолей руки-то уходила... Чуть свет вставали, все лапшей весь день займались... Быков общественных как кормили... Животы свои готовы мы были положить на дело это святое, лишь бы гостей принять, как подобает настоящим христианам... И смотри, ангел ты мой небесный, что Бог посылает?.. Оглянись кругом, красота ты моя писаная, народушка-то сколько, а? И откель понаехало?.. Сердце радуется... Херувимы на душе поют... А мы-то думаем: одни мы по ущельям, как тараканы в щелях, распиханы, свету Божьего не видим, — нет, а нас, смотри, тысячи... Мир гудёт, что пчела идет... А народ-то?.. Ну, и народ!.. Чистый, хороший, красивый... Была б молода, разоделась бы вот как, да с девушками выкатилась бы на мир, к народу своему, и прошлась бы я мимо них, посмотрела бы, как глянули бы они, соколы-то наши, на меня да на подружек моих...

И она, радостная, сияющая, бодрая, оглядывала всех и всех любила, и всех хотела принять, как настоящая хозяйка кондовой Руси, — принять широко и привольно, чтобы каждый чувствовал и ласку, и тепло, и уют их трудовой, тяжелой, но радостной жизни... И тосковала она теперь, что

среди их общины пошли такие нелады. И из-за чего? Из-за приема гостей!..

— Ах, старцы, старцы, и что они только надумали!.. Сраму-то сколько из-за них мы приняли!.. — горевала она.

Ропот возрастал. Совет рассорился, и вышло повеление: „отменить сборы"... И народ повалил в палатку, чувствуя, что он взял верх. Однако, настроение было надломлено. В торжественную, приподнятую праздничность вползла тихоня-змея — будничная суета и расчет. Опомнились старцы и бросились успокаивать взволнованных людей... Обидевшихся упрашивали остаться, все клонили к недоразумению, к случаю, к непредусмотрительности, но настроение уже было не то... Весть о неслыханном оскорблении народа разнеслась повсюду с быстротой молнии, и были случаи, что почетные гости, ехавшие на лошадях к Делижану, узнав от встречных уезжавших обидевшихся гостей, сейчас же тоже поворачивали назад, не доезжая до места съезда.

Мало-по-малу все успокоилось, утихло. Интерес дела, радость и восторженность от небывалого события так были жгучи и велики, что за ними вскоре забыли обиды и горести первого дня.

Приехал какой-то чиновник от губернатора, который должен был открыть съезд; пришла местная интеллигенция: дамы, инженеры, офицеры, еще кто-то, и все поместились на ораторской трибуне, где находились представители совета съезда да они, местная знать, очевидно, считавшая себя особенно почетными гостями...

Чиновник открыл съезд, и началось официально-торжественное моление и, как все официальное, — было скучное, чопорное, натянутое, какое-то ненужное, нагонявшее сон и тоску... Наконец, кончилось это бесконечное вычитывание молитвословий и возношений хвалы и за властей, стоящих высоко и далеко, и за ближайшее попечительное начальство, разрешившее то, чего, в сущности, по смыслу закона, оно и не имело права не разрешить... Но так уж загнан народ, так он напуган, так он всего боится, что всегда вперед, авансом благодарит даже за то, что составляет его неотъемлемое вековой борьбой добытое право.

Но есть ли что-либо у нас действительно „неотъемлемое"? Народ прекрасно знает нашу доморощенную законность.

которую он характеризует словами: „закон — что дышло, куда ни кинь — все вышло“, — и потому всегда старается задабривать „власть имущих“ хотя бы словесными благодарностями, а часто и не только словесными...

...И вот, наконец, это моление кончилось, и все вздохнули свободно... Началось деловое заседение для выполнения программы съезда.

Вот текст программы съезда, отпечатанной на пишущей машинке:

„Программа съезда „Духовных Христиан“, именуемых „Духовных“, имеющего быть 20, 21 и 22 мая 1910 года в селении Ново-Делижан (Елизаветинской губернии).

1) Общее богомоление и воспоминание наших предков.

Вопросы, подлежащие обсуждению съезда:

2) О порядке совершения внутренних духовных треб.

3) О праздниках.

4) О бракосочетании.

5) О религиозно-нравственном воспитании наших детей.

6) О школах.

7) О молитвенных домах.

8) О борьбе с употреблением спиртных напитков.

9) О материальной поддержке наших братьев.

10) Вопросы, могущие возникнуть на съезде“.

В конце приложена печать съезда.

К сожалению, программа съезда выполнялась далеко не равномерно:

„Воспоминание о наших предках“ было весьма кратко, скомкано. Здесь ясно чувствовалась все та же боязнь чего-то, какой-то страх; „как бы чего не вышло“... — так и стоял повсюду этот недоуменный вопрос. А „духовным“ было бы о чем вспомнить, если бы они были уверены, что им можно безнаказанно вспоминать свое прошлое...

Мне приходилось беседовать со стариками об их прошлом, об их предках... Без ужаса и слез они вспомнить не могут про то, что было... Так тяжела была их жизнь во времена ссылок и преследований их предков... Довольно было вспомнить хотя бы одного Максима Гавриловича Рудометкина, заточенного в Соловецкий монастырь, просидевшего там двадцать лет в одиночном заключении и умершего, непреклонным в своей вере, 13 мая 1877 года, так и не

дождавшегося выхода на свободу. Но, к сожалению, о нем, этом страдальце за свои убеждения, никто не решился прямо вспомнить здесь, на этом первом съезде „духовных“. Когда я спрашивал, почему так вышло, — „боялись начальства“, был понурый, грустный ответ.

Все остальные вопросы также неодинаково возбуждали интерес представителей общин. Особенно горячій спор был из-за вопроса о праздниках; здесь выступили молокане-субботники, горячо отстававшие преимущество субботы перед воскресеньем. Также особенно сильно настаивали наиболее молодые представители на вопросах воспитания и обучения детей. Здесь ясно было разделение старого поколения, не придававшего особенного значения светскому образованию и строившего все свое миросозерцание на „слове Божием“, на Библии и Евангелии, — и молодого поколения, которое, не отрицая необходимости изучения этих древних книг, решительно настаивало на широком применении светского воспитания и обучения. Этот вопрос в еще более категорической форме прорвался после, и мы к нему еще вернемся.

Таким же страстным призывом прозвучали речи, касающиеся 8-го вопроса—о „борьбе с употреблением спиртных напитков“. Было установлено, что в силу разбросанности народа общин „духовных“, его отчужденности от общих культурных интересов, загнанности, безграмотности, нерадения лиц, главенствующих в общине (старцев),—в прежде совершенно трезвую среду „духовных молокан“ теперь все более и более просачивается яд винопития, пьянства. Со стыдом и грустью говорили об этом представители общин и видели спасение от этого „греха“ в поднятии народа, в приобщении его к широкой жизни, в образованности, в грамотности: „а то, ведь, у нас не очень-то многие и слово-то Божие прочесть могут“,— жаловались отовсюду представители общин.

„Материальная поддержка братьев“ не вылилась пока ни в какие реальные формы, а свелась к обыденной общественной благотворительности.

Вообще, все обсуждения этого съезда носили на себе отпечаток некоторой растерянности, неприспособленности. Люди, очевидно, только учились общественной работе на глазах у всех. Этот первый съезд, свидетельствуя о пробуждении и этой сектантской массы, может быть, наиболее отсталой

в своем общественном развитии среди других сектантов, [32]) имел огромное воспитательное значение для его участников. Здесь перестраивалась внутренняя организация общины, здесь люди учились впервые публично выступать перед громадным собранием. Даже сама техника съезда, как и что делать, многим была совершенно незнакома, почему, например, некоторые резолюции совсем не голосовались. Текст резолюций был выработан заранее советом съезда, и можно сказать, что почти никто не знал, что каждый член съезда имел право предлагать новые резолюции, хотя бы противоположные советским. Все это выяснилось лишь в ходе работ съезда. На этом съезде всем заправляли старцы, сплоченная группа которых проводила свои решения. На следующем съезде, очевидно, сам народ, масса, через своих представителей примет гораздо более живое участие.

— Теперь мы понимаем, в чем тут дело, — говорили мне и другим многие депутаты, видя, что и их голоса совершенно равноценны голосам хотя бы самых убеленных и могущественных старцев.

Ранее у „духовных“ бывали маленькие тайные съезды, где, как во всякой конспиративной организации, решали те, кто наиболее сплочен, кто спелся, сжился друг с другом. С выходом из подполья влияние массы и здесь, как и везде, сразу приобретает огромное значение, действуя на весь организм общины крайне освежающе и даже оздоровляюще. Жизнь начинает закипать и здесь. Ясно намечаются элементы борьбы мнений, а там, где есть борьба, там есть надежда на более правильное решение животрепещущих вопросов.

V.

Утром, в полдень и вечером совершались в палатке общие трапезы. Народа садилось за столы не менее 2.500—3.000 человек. Все было в высшей степени чинно и прекрасно

[32]) Через год после съезда эта масса духовных молокан показала свою серьезную зрелость и чуткость в политических вопросах, когда вопреки желаниям и настояниям царского правительства, выбрала в третью государственную думу представителем от Закавказья (русская курия) социал-демократа. Об этом интересном выступлении этой сектантской массы, как и вообще многих закавказских сектантов, мы дадим особый очерк. Прим. В. Б. Б. (1919 г.)

устроено. Целая армия молодых людей прислуживала за всеми столами. Разом выходили они из кухонь, раскинутых маленьким поселком возле палатки, неся дымящиеся чашки с великолепными кислыми щами, и мигом рассыпались они от входа по всей палатке, каждый к своему столу. В это же время другие разносили груды белого, прекрасно выпеченного хлеба. Вслед за общей молитвой начинался обед. Не торопились есть и, по старо-русскому обычаю, между едой пели стишки, псалмы... Представители каждого селения, кяждой общины пели отдельно, так как напевы хотя и были подходящи, но все-таки отличались один от другого, и только некоторые общины, жившие близко друг к другу, могли петь вместе, на совершенно один и тот же лад.

Общего пения, всей массой так и не было.

Обед обыкновенно состоял из трех, иногда из двух блюд: щи, лапша, мясо. Иногда одно горячее. Перед обедом всегда подавался чай с хлебом. Ужин всегда состоял из одного горячего,—большею частью лапша и мясо,—а также, конечно, чай с хлебом.

После обеда все группами расходились по домам: пели „сионские песни" и целыми часами без перерыва „ходили в духе".

Завязав много знакомств, участвуя в целом ряде частных бесед, мы стали собираться восвояси. Новоизраильтяне радостно ехали домой. Многое им не понравилось у молокан, особенно эта приверженность букве „писания" у „постоянных молокан".

— Вот, право, чудные люди, — говорили они, — ведь, что сделали, взяли да от своей головы, от своего разума и отказались. Вот, мол, тебе буква, на, смотри. Здесь, мол, так написано, — ей и верь. А почему и зачем она написана, — это нас не касается... Ну, коль не касается, так и живите в своей мертвечине,—говорили новоизраильтяне,— а мы не дюже охотники до этого...

— И скажи пожалуйста,— говорил мне Сёма Сушков, тонкий диалектик, глубоко понимающий и знающий Библию,— я ему, то-есть, о самых важных вопросах говорю, а он смотрит, смотрит, как будто и слушает, а потом вдруг спрашивает: „а ты свинью ешь?"...

— Фу, ты пропасть!—всплеснул в досаде руками Сёма,—

да мне-то что, ешь, не ешь, как хочешь; сам-то не будь свиньей!.. А для него свинья эта самое главное и есть, важней самой жизни свинья-то стала... Вот так он всю жизнь и сидит на свинье, и никуда его не сдвинешь...

Но, вместе с тем, рядом с такими ограниченными и фанатичными представителями различных толков молоканства новоизраильтяне встретили многих, имеющих „душу живую", стремящихся к познанию, интересующихся всеми делами жизни, мысли и слова. И с ними они часами беседовали, взяли их адрес и решили завести самую оживленную переписку, усердно приглашая их к себе на побывку.

Очень хорошие представители были от карсских молокан и из Тифлиса. Хорошо начитанные, достаточно светски образованные, они столковывались здесь об организации нового журнала, который и начали вскоре издавать в Тифлисе, под названием „Молоканин".

VI.

Обсуждение дел на съезде закончилось. Убеленный сединами, приветливый старец возглашает молитву и призывает всех вознести хвалу Господу при окончании нужных дел... Падают на колени, и старец, стоя на коленях, мерно, внятно, раздельно, вздымая руки, произносит слова имровизированной, прочувствованной молитвы. Слышны легкие всхлипывания. Волнуясь говорит старец. И там, среди этих павших ниц простосердечных людей, в каждом слове молитвы чувствующих свою попранную и угнетенную жизнь, послышались тихие, чуть слышные, нежные женские голоса. Оне пели шопотом какую-то славословящую „сионскую песнь".

Старец творит молитву; громко, иногда властно бросает он слова на головы склоненных, а они поют тихо-тихо, словно баюкают рыдающей песней. И сквозь песню, как через дымку тумана, прорываются слезы... От умиления и радости плачут люди; сердечное счастье снизошло на них, слезой прорывается оно...

— Встань, спящий,— призывно возглашает старец,— подними лицо твое от лица земли и в благоговении, радости и веселии взгляни в лицо Господа, создавшего и небо, и

землю, и всех тварей, и человека—жилище Свое, храм для духа Своего!..

И он поднялся, точно вырос, и голосом твердым, возвышающимся звал и звал людей на жизнь святую, искреннюю и твердую... И разом за ним поднялись все, и все воздели руки к небу. И затрепыхались ладони рук, словно крылышки. Лес рук трепыхался повсюду... Как тысячи крылышек, бились, мерцали они в воздухе, бились нежно, чуть заметно и точно звали, манили они куда-то...

В ужасе и изумлении смотрели дамы и заезжие посторонние люди на этих глубоко чувствующих людей. А они вдруг грянули псалом великой славы. И сила и мощь заслышались в нем... Переливными голосами пели они, и трепыхались руки, иногда плавно поворачиваясь, словно кружась в воздухе. И, если бы здесь не было так много официальности и натянутости, то сотни лиц пошли бы „в духе“ — в этом своем священнодействии...

Кончилось пение. Все замерли. Как подкошенные, опустились руки. И мало-по-малу посторонние стали расходиться, а сектанты толпились группами. Постепенно загорались оживленные беседы. Вскоре должен был начаться прощальный обед.

Общая масса съезда была все же крайне интересна. Ясно была видна эта неудерживая, властная потребность в общении, желании организоваться, итти вместе, вместе жить, вместе работать, вместе переустраивать формы жизни, разрешать наболевшие вопросы. Особенно это сказалось в последний день, после закрытия съезда, когда уже было близко время расставания. Вот, наконец, начальство ушло, и эти тысячи людей почувствовали себя хоть немного свободней, когда хоть с оглядкой можно поговорить задушевней, проще, поговорить о том, что более всего нужно. Выступил целый ряд ораторов, и все люди среднего возраста, не старцы. Они в ярких красках указывали на необходимость самого широкого просвещения подрастающего поколения; указывали на необходимость устройства жизни более свободной, на жизнь „гражданственную“, как сказал один из ораторов. И эти тысячи людей восторженно шумели, одобряли все призывы к жизни новой, светлой, просвещенной. Прекрасна была речь одного только-что приехавшего бакинского молоканина, интеллигентного, с хорошим, умным

лицом. Он, поминая добром все дела отцов и дедов, которые на своих плечах выносили труды и страдания, защищая всей своей жизнью знамя свободы, вольности, веры и неприкосновенности убеждений, восхваляя их непреклонную борьбу, он обращался к старцам, имеющим и до сего времени огромное влияние в молоканских общинах, и призывал их, грамотных, начитанных и образованных, взявших все от отцов своих, что только они могли им дать, захвативших ключи разумения в свои руки и теперь пригнетающих стремление к свету подрастающих поколений,—он призывал их открыто и честно здесь, сейчас же сказать свое слово, свое мнение,—согласны они или нет, чтобы свет знания и широкого образования вольной волной разлился среди их огромной общины? „Или тьма для вас лучше света?..“—спрашивал он.—„Или бродящие во тьме более послушны и покорливы?.. Но, ведь, ходящие во тьме—не свободные люди, не духовные, а рабы... Хотите ли вы, чтобы ваши дети и внуки—правнуки тех, кто проливал свою кровь за свободу,—были рабами тех, кто взял власть в свои руки в нашей общине?...“

Молчали старцы, хмурились, но не перебивали... Ответа, однако, так и не дали они на вопросы, поставленные им в упор. Но все эти тысячи слушателей были не с ними, с этими отживающими свой век старцами, нередко являющимися в роли глушителей просвещения среди молокан. Все молодое, новое, свежее, бодрое тянулось к нему, к этому молниеносному оратору, выдвинутому массой, и на его призывы одобрительным гулом тысяч голосов отвечали они. „Правда! Правда! Твоя правда!..“—раздавалось с разных сторон, и робкое молчание властных старцев, так своевольно обрывавших не по нраву пришедшихся ораторов,—все это мощно говорило за то, что и там, в этих отдаленных лощинах и ущельях закавказских гор, и там, среди этих сотен тысяч людей, представители которых съехались со всей России,—были даже из Благовещенска с Амура,—везде и всюду совершается знаменательный сдвиг вековой психологии, вечного „труда и терпения“ в сторону бо́льшей свободы и просвещения. Так и казалось, что и здесь

„Мороз кует последний раз природу,
Беснуется, почуявши тепло...“

И вот-вот настанет золотое время, когда, „кто раньше всгал“, тот громко будет „петь свободу, чтоб дрогнуло ликующее зло“.

VII.

Прохладным, ясным утром выехали мы из Делижана, напутствуемые всякими благими пожеланиями.

Хорошо бежали наши отдохнувшие кони, четко позвякивая подковами о камни шоссе.

— Едем, Степа!

— Едем!—радостно воскликнул он, и его лицо запылало широкой улыбкой. Любил он быть дома и еще вчера уже стал скучать и все подговаривался: „Надо бы ехать! А? Всю лапшу здесь не переешь!“

— Едем!

— А как хорошо тут!.. Поля, луга—все прекрасно...

И как любил он поля!.. Любил он итти за плугом и смотреть на росистую мглу, разбиваемую утренним солнцем, дышать пряным запахом, точно масло, разрезаемой плугом земли, слышать это похрустывание корней, этот немного сипящий, особый шорох вспахиваемой земли... Душа наполнялась радостью, и ангелы пели в сердце, и так было легко, и песня сама творилась, сама лилась из его восторженных уст. Степа—любимец молодежи. Его стихотворение: „Пойдем за ним“ является любимой песней молодых новоизраильтян. Ее больше называют „Песней молодых сил“ или просто „Молодые силы“. Поется она очень хорошо. Это—своеобразный боевой новоизраильтянский марш „молодых сил“. „Вышла“ она в ответ на призыв их вождя, обращенный к молодежи, звавшего ее организоваться на борьбу „с неправдой, ложью“.

Жизнь новая настала
В наше время, в наши дни.
Солнце правды воссияло—
Торжество святой любви.
Вот и лето благоприятное,
И начало славного дня,
И теперь вполне понятно
Для нас, милые друзья,
Какое это святое дело
Впереди нам предстоит:

Мы пойдем свободно, смело
Долг великий совершить.
Оправдаем свое званье,
Званье разумных людей,
Имя Нового Израиля,
Имя Божиих детей.
Верны будем мы призванию,
Согласно Христова завета,
С чувством искреннего сознания,
Не изменим обету.
Пусть безумствуют невежды,
Прошлой жизнию живут.
Тщетны будут их надежды,
Тщетен будет ихний труд.
Пусть глумится лицемерный
Над святой правдой Христа,
Зато жизнь его бесцельна,
Безотрадна и пуста.
И лукавый хоть скрывает,
Что в нем рабская душа,
Но мы жизнь его познаем,
Насколько она хороша.
Встань, народ новый, свободный,
Делом жизни послужи,
На призыв славный Господний
Поднимись и поспеши.
На путь истины вступили,
Мы пойдем этим путем,
Встаньте, молодые силы,
И скорей, скорей пойдем!
Вооружимся силой Божьей
И пойдем, пойдем скорей
На борьбу с неправдой, ложью
И невежеством людей.
Впереди у нас Господь—
Вождь великий, властелин.
Мы, Им избранный народ,
Мы пойдем, пойдем за Ним!..
Верны будем до могилы;
Его заветам святым!
Встаньте, молодые силы,
Встаньте! И пойдем за Ним!..

Природу Степа любит особенной любовью, как чуткие застенчивые дети любят свою мать. Она была его утешительницей, она баюкала его и, казалось, сама радовалась с ним, и ей, и только ей, поверял он свои заветные думы...

Мы ехали дальше, а долина была так прекрасна, так свёжа, что всем было весело и все были счастливы. Еще и еще изволок, и мы вступили в теснины гор, прохладной тенью осенивших нас. Промчались под утесами, круто завернули за скалы и сразу, точно из-под земли, выкатились на широкое раздолье горного амфитеатра. Громоздясь одна на другую, скалы причудливыми линиями вздымались в дальнюю высь голубого неба. Готическими колоннами черного, как смоль, камня шли оне все выше и выше — огромные, широкие, правильно-многогранные внизу, равномерно утончаясь кверху. Неведомый, сильный, смелый зодчий выполнил здесь план своей таинственной необъятной постройки, заканчивая каждую такую отдельную колоссальную колонну правильным пирамидальным шпилем. Тысячи колонн окружали нас в этом пересечении двух горных долин. То там, то тут из расселин этих причудливых скал темно-зеленым кружевом спускались густолиственные вьющиеся растения, обрамляя впадины величайшей колоннады и чуть заметные ложбинки протоков сочащейся отовсюду, нежно журчащей воды и звенящей капели. А там, дальше, громады скал в буйном порыве громоздились одна на другую, как бы соблюдая известный таинственный порядок. Не хаос господствовал здесь, а живое строительство неведомых сил природы... Все выше и выше, заостряясь, вздымались горы, гранясь и извиваясь в бесконечно разнообразных извилинах. Тонкая, продольная линия подъемов и падений крайних скал вилась, как прихотливая ажурная паутинка, по острым пикам бессчисленных вавилонских башен, готических соборов, и кругом и везде стояли они перед нами, сливаясь и рассекая горизонты небес. Серо-зеленоватые, они блестели и переливались в лучах солнца, как грани алмаза и яшмы. На самом верху, в поднебесье, то там, то тут виднелись могучие сосны. Сквозили они своим легким убранством на синеве блистающей лазури. И, как красавицы-девушки, вдруг, неожиданно окутывались они легкой дымкой мягкого, словно лебяжий пух, белого, полупрозрачного тумана, набегавшего на них и таявшего в горячих лучах южного солнца.

Мы остановились. В недоумении и восторге смотрели мы на эту дивную, неописуемо прекрасную картину. Все встали, созерцая, зачарованные тишиной этого святого места.

— Зачем же людям храмы, создание рук человеческих!..— восторженно-тихо воскликнул Степа, в порыве простирая руки туда, в необъятную высь,—вот он, храм Бога живого!..

И проникновенно, тихо, сотрясая звуки голоса, словно рыдая, запел он свою любимую „сионскую песню“.

„Я — Господь Бог, Бог ревнитель, это имя есть Мое. Не дам славы моей истуканам, лжепророкам, злым духам!...“

Тихо вступили голоса, и разлилась песня, ударилась о грани гор, зазвенели колокольчики дальнего эхо, и слава гор торжественно и трепетно возносились туда, в беспредельные дали пылающих радостью безмятежных небес.

От начала дней я тот же, лета мои не прейдут.
Среди вас жилище поставлю во Израиле святом.
Заключу с вами завет, завет новый и святой.
Вложу его в сердца ваши, напишу в мыслях у вас.
Буду ходить между вами, к совершенству призывать.
Умолкните предо мною, острова и весь народ,
Обновите свои силы, приблизитесь ко мне.
Кто воздвиг вам от востока мужа правды и Христа?
Призвал следовать за собою к правде Божией и любви?
Вижу поле усеяно костями, запустение и мрак,
Кости мертвы суть Израиль, отступивший от Христа,—
Оторвавшись от кореня Господня—род упорный по сей день.
Я пришел с неба на землю мертвы кости все собрать
И, сложив сустав к суставу, плоть и кровь в них возрастить,
Пробудить зародыш жизни и духовно возродить.
И восстанет в день Господний народ сильный, здрав умом.
Будут славить все с восторгом Бога, дивного вовек,
Все пойдут по стезям Христа-Бога, под его знаменем святым,
И примкнут к союзу Христову, он дух жизни есть для всех!..

Тихо, без слов двинулись мы дальше... А там, в крутизнах, вдруг бешено закрутились, задымились туманы седыми клочьями, громадными шапками, как бы спеша закрыть от нас эту сияющую наготу целомудренных гор... В отдалении живой, вьющейся черной лентой спускались по невидимой горной тропе властители этого дивного царства фей, жители гор, в огромных, черных, лохматых папахах, в черных бурках, с ружьями в черных косматых бараньих чехлах за плечами. Мелькая в разрезах гор, то исчезая, то появляясь в уступах и расселинах, они быстро спускались вниз, и не успели мы еще выехать из этого амфитеатра, как они хорошей рысью неслись по ложбине ручья. Гордо, осанисто, не

зависимо, как вкопанные, сидели они на своих высоких седлах и властно посматривали кругом, как настоящие свободные горные орлы, на время спустившиеся в низину из недосягаемых стародедовских гнезд...

VIII.

Обвеянные красотой гор, мы ехали, тихо беседуя о различных вопросах жизни. Незаметно доехали мы до урочища Чахмахла, где раскинулось небольшое селение новых поселенцев новоизральской общины. С радостью встретили нас эти великие труженики земли. Сколько привета и ласки сияло в их добрых лицах, когда они встречали и потчевали, чем могли, нежданных гостей-друзей!

Сошлись все поселяне. Каждая хозяйка несла все, что только могла и имела, лишь бы получше украсить стол, приветить и одарить дорогих сестер и братьев. Отдохнувши немного,—пошли по полям. Эх, и пшеница же шумела кругом, словно море в тихий летний вечерний прибой! В рост человека, колосом крупная, усастая,— смотреть, не оторвешься, на эту безбрежную ниву...

— А вот взглянули бы, что здесь было месяцев восемь тому назад... Не только пройти, но и подойти страшно было. Здесь все кругом была непролазная чаща держи-дерева!.. Вот для памяти куст оставили!

И наш спутник показал нам на куст, росший одиноко в отдалении, за огородами.

Аршина три вышины, приземистый, распластанный более чем на сажень, раскинул он свои иглистые ветви. Мелкая листва отчасти скрывала эти крепкие, как шилья, полуторавершковые иглы. Беда, если путник невзначай, особенно ночью, попадет в эту чащу. Выйдет он из нея окровавленный. Со всех сторон начнут его язвить эти иглы, крепкие, как сталь. Куда ни ткнетесь, за что ни схватитесь, все иглы и иглы... Мне приходилось видать эти чащи, и на иглах не раз видел я пронзенных, как на вертелах, наткнутых крупных жуков и даже мелких птиц, неосторожно налетевших на эти природные орудия пытки. И вот все это пространство,—почти сотня десятин,—было покрыто недоступной чащей, этой „карой Божьей“, как выразилась одна из женщин.

— Никто никогда не думал пробовать здесь даже верхом пробираться,—рассказывал мне как-то один из местных чиновников-старожилов. — Вот там за ними татарский аул, и всегда к нему в объезд едешь, — версты три крюка. А тут как-то еду, смотрю, батюшки мои,—поля, все чисто, гладко, засеяно, прибрано, а вон и хатенки, да еще русские!.. Что, думаю, за чудо? Да то ли место? Не сбился ли? Давно не был, — думаю, забыл, что ли? Нет, то... Фу, ты, думаю, ну, и штука... Заезжаю... И впрямь русские, настоящие, коренные... Вон она Воронежская, Курская губерния... Так и потянуло...

Обрадовался... Даже сердце забилось, право!.. В России-то я давно не был... отвык даже... Кто вы будете?—спрашиваю...

— Мы-то?... Русские... Сектанты...

— Да как же ваша секта называется?

— Новый Израиль.

— Давно вы здесь?

— Да вот, почитай, месяцев девять живем...

— Только-то?

— Да.

— Вы это, говорю, здесь чистили?

— Мы, говорят...

— Да как же это вы могли с этим чертовым местом справиться?

— Ты, барин, черного-то не поминай... Зачем он нам?.. И без него проживем... Зачем худыми словами уста поганить... А с местом этим справиться, действительно, трудненько было... Да ничего... Бог труды любит...

— Да зачем же вы тут селились?

— А почему ж не селиться? Место прекрасное; приехали, видим, землица-то хорошая, черная, мягкая, что твое масло, и опять речка здесь же, и изволок. Видишь, на горке хатенки постройли, все ж красивей так, нежели в низине где, а там по речке-то огороды должны быть удачливы, ну, мы и облюбовали местечко... Купить присогласились... Так какие прочие смеются... Ишь, говорят, в кусты какие забились, а мы думаем, подожди, кусты, дай срок... тогда вот увидишь, какие кусты будут... Ну, вот так и поселились и принялись за работу... Только смотрим, к кусту-то этому и подойти

нельзя, сейчас чепается и язвит тебя, и рвет, и не пущает... И до корня его никак не достанешь, ветви-то какие распустил, огромные! Ну, мы к топорам длинные ручки приделали, так издаля и подсекали корень-то, а сестры наши да детвора граблями его оттаскивали... Что смеху было?!.. Чуть заглядишься, не спопашишься, ан, смотришь, он тебя и держит, одежи сколько порвали — не приведи Бог! Так вот и рубили его с утра до ночи, к пахоте да к севу поспевали... Все месяцы эти ни одного праздника не знали, ну, вот теперь и радуемся... Смотри-кось, какая благодать! Божий дар-то, пшеничка-то любезная шумит, сердце радуется... А вон куст-то на память потомству оставили, пускай посмотрят, как отцы с матерями муку принимали, об земле старались...

— Да, было нам...—вздохнули слушатели, когда мы обходили огороды.

— И скажи, пожалуйства, что это за дерево такое...— бойко заговорила проворная сестрица, — ни тебе его взять, ни тебе его нарубить; в печку, на подтопку, и то не годится, право слово, не годится... Приволокешь его хоть как там в хатенку, а там-то и знай слышишь: „ай, мамка, ногу очарапал!..“

„Ай, мамонька, фартук разодрала!..“

„Ох, матушки, в ногу под ноготь попало! Ой, больно, ступить не могу!...“

Прямо война в хате стоит. Ну, думаем, пропадай ты, наши труды, не будем тебя в хату брать... Взяли и пожгли его на дворе, огромадные костры складывали, тогда только и спокой получили.

— Что же, хорошо здесь у вас?

— Ах, хорошо, и сказать нельзя... Воздух чудный, свежий горный, и вода, как слеза, чистая, только вот лихорадка эта обижать начинает... Вот татары опять рис стали заводить, уж как им запрещали; сади, говорим, хлопок, лучше, прибыльней, здоровей. Нет тебе, опять заболотили все кругом своего аула, ну, вот воспарение-то оттуда и идет, ветром с низины-то на нас и наносит, вот она и лихорадка пошла, прямо беда... Смотри, как перебирать стала... То одного встряхнет, то другого свалит, а жать, почитай, всех жмет...

Погостивши да отдохнувши, стали мы собираться в путь. Степа захватил огромную корзину всякой огородной рассады, и под пение стишков, напутствуемые всякими пожеланиями, двинулись мы в дальнейший путь. Небосвод грозно заволакивался синими тучами. Парило сильно, удушливо... Клубились и вздымались тучи; вихри и ураганы проносились в небесах. Вот стал протяжно посвистывать, точно жалуясь, понизовый ветерок; вот он крепчает, поднимая столбы пыли на шоссе и смерчи земли на незасеянных полях. Вот стал он порывистей, и крупные капли дождя, как бы срываясь откуда-то, редко и сильно падали и на дорогу и на нас... Мы оделись, смолкли, притулились друг к другу... Быть грозе!.. Смеркалось, а там, в громаде туч, словно змеи, полосовали небо кривые молнии, вспыхивали зарницы и густым, багровым светом, как дым пожара, освещали темные страшные тучи... Раскатился гром, ударил о горы и задрожал на одном месте, как бы остановился... Сизым клубом метнуло что-то, ослепило нас, в сторону дернули лошади, захрапели, насторожились, и боком-боком, дрожа и пугаясь, шли они по краю шоссе, над самой канавой... И вдруг ударило, да так, точно пришибло на месте, и захохотала, и засвистала, и заиграла, и заплясала буря... Рвались тучи, словно огромный занавес, поднимались они все выше и выше, а там, за ними бесконечной, темно-серой пеленой раскинулось небесное море и опрокинулось на нас беспросветным ливнем... Хлынули потоки и мигом затопили канавы, перепрудили дорогу и неслись, неслись без удержу, без конца... Быстро стемнело, да так густо, как в темном подземелье... И только рвал ветер, свистела буря, метались громы, и лил беспощадный, тропический ливень... Мы ехали шагом, вода струилась по нас сплошным потоком, пробираясь все глубже; еще минута, другая, и на нас нет сухой нитки. Нам вдруг стало весело. Начались шутки и смех... Вдали завиднелись огоньки села Елизаветинского. Огненной лентой пролетел поезд. На пути маячили стрелки. Вокзал станции Акстафа, как волшебный оазис, горел приветливыми огнями; лошади дружно бежали, почуяв дома... Вот еще заворот, еще на горку, и, наконец, мы катим по широкой улице селения.

„Торжествуй, Израиль, разумный народ...“ — запел Степа победную песню новоизраильтян, и мы вкатились во двор

того дома, где живет вождь всей общины, В. С. Лубков. Вышли люди, приняли нас, взяли лошадей; обсушились, переоделись мы, и собрались все вокруг приветливо кипевшего самовара. Ласковая Наталья Григорьевна, ближняя вождя, наливая чай и потчевая ужином, приветливо шутила над иззябшими сестрицами...

И началась беседа—полный доклад о поездке. Далеко за полночь затянулась она. Собралось много народа. Расспросам не было конца...

Московские трезвенники [33]).

I.

Тихо, ночью пришли они, власти правосудия, к дому, окутанному крепким сном тружеников. Плотным кольцом окружили они флигель, где жили „трезвенники“. Сюда шли с обыском следственные власти, полиция и... „сведущее лицо“, главный духовный руководитель этого ужасного дела. Маленький, юркий человечек, с густой, коротко подстриженной бородкой клинушком, чисто бреющий щеки, чтобы уменьшить восточную черноту,— суетился больше всех, чувствуя себя здесь в деле обыска первым, важным и нужным лицом. Это был известный гонитель сектантов, крайний черносотенец, человек, не считавшийся с правдой, в угоду начальству могущий делать все, что прикажут, миссионер православной церкви армянин Айвазов. И это дело, дело сыска, очевидно, было ему и дорого и мило. В ночь на 6 июня 1910 года совершилось это знаменательное событие, когда миссионер православной церкви, духовный пастырь „заблудших душ“, возведенный теперь, к стыду и унижению научных корпораций, в звание лектора Московской духовной академии, деятельно участвовал в обыске квартиры руководителя московских трезвенников Ивана Николаевича Колоскова, чтимого народом, известного под именем „братца Иоанна“. Это он, миссионер Айвазов, первый проложил новую тропу для деятельности „смиренных“ голубей православной церкви: участие в обысках, в качестве каких-то „сведущих лиц“: ведь и опытный сыщик—„сведущее лицо“ в сво-

[33]) Этот очерк впервые был напечатан в журнале „Современник“, кн. II, 1913 г. Петербург. Стр. 299—315.

ем деле! Теперь эта новая миссионерская работа может занять почетное место в области служения „матери-церкви“ [34]).

Все осмотрели зоркие глаза „сведущего лица“: бумажки, портреты, группы, книги, записные книжки, письма третьих лиц, черновые письма, дневники, картины светского и духовного содержания, иконы, платки, пояса, рубашки и вообще белье, и пр., и пр.,—все было перетрогано, общупано, осмотрено и забрано. Также было поступлено с квартирой трезвенника Г. С. Михалева, где в качестве „сведущего лица“ на обыске присутствовал миссионер А. В. Кузнецов.

Кроме этих двух представителей православной церкви к делу „трезвенников“ приложили свою щедрую руку много священников, миссионеров, лица причта и пр. Вообще, кажется, ни одно судебное дело, касающееся религиозных убеждений людей, не изобиловало столь большим числом служителей алтаря или православной миссии, как дело „трезвенников“. Нужно ли добавлять то, что кажется само собой очевидным: как и всегда, начиная с дней великой инквизиции, все эти служители церкви, конечно, выступают в качестве обвинителей, свидетелей обвинения, а один из них, священник Самуилов, уже публично заклеймен лжесвидетелем в речи присяжного поверенного Лисицына, произнесенной в зале суда.

На основании всех этих свидетельств, обысков, лжесвидетельств и экспертиз, на предварительном следствии с духовной стороны, были арестованы братцы Иоанн и Дмитрий, Г. С. Михалев, последователь братца Иоанна, и девушки: П. Г. Михалева, Е. Н. Девкина, А. С. Клюева и М. А. Бабурина—последовательницы того же братца.

II.

„Жизнь моя была тяжелая, — пишет в своих воспоминаниях „трезвенник“, крестьянин В. С. Миронов.—Жил я так:

[34]) Одним из самых деятельных помощников миссионера Айвазова был помошник миссионера Варжанский,—этот бесстыжий лгун, много раз уличенный на суде защитниками в прямом вранье. Черносотенец и карьерист, он всегда брался за самые плутовские проделки в борьбе с сектантами, которые ему поручали его старшие коллеги—миссионеры православной церкви. Во время революции 1918 года он за какое-то белогвардейское выступление, как сообщали газеты, был расстрелян в Москве

с места на место меня гоняли. За нехорошее мое поведение, нигде не уживался... „И до того в конец дошел, что жена моя хотела меня зарезать. Однажды я, пришедши пьяным, до того доскандалился, что естественно вывел жену из терпения, и она бросилась было с ножом, но поднялся крик,— дети расплакались... Старшая дочь и говорит: „Видишь, папа! Мама-то больна сделалась...“ Потом обращается к жене и говорит: „Ты, мама, нас отрави и сама отравись. Я слышала, нас возьмут в участок и похоронят на казенный счет, а папе мы этим дадим свободу, пусть живет...“ И так я пил раз от разу сильнее, и жена от этого, от жизни такой, стала совсем больна...“

„Думается, хуже меня никто не жил“,—сообщает в своем кратком жизнеописании крестьянка Татьяна Павловна Маркова, живущая в Москве. — „Муж мой в пьяном виде был хуже разбойника, не уступала и я, и каждый час был у нас скандал да драка. Без синяков не ходила.“

„Семейное положение наше было поистине ужасно, как и в каждой семье, где глава семьи, отец, пьет и вследствие этого являются завсегдашние, т.-е. хронические недостатки,— рассказывает крестьянка Павлова, жена носильщика, живущая в Москве.—В то время большинство детей ходило в в школу, а их у меня шестеро. Частенько оставались они без завтрака, и к приходу их из школы я с трудом могла приготовлять что-нибудь, чтобы не быть голодными. И, конечно, в дополнение ежедневные ссоры, слезы... Да, картина поистине была ужасная, грязная, достойная сожаления...

Супруги Лопаткины пишут, что „с 1905 года они начали пить вино. Жили в доме Веденеева; по вину нас держать в квартирах не стали, и попали мы в ночлежный дом на Хитров рынок, в дом Кулакова. Но и в ночлежных квартирах держать не стали; гоняли нас из квартиры в квартиру собственно за скандал, потому что мы дрались ножами и стамесками. Сколько я ни заработаю по стекольному делу, то все пропью и остаюсь опять гол, как сокол. И жена то же самое: что ни заторгует, все пропьет... Заблудившись в вине, мы не раз покушались на самоубийство...“

„Я был ломовой извозчик, — рассказывает Василий Пет. Ивахнов в своем жизнеописании.—Казалось бы, этого довольно, чтобы иметь представление о том, как я жил, ибо

кому неизвестна жизнь ломового, вечно озлобленная, вечно с похмелья? Но этого мало: я был среди ломовых выдающаяся личность, выдающаяся тем, что равного мне по выпивке не встречалось. Бездонная бочка. Пил утром, пил и ночью, одним словом пил, когда только был в состоянии выпить. Здоровый от природы—высокого роста, с растрепанной бородой, всклоченными волосами, опухшим и без того толстым лицом, я производил „чарующее“ впечатление: мои лошади при виде меня шарахались в сторону. Не трудно догадаться, с каким трепетом встречала меня моя супруга с детьми, и какое я вносил в семью оживление: кто под лавку, кто под кровать, кто к соседям. Конечно, нельзя думать, что так было ежедневно: бывали случаи, что с моим появлением все бросались ко мне, но бывало обычно, когда вносили меня на руках. Нельзя сказать, что я не был религиозен. С удовольствием расскажу, как я, уезжая в деревню на праздник, ходил с крестным ходом. Дело было весной, — носили по деревне иконы: мне была вручена икона Божьей Матери. В каждой избе, по обычаю христианскому, всем участвующим в ношении Божьего Милосердия подносили вино. Я почти нигде не отказывался—не хотел обижать православных. К концу крестного хода так нахватался, что войти в последнюю избу не мог, и сел на крыльце, прижав икону к груди, и, скрестив руки, забылся. Отслужив молебен, мои спутники увидали, в каком я положении, и кто-то догадался взять у меня икону. Я не проснулся. Товарищ же мой, тоже сильно „хлебнувший“, был возмущен отобранием у меня иконы, растолкал меня, предварительно свистнув мне по шее своей иконой, и разъяснил, что у меня стащили икону. Вне себя от гнева я, спотыкаясь, понесся выручать икону и, выручая, не стеснялся в выражениях... Икону мне дали, и я начал успокоиваться, а товарищ мой мне заметил: „А ведь тебя, Василий, надули, глянь-ко, вместо Божьей Матери дали Николая Чудотворца“. Я рассвирепел и, не помня себя, так треснул обидчика по лысине иконой Николая Чудотворца, что руки у обидчика опустились, и его икона упала. Ругаясь всячески, я торжественно входил в храм, неся икону Божьей Матери, которую все-таки сумел отвоевать. В храме запели молитвы, а я начал подсвистывать,—забылся совсем. Староста церковный, царство ему небесное, сумел вывести меня

на паперть и стал урезонивать, но от внезапного моего удара полетел к ограде. За ним по очереди подходили мой брат и отец, которые также по очереди и подкатывались к старосте. И так долго я безумствовал, пока не разбил окно, не изрезался стеклами и не был связан и, окровавленный, отведен в „холодную". Как ни умны были мои лошади, все же я их одну за другой пропил, а збрую и кое-какой скарб взяли за долги. Изменившееся мое материальное положение не могло уменьшить моего влечения к пьянству, наоборот, увеличило. И этот момент я без ужаса вспомнить не могу: все, что было можно пропить, пропито, жена раздета, ребята полунагие, сам в опорках. Куда бежать? В минуту просветления я, ужасаясь, видел, что нахожусь в каком-то заколдованном кругу, выйти из которого возможности нет. И что только ни лезло мне в голову? И перекладина с подтянутым к ней на старых возжах моим грешным телом; и нож, и яд, и чем дальше, тем все это лезло в голову чаще и чаще, и я уже чувствовал, что только одно из этих средств облегчит страдания,—вопрос был только во времени [35])."

„Я вор, разбойник, конокрад, способен был на все. Меня боялись все, вся округа,—радостно каясь, торопливо говорил за чаем кучерявый крестьянин-блондин с маленькой русой бородкой.—Когда я появлялся в селении, все ждали беды. Я много раз судился, сидел в тюрьме, был в ссылке, лишен всех прав, в меня стреляли, хотели как-нибудь избавиться от меня, а прозвище мне было „Чепуха". Конечно, я был горчайший пьяница, мот, развратитель и насильник, ругатель и хулитель всего. Даже хулиганы, и те боялись меня..."

„Я—проститутка, — говорила женщина уже не молодая. — Вино и разврат меня сгубили. У меня не было жизни, а одна маята. Я больна. Была в больнице. И опять разврат и опять пьянство... Имя свое я позабыла, меня звали прозвищем, дурное было слово... Забыла я также что я—человек. „Поганая тварь" было самое ласковое слово, с каким обращались ко мне, а обыкновенно так называли, что и сказать

---

[35]) Все эти и многие другие воспоминания и жизнеописания трезвенников хранятся в моем архиве рукописей по религиозно-общественным движениям в России. Они целиком будут напечатаны в одном из томов наших материалов, посвященных истории религиозно-общественных движений в России.

нельзя. Да, тварь, а не человек!.. Из улицы в улицу, из пивной в трактир, на панели и около бань, шла и моталась я, опившаяся, грязная, нечесаная, больная, противная себе и людям. Я не могла поднять глаз на людей, и от стыда, и от жалости, и от злости я вдруг хохотала, как безумная, и напивалась вдрызг, до бесчувствия... Я была поганая тварь, и вот пришел он; любовно взял меня за руку, приблизил к себе, не погнушался ни моей грязи, ни моих болезней. Посмотрел мне ласково в глаза, проник в мою душу и влил в меня жизнь. Радость вдохнул в меня, и вдруг что-то затеплилось, загорелось в моем сердце, и душа моя затрепетала... Он, праведный, что-то такое сказал мне,—я не помню что,— что встрепенуло меня, и я потянулась к нему... Вся моя мысль стала о нем, а он твердил всем и говорил мне, что мы—люди, и что я— не тварь, а тоже человек... И я перестала пить, бросила разврат, стала на честный путь жизни и ужасаюсь и содрогаюсь теперь, вспоминая прежнее... А кто? Все он, наш братец, своей любовью меня спас...“

Вот они — его люди, его братцы и сестрицы... Чернорабочие, подмастерья, ремесленники, рабочие, крестьяне, мелкие лавочники. Но более всего обращают они внимание на пострадавших от жизни людей: всякие забулдыги, хулиганы, воры, разбойники, пропойцы, проститутки, мужчины и женщины, потерявшие все, забывшие, что они люди, все эти униженные, забитые и пришибленные жизнью, развращенные и оскорбленные, все те, мимо кого проходят все; все те, кто своей грязью, лохмотьями, болезнями так беспокоят и волнуют чистых господ,— вот они-то и есть друзья и братья братцев Иоанна Тульского и Дмитрия Колпинского, живущих в Москве. Над этим „дном жизни“ работают они с своими ближайшими сподвижниками, не покладая рук, извлекая из тех, кого принято звать отбросами общества, истинные перлы душевной красоты, подвига, сердечности и преданности вдохновенной идее.

В чем же секрет этих апостолов человечности наших дней?

„Братец—простой человек, и речь его простая, сердечная и убедительная“, — пишет про братца Іоанна Колоскова П. Тимофеев, житель г. Москвы, который имел много случаев соприкасаться с братцем, слушать его беседы и беседовать с ним наедине. — „Иной раз довольно одного его слова, и

вчерашний пьяница, завсегдатай Хитрова рынка, делается трезвым, честным работником...“ „Я в каждом человеке, — говорит братец, — привык видеть прежде всего человека.“ Мне однажды пришлось слышать разговор братца с каким-то чиновником. Чиновник рассказывал про своего брата-пьяницу, утверждал, что его может исправить только могила. „Напрасно вы так думаете, — возразил братец. — Стоит только пробудить в человеке совесть, и он опять будет хорошим человеком“. „Да у него и совесть-то потеряна“, — настаивал чиновник. — „Это только принято так говорить, — продолжал братец, — а на самом-то деле совесть есть у каждого человека, только она заглушена всевозможными пороками, все равно, что вот на вашем мундире пуговица покрылась ржавчиной, — только стоит счистить ржавчину, и пуговица ваша заблестит и, пожалуй, будет ярче остальных, незаржавленных.“

Вот эта-то вера в человека, в его способность жить разумной, совестливой жизнью и есть тот таинственный талисманъ, которым так безраздельно побеждает он десятки тысяч простых, измученных людей, часто переставших даже считать себя людьми.

Вспомните ломового извозчика, о котором рассказали мы выше. Он все прожил. Мысль его все более приковывалась к роковому исходу, — он хотел повеситься, отравиться, убить себя. „И вот в минуту таких размышлений, — пишет ломовой извозчик, — передо мной, как из земли, вырастает фигура моей жены. Трудно забытъ этот момент. Она плакала, но лицо ее казалось просветленным; она старалась, торопилась рассказать мне о человеке, которого видела сейчас, несколько минут тому назад, о человеке, который рассказывал ей о новой, доселе неслыханной ею жизни, жизни трезвой, честной, спокойной. Она задыхалась, слезы не давали ей говорить. С трудом я узнал, что человек этот — проповедник трезвости, братец Иоанн. Луч надежды на спасение жизни сверкнул в моей отяжелевшей голове. Не дождавшись рассвета, я был с женой у братца. Был понедельник, — была беседа. Как целительный бальзам, слова братца ложились в мое сердце, затягивая раны. Я вышел с беседы, сознавая, что могу быть и я человеком. Я дал обещание вовек не прикасаться к вину, не травить им и ближних.

И вот этот день является границей между пьяной жизнью и трезвой...“

Так вот оно что! Сознание, что „и я — человек“, заставляет распрямить согбенную спину, поднимает людей в их собственном сознании, окрыляет их надеждой и дает им силы на борьбу. Так вот он в чем таинственный талисман: люди-рабы, люди-твари хотят быть людьми-человеками! И не здесь ли разгадка всей той черной злобы и ненависти, всей той жестокости и клеветы, с которыми напали на „трезвенников“ черносотенные представители духовенства и миссионеров? Чуют они роковую беду; народ даже „самого низкого класса“, и тот стал пробуждаться. Забрезжился свет сознания, жажда искания правды и там, где так самовластно царил пьяный угар, разгул и разврат, эти вечные друзья и спутники всех тех, кто цепляется за старые формы жизни, кто в бессознательности масс видит свое спасение и преуспеяние.

III.

Убеждение „трезвенников“ заключается в том, что истинный христианин никак не должен хвалиться своей верой и возвышаться ею над всеми другими, а наоборот, каждый должен итти и претворить свою веру и убеждение в дела и в жизнь. Повсюду горе, нищета, убожество, везде льются слезы, слышны стенания, отчаяние царствует в душах людей, — пойдемте ж туда, к ним, обездоленным, пойдемте скорей, и каждый пусть делает, что может, для своих кровных братьев и сестер, „такого же низкого класса, как и мы“, — говорил братец Иоанн, — и вы сразу увидите пользу от вашего дела и для себя и для окружающих вас. „Если мы сами не будем помогать друг другу, если мы сами не будем заботиться о себе, — знайте и помните это твердо и навсегда, — никто и никогда нам не поможет. Мы сами должны лечить свои беды, сердечные и душевные раны. Наше убожество бередит наше сердце, а другие прочие еще нам подбавят: на-те, мол, пейте водочку, она вам полезна, вот отберут и последнее наше достояние — наш разум, и мы сделаемся совсем несмышлеными, хуже животных...“ „Давайте же бросим этот яд, не будемте сами им травиться и других травить. И разум наш, теперь больной, излечится. У нас заиграют

светлые мысли, на душе явится надежда и в сердце радость, и мы воскреснем к новой, хорошей жизни, для новых лучших дел... Ваше материальное состояние хоть немного улучшится, вы не будете раздеты, детишек ваших, этих ангелов мира, вы накормите и приголубите, освободите жен ваших от тиранства и побоев, и жизнь ваша семейная, отныне благословенная, безмятежно потечет. Ранее вы были, как сор пометаемый, забыли даже, кто вы, а теперь в вас возродится разумный, свободный человек...“

Вот в сущности весь смысль, веро-и нравоучения братцев. В многочисленных беседах с народом, обыкновенно на ту или иную евангельскую тему, или по поводу какого-либо иного случая, всегда беседа ведет к одному и тому же корню: пробудить совесть в человеке, зажечь в нем хотя бы искру сознания, обвеять его любовью и лаской, чтобы он почувствовал себя человеком и стал на путь трезвой, честной, трудовой жизни.

Здесь мы видим действительную борьбу между прочим и с хулиганством, этим современным бичом нашей общественности, которого так страшатся г.г. дворяне, но который больней всего бьет по крестьянской спине и спине городской бедноты, живущей на окраинах городов. И в то время, как г.г. дворяне, продолжая спаивать народ водкой, не могли придумать никакого иного способа, как предложитъ ввести порку для упавшего населения, народ выдвигает иные меры для борьбы с этим несчастьем: народ выдвигает своих вождей и проповедников, которые не боятся вплотную подойти к измученным, обозленным людям и приложить все свое старание, чтобы найти образ человека в потемневшем рассудке загнанных людей. Дайте возможность народу вздохнуть полной грудью, дайте ему возможность проявить себя на поприще творчества жизни, не гнетите его, не душите в нем все зарождающееся честное и разумное, не разбивайте самое первоначальное стремление от разрозненности и распыленности к общественности и организации, и тогда народ сам сумеет залечивать свои собственные раны без всякой помощи г.г. дворян, влюбленных в розгу.

Мне хочется отметить здесь также совершенно неправильное сравнение общества „трезвенников“ с „Армией спасения“ в Европе. Поверхностные наблюдатели, идущие по ли-

нии наименьшего сопротивления, видят, что и там и тут люди работают в самом низшем классе общества, а потому-де и то и другое — одно и то же. Но далее это уподобление не может быть проводимо. В то время, как „Армия спасения" является делом рук филантропов Англии, в то время, как во главе ее стоят люди из буржуазной среды, а „народ" является там тем стадом, спасая которое эти господа желают спасать свои души, что, конечно, нисколько не мешает им вводить на фабриках и в ремесленных заведениях, принадлежащих их обществу, самые тяжелые условия для рабочих, эксплоатируя своих „братьев" и „сестер" во Христе не хуже самых заправских хозяев-эксплоататоров,—в это же время „трезвенники", состоя из самого простого народа, подлинной демократии, организуются сами, без всякой помощи со стороны господ, выдвигают из своей среды своих собственных, им родных вождей, таких же бедняков, рабочих и тружеников, как и они сами. И в то время, как в „Армии спасения" занимаются „спасением" для ради своей собственной благости, для получения как бы почетного билета для вхождения в царство небесное, которое будет там, за гробом, после второго пришествия, трезвенники, оставаясь по культу православными [36]), ведут свою работу во имя *попранного человека*, имея исключительно в виду его непосредственную жизнь, его счастье здесь, на земле, среди ему подобных, таких же угнетенных и обездоленных людей. Все религиозные приемы у трезвенников, их моления и проповеди, являются не самодовлеющей целью, а только средством к достижению намеченного, необходимым, по их мнению, этапом на пути к возрождению человека.

Человек, его жизнь, его духовные и материальные потребности — вот кто стоит в центре их мысли, их деятельности. „Мы и каторжника считаем за человека", — как-то сказал мне братец Иоанн и испытующе посмотрел на меня, как бы желая знать: человек ли каторжник для меня? Получив ответ, что в несчастии и беде каторжника более виноваты все те, кто на свободе, все гнетущее и эксплоатирующее всех

---

36) В настоящее время московские трезвенники и в этом отношении далеко шагнули вперед, совершенно порвав с православием и окончательно освободившись от всяких обрядов, таинств и прочей религиозной ветоши.

современное буржуазное общество, чем он, доведенный до отчаяния человек, которого, как зверя, мы же и заперли в клетку и приковали на цепь,—братец успокоился, ибо участь населения уголовных тюрем, этих ужасных нарывов на разлагающейся буржуазной общественной жизни, постоянно волнует и озабочивает его. „Участь-то их уж очень горька,—говорил он мне,—а ведь и они—люди, наши братья, и в их разуме теплится источник жизни, только затоптали его, повергли в прах.“

IV.

Явление „трезвенников“ не новое в России. В народе в той или иной форме оно всегда было и будет, как бы ни старались его затушить, затоптать. Народ не может жить без жизни, и он, при первом луче сознания, всегда начинает творить жизнь по-своему. Отцы и деды простонародных масс передали сыновьям и внукам первоначальные понятия о стремлениях к лучшей жизни, основывая свои воззрения на религиозном миросозерцании. Теперь одни относятся к вере равнодушно и ищут иных путей в жизни. Другие плетутся в своем бытии день за днем, то, что в народе называют, „через пень-колоду“. Иные же вслушиваются, вдумываются в слова евангелия, поучений святых отцов, молитв, псалмов, акафистов, зажигаются ими и желают все в них подходящее и ценное претворить в жизнь. Эти деятельные, активные православные, конечно, не могут удовлетвориться исполнением церковных треб, слушанием служб и вообще всей той мертвой и мертвящей жизнью прихода, которая существует у нас в России. Они рвутся к жизни, к деятельности, к проявлению себя, не отрываясь от веры отцов, а желая исполнить заветы веры, отысканные в ней. Равнодушие духовенства, боящегося всякой лишней обязанности, объединяет еще больше таких людей, и повсюду вырастают многолюдные, объединяющие сотни тысяч людей, самочинные организации акафистников, черничек, богомолов, постников, стефановцев (они же—„благодетели“), воздержанцев, „братцев во Христе“ и пр. т. п: Они все прекрасно знают церковные службы, хорошо поют, читают акафисты, стремятся помогать друг другу, служить народу так или иначе, постничают, ведут воздержный образ жизни, ходят по свя-

тым местам, обучают в деревнях грамоте детей, заводят хоры, многие отправляются странствовать по России, дают и тщательно выполняют разные обеты, распространяют Евангелие и книжки духовно-нравственного содержания,—одним словом, стараются жить полной, доступной им жизнью. Всегда являются усердными посетителями всех церковных служб и пр.

Вот так же появлялись и „трезвенники". Конечно, протестантские или католические священники, давно научившиеся прекрасно вить из народа веревки, сумели бы твердо спаять эти элементы народа в своих собственных интересах, найдя в них прочный оплот для клерикализма. У нас—другое дело. Все, что у нас поднимается над уровнем мертвечины, берется на подозрение, и прежде всего, конечно, духовенством, так как такие деятельные прихожане очень неприятны обыкновенно глубоко погрузившимся в материальные расчеты и своекорыстную жизнь пастырям душ православных людей. И это „подозрение" власть имущих приносит огромную пользу. Народ начинает жить по-своему, выдвигая своих руководителей, своих пастырей, ему родных и близких, которых он лелеет и любит, готовый ласкать и возвеличивать всею великой силой своей зардевшейся и, освященной души.

„Братец ты наш! Родной! Братец! Братец! Иди к нам!" молили его, простирая руки, сотни людей несколько дней тому назад, когда он, вернувшийся из Владимира, весь радостный, просветленный и живой, вышел к ним, его друзьям, и любовно и тихо оглядывал их, стоящих в тесной комнате, стоящих одной стеной, с слившимися душами, с сиявшими счастьем глазами, полными слез, мольбы и радости. Чисто одетые, все красивые красотой воспламененного духа, они рвались к нему, хором славословя его. Да, он—их, и они—его!—подумал я. Это все—одно, слитное, что творит чудеса жизни. Народная воля сильна; она тянет и манит к себе, претворяя самую смерть в жизнь и воскресение. И вот эти воскресшие, вчерашние обитатели „дна" жизни,—смотрите, какие они! Сколько вдохновения! Сколько жизни и радости!... Сколько целомудренной страсти и огня!.. Но с огнем ведь шутить опасно, тем более с пламенем веры. Я знаю многие случаи, когда после постоянных преследований, особенно до 1905 года, эти упорные, деятельные и лучшие православные, до чистоты и искренности которых всем этим г.г. миссионерам

и их сообщникам, как до звезды небесной, далеко,— измученные всякими спросами, допросами, сысками, обысками и судами, наконец, заявляли громко и открыто: „Церковь нам стала не мать, а мачеха. И мы, верные ее сыны, осиротели. Но Бог не без милости, найдет и подберет своих овец...“

И целыми обществами откалывались эти деятельные православные от праворловия, организовывали свои общины или распределялись среди уже существующих, так называемых сектантских вероучений. Так зарождаются и так множатся те религиозно-общественные единицы в русском народе, которые принято у нас называть сектантскими общинами.

V.

— Долго сидели мы в тюрьмах,— рассказывали мне девушки, на которых осмелился один из клеветников сделать гнусный донос.—Сидели в разных камерах, а потом нас соединили в одну большую.

За что же держали их, этих простых девушек, все свое время отдавших тяжелой работе служения ближним? Помимо домашних обязанностей по хозяйству, которых очень много, ибо к „братцу“ народ валит, и надо всех принять, со всеми переговорить, расспросить, помимо того, что надо поддерживать в чистоте огромное помещение, этим же девушкам приходилось вести все дело по письменной части, так как со всех концов России приходит множество писем, и все надо прочесть, разобрать и ответить. У „братца“ также постоянно идет врачевание простыми народными и часто весьма полезными средствами. Сюда приходят больные, имеющие застарелые, гнойные раны. Здесь их принимают, обмывают, перевязывают; не гнушаясь ничем, делают все, что могут, что знают, и нередко приносят пользу. И эту черную, тяжелую работу делают эти же девушки, за что народ, простосердечный и задушевный, дарит их, этих ангелов-хранителей своих, любовью и лаской и бесконечной благодарностью.

Развратники от юности своей, не знающие иного отношения к женщине и девушке, как только мерзкое и блудливое, хотя бы и только мысленное поползновение на честь и достоинство ее, не могли, да и до сего времени не могут понять те целомудренные и чистые отношения, какие нередко

устанавливаются в тех народных общинах, где звание человека возвеличивается и наделяется бессмертными достоинствами. Явились и здесь такие же люди, не знающие чистоты жизни, один из которых, священник Самуилов, уже навеки публично заклеймен именем лжесвидетеля, произнесенного в открытом заседании окружного владимирского суда. Они, очевидно, нашли нужным скомпрометировать эту народную организацию в глазах широких масс, общества и закона и твердо заявили, что они могут доказать, что трезвенники — „хлысты" и что у них совершается свальный грех. В своей безграмотности, как, впрочем, и полагается курсистам восторговских курсов, эти люди, очевидно, даже и не подозревали, что никаких „хлыстов" на свете не существует, что ни такой секты, ни таких людей нет в природе, что вся их „история", написанная в больших томах, есть прямая подтасовка и нагромождение ничем между собой не связанных слухов, сплетен, отдельных случаев, недостоверных показаний и инсинуаций, что, наконец, слово „хлыст" есть ругательное, бранное слово, впервые появившееся в русском языке в тридцатых годах XIX века, и что оно нарочно пристегнуто исконными врагами русского народа к глубокому, чистому и свободолюбивому религиозно-общественному народному учению „духовных христиан", насчитывающему не менее четырех веков существования в России и уходящему в отдаленную древность через историю европейских народов и народов передней Азии. И что бы ни писали, ни Айвазов, ни Буткевич, ни Кутепов, ни все эти Скворцовы, Кальневы, Голубевы, имя же им — легион, и никто другой, ни порознь, ни собравшись все вместе, никогда не в силах будут они изменить факт истории: несуществующая секта хлыстов есть плод канцелярской работы чиновников ведомства православного исповедания, консисторских писак, семинарских и им подобных „сочинителей", а отнюдь не реальная действительность, не факт русской жизни.

Однако г. Самуилов был настолько твердо убежден, что у хлыстов должен быть — по расписанию учебников — свальный грех, что, уверовавши, что трезвенники — „хлысты", — иначе я не могу объяснить себе процесс его мысли, — с легким сердцем заявил, что видел у них свальный грех своими собственными глазами... И вот, непорочные девушки должны

были, в двадцатом веке, к стыду всего цивилизованного мира, доказывать чистоту своих религиозных убеждений путем свидетельствования половых органов полицейским врачем, установившим девственность и полную невинность девушек! Где, в каком государстве возможно еще теперь подобное издевательство над человеком? Мы слишком спокойно относимся к этому ужасу, к этому унижению честнейших детей народа. Только недавно общество всколыхнулось, вздрогнуло от того, что юношей и девиц, учившихся в гимназиях, на несколько часов забрали в участок. Почему же мы молчим, когда вот тут, рядом, молоденьких девушек, только подрастающих для жизни, вследствие доносов восторговского молодца влекут в тюрьму, держат их там долгие месяцы и подвергают унизительному, незабываемому во всю жизнь освидетельствованию, которому в цивилизованных странах уже давно перестали подвергать даже проституток? Почему же мы молчим? Или потому, что это—дети народа, что над народом можно проделывать все что угодно? Или мы ждем, чтобы подобное подтверждение своего „исповедования веры" сделалось всероссийским, в угоду хотя бы тем лицам, над кем много лет тяготеют не смытые до сего времени обвинения в растлении гимназисток? [37]) Неужели этот ужас пройдет для всех нас так же незамеченным, как проходит многое в эти долгие годы полной омертвелости русских общественных сил?

При государственной Думе имеется специальная вероисповедная комиссия, фракции оппозиции ведь еще не лишены права запросов, и неужели и в этом случае государственная Дума не возвысит свой голос,—голос, которого ждёт народ, ибо процесс трезвенников сильно всколыхнул толщи народной массы? Государственная Дума, если она хоть сколько-нибудь стоит на страже народных интересов, должна найти способ властно положить конец зловредной и отвратительной дея-

[37]) Здесь я имел в виду священника Восторгова, ныне расстрелянного во время революции за какие-то белогвардейские и спекулянтские проделки, и который ранее, лет двадцать тому назад, изнасиловал в Тифлисе нескольких гимназисток. Об этих фактах жизни достопочтенного отца православной церкви, за которого так ратовали все время иерархи святейшего синода,— подробно писал консервативный, но честный писатель Дурново в „С. Петербургских Ведомостях" в 1905 году в издании Ухтомского.

тельности всех этих восторговских и им подобных молодцов, г.г. миссионеров и пр., избравших путь издевательства над народной душой, как самый верный, наиболее обеспечивающий их своекорыстные карьерные интересы.

Я помню, как на одном из сектантских, так называемых скопческих процессах строгая, выдержанная, всеми чтимая пожилая женщина, утешая разливавшихся горькими слезами своих сестер, ожидавших участи медицинского осмотра половых органов и чувствовавших в этом непереносимое унижение и оскорбление,—говорила им: —„Крепитесь, сестрицы, не плачьте! Помните твердо: прежде страдальцев за Христа мучали зверьми, а теперь мучают только людьми".

Вот он—глас народа—глас Божий! „Мучают людьми!" Неужели это позорное „мучение людьми", производящееся в угоду тех, кто хотел бы всех мыслящих и пробуждающихся к жизни представителей народа подвести под 96 ст. уг. ул., дабы упечь в Сибирь, неужели оно не может быть уничтожено раз и навсегда?

Лжесвидетельство священника Самуилова, судебно-медицинский осмотръ ни в чем неповинных, чистых девушек, должны, казалось бы, переполнить чашу терпенія всех, кто в осуществлении полной свободы совести видит прямую, кровную необходимость для жизни широких слоев русского народа.

VI.

Медленно проходили долгие месяцы заключения братцев в тюрьме. Все ждали: вот-вот освободят! Вот-вот выйдут на свободу, а дни тянулись за днями без радости, полные печали и глубокого раздумья. Тюремные письма заключенных и письма с воли, посылавшиеся в тюрьму, которые вот сейчас лежат передо мной, красноречиво говорят о той сердечности и любви, которыми были переполнены души заключенных, а письма живших на воле полны тоски, тоски беспредельной, но не отчаяния.

„Христос воскресе! добрый, дорогой братец! Вот уж второй день Пасхи. 9 часов утра, и еще не пройдет 18 часов, как исполнится год нашей с вами разлуки, а вашего заключения в этой тяжелой одиночной тюрьме,—писала братцу в тюрьму девушка Аннушка Клюева, сама долго протомившаяся ранее

в тюрьме из-за гнусного доноса священника Самуилова.—Как тяжко писать и напоминать это прискорбное, которое вот уже год как продолжается... Ну, да лучше закончим об этом, а первым долгом от души приветствуем вас и целуем вашу ручку. Дорогой братец, простите нас за наши скорбные приветствия вам, в которых нам хочется излить вам нашу скорбь, как мы встретили без вас торжественный день праздника. Вот настала суббота, и мы, как по обыкновению, пошли в тюрьму, думали, как день крайний, и от нас хотя должны бы принять гостинцы вам, как ради такого большого праздника и как другим сидящим в этой же тюрьме принимали. Но мы как ни просили, все было тщетно, и неумолима наша просьба. Взять от нас ничего не взяли и также видеться с вами нам не дали, и мы со слезами на глазах принуждены были возвратиться домой, не ища себе больше ни у кого пощады. Но вот мы близко и почти около дома, дорогой наш братец. Но нам как будто какой-то голос шептал, что вот вы придете домой и что будете делать без дорогого вашего братца и как встретите без него праздник, который навряд ли утешит нас. Но как вдруг ударили из пушки, везде загудели колокола, и встрепенулась наша русская земля от непробуднаго сна, и весь православный люд потянулся в Божий храм встретить там торжественный праздник. Но некоторый народ постарался прийти до звона колоколов и занять места. Также и мы, по христианскому обычаю, пришли помолиться Богу и встретить воскресение Христа в церкви. Ах, дорогой братец, какое было торжество во всех храмах! На клиросах слышалось стройное пение. Снаружи храма горело множество иллюминаций, на улице слышалась радость и восклицания. Но вот из храма пошел крестный ход, и в это время начали вверх пускать фейерверки, и где-то расстарались найти шутих пугать ими народ. Но когда до нас долетело восклицание священника, что Христос воскрес, то тысячи народа подтвердили тем же восклицанием: воистину воскрес!.. И вот нам напомнилось то время, когда мы так же весело встречали этот день торжества с вами. Ах, дорогой братец, если бы вы знали, как нам трудно было возвращаться в дом, в котором, казалось, все как бы вымерло, и нет живой души, которая могла бы дать жизни! Но что сделаешь? Пришли домой. Все похристосовались. Сели за стол и только чрез силу могли спеть

„Христос воскресе“. Но каково же теперь доброму нашему дорогому братцу, что им, не как нам: не услышишь тех колоколов, которые, как благовестники, возвещают кому радость, а им скорбь. Нам хотя тоже и грустно, но мы можем говорить и видеться с народом и спеть какую-либо молитву, и нам хотя и долго длится день, но разговоришься с народом и незаметно проходит, а им бы и хотелось с кем поговорить и разделить скорбь, но не с кем. И спели бы что-нибудь, да что петь, когда этим не увеселишь себя... Ах, как нам хочется видеться с вами, хотя бы часочек поговорить и разделить эту горькую чашу...“.

Так тосковали и так утешали своего дорогого братца верные последовательницы и ученики „братца Иоанна“. Несмотря на его столь длительное отсутствие, его друзья все плотней и плотней собирались вокруг его имени. Преследования и гонения братцев и их последователей крепко связали всех трезвенников в одну дружную семью, и, казалось, они каждую минуту были готовы пойти на все, на всякие жертвы, на какие угодно мучения и страдания за своего вождя, за жизнь, которую он им открыл: так зарождаются в народе подвижники чувства и мысли, которых можно уничтожить, убить, но сломать или свихнуть никак нельзя. Духовенство и миссионеры оказали огромную услугу „трезвенникам“, возведя братцев на Голгофу страданий и тем самым оплодотворив их идею борьбы за жизнь и звание человека, укрепили и подняли братцев в глазахъ народа, и их влияние повсюду десятикратно увеличилось.

Народ ждал освобождения братцев и свою тоску изливал в приветственной песне:

Здравствуй, здравствуй, братец, братец Иоанн.
Печальник ты душ наших, помоги же нам.
Пьяниц укротитель
И неправды тож.
Правды ты учитель, обличаешь ложь,
Сколько было пьяниц,
Столько и злодейств.
Спас же ты несчастных с пагубных затей.
Трезвенников дети стали краше всех,
Молят они Бога за несчастных тех,
Кто смеется правде, в пьянстве зло творит,
Помоги им, Боже, пьянство позабыть!..

Молят, братец, также за тебя они,
Помолись же вместе
С этими детьми.
Еще молят Бога жизнь продлить твою,
Для несчастных братьев, гибнувших в миру.
Много тебе надо,
Братец, сил в любви,
Чтоб больше народа к жизни привести.
Но Господь поможет,
Крепость духа даст,
Укрепит он силы для несчастных нас.
По твоим молитвам оживает люд,
Сколько тех несчастных принялись за труд!
Сколько пьяниц горьких,
К жизни возвратил,
Много и неправды в людях ты раскрыл.
Не оставь же, братец, горьких, нас, сирот,
Укоряй неправду, просвещай народ.
За тебя помолим пред Господом Благим,
Чтобы жизнь продлилась братца навсегда,
Здравствуй, многи лета, братец Иоанн,
Снявший с глаз завесу с многих прихожан...

Вот те чувства любви, которыя питают к своему учителю эти простые, скромные люди, чуть только еще проснувшиеся к сознательной жизни.

Но не только пением услаждают свою жизнь эти люди. Многие из них страстно любят читать хорошие, серьезные книги, и среди них братец Иоанн первый чтец. Я полагаю, что Л. Н. Толстой был бы сильно растроган, когда бы мог присутствовать при такой удивительной сцене: в Москве, там далеко на окраине, где живут трезвенники, в маленькой, уютной, теплой комнатке собрались к чаю человек десять-двенадцать трезвенниц и трезвенников. Говорили сначала как о недавнем выезде во Владимир, так и о предстоящем суде. Как-то случилось так, что заговорили о Льве Николаевиче, и братец Иоанн стал рассказывать „Войну и мир“, которую он прочел, кажется, в тюрьме. Прекрасный пересказ с выбором самых главнейших, удачных мест не был только простым пересказом. Нет, здесь все события в жизни героев „Войны и мира“ были сведены к двум началам: к борьбе духа с плотью, стремления к самопожертвованию с себялюбием, личного эгоизма с общественностью. „Там тысячами погибают на полях за родину, здесь в Москве гремят балы, льется музыка, опьяняют и дур-

манят людей танцы и пиры,—говорил братец.—Там Пьер отдает всего себя на служение людям, и здесь же просыпается у него зверь себялюбия, и он боится подойти к другу своему Каратаеву перед его кончиной", и т. д., и т. д.

Более часа шла эта замечательная беседа, ясно показавшая, с каким глубочайшим интересом относится народ ко всем художественным произведениям Льва Николаевича. Знаменательно также и то, что среди слушателей нашлось несколько человек, читавших и хорошо знавших „Войну и мир". Оказывается, и „Воскресенье", и „Анна Каренина", и многое другое из произведений Л. Н. также хорошо известны трезвенникам.

VII.

Суд над трезвенниками отложен за неявкой главнейших свидетелей обвинения.

Чем кончится он, никому неизвестно [38]). Но дело ведь и не в суде: трезвенники, в глазах всех мыслящих людей, останутся так же правы и чисты после суда, если их даже осудят, как и до него. Общественная совесть не может и не хочет мириться с самым фактом суда за убеждение, за веру, за совесть, за религию, „за Христа", как говорит народ. Это средневековье должно исчезнуть навсегда, как оно давным-давно исчезло в Западной Европе, в Америке, в Японии, в Китае и даже в Турции. Неужели мы так общественно неразвиты, что будем еще долго удерживать у себя то, что, как далекое предание, как призраки седой и страшной старины, вспоминается у наших соседей, более счастливых народов? Доколе же „тьма века сего" будет царствовать и господствовать над нашим исстрадавшимся народом, жаждущим освобождения?

---

[38]) Шемякин суд над трезвенниками закончился их осуждением и приговором в тюрьму. Движение среди трезвенников еще более усилилось. Прим. В. Б. Б. (1919 г.)

О трудовой общине-коммуне „Трезвая Жизнь“ [39]).

Мне было доставлено дело за № 66 о ревизии Горностаевым трудовой общины-коммуны „Трезвая Жизнь“. Товарищи хотели, чтобы я высказал свое мнение по поводу этой общины. Сообщаю его вам. Члены трудовой общины „Трезвая Жизнь“ принадлежат к одной из тех организаций, которые ранее назывались сектантскими общинами в силу своего несогласия с господствующей православной церковью. Эта община принадлежит к разряду именно тех так называемых сектантских общин, которые в основу своей жизни кладут коммунистические идеи, почерпнутые из Евангелия, толкуя вообще все священное писание таким образом, что выбирают из него в подтверждение своих мыслей именно те места, которые говорят о первобытном коммунизме, конечно, перерабатывая его, как они говорят, „в духе времени“. Занимаясь долгое время изучением сектантов вообще и в частности московской общины „трезвенников“, участвуя в большом владимирском процессе, где они судились именно за свои взгляды, убеждения и образ жизни, изучив решительно всю литературу, касающуюся этой общины, а также подробно познакомившись с бытом их домашней и общественной жизни, наблюдая их жизнь в течение почти 10 лет, я могу с полной убежденностью сказать, что эта община является вполне приемлемой для Советской республики. Они идут навстречу решительно всем мероприятиям советской власти, касающимся строительства новой коммунистической жизни,

---

39) Этот отзыв был мною написан 8 марта 1919 г. в ответ на запрос Народного Комиссара Государственного Контроля.

совершенно соглашаются с принципом отрицания частной собственности, считая частную собственность одной из крупных основ всего зла, которым окутан мир, относятся с нескрываемой симпатией ко всей творческой нашей работе и лишь в одном они не соглашаются и не могут согласиться с нами: они—самые крайние антимилитаристы, при чем этот антимилитаризм вытекает из самых основ и глубин их мировоззрения, является потребностью их духа, который они ни в коем случае не могут примирить с принципом насилия. Они убеждены, что всякое зло, частное или общественное, можно победить добром, организацией, противлением злу без насилия, примером личной или общественной жизни, без малейшего пролития крови. Исходя из этой точки зрения, они приближаются в данном случае к Толстому и его последователям, в частной жизни являются вегетарианцами, и, несмотря на то, что в настоящее время трудно доставать какие-либо продукты, они твердо стоят на грани этих своих убеждений, не изменяют себе и не принимают никакой пищи, связанной с убиением животных.

Они провозгласили несколько лет тому назад: „Мир людям и мир животным". Трудовая и мирная жизнь, культура, посвящение себя земледельческому труду, помощь народу и особенно беднейшим его слоям в области питания (столовые), организация детских колоний для сирот, выискивание среди народа самых павших (отчаявшихся в жизни, потрясенных, больных); превращение их в своей общине, как в одной семье, в людей,—вот главное поприще их деятельности. Они потому и называются „трезвенниками", что ранее, когда было распространено пьянство, их вождь, И. Колосков, и его помощники и друзья занимались тем, что обходили самые темные трущобы, подбирая пьяных и принимали все меры, чтобы поставить их на новую жизнь. В народе они пользовались громадной популярностью, так как их деятельность на почве борьбы с алкоголем была в высшей степени удачна. Десятки тысяч людей обязаны им своим отрезвлением, и я могу с уверенностью сказать, что десятки тысяч семей спасены ими от полного развала, нищеты, вырождения, разврата и пьянства. За всю эту деятельность, за их общественные взгляды, которые всегда стояли в оппозиции к правительству старого времени, они подвергались все-

возможным гонениям. Многие из них сидели в тюрьмах, были судимы, ссылаемы, а когда наступила война и среди них поднялась волна протеста против этой войны с непосредственным отказом в участии поступать в войска и брать в руки оружие, они были заключаемы в тюрьму, судимы и ссылаемы на каторжные работы или проводили долгие годы в одиночной тюрьме. Только революция вырвала их из мрачных стен казематов, выпустила на свободу, и именно теперь, после октябрьского переворота, когда дыхание коммунизма носится над нашей страной, они чувствуют себя наиболее приспособленными к жизни.

С первых же дней октябрьской революции их вожди вошли в сношения с представителями советской власти и, в мере возможного, стараются работать над общим строительством.

Для широких масс они нередко являются непонятными, так как в их мировоззрении, в их образе жизни имеются свои особенности, которые не укладываются в те общепринятые рамки, которые с такой стремительностью распространяются в настоящее время повсюду. Интеллигенция нередко относится к ним отрицательно, потому что совершенно не понимает народной жизни, не понимает тех внутренних исканий и устремлений народной, в особенности крестьянской, массы, в области религиозно-общественных исканий, нередко переходящих в коммунистическое мировоззрение. Эти последние мои слова относятся не только к трезвенникам, но и вообще ко всем сектантским общинам в России, в которых в настоящее время можно насчитывать не менее десяти миллионов людей. Целые столетия представители православного вероисповедания и представители светской, ныне низвергнутой власти употребляли всевозможные изощренные способы, чтобы внедрить как в народ, так и в интеллигенцию при посредстве всевозможных учебников, статей, профессорских лекций, докладов, рефератов и пр. т. п. самое ложное представление, самое ложное понятие об этом широком народном явлении, заслуживающем самого внимательного к нему отношения. И только в последние 10 лет перед революцией на это народное явление стали более обращать внимание, и прежде всего мы встретили сочувственное отношение к нему в комитетах наших партийных социал-демократических организаций юга России. Например, в докладе нашей организа-

ции г. Николаева, Екатеринослава, Херсона, Киева, Кавказа и других мест, в которых констатировался тот факт, что сектантская среда особенно восприимчива к социалистической пропаганде. Их удивительно крепко спаянная организация дала возможность нашим пропагандистам и агитаторам, раз только в этой организации пробуждалось сочувствие, широко распространить устную и письменную пропаганду среди единомышленников этой секты, а через них влиять на окружающую некультурную, непросвещенную, часто совершенно неразвитую крестьянскую массу. В сектантской литературе мы нередко встречаем цитаты из наших нелегальных произведений того времени, и таким образом идеи нашей партии распространялись через эту интереснейшую литературу, почти неизвестную широким интеллигентным слоям и мало исследованную по сие время.

Трудовая коммуна трезвенников в настоящее время переживает, как и все другие тому подобные организации, тяжелый период крайне острой нужды, которая прежде всего вытекает из того продовольственного кризиса, который охватил всю страну. Но я должен сказать, что именно трезвенники в высшей степени ревностно относятся к вопросу о питании широких масс голодающего населения и всегда готовы отдать все силы на помощь этому крайне нужному делу. Так, например, при первом моем обращении к ним, они дали прекрасные силы для кооператива „Коммунист" при управлении делами Совета Народных Комиссаров, вступили в общий наш закупочный аппарат, и в настоящее время их представители сделали большую закупку (180 вагонов) ненормированных продуктов, которые могут быть доставлены когда угодно, лишь только будут устранены те препятствия, которые ставятся центрозакупом и тому подобными организациями на местах.

Принимая все это во внимание, я предложил бы товарищам с большой осторожностью относиться как к этой, так и к другим ей подобным организациям и помочь, чем только возможно, делу их развития, так как несомненно эти организации общеполезны для нашей Советской социалистической республики.

Что касается вопросов сложения с них чрезвычайного налога или какой-либо другой материальной помощи, в том

или ином виде, то я полагал бы, что государственному контролю необходимо войти в обсуждение этого вопроса, так как могу подтвердить, что члены этой общины являются действительно беднейшим населением города и живут только своим тяжелым физическим, ремесленным и тому подобным трудом. Если у них имеется общественное имущество, как то: типография, склады, столовые, мастерские, то понятно, что это имущество, созданное по крохам, является для них тем общественным орудием производства, благодаря которому они могут производить тот род товаров или проводить ту полезную деятельность, о которой я говорил выше. Уничтожение этого имущества, или наложение на него непосильных тягот, конечно, потрясет весь организм их общины, и им будет крайне трудно вести тот коммунистический образ жизни, который они ведут теперь и который хотят улучшить всевозможными мерами в дальнейшем. [10]).

---

[10]) Председатель Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов назначил обследование этой сектантской коммуны; результаты обследования были благоприятны. Этой общине было выдано приводимое здесь распоряжение:

«*Удостоверение.* Сим удостоверяется, что московская трудовая община-коммуна „Трезвая жизнь", состоящая из тружеников рабочих, крестьян и ремесленников и заключающая в себе такие общественно-полезные учреждения, как вегетарианские столовыя, мастерския, общежития, общинные склады, огороды, сады, больница, прачечная, типография, книгоиздательство, библиотека, книжные склады, школа, детские колонии и земледельческие поселения в Московской, Тверской и Тамбовской губерниях, пользуется нашим покровительством, потому президиум Московского Совета Р. К. Д. предписывает органам Московского Совета Р. и К. Д. не допускать по отношению к этой коммуне и ее учреждениям никаких мер, иначе как по предварительному соглашению с президиумом.

Председатель Московского Совета *Л. Каменев.*

Секретарь *О. Крыленко.*

Апреля 24 дня 1920 г. № 4289.

Положение обязывает [41]).

I.

Тридцатого ноября 1911 г. в русской прессе появилось воззвание: „К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев“. Нужно ли говорить о том, что этим воззванием русская литература, общественные и политические деятели и прочие живые элементы нашей общественности еще раз подтвердили то, что, впрочем, давно всем было известно: свое оттолкновение, несочувствие, несолидарность со всеми теми, кто создает невозможные условия существования не только для еврейского, но и вообще для всякого народа, для всей демократии России. Подписи под таким протестом обязывают каждого подписавшегося быть вдумчивым в многосложную жизнь народов. Они обязывают не выносить своего приговора над различными текущими и историческими событиями без знания дела, без всестороннего обсуждения и изучения их. И чем острей событие, тем осторожность должна быть более чуткой.

Мы не могли не обратить особенного внимания на одну из подписей под этим протестом,—мы говорим про подпись Д. С. Мережковского. Наконец-то,—подумали мы,—он перестал верить в басни и сказки про ритуальные убийства. Если он протестует против этого ужаса по отношению к еврейскому народу, то не может же быть, чтобы он верил в существование ритуальных убийств в русском народе. Ведь подписал же он сильное слово, принял его на себя, как присягу: „Бойтесь сеющих ложь,—говорится там.—Не верь-

---

[41]) Эта статья впервые была напечатана в журнале „Современный Мир“, февраль, 1912 г. (стр. 268—280). *Прим. В. Б. Б.*

те мрачной неправде, которая много раз уже обагрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!“

Неужели он, этот христианнейший из христианнейших писателей, неужели Д. С. Мережковский по сие время остался верен „мрачной неправде“, обагренной кровью? С тяжелым чувством должны мы сказать: да, он верит ей, и вот почему говорим мы это. В последнем томе своей трилогии «Антихрист „Петр и Алексей“, которая вновь вышла в свет четвертым изданием в 1911 г. [42]), в главе: „Христос Грядущий“, описывая самым отвратительным, неверным образом собрание сектантов, „Людей Божиих“, которых ругают „хлыстами“ и которые сами себя называют „Израилем“,— описывая так, такими красками[43]), какие постеснялся наложить даже такой мракобес, как Мельников-Печерский,— Д. С. Мережковский счел нужным облечь в художественную форму самую ужасную клевету из всех клевет, которые когда-либо возводились на выдающихся людей русского народа—на русских сектантов. Он облек плотью и кровью обвинение „Людей Божиих“ в ритуальных убийствах.

Вот что пишет он в этой беспримерной главе во всей русской художественной литературе:

„Теперь только заметил он, что она уже не беременна, и вспомнил, что на-днях ему сказывал Митька, будто бы родила она мальчика, который объявлен Христосиком, потому что зачат от самого Батюшки по наитию Духа: „не от крови-де, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родился...“

. . . .

— Ох, Тишенька, ох, Тишенька, спаси меня от лишенька. Убьют они, убьют Иванушку!..

---

[42]) См. „Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского“, т. V. „Христос и Антихрист“, трилогия. Издание т-ва М. О. Вольф. Спб.—Москва, 1911 г.

[43]) Мы не останавливаемся здесь на этом более подробно только потому, что, подготовляя к печати большую работу: „Сектанты в изображении русской художественной литературы“, хотим там всесторонне осветить ту злую неправду, которую возвели некоторые наши писатели на чистых и нравственных людей, принадлежащих к секте „Людей Божиих.“

— Какого Иванушку!..

— А сыночек-то мой, мальчик мой бедненький...

— Зачем убивать?—усомнился Тихон, которому слова ее казались бредом.

— Чтобы кровью живой причаститься,—шепнула Марьюшка, прижимаясь к нему с беспредельным ужасом.—Для того-де, говорятъ, Христосик и рождается, Агнец пренепорочный, чтоб заклатися и датися в снедь верным."

Далее Мережковский описывает „радение" до того момента, когда собрание пришло в наивысшее возбуждение.

„И вдруг все остановились,—продолжает он,—пали ниц, как громом пораженные, закрыв лица руками. Белые рубахи покрыли пол, как белые крылья.

— Се Агнец непорочный приходит заклатися и датися в снедь верным,—в тишине раздался из подполья голос Матушки, глухой и таинственный, как будто говорила сама „Земля-Земля, Мати сырая".

Царица вышла оттуда, держа в руках серебряную чашу, вроде небольшой купели, с лежавшим в ней на свитых белых пеленах голым младенцем. Он спал: должно-быть, напоили сонным зельем. Множество горящих восковых свечей стояло на тонком деревянном обруче, прикрепленном спицами к подножию купели, так что огни приходились почти в уровень с краями чаши и озаряли младенца ярким светом. Казалось, он лежит внутри купавы с огненным венчиком.

Царица поднесла купель к царю [44]), возглашая:

— Твоя от Твоих Тебе приносяща за всех и за вся.

Царь осенил младенца трижды крестным знамением.

— Во имя Отца и Сына, и Духа Святого.

Потом взял его на руки и занес над ним нож.

Тихон лежал, как все, ничком, закрыв лицо руками. Но глядел одним глазом сквозь пальцы украдкой и видел все. Ему казалось, что тело младенца сияет, как солнце, что это не Иванушка, а таинственный Агнец, закланный от начала мира, и что лицо того, кто занес над ним нож, как лицо Бога. И ждал он с непомерным ужасом и желал непомер-

---

[44]) „Царем" и „царицей", по утверждению Мережковского, назывались вождь „Людей Божиих" и его сожительница.

ным желанием, чтоб вонзился нож в белое тѣло и пролилась алая кровь. Тогда все исполнится, перевернется все,—и в последнем ужасе будет последний восторг.

Вдруг младенец заплакал. Батюшка усмехнулся,—и от этой усмешки лицо бога превратилось в лицо зверя.

„Зверь, дьявол, Антихрист!..“—блеснуло в уме Тихона. И внезапная, страшная, нездешняя тоска сжала ему сердце. Но в то же мгновение—словно кто-то разбудил его—он очнулся от бреда. Вскочил, бросился на Аверьянку Беспалого, схватил его за руку и остановил удар.

Все вскочили, устремились на Тихона и растерзали бы его, если бы не послышался громовой стук в дверь. Ее ломали снаружи. Обе половинки зашатались, рухнули, и в горницу вбежала Марьюшка, а за нею люди в зеленых кафтанах и треуголках, со шпагами наголо: это были солдаты. Тихону казались они ангелами Божиими“ [45]).

Как видим, здесь строго и законченно описан весь ритуал человеческого жертвоприношения, с целью причащения верующих кровью и телом младенца, и г. Мережковскому помешали описать дальше все подробности самого убийства только эти великолепные „Ангелы Божии“, появившиеся в лице полицейской стражи. Историк московской полиции должен гордиться столь отменными предками гг. Зубатовых, Власовских, Бердяевых, Рейнботов и др., которые еще не имели чести фигурировать в романах в почетных ролях „сил небесного воинства“. Впрочем, почем знать, может быть, и они дождутся своего Мережковского.

Надо было искренне верить всему тому, что там написано, чтобы написать столь отчетливо и ясно весь ритуал. Какой же „Лютостанский“ помог Д. С. Мережковскому выписать все эти ужасные картины величайшей клеветы на русский народ? Единственный нам известный источник,—и мы думаем, что именно из него черпал свое вдохновение Мережковский,—был и есть до сего времени все тот же: это—дело „по доношению из следственной о раскольниках комиссии в Москве о явившихся в Переяславле-Залесском квакерской ереси согласниках“ (1774 г.). В синодальном архи-

---

[45]) См. 248—251 стр. т. V. „Петр и Алексей“, изд. т-ва М. О. Вольф. Спб., 1911 года.

ве это дело значится по описи № 213 [46]). Обыкновенно писавшие о ритуальных убийствах среди „хлыстов" всегда ссылаются именно на это дело.

Посмотрим, что и как показывали там подсудимые этого „дела", наложившего такое ужасное пятно на русский народ, на русское сектантство.

Лукерья Васильева, взятая из Федоровского девичьего монастыря, *при подъеме на дыбу* [47]) показала, что после производимых на их сборищах богопротивных злодеяниев чинили мужеск с женским полом плотское совокупление, и рождаемых младенцев учитель их Григорий Артамонов крестил таким порядком... А рождаемых девками первых младенцев, мужеска и женска полу, живущих от одной недели до двух, учитель же их Савелий Прокофьев (умре), по научению Артамонова, колол в груди и, разрезывая брюхо и кровь из них испуская в судно, и вынимали сердца, а тела зарывали в кельях и в сенях их в землю. И оное сердце, иссуша в печи и истолкши, мешали с мукою, клали в хлебы, которые и раздавали оные их учители на сборищах вместо причастия. А кровь клали в воду и давали запивать [48]).

Эти же показания подтвердили оговоренные под пытками Лукерьей Васильевой „две девки Елена и Марья" [49]).

Подтвердили то же показание „старица Максимилла Максимова и девка Фекла Володимирова *с подъему на дыбу*" [50]). Все указали очевидно, по желанию следователей, как на главного виновника и исполнителя ритуального убийства, на Григория Артамонова. Его трижды поднимали на дыбу, его всячески пытали, но он „все-таки ничего не сказал и не подтвердил" [51]). Всех признавших под пыткой ритуальное

---

[46]) Некоторые исследователи,—исследователи крайне тенденциозные, зло относящиеся с сектантам, как, наприм. Пеликан и Реутский,—указывают, что они читали еще другие подобные „дела" в архивах, но, однако, их нигде не цитируют, вероятно, потому, что они являются явно бездоказательными.

[47]) Курсив везде наш.

[48]) Цитирую по книге: Евгений Пеликан. „Судебно-медицинские исследования скопчества с краткими историческими сведениями". 2-ое изд. Спб. 1875 г., стр. 116.

[49]) Там же, стр. 116.

[50]) Там же, стр. 116.

[51]) Там же, стр. 116.

убийство рассадили в тюрьме врозь и стали вновь допрашивать о том, где похоронены убитые младенцы и пр. И на этих застеночных допросах перепуганные и измученные женщины показали места, где похоронены младенцы. Туда сейчас же был отправлен „пехотного полка поручик, что ныне капитан, Антон Обретин с командой, по инструкции, который, возвратясь в комиссию, репортом показал, что „по обыску его кости нашлись в келье у старицы Варсонофии да девки Алены Петровой, под полом в земле, а в сенях кельи Варсонофьевой и в погребу костей и тела не нашел. Найденные кости в двух коробках при означенном репорте и объявил. Кости комиссией были отправлены, за ее печатью, при промемории в медицинскую контору, для осмотра—какие они. Медиц. контора, при промемории, возвратила кости за печатью же в комиссию и заявила, что, по свидетельству присутствующих (Багния Севасто, да московской дивизии доктора Грегори, бывшего при московском гошпитале главным лекарем, Кланка, да лекаря Пагенкамфа), кости оказались все зверски, а не человечески, а какие зверски, признать невозможно, ибо оные застарелые и переломаные. По определению комиссии, оные кости зарыты в земле на поле“ [52]).

Что касается тел младенцев, то нигде, при самых тщательных розысках, не нашли и следа их. Под пытками следственным властям удавалось вырывать признание, где именно зарыты убитые младенцы. Сейчас же ехали туда, и во всех рапортах видим по смыслу одно и то же донесение властей. Вот одно из них: „Около той могилы и гробу вокруг рыто при них довольно, также и в келье, в сенях, в погребу, под чуланом младенческих тел и костей отыскивано прилежно, но ничего не найдено“ [53]).

„Девку Лукерью Васильеву“ вновь пытали, поднимали на дыбу и заставили все подтвердить и оговорить новых лиц, что она и сделала. Вновь оговоренных предали страшным пыткам, но большинство из них не признало возводимых на них этих обвинений. После двухгодичного одиночного заключения вновь принялись за допрос тех же сектантов, и все они совершенно отказались от своих пока-

[52]) Там же, стр. 119.

[53]) Там же, стр. 120.

заний. Так, главная оговорщица Лукерья Васильева заявила, что „все показывала она, как на себя, так и на других, напрасно..., что то, что сперва показывала, не стерпя подъему на дыбу и убоясь страху, чтоб ей еще таковогоже подъему и другова страху не было“ [54]). „Девка Марья Федорова показала, что она свои прежние показания отменяет, что они сделаны из страху“ [55]). Девка Фекла Володимирова объявила свои показания ложными, которые давала, „не стерпя ломки и подъему на дыбу с бревном и убоясь себе побой“ [56])... Всех этих несчастных женщин вновь подвергли невероятным пыткам и не один раз, а каждую еще по три раза.

„Оные девки,—говорится в следственном производстве,—пытаны по трижды и огнем сжены“ [57]). Но они были тверды и теперь решительно не признали того, что так хотелось утвердить судьям. Здесь же выяснилось, что еще ранее, до пыток, судьи хотели подействовать на подсудимых подкупом,—так им хотелось во что бы то ни стало возвести на ненавистное для них сектантство то обвинение, которое оттолкнуло бы от него народ, то обвинение, которое теперь так старательно популяризирует в нескольких изданиях своей книги Д. С. Мережковский.

Лукерья Васильева показала, что „судья Алексей Андреянов Гринков был у нее на квартире, где она содержалась, и утверждал ее, а чтобы они о том рождении и заклании младенцев не сговаривали (т.-е. не отказывались бы), а в том бы стояли и утверждали, и в том-де надеялись на него, и за то-де им, как ей Лукерье, так и другим содержащимся с нею девкам, Марфе и Фекле, велел дать по шубке и по рубашке, и жалованье велел же им прибавить, что они получали, и с тех-де речей она, Лукерья, и показывала“ [58]).

То же показывали девки Марья Федорова и Фекла Володимирова.

Таким же точно путем—путем пыток—добились такого же показания от сектанта Дмитрия Осипова. Его сначала

---

54) Там же, стр. 120.
55) Там же, стр. 121.
56) Там же, стр. 121.
57) Там же, стр. 121.
58) Там же, стр. 121.

подняли на дыбу. Он выдержал, ничего не сказал, не подтвердил тех показаний, которые ему подсказывали. Тогда его вновь ввели в застенок и пытали, и здесь он, не устояв перед страшными мучениями, подтвердил и рассказал то, что от него требовали. Артамонов, руководитель секты, не подтвердивший возводимого на него кровавого навета, был совершенно замучен пытками и умер до приговора суда.

Духовный суд, определяя наказание главным свидетелям-подсудимым—этим трем женщинам—за принадлежность их к секте, также вменил им в вину „напрасное ими на себя и на прочих людей о прижитии и заклании младенцев показание, за что оные люди, на кого они показывали в светском суде, претерпели истязание“ [59]). Таким образом, даже этот суд, суд крайне пристрастный, столь тщетно и так тщательно добивавшийся открытия ритуальных убийств, в своей окончательной резолюции решительно отверг это ужасное, полное гнусности обвинение. Никаких других материалов, действительно подтверждавших бы эту легенду, мы не знаем [60]). Последний якорь спасения для утверждений Мережковского по этому делу заключается в том, что на обыске по тому же делу был отобран крест, в котором найдены были заделанными какие-то крошки, по экспертизе врачей оказавшиеся кусочками мяса и костей. Чье мясо и кости, экспертиза не определила. Но так как на это обстоятельство самими следственными властями не было обращено почти никакого внимания, и принимая во внимание, что большинство сектантов были вчерашние православные, да еще некоторые из них из монастырей, и зная, что в ту пору было очень распространено носить с собою, как святыню, кресты, в которых сохранялись частички мощей, как позднее ладанки,—можно предположить, что этот крест имен-

[59]) Там же, стр. 121.

[60]) Все утверждения Гакстхаузена, Кельсиева, Мельникова, Реутского, Кутепова или зиждутся на этом же следственном деле, или на россказнях одного или двух-трех лиц. И даже такой заядлый противник сектантов, как правительственный чиновник Мельников (Печерский), и тот должен был признать, говоря о ритуальных убийствах среди „Людей Божиих“, что „не было случая, чтобы изуверное преступление было вполне обнаружено и юридически доказано“. Несмотря на это, кроме Мережковского, и Андрей Белый, в повести „Серебряный голубь“, тоже выводит ритуальное убийство русскими сектантами.

но и был из этого сорта реликвий православных. Если г. Мережковский знает какие-либо иные совершенно неопровержимые материалы, которые дали ему возможность в его романе восстановить „историческую правду", а по нашему убеждению, злой и отвратительный навет, то пусть он укажет на эти материалы. Но мы заранее говорим, что твердо знаем, что таких материалов нет ни в литературе, ни в архивах и что все описание ритуального убийства у сектантов есть клевета и ложь на русский народ, на русское сектантство. Д. С. Мережковский должен был бы знать, чего только ни добивались в средневековье господа инквизиторы от своих жертв, каких только небылиц и ужасов ни наговаривали на себя подпавшие под подозрение святых отцов католической церкви, чего только ни распространяли эти черные вороны про сектантов—особенно про них—в своей кровавой борьбе против народного свободомыслия. Пользоваться данными, добытыми под пытками, на дыбе и в застенке,—пользоваться данными судебно-полицейского дознания XVIII века, омытого кровью народных мучеников, для выведения в литературе самой ужасной, самой черной клеветы,—по нашему мнению, решительно недобросовестно.

„В первые века после Рождества Христова языческие жрецы обвиняли христиан в том, будто они причащаются кровью и телом нарочно убиваемого языческого младенца. Так объясняли они таинство „евхаристии",—вот что писали авторы протеста против „кровавого навета на евреев", и эти слова подписал Д. С. Мережковский. А если с этими словами согласен Мережковский, пусть он докажет всему русскому обществу, что его „кровавый навет" на русский народ не „давно известный прием старого изуверства", а действительная правда.

У нас сильно, к несчастию, распространено мнение, что для гг. беллетристов—законы не писаны, что для своих фантазий, схем и построений, для своих пластических изображений они могут пользоваться чем угодно и как угодно. Давно пора покончить с этой странной привилегией гг. беллетристов. Художественное слово—наиболее доступное, наиболее читаемое, а потому и наиболее влиятельное—должно быть и наиболее девственно, чисто, правдиво. Никакой даже только сомнительный материал, а не заведомо ложный, а

тем более вынужденный, вырванный под пытками и бичеваниями, не может и не должен быть источником для написания романа или его глав. Здесь нужна особенно тщательная проверка. Исторический роман, эти главы Мережковского, перенесенные в обстановку нашей страшной действительности, приносят то же ужасное, ничем непоправимое зло, как все брошюры Лютостанского и ему подобных. Мне лично много раз пришлось разъяснять в глухих местах России, и не только там, но и в Петербурге и в Москве, что все написанное в этих главах о „хлыстах"—ложь и клевета, разъяснять потому, что люди, идущие против сектантов вообще и против секты „Израиля" в частности, цитировали мне „известнейшего писателя Мережковского, который зря бы не написал". Я видел слезы на глазах старцев, почтенных и много пострадавших за свои идеи, которые, плача и даже рыдая, рассказывали мне про „новую беду", про то, что „какой-то там Мережковский написал про нас, что мы и деды наши детей едим". Не может ли явиться это писание Мережковского материалом для возбуждения погромов сектантов, которые и без того так часто случаются в России?

„Никогда еще, кажется, даже в самые темные времена, не были мы так безобщественны а, следовательно, безответственны и, чего уж греха таить, бессовестны",—писал г. Мережковский на нынешний новый год в „Речи" [61]), высказывая свои пожелания писателям земли русской.

„Ты говоришь!"—скажем мы ему и будем ждать, когда „совесть" вернется к писателю, поднявшему на своих плечах кровавый навет на русский народ.

Совершенно справедливо негодуя, бичуя черную свору „националистов", Д. С. Мережковский писал в своем новогоднем приветствии:

„Не то беда, что существуют среди нас люди бессовестные, „двурушники", служители Бога и мамона вместе, проповедники зверского „национализма", „патриотизма"; безбожной травли инородцев, „кровавого извета" и прочих „истинно-русских" мерзостей; беда наша в том, что эти бесстыдники в настоящее время так высоко, как еще никогда, держат головы; что голоса их раздаются так нагло и по-

---

[61]) См. „Речь", 1 января 1912 г., № 1.

бедно среди общего безмолвия, что гнусности их не встречают в нас должного отпора и негодования. Следует пожелать, чтобы клеймо презрения легло, наконец, на эти некраснеющие лица; чтобы звериный вой не заглушал человеческого голоса" [62]).

Верно, верно, тысячу раз верно, г. Мережковский! Но мы не можем не сказать, зная творения этого смиренно-бунтующего писателя: „врачу, исцелися сам!"

В последнее время Д. Мережковский много уж раз переплетает свое имя с именем Л. Н. Толстого; он даже готов пострадать за него, и даже уже страдает..., чувствуя себя отлученным вместе с ним от православной церкви. Вот подумаешь, где кроется, где таится истинное и величайшее несчастие этих во Христе юродствующих печальников земли русской... Надо бы оставить вам Льва Николаевича в покое,— слишком чуждо было ему то открыто презрительное отношение к русскому народу, к его многосложной душе, которое всюду и везде звучит и сквозит у вас, христианнейших писателей нашего времени... Те, у кого рука может написать, кто может распространять, по образному и сильному выражению О. О. Грузенберга, „подлую легенду об употреблении... христианской крови" [63])—русскими, евреями ли, или еще кем, это все равно,—тот, несмотря на все свои таланты, несмотря на все свое старание, несмотря на все свое христианнейшее кликушество, должен раз и навсегда знать и помнить, что между ним и опозоренным им народом нет и не может быть ничего общего, ибо Каин никогда уже не станет братом Авеля, всегда обагряющего своей праведной кровью путь всеобщего освобождения.

II.

Положение обязывает и газету „Речь", делающую большое и хорошее дело в разоблачении неправды „кровавого навета" на еврейский народ, вновь всплывшего по поводу убийства мальчика Ющинского. Но легкое отношение к „сведениям из провинции", беспечное отношение к жизни

---

[62]) Там же.

[63]) См. „К делу Ющинского", беседа с пр. пов. О. О. Грузенбергом (перепечатка из „Рассвета"). „Речь", 21 января 1912 г., № 20.

народных масс привело к тому, что 30 ноября редакция „Речи" протестовала против „кровавого навета на евреев", а 22 ноября того же года, т.-е. ровно за неделю, в „Разных известиях" перепечатывала у себя сообщение из саратовских газет о „секте душителей", в которой яко бы совершаются ритуальные убийства по обрядам этой секты.

„Последней жертвой этой секты,—опубликовывает „Речь",— был ломовой извозчик Иван Кабанкин, 65 лет, живущий на Большой Горной улице, между Камышинской и Царевской улицами, в собственном доме." Старик пропал. Его стали искать. „И вот совершенно случайно до сведения полиции дошло, что старик убит,—повествует „Речь",—и труп его зарыт на дворе его собственного дома. Дали знать сыскному отделению, которое ночью на 18 ноября произвело тщательный обыск и нашло труп старика в хлеве зарытым в земле. Могила имеет вид склепа с деревянным настилом наверху. Доски зарыты лошадиным пометом. Дальнейшим дознанием выяснено, что старик удушен сыном своим Тимофеем, также извозчиком, и что убийство совершено на религиозной почве. По верованию секты душителей, каждый человек не должен доживать до глубокой старости и должен быть или убитым или задушенным. Пред смертью над обреченным при зажженных восковых свечах читают и поют разные церковные песнопения, а потом стремительно бросаются на него с подушками и одеялами и лежат на нем до тех пор, пока обреченный не перестанет дышать. Церемония душения совершается обыкновенно ночью, и смерть удушенного держится в велечайшем секрете" [64]).

Итак, „Речь" говорит нам здесь о „последней" жертве этой секты. Значит, она знает и „жертвы", бывшие раньше, значит, она может доказать, что вообще в русском народе есть секты „душителей", „красносмертников" и что это не есть „кровавый навет" на русский народ, а сама действителъность. Правда, „Речь", перепечатывая это ужасное известие, в предисловии к нему пишет, что „саратовские газеты рассказывают об обнаружении убийства одного старика, которое послужило поводом к толкам, будто [65]) оно совершено на ре-

[64]) См. „Речь", 22 ноября 1911 г., № 321.

[65]) Курсив наш.

лигиозной почве приверженцами так называемой секты „подпольников“ или „душителей“. Мы нарочито выделили курсивом это „будто“, за которое прячется „Речь“, высказывая долю сомнения в том, что русский народ, „может быть“, не людоед, „может быть“, не душитель, „может быть“, не совершает ритуальных убийств. По нашим временам—спасибо и на этом. Тем более, если вспомнить проникновенное вдохновение в расхваливаниях г. Чуковским книги сподвижника Илиодора и Гермогена—книги земского начальника г. Родионова. Право, приходится в этом „будто“ уже видеть значительный прогресс.

Когда еще не было почти никаких известий об этом саратовском деле, нам пришлось в Москве высказаться в одной из массовых газет по поводу толков о „красносмертниках“.

„Толки о существовании в старообрядчестве ответвления,—писали мы,—поморцев, которые будто бы прибегают к удушению стариков и называются „красносмертниками“, „душителями“, „подпольниками“,—не новы. Они давно известны. Но до сего времени во всей литературе о старообрядчестве нет никаких данных, которые подтвердили бы эти толки, а факты жизни всегда опровергали их. Всегда надо быть как можно более осторожным в таких случаях и ничего не принимать на веру. Я знаю множество фактов, когда досужая молва провинциальных захолустий приписывала различным ответвлениям старообрядчества и сектантства совершенно нелепые, решительно ничего не имевшие общего с правдой утверждения, случаи и преступления.

„Меня нисколько не удивляет, что в Саратове существуют „подпольники“, их также называют „скрытниками“, не удивляет потому, что крайние ветви воинствующего раскола, все так называемые „бегуны“, „нетовцы“ и пр.—совершенно не верят в существование в России одного из проявлений политической свободы,—„свободы совести“, и нельзя не согласиться с ними, что в этом они правы. Вот почему они не выходят из подполья, а ведут свою жизнь, исповедуют и осуществляют свое учение скрытно, тайно, для чего имеют тайные молельни и пр. Конечно, следствие обнаружит, что было причиной смерти саратовского старика, но, судя по аналогии с другими подобными делами, можно с большой достоверностью предполагать, что здесь не было даже простого

убийства. Вероятно, старик умер, как умирают все, а затем его отпели по старому обряду и, чтобы не войти в общение с православными, которые потребовали бы регистрации смерти, осмотра трупа, а если скоропостижная смерть, то и вскрытия, что считается старообрядцами, тем более крайними толками, большим грехом, похоронили у себя дома. Такие похороны, я уверен, в России совершаются ежедневно в десятках и сотнях местах, где живут старообрядцы и сектанты, до сего времени, к сожалению, не имеющие широких политических прав в вопросах совести, веры и убеждения. Таинственные ходы, подполье, тайная молельня—все это дает нам ясную картину обыкновенного тайного скита бегунов или нетовцев. Весьма вероятно, что здесь же найдется и кладбище умерших одноверцев. Но я решительно не представляю возможности существования в России, среди русского народа, ритуального убийства. Этого нет и не может быть“ [66]).

Множество газет [67]), бросившихся на эту новинку и не только перепечатавших самый факт открытия полицией тайной часовни, тайного скита, но прямо так и окрестивших этих сектантов „душителями“, „убийцами на религиозной почве“, „красносмертниками“, не постарались нигде проверить свои злые, черные наветы. Интересней всего то, что через неделю все эти газеты, многие из которых считают себя „либеральными“, „демократическими“, столь же рьяно принялись протестовать против „кровавого навета“ на евреев, перепечатывая и комментируя известный протест.

Такова легкость отношения нашей прессы к народной жизни. Нам известен только один серьезный протест против этого новейшего „кровавого навета“ на русский народ, который решительным образом раздался на страницах „Саратовского Листка“, где была помещена хорошая статья г. Л. М—на: „О подпольниках“ [68]). К сожалению, „Речь“, перепе-

[66]) „Столичная Копейка“, ноябрь 1911 г. Москва.

[67]) Помимо „Речи“, это известие было перепечатано в „Столичной Копейке“, которая, впрочем, дала объяснение этой истории, а также в „Саратовском Вестнике“, в „Южном Крае“, в „Пермской Земской Неделе“, в „Уфимском Вестнике“, в „Живом Слове“ (Воронеж), в „Вестнике Рыбинской Биржи“ и во многих других.

[68]) „Саратовский Листок“, 25 ноября 1911 г.

чатав возмутительное известие о русских сектантах, не сочла нужным использовать эту статью „Саратовского Листка“ так же, как, насколько нам известно, она не перепечатала у себя ни нашего разъяснения, ни, наконец, письма „бывшей бегунки Е. М.“, которая опубликовала „письмо в редакцию“: „О секте душителей“. В этом интересном письме г-жа Е. М. говорит, что „по верованию странников,—всякий должен умереть вне своего дома. Хоть за несколько часов до смерти он должен уехать из своего дома, хотя бы в соседи, и там получить крещение прежде наступления смерти. Это, во-первых. А во-вторых, труп должен быть одет во все белое и в саван, имея в руках листовку, и зашит в новую рогожу. В-третьих, странники никогда на дворах не хоронят. А что они бросаются с одеялами и подушками на умирающего, это давно отжившая народная легенда и учеными доказана и признана не существующей и никогда не существовавшей, а просто созданной народной фантазией, потому только, что странники не живут открыто по своим чисто религиозным убеждениям.“ [69])

Г-жа Е. М. высказывает подозрение, что не было ли здесь простого убийства? Но и это подозрение должно отпасть, так как при медицинском осмотре трупа признаков насильственной смерти совершенно не обнаружено. Приходится более всего высказаться за обыкновенные похороны, на чем, впрочем, и настаивают сами родственники умершего старика Кабанкина.

Очевидно, живя в большом городе, старику некуда и некогда было уезжать умирать „в соседи“, а пришлось умереть дома, нарушая „заветы предков“, лишь бы не причинять одноверцам лишних хлопот. Во всяком случае, совершенно ясно, что нет, как и не было, решительно никаких данных утверждать, как это сделали многочисленные газеты, что в Саратове совершено русскими сектантами ритуальное убийство, убийство на религиозной почве.

Кровавые наветы уже и без того тяжким кошмаром душат нашу родину. Будемте трижды осторожны с обвинениями, бросаемыми в лицо того или другого народа. Будемте ме-

---

[69]) „Камско-Волжская Речь“, от 25 декабря 1911 г. (Казань), „Самарская газета для Всех“, от 3 января 1912 г., „Уфимский Вестник“, от 30 декабря 1911 г. и др.

рить одной мерой, и если мы всеми силами своей души протестуем против „кровавых наветов“, бросаемых в лицо древнего еврейского народа, то остановим же руки и тех, кто в каком-то безумии, опрометчивости или в блаженном неведении того, что они творят,—готовы сейчас же, тут же при подписании протеста, распространять [70]) ту же ложь, ту же клевету о тяжко страдающем русском народе и среди него, про втройне страдающих сектантов.

Будем же твердо помнить, что источники зла и насилия чинимого над народами, живущими в России, питаются из одних и тех же ключей.

Будем знать раз и навсегда, что ритуальных убийств нет, не было и не может быть, что бы там ни печатали г.г. Мережковские и Лютостанские, ни среди еврейского, ни среди русского народа!

---

[70]) Этот ужасный том сочинений Д. С. Мережковского в последний, в четвертый раз вышел в свет в июле 1911 г. в количестве 5100 экз. см. „Книжная Летопись“, № 29, 23 июля 1911 г.), т.-е. за 4 месяца до подписания всем известного протеста по поводу кровавого навета на евреев. Если к ноябрю мнение Мережковского изменилось,—чему нельзя не радоваться,—то мы, однако, не видим с его стороны никаких мер для уничтожения тех страниц его романа, где возведена клевета на русский народ.

Суд над Д. В. Смирновой [71]).

I.

Одиннадцать дней продолжался в с.-петербургском окружном суде разбор дела петербургской сектантской общины,—одного из ответвлений Старого Израиля,—во главе которой почти два десятилетия стояла весьма известная в сектантском мире женщина Дарья Васильевна Смирнова, прозванная полицией и миссионерами „Охтенской Богородицей".

Если бы этот процесс был таким же обыденным, как и многие другие сектантские процессы наших дней, то, пожалуй, о нем пришлось бы говорить все то, что необходимо, что обязательно надо не только говорить, но и кричать, когда людей судят за их убеждения, за их совесть... Но кроме этого общего, в процессе Д. В. Смирновой явно наблюдаются новые штрихи, новые методы преследования сектантов, на этот раз выработанные не только прокурорской властью, но и „воинствующими" миссионерами типа Айвазова и Зыкова, в самом точном смысле действовавших вкупе и влюбе вместе с представителями „бывших" людей из петербургской адвокатуры, которые в качестве гражданских истцов пришли в залу суда, чтобы приложить свои руки к делу гг. Айвазовых и всеми силами и всеми мерами помочь этим гонителям за совесть разорить одну из тех сектантских общин, которая столько лет существовала в Петербурге, осмысливая жизнь тех, кто входил в нее.

Плотной стеной громадные толщи народной массы отгорожены от интеллигенции городов, этой буржуазии, нередко

---

71) Эта заметка впервые была напечатана в журнале „Современник".

играющей в демократические игрушки, такой стеной, которая делает недосягаемым мир страстей и стремлений, мир чаяний, ожиданий и надежд тех, кто стоит, кто живет по ту сторону этой стены. Смешными, подчас нелепыми и странными, кажутся все эти стремления громадных масс населения „чистым господам“, не видящим ничего, никакой творческой жизни в этих веками существующих организациях и готовым всегда отделаться от народных форм жизни бессмысленным и, к сожалению, столь популярным восклицанием: „это все—мистика!“. А вместе с тем, там, в этих таинственных низах что-то живет, что-то движется, объединяется, куда-то стремится, что-то хочет, что-то творит... И вдруг, нечаянно и неожиданно для всех, как из-под земли, выскакивает на поверхность жизни наших общественных будней какое-то новое явление, новые люди, быстро завладевающие нашим вниманием, говорящие какие-то особенные, странные, не под масть века, слова; люди, соединенные друг с другом клятвами хранить все в тайне, говорящие здесь,—словно, в священном трибунале инквизиции,—какие-то совершенно, по нашим понятиям, странные речи, которые, однако, все слушают или с нескрываемым любопытством, или с невероятной злобой и ненавистью... А они?... Им все равно: они говорят твердо, убежденно, горящими глазами смотрят на всех и как бы заявляют: хотите мучить нас, травить зверями, пытать, жарить на сковородке, повесить за ноги,—пожалуйте, сделайте ваше одолжение! Мы готовы на это каждый час, каждую минуту, и только будем рады пострадать за Христа!

— Христос повелевает нами!—воскликнул один из свидетелей.

— К Христу мы идем,—говорит другой.

— За Христа пострадать готовы всегда и везде...—тихо, но ясно говорила женщина.

А миссионер Айвазов, любовно все время окидывавший взглядом новых союзников—гражданских истцов,—переглядывался с священником-миссионером Зыковым, ухмылялся, словно говоря: и еще они смеют говорить о Христе! Мы ли не знаем Христа!? Не в лоне ли нашей матери-церкви Он и есть, был и будет!? А там, над судом, этим строгим ареопагом и многочисленными слушателями, парило изображение благословляющего Христа, несшего в мир кротость и все-

прощение, любовь и милосердие... И, может быть, никогда так не было ясно мне, что собравшиеся сюда люди, хотя и произносят одни и те же слова, но в сущности говорят на совершенно разных языках, друг друга не понимают ни в чем...

Христос! Да ведь и Христа здесь два—два понятия, два представления, влагаемые в этот исторический образ... Есть богочеловек, и есть символ богочеловечества...

II.

Учение лиц, находившихся на скамье подсудимых: Д. В. Смирновой, ее сына и пламенного искателя веры Дениса Шеметова, почти ни в чем не отличается от того общественного учения духовных христиан-израильтян, которое издревле ведется у нас на Руси в народе, несомненно, корни свои имея еще в аскетических первых веках христианства. Та же вера в перевоплощение, по премудрости, Христа, Святого Духа и всей святой Троицы, вмещение в человека всей полноты Божества, вместе с дарами Богоматери присноdевы Марии. Конечно, все это понимается в духовном, иносказательном, переносном смысле, отнюдь не порывая связи с пантеистическим представлением о первопричине, о первосущности, о творящем начале, о Боге, разлитом везде и всюду, во всем мире и более всего в человеке, ибо давно уже сказано: „вы—Боги“.

Не за учение, конечно, судили этих людей. Им хотели во что бы то ни стало навязать то, чего у них нет, и то, чего нет вообще нигде, кроме больного воображения гг. миссионеров: здесь, в Петербурге, в наши дни пытались всеми мерами воскресить легенду о кровавом причащении последователей Смирновой, причащении ее менструальной кровью и питье мочи вместо „святой воды“. Странно слышать об этом в наш век, и воображение невольно переносит нас в тягостные средние века, когда верили всему, и чем отвратительней и чем ужасней были наговоры и слухи, тем придавали им больше значения, веса и веры! Неужели мы еще все пребываем, по своему сознанию и легковерию, в этой, казалось, навсегда минувшей страдной и ужасной полосе жизни человечества?

Очевидно, что да, ибо столько серьезных людей, — седых и старых, молодых и средних лет,—с видом полной серьезности испытывали совесть XX века, подробно обследуя то, чего нет, не было и не может быть...

Решительно никто не видел крови, решительно никто ее не пил, только девочка одна помнит, что она видела, как какая-то тетка пила что-то красное, да другая тетка говорит, что по капельке давали,—правда, другие уверяли, что они слышали, что давали не по капельке, а ложками, третьи из бутылки, четвертые из плошки, и, наконец, нашелся один, который говорит, что сам пил, а что пил?.. Оказывается, не видал: глаза зажмурил.

— Какой вкус, соленый, кислый?

— Нет, говорит, как холодный суп... Из ложки Шеметов давал...

Вот неугодно ли вам знать, что это и есть доказательство того, что у нас в Петербурге явно находятся остатки, в живых людях, до-исторического людоедства.

Стыдно и больно сознавать, что такие вопросы могут быть обсуждаемы в наши дни!

Да что вопросы!

Вон гражданский истец, еврей Кулишер, совершенно забывший, что так еще недавно его же соплеменников обвиняли в ритуальном употреблении человеческой крови и что все мы, культурные люди России, подняли свой голос на защиту оклеветанного народа, забыв, что кровавый навет над его народом тягостным кошмаром тяготеет более семи веков, забыв, что просвещенные представители всех народов всегда и везде неустанно протестовали против этого навета во имя справедливости и культуры,—осмелился здесь на суде пойти следом за вздорной басней наших дней, клевещущей на русский народ, и стал задавать, по сущности своей, вопросы свидетельнице совершенно такие же, какие задавали в Киеве на процессе Бейлиса гг. Замысловский и Шмаков. Неужели этот вылощенный адвокат буржуазии думает, что то, что для еврея плохо, то для русского хорошо?—Теперь я уже не знаю, употребляют ли евреи человеческую кровь или нет?—рассуждал один из слушателей процесса в буфете во время перерыва. — Ведь вон этот адвокат еврей доказывал же, что у них, у подсудимых, употребляют чело-

веческую кровь для причастия? Так кто их знает, может быть, и они сами употребляют человеческую кровь?

Вот ужасные результаты буржуазного усердия этих Балалайкиных, которые за определенное вознаграждение могут публично, никого не стыдясь, доказывать решительно что угодно, какая бы преступная мысль или изумительная гадость ни находились бы в их защитительных тезисах.

Но не только г. Кулишер; то же и с его соратником, с присяжным поверенным г. Исаевым. В своей обвинительной речи он обратился к присяжным заседателям и заявил, что вам будут говорить, что в этой брошюре [72]) есть неправда. Не верьте этому,—в ней все правда, от слова до слова. А имейте в виду, читатель, что именно эта-то брошюра, написанная при помощи, согласно свидетельским показаниям, миссионера Булгакова, и была первоисточником всей этой грязной и гнусной клеветы и началом всего процесса.

Вот так-то и делается история! Вот так-то и помогает этим „творимым легендам" госпожа интеллигенция в лице некоторых своих представителей, совершенно, в лучшем случае очевидно не соображающих, что они творят.

Но мы не можем не радоваться тому, что даже, очевидно, мало культурный состав присяжных заседателей, не разбирающийся в неотъемлемых правах человека или настроенный совершенно определенно против этих прав, в своей осудительной резолюции все-таки отверг 4 и 5 вопросные пункты, где вопрошалось о виновности или невиновности в причащении кровью, в питье мочи и пр. мерзостях.

— Нет, в этом неповинны и эти русские люди,—сказали даже и эти несомненно особо подобранные присяжные. И этим самым они вынули жало из всего приговора, обездолили гг. Айвазова и Исаева, Кулишера и Зыкова, Скворцова, адвокатов Квашневского, Данчича и др. гражданских и негражданских истцов.

Весь „цимес" этого дела пропал, и главная его тяжесть несомненно перешла и обрушилась на тех якобы „свободо мыслящих" гражданских истцов-ритуалистов, которым так

---

[72]) Дело шло о брошюре его клиента, изумительного мерзавца Забегаева, полной грязных инсинуаций, клеветы и самой вопиющей неправды.

было нужно, которых так, очевидно, утешало и радовало то, что эта женщина будет отправлена в отдаленные места Якутской области, будет лишена всех прав состояния, будет лишена права передвижения, права пропаганды своих идей...

Какое удовлетворение, г. Исаев! Какое счастье, от которого так во-время бежал другой гражданский истец свободолюбивый Переверзев [73]), тоже было увязший в этой реакционной трясине преследований народной жизни, народной совести, — впрочем, для г. Исаева эти люди, как он изволил выразиться, „свободны от совести"! Но где я это читал ранее, откуда заимствовал это выражение неугомонный адвокат?

— Конечно, из „Нового Времени"... Больше неоткуда...

— Но позвольте!—кричат оголтелые люди из так называемой интеллигенции,—здесь мошенничество, здесь обирательство!..

Не могу не привести здесь слов, сказанных на этот счет группой последователей Д. Смирновой по адресу лиц, жаждущих разгромления и расхищения ее имущества, а с тем самым и благосостояния этой сектантской общины.

— Подавитесь вы, анафемы, нашей плотью и кровью и нашими трудами... Будем живы, не то еще у нас будет, соберем своими трудами побольше того, что есть теперь...

— А зачем это все вам?—спросил я их.

— Как зачем?—Это наше, наша жизнь, наша общая цель, и без „Божьего Дома" быть мы не можем и не хотим...

Народу не привыкать стать терять свое кровное достояние, свое имущество...

Спешите же, господа „интеллигенты" из адвокатов, спешите помочь делу его разорения, делу разорения тех центров его собственной жизни, которые он создал своими собственными руками...

Какое похвальное, какое достойное дело, особенно для тех, кто так кичится, так носится, так бравирует своей „левизной"!..

---

[73]) Это—тот самый Переверзев, который при правительстве Керенского представлял из себя самого пошленького прокурора, злопыхавшего на рабочих вообще и партию социал-демократов большевиков в частности и в особенности. (1919 г.). *Прим. В. Б. Б.*

Преследование баптистов в России [74].

I.

Первое проявление баптизма среди южно-русского населения относится к 1869 году, когда — 11-го июня — крестьянин деревни Карловки, Херсонской губернии, Елизаветградского уезда, Ефим Цимбал был крещен в реке Сугаклее немецким колонистом Абрагамом Унгэром, рукоположенным для России, вместе с Вас. Гур. Павловым, гамбургским пресвитером и проповедником Онкеном. В сентябре 1869 г. епархиальная власть предписала благочинному и местному священнику произвести увещание сектантам деревни Карловки и вместе с тем обратилась к херсонскому губернатору с просьбою привлечь к суду совратившегося Цимбала и его совратителя. Светская власть, в виду неисполнения епархиальным начальством некоторых формальностей, оставила эту просьбу без последствий.

Баптизм прежде всего стал распространяться среди сектантов-штундистов, между которыми в то время уже намечалось два течения: более богатая, зажиточная и хозяйственная часть сектантов не хотела итти так далеко по пути рационализма, как требовали менее обеспеченные „братья“-штундисты. Последние желали совершенно перестраивать жизнь на евангельских началах, извлекая из евангелия коммунистические основы жизни, в то время как первые стремились только к личному самосовершенствованию и широкой благотворительности. Именно в этой-то более умеренной части старого штундизма баптизм стал быстро вербовать своих приверженцев.

---

[74]) Эта статья впервые была напечатана в России в журнале „Вестник Европы“, июнь (стр. 160—183). 1913 г. *Прим. В. Б. Б.*

Баптизм из села Карловки перешел прежде всего в соседние села. Одним из первых от Цимбала крестился известный в истории сектантства Иван Рябошапка, будущий вождь южно-русского баптизма. Наибольшей организованности баптизм достигает с присоединением к нему сильного и страстного Михаила Ратушного, жителя деревни Основы, Херсонской губ., Одесского уезда. Ратушный в 1871 году принял крещение от Ив. Рябошапки, вместе с 48 своими учениками, после чего официально уведомил епархиальное начальство о своем выходе из православной церкви. К этому же времени окончательно определяется разрыв между баптистами и штундистами. Представитель последних, Балабан, относясь совершенно отрицательно ко всякому проявлению обрядности, не мог согласиться с баптистами, усвоившими, вместо православных, свои общеобязательные для всех членов общины обряды, таинства и обычаи.

Первые баптистские проповедники вскоре вышли из замкнутого круга сектантских общин и повели с большим успехом свою широкую пропаганду среди православного населения. Несмотря на колебание светской власти, местные и петербургские представители православной церкви стали усиленно хлопотать о судебном преследовании вновь появившихся сектантов. Уже в 1870 г. к дознанию были привлечены баптисты Ратушный и другие. Их обвиняли, по 196 ст. „Уложения о наказаниях“, в „заведении... новых повреждающих веру, сект“ и в „распространении существующих уже между отпадшими от православной церкви ересей и расколов“. В семидесятых годах прокурорский надзор неоднократно отклоняет ходатайства и требования православного духовенства о преследовании сектантов. Дела иногда тянулись годами; так, дело Ратушного и др., возникшее в 1870, разбиралось в 1878 году. Это первое по времени судебное преследование кончилось полным оправданием подсудимых. Еще раньше, в 1872 году, происходил разбор дела, в котором участвовали и баптисты и штундисты. Этот процесс окончился полным оправданием по вопросу о принадлежности к секте и об ее распространении, но некоторые из подсудимых были осуждены за кощунство, выразившееся в хулении икон и в резких нападках на обряды православной церкви. Начиная с 1872 года и до конца царствования

Александра II, мы ясно видим две взаимно противоположные тенденции в борьбе с сектантами: духовная власть все время стремится предать переменивших веру „суду кесареву“, а представители „суда кесарева“ все время отклоняют эту честь. Возникает по этому поводу большая переписка как с местными, так и центральными властями, и в конце-концов отвергается даже административная высылка сектантов. За это время было несколько обвиненных по суду баптистов, но не за „ересь“, распространение ее или принадлежность, а за кощунство, богохульство и другие аналогичные проступки. Но и таких приговоров было очень мало. Из этого, конечно, еще не следует, что сектанты не терпели от преследований. Прежде всего им нередко приходилось высиживать в тюрьме долгие месяцы предварительного заключения. Так, один из старейших представителей баптизма, И. Лясоцкий, пишет в своих „Записках ссыльного“: „Всех нас представили в духовную комиссию, которая требовала от нас выяснения нашего основания и увещевала оставаться преданными православной церкви. Но так как нисколько в этом не успели, то заключили нас в тюрьму в городе Тараще, где нас с Балабаном составилось 11 душ. Продержав нас в тюрьме в Таращe до мая 1873 года, некоторых из братьев освободили, а меня с братом и других отправили в Киев и через несколько дней представили нас в киевскую судебную палату, которая приговорила меня с братом, Коваля, Терещука, Богдашевскую и Цибульского на 6 месяцев высидки в смирительном доме, а за неимением такового — в тюрьме; остальных оставили только в подозрении. Прокурор, полагавший сослать нас в Закавказский край, остался недоволен решением палаты и протестовал дело, послав его в сенат, после чего мы, вместо 6 месяцев, просидели в тюрьме более полутора года“ [75]. Двое умерли в киевской тюрьме, а остальных освободили — в декабре 1874 г.

Помимо судебного преследования и всяких административных взысканий духовенство в эти годы широко практиковало отсылку сектантов в монастыри на увещание. Понятно,

---

[75]) См. стр. 3-ю книги „Преследование баптистов“ (Материалы к истории и изучению русского сектантства“). Вып. 6-ой, изд. „Свободного Слова“, Англия, 1902 г.

что мера эта ни к чему не приводила, но для сектантов она была весьма тяжелым испытанием, не меньшим, чем заключение в тюрьме [76]).

В семидесятых годах мы уже встречаем случаи возбуждения местного православного населения против баптистов со стороны низшей сельской администрации и духовенства, в результате чего сектантские дома раззорялись, а сами сектанты жестоко избивались.

Какою настойчивостью в преследовании баптистов отличались светские и особенно духовные власти, это видно из следующего сообщения Михаила Ратушного, написанного в 1901 г.: „В 1870 году полиция начала предавать за общее богомоление мировым судьям, которые приговаривали к денежному штрафу по 15 руб. с каждой души, а за неимением денег оценяли их имущества: скотину или хлеб, одежду и пополняли по приговору мирового судьи. Некоторых сажали в острог и судили в окружных судах, а других административным порядком ссылали в дальние места Сибири: мужа ссылали, жену с детьми оставляли на произвол судьбы Божией; семейства разоряли. Так продолжалось несколько лет. В 1891 году воспрещено обучать детей грамоте в земских училищах за неисполнение школьных обрядов. Некоторые посылали своих детей в земские школы, некоторые гнушались и не посылали. Хотя дети не были крещены в православной церкви, но их принуждали креститься рукой. В 1892 году было воспрещено г. Победоносцевым штундистам общее богомоление. В том же году в мае месяце мною лично было подано прошение херсонскому губернатору о дозволении общего богомоления. Он прочитал и при народе порвал. В 1894 году июля 4 дня издан циркуляр, воспретивший штундистам общее богомоление. В 1897 году января 1 дня сельский староста с десятскими составил протокол на 9 душ. Земский начальник 4-го участка Одесского уезда приговорил по 5 руб. или на два дня в арестный дом. В 1897 г., февраля 2 дня, было собрание для общего богомоления. Староста с тремя десятскими составили

---

[76]) Как обращались с сектантами в монастырях,—можно видеть из рукописи штундиста Тимофея Зайца, опубликованной в „Материалах к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества“, вып. III, Спб., 1910. (См. 9—58 стр.)

протокол на 10 душ. Предали земскому начальнику, который приговорил к штрафу по 50 руб., а за неимением денег—на 20 дней в арестный дом. В 1898 г., июня 26 дня, полицейский урядник Щегульков составил протокол на 25 душ. Земский начальник 4-го участка Одесского уезда за общее богомоление приговорил к денежному штрафу по 50 руб., а за неимением денег—к аресту на 25 дней каждого. В 1899 году сельские десятские составили протокол на 38 душ. Земский начальник 4-го участка Одесского уезда приговорил к штрафу по 50 руб., а за неимением денег—на 2 месяца в арестный дом. После каждого протокола заявляем неудовольствие, пишем апелляцию в съезд земских начальников; также пишем кассационную жалобу в губернское присутствие. В съезде подтверждают приговор земского начальника. В Одесском уезде два арестные дома; один построен в местечке Курицопокровском, а другой—в Нечаевском, оно же Козлова. В 1898 и 1899 гг. оба эти арестные дома наполняли нашими баптистами; партиями садили в арестные дома, от 6, 10 и по 14 душ: это только одни основцы, не включая из других деревень. Из нечаевского арестного дома были отпущены в 1900 году 10 февраля 6 женщин с двумя грудными детьми; в то время была погода дождливая и холодная, никак не могли доставиться до деревни и пришлось ночевать на поле целую ночь: дождь шел с ветром, и они все промокли, а также два подводчика на двух подводах, по четыре лошади, а всего 8 лошадей, едва не пожертвовались смертью. Одних выпускают, а других сажают. Женщины с грудными детьми и с люльками для детей, беременные женщины и родильницы, не достигшие шестинедельного срока, всех сажают в арестный дом; так же по окончании своего срока должен привести домой свою жену с детьми сам домохозяин. В 1899 г., ноября 13 дня, Софию Григоренкову, старуху 70-ти лет, пристав 2-го стана Одесского уезда посадил ее и 6 мужчин вместе в кордегардию—малую, холодную, сырую, смрадную, нечистую. Почти сутки сидели. Одного старика, которому более *ста лет*, несколько раз сажали за общее богомоление в арестный дом; также сажают калек, безруких, слепых, все это без различия. Малолетних детей, бывших на собрании при общем богомолении, также присуждал земский начальник 4-го

Одесского уезда к штрафу по 50 руб. или на один месяц к аресту; только отданы они пока на надзор к родителям до возраста; потом, при совершеннолетии, будет исполняться приговор“ [77]).

Таков скорбный лист баптистов деревни Основа. В заключение своего сообщения М. Ратушный прибавляет: „В других уездах еще хуже издевались над нашими баптистами, но только, по неграмотности, не могут описать все страдания и мучения арестными домами“ [78]).

„Деревня Основа,—пишет свящ. А. Рождественский [79]),— бывшее имение г. Свечина. От своей приходской церкви (в местечке Рясниполь) она находится в 6—7 верстах. В 1887 г. в деревне Основе числилось 80 дворов с 220 душами мужеского пола“. И вот эта-то деревня подвергается в течение тридцати лет почти беспрерывным набегам со стороны русских православных миссионеров, священников, полиции и судебной власти. За *три года*—с 1897 по 1899 г.—было арестовано баптистов в деревне Основе *122 человека*. Они были приговорены, в общей сложности, к 5.995 рублям штрафа или к отсидке в арестном доме в течение 4.839 дней! Сколько же потеряли основцы и времени, и денег, исполняя решения начальства, за все тридцать лет преследований?

Баптисты деревни Основа не являются каким-либо исключением. Как в царствование Александра III, так и почти накануне манифеста 17 апреля 1905 года подобные преследования происходили везде, где только проявлялась баптистская организация, где только совершались богомоления и собрания по баптистскому обряду. Мы сделали подсчет дел, возбужденных против баптистов с 1 января по 1 августа 1901 г. [80]), и притом только тех, в которых нам известны все цифровые данные и личный состав преследуемых. Всего таких дел оказалось 36; из них 8 окончилось оправдательными приговорами, а 28—обвинительными. Обвинено было по этим

---

[77]) См. „Материалы к истории и изучению русского сектантства“. Выпуск 6-ой из „Свободного Слова“, Англия, 1902 г., стр. 56.

[78]) См. там же, стр. 56.

[79]) См. исследование его: „Южно-русский штундизм“.

[80]) Сведения эти несомненно неполные; мы наверное знаем, что из ряда мест мы не получили указаний, но, несмотря на это, и эти данные—крайне характерны.

процессам всего 506 человек обоего пола и всех возрастов. В общей сложности их присудили к штрафу на сумму 13.123 р. или, за несостоятельностью, к аресту на 9.495 дней! Все эти сектанты-баптисты по большей части обвинены на основании 29 ст. устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по которой виновные подвергаются денежному взысканию не свыше 50 рублей. Большею частью взыскание падает на весенние и летние месяцы, когда крестьянам,—а между обвиненными очень много крестьян,—время по-истине дороже денег. Суды почти всегда приговаривали сектантов за их молитвенные собрания к высшей мере взыскания, т.-е. или к 50 рублям штрафа, или к аресту на один месяц; поэтому очень часто крестьяне, не имея таких, при их бюджете, больших денег, должны были в самую страдную сельскохозяйственную пору садиться под стражу и терять драгоценное время. Во многих случаях приговаривались несколько членов одной семьи иногда в течение полугода по нескольку раз. После таких приговоров сектантская семья нередко должна была итти по миру или потерпеть коренное расстройство хозяйства. Наказания, с первого взгляда незначительные, не бьющие по нервам картинами внешних ужасов, оказывались, таким образом, в сущности весьма жестокими.

II.

В эпоху наибольшего своего влияния К. П. Победоносцев задался целью подвести русских баптистов и штундистов под понятие „особо вредных сект“ и затем, „на законном основании“, начать широкое преследование этих новых народных протестантов.

В высших сферах, несмотря на усилившуюся реакцию, долго происходила повидимому глухая борьба против такого нового преследования за веру. В конце-концов Победоносцев все-таки восторжествовал: почти перед самой смертью Александра III, 4 июля 1894 г., в комитете министров прошло давно желанное им постановление.

В статье 1106-ой XI тома части I Св. Зак. говорится: „Баптисты беспрепятственно исповедывают свое вероучение и исполняют обряды веры по существующим у них обычаям. Общественное богослужение они отправляют в устроенных

или отведенных ими для сего, с разрешения губернатора, домах“. Да и помимо этого общего правила, легальность существования баптизма в России подтверждалась неоднократно. Так, 12 сентября 1879 г. были изданы „правила о ведении метрических записей браков, рождения и смерти баптистов“, а также оговорено, что „избираемые баптистами духовные наставники (старшины, учители, проповедники) могут совершать обряды и произносить проповеди не иначе, как по утверждении их в сем звании губернатором. Духовные *наставники из иностранцев* обязаны принести присягу на верность службы во время пребывания их в России. Мы подчеркнули слова: „наставники из иностранцев“, ибо этими словами ясно доказывается, что весь „указ“ был издан не для „иностранцев“, а для „русских“.

Как мы видели выше, преследования баптистов, невзирая на законы, начались еще в семидесятых годах. *Массовый* характер они принимают вскоре после распубликования положения комитета министров, утвержденного 4 июля 1894 г. Это „положение“ объявило секту „штунду“ „одною из наиболее опасных в церковном и государственном отношениях“, так как последователи ее, по словам „положения“,—„отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедуют социалистические принципы, как, например, общее равенство, раздел имуществ и т. п., и что учение их в корне подрывает основные начала православной веры и русской народности“.

Хотя признаки штундизма в этом постановлении были определены довольно ясно, но, несмотря на это, под рубрику „штундизма“ духовная власть стремится подвести вообще всех приверженцев новых, особенно южно-русских сект. Сенат пытается вступить в борьбу с таким стремлением: он не раз разъясняет, что баптизм—не штундизм, что принадлежность к баптизму не карается русскими законами и что баптизм в России существует не только среди немецкого, но и среди коренного русского населения. К числу особенно характерных сенатских указов по делам баптистов принадлежит указ от 27 сентября 1897 года, по делу Редичкиных. Здесь, между прочим, сказано: „Войдя в обсуждение закон-

ности предъявленного к обвиняемым распоряжения, суд обязан был основаться на точном смысле Высочайше утвержденного в 4-ый день июля 1894 года положения Комитета Министров, в коем никаких указаний на воспрещение молитвенных собраний лиц, принадлежащих к баптизму, не сделано, и не прибегать, вопреки 65-ой ст. законов основных, к распространительному толкованию вышеупомянутого положения". Несмотря на такие разъяснения, несмотря на неоднократную отмену обвинительных приговоров, преследования баптистов продолжались. В 1900 г. Победоносцев вошел в соглашение с министрами юстиции и внутренних дел и настоял на издании секретных циркуляров, уничтожавших даже самое название „баптистов" для лиц русского происхождения. В циркуляре министра юстиции от 3 апреля 1900 г. за № 10677, между прочим, было сказано: „Наказанию... подлежат участники такого собрания, которое имело значение молитвенного, т.-е. состоящего в свойственных штундизму молитвословиях и обрядах, и может быть признано общественным, если не ограничивалось лишь тесным кругом семьи и было доступно посещению, его посторонними лицами. Таковыми молитвословиями и обрядами, свойственными обыкновенно всем видам общественных богослужебных собраний штунды, по заключению духовного ведомства, служат: а) общее пение особо избранных библейских стихов и гимнов богослужебных книг секты—„Голоса Веры", „Духовных стихотворений", „Приношения Христиан" и друг.; б) чтение кем-либо из членов собрания, с проповедническим толкованием в духе лжеучения секты, избранных мест Св. Писания, а также в) коленопреклоненная молитва, с произнесением импровизированных, вдохновенных молитвословий, без употребления крестного знамения". Эти удивительные признаки преступлений баптистов, перечисленные *министром юстиции*, невольно вызывают воспоминание о 44-ой ст. основных законов, которая, казалось бы, должна была быть известна министру юстиции и в которой говорится: „Все, не принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе, или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной".

Именно эту статью Победоносцев очень любил цитировать иностранцам, когда нужно было доказать, что в России существует полная веротерпимость. Многие почтенные иностранцы верили таким цитатам. Они, в своей наивности, не знали, что основные законы в России были необязательны для министров и для обер-прокурора святейшего синода и что циркулярные разъяснения министров, и в том числе министра юстиции, совершенно искажали и уничтожали прямой и ясный смысл основных законов.

Если министр юстиции Н. В. Муравьев своим циркуляром отменял статью основных законов, то товарищ министра внутренних дел *сенатор* П. Н. Дурново совершенно не считался с разъяснениями *сената* и в своем секретном циркуляре от 17 мая 1900 г. за № 3 писал: „Принимая во внимание, что баптизм, как особое вероучение, признан законом 27 марта 1879 г. сектой Евангелическо-лютеранской церкви... русских баптистов не может быть с точки зрения закона“ Итак, сенат определенно установил различие между баптистами и штундистами, а министерство внутренних дел отвергло это различие и запретило баптистам именоваться баптистами.

Вышеприведенные циркуляры вызвали повсюду еще более напряженное преследование баптистов. В первые годы XX века число случаев ареста сектантов-баптистов очень сильно возросло. Помимо судебного преследования, именно в эти годы баптисты подвергались жесточайшим преследованиям как со стороны местной администрации, так и со стороны православного населения.

III.

В 1901 году мы получили от известного баптистского проповедника, В. Г. Павлова, рукопись, озаглавленную: „Ужасы гонений в России“ [81]). Вот что в ней сообщалось: „До чего может дойти фанатизм темного люда, именующего себя православным, видно из рассказа одного новообращенного бра-

---

[81]) Подлинник ее хранится в английском архиве А. и В. Чертковых; она напечатана полностью в цитированных уже „Материалах по сектантству“. Вып. 6-ой, стр. 58—64.

та, прибывшего недавно из России в Тульчу. Велика ответственность тех, которые подняли гонение против баптистов и штундистов и разнуздали тем худые инстинкты толпы. Вот что рассказал нам один из гонимых, Осип Андреевич Семеренко. „Я родился в селении Плоском, Остерского уезда, Черниговской губернии. Там у меня есть еще два брата. Старший брат Иван Семеренко—волостной старшина. Я служил в экономии, принадлежащей сыну генерала Мацкова, Андрею Степановичу Мацкову. Когда барин приехал прошлый (1895) год в свою экономию из С.-Петербурга, то привез с собою лакея, немца из Риги, баптиста, которого звали, сколько помню, Август Кронштейн. Я с ним читал слово Божие и, узнав свое греховное состояние, обратился к Господу вместе с женою своею Федорою, и мы начали служить Богу. Брат, который познакомил нас с словом Божиим, был вместе с нами всего лишь несколько месяцев, и Господь отозвал его домой, в небесное отечество. Мы убедились из слова Божия, что не должно поклоняться иконам; жена моя хотела сейчас же вынести их, но я убеждал ее повременить и не делать этого сразу. Когда жена моя начала мазать хату перед праздником Пасхи, то вынесла иконы и больше уже не вносила их. В четверг, 21 марта, к нам пришла сестра жены моей Евфросинья и спросила, почему у нас нет икон. Жена сказала, что иконы уже стары и полиняли, а потому она и не желает их более ставить в угол. Сестра предложила ей подарить свою новую икону, а себе она хотела купить новую, когда поедет в Киев. Тогда жена моя прямо заявила, что она иконы от нее не примет, потому что мы убедились, что поклоняться им не следует. Известие это поразило Евфросинью. Она известила всех наших родных о перемене наших религиозных убеждений. Приехал к нам брат Иван и спросил, почему нет у нас икон. Начался разговор, и жена моя сильно нападала на поклонение иконам и употребляла жестокие слова. Я старался ее успокоить, но ничего не помогало. Разъяренный брат отправился к генералу Мацкову-отцу (сына не было дома и я управлял экономией) и рассказал о моих убеждениях. Приехал старик помещик Мацков (он же и черниговский вице-губернатор), с моим братом Иваном, и начал кричать на меня и гнать из экономии. Позвали рабочих, и мой брат приказал им выки-

дывать вон и выносить за забор мои пожитки. Рабочие стояли нерешительно и не знали, что им делать. Мой брат надел на себя знак волостного старшины и повторил свое приказание. Тогда они взяли все мои вещи из экономии и выбросили вон. При этом брат бросился на меня и избил меня, а генерал уехал домой. Затем брат забрал на свою подводу мои вещи и увез их к себе“.

„Когда меня выгнали из экономии и я прибыл в свое селение Плоское, то около моего дома уже собралась толпа крестьян и ожидала меня. Вошедши в свой дом уже с семьею, я заперся, потому что боялся толпы. Толпа начала разбивать мой дом; выломала окна и двери и ворвалась в избу, напала на меня, избила меня до крови и продолжала бить до тех пор, пока я не лишился чувств. Очнувшись, я увидел себя всего окровавленного. Было холодно. Жены не было дома, потому что ее с тремя детьми увели к теще. Поутру я пошел к теще и нашел жену там. Затем я скитался без приюта. Работал по 25 коп. в день у попа и других людей, но постоянной работы не было. Таким образом я провел целое лето. Когда наставало воскресенье, я уходил в поле и прятался там от пьяных православных крестьян, которые, завидев меня на улице, покушались бить меня. В августе меня позвали в волостное правление, находящееся в трех верстах от нашего селения, в селении Гоголево. Когда я явился в волостное правление, то увидел там, кроме старшины, православного миссионера и одного попа. Миссионер спросил у меня, почему я вынес иконы и не хочу им поклоняться. Я ответил ему, что я—маляр и могу нарисовать сам нечто подобное, поэтому я считаю излишним поклоняться им. За это присудили меня к пятнадцати ударам розог и сейчас же публично наказали меня. Через четырнадцать дней меня опять позвали в волость, где опять были миссионер и поп,—и снова пятнадцать ударов розгами. В начале октября меня позвали в сельское правление в нашем селении, где находились опять мой брат—волостной старшина—и местный священник, и начали спрашивать меня, как я признаю иконы? Черти ли они? Я отвечал, что они—краски. Я старался уклоняться от ответов и сказал, что я ничего не знаю, что если они хотят подробнее узнать об этом, то пусть обратятся в Киев или Петербург, где есть

много людей, отвергающих иконы. На это брат мой сказал: „Постой, мы поступим с тобой иначе“. Сказав это, он вышел на двор, отрезал толстый вишневый прут, распарил его в топящейся печке, приказал двум человекам держать меня, а сам бил меня этим прутом по ногам и говорил: „Откажись от своей чертовской веры и проклинай своего Бога!“ На это я возразил, что мы с тобою верим одному Богу, хотя и есть разница в наших религиозных убеждениях. После этого меня обвязали веревкою по рукам и ногам и подвесили за балку к потолку. Брат сказал: „Обольем керосином бумагу и будем жечь его!“—„Нет, не надо, мы провоняем канцелярию, сделаем иначе!“—сказал кто-то из стоявших там. Они сделали две папиросы из табаку, зажгли их и жгли ими мое тело; а один из них колол меня иголкой по всему телу. Мучили меня до тех пор, пока я, вне себя от боли, не закричал неистовым голосом. Тогда они отсекли веревку, и я ударился головой об пол, а ноги остались привешенными кверху. Что было со мной далее, я не помню. Через неделю, когда я пришел в себя, я увидел, что я нахожусь в доме тещи. С тех пор от нервного потрясения я получил падучую болезнь, от которой я не освободился и до сих пор. Мои страдания этим еще не кончились. В последних числах октября, кажется 23 октября, когда был маленький церковный праздник и постный день (среда), деревенские власти пригласили меня с женою в сельское правление. Когда мы явились, то на столе стояла чашка с солеными огурцами, а за столом сидел мой брат—волостной старшина—и с ним человек шесть крестьян. Брат мой начал увещевать меня и сказал: „Ради святого праздничка отрекись ты от своей веры. Все родственники твои—люди знатные и умные; ты один страмишь всех нас“. На это я возразил: „Если я страмлю вас, то вы отрекитесь от меня, не называйте меня своим братом, а я не отрекусь от Господа“. Брат мой налил большой стакан водки и предлагал мне выпить его. Я отказался. Двое мужиков взяли меня за уши и начали поднимать меня кверху. От сильной боли я согласился и выпил стакан водки. Тогда жена моя начала укорять иконы. Старшина, мой брат, что-то шепнул на ухо находившимся при нем людям и вышел из комнаты. Тогда находившиеся там мужики бросились на жену, положили на

пол и хотели изнасиловать ее... Я не выдержал, схватил лежавший на столе нож и ударил им одного из злодеев. Нож лишь прорезал ему платье и слегка оцарапал ему тело, а я себе немного поранил руку. После этого все они бросились на меня и били до тех пор, пока я не лишился чувств. А жену,—как рассказывала она после,—страшно мучили и издевались над нею... Расщепили щепку, зажали соски ее грудей в расщеп и давили до крови... После этого истязания я был спокоен до 1 декабря, когда приехали опять один из православных миссионеров и два священника, которые потребовали меня в волостное правление. Когда я явился туда, то они предлагали мне разные вопросы о вере, на которые я ничего не отвечал. Посадили меня в холодную и раза три прикладывали к спине горячую папироску, а урядник ударил меня несколько раз плетью. Затем старшина приказал освободить меня, говоря: „Ему помогает нечистая сила!“

„4 декабря пришли ко мне два десятских и опять повели меня в волостное правление. Когда на пути туда мы проходили мимо одной кузницы, то старшина, мой брат, выглянул из нее и дал знак десятским, чтобы ввели меня туда, что они и исполнили. В кузнице находилось еще несколько человек. Когда я вошел, то старшина сказал мне: „Наденешь ли ты крест?“—„Твой крест легок,—ответил я ему,—наденешь ли ты мой крест на себя?“—„Кто наденет на себя твой дьявольский крест? Прокляни своего Бога!“—крикнул он мне.—„У нас Бог один, я верю в единого Бога, у меня нет иной веры“,—сказал я ему на это. Затем он начал подчивать всех водкой. Принуждал меня выпить один стакан; я выпил. Он налил еще другой и опять стал принуждать пить. Я отказался. Он злился, заставлял меня ругать своего Бога и грозил посадить на горн и сжечь. „Делайте, что хотите,“—я ему отвечал. Один из присутствующих, Бабенко, сказал: „Не станем сажать его на горн, а лучше зажать его в тиски и жечь его жигалом; оно цыгана пробрало, проберет и его“. После этого зажали мне обнаженную левую руку в тиски и начали жечь раскаленным железом (жигалом). Сделали обжоги в десяти или двенадцати местах. То же самое проделали с моей правой рукой. Во все время истязания я спокойно смотрел брату в лицо, думая тронуть его сердце. А

он еще более ожесточался и сердился. Затем зажали мне бороду в тиски и жгли спину вдоль позвоночного столба, так что сделали сорок или пятьдесят ожогов. Когда я остался непоколебимым и не отрекся от своей веры, то мой брат закричал: „Будет, потому что ему помогает нечистая сила!“ После этого истязания повели меня в волостное правление, где меня ожидал миссионер. На его вопросы я ничего не отвечал, и он удалился. Меня посадили под арест. На другой день собрался сход. Ста́ршина держал речь сходу о том, что необходимо принять меры для пресечения появившейся заразы,—разумея мое обращение. Он, от имени земского начальника, предложил составить приговор и сослать меня, как вредного члена общества. „Согласны?“—спросил старшина. „Согласны!“—закричала толпа. Но один человек из толпы спросил: „За что же высылать его? Скажите, что он сделал? Украл, убил кого или сделал другое какое преступление?“—„Кто это там говорит?—закричал старшина.— Давайте его сюда!“ Вывели из толпы этого человека. Судьи сейчас же присудили его за бунт к двадцати пяти ударам розог. Поставили скамейку и вывели его на двор, чтобы сейчас же подвергнуть его наказанию. Тогда я сбросил с себя одежду и с обнаженной спиной лег на скамейку, сказав: „Бейте меня за него; все равно моя спина ничего не чувствует. Старшина пек меня, но не допек!“ Увидев мою спину всю в обжогах, толпа подняла крик и говорила: „Не признаем этого суда! Это что такое, что живых людей жгут!“

„Когда сделался шум на дворе, тогда земский начальник Вишневский вышел из волостного правления, чтобы узнать, почему поднялся такой шум. Увидев меня, он обругал меня, сказав: „Возьмите его, подлеца, и заприте его!“ Меня схватили и посадили под арест. Я находился еще двое суток под арестом. Не видя конца моим истязаниям, я решился бежать. Когда сторож заснул, я выломал окно моей тюрьмы и выскочил наружу. С помощью одного приятеля мне удалось достать подводу. Я взял с собою жену и младшего ребенка, а двое остались у тещи, и после разных странствий я перешел румынскую границу и прибыл в Тульчу“.

Вот рассказ, записанный со слов Семеренко. Мы передаем лишь голые факты. Пишущий эти строки собственными глазами видел следы обжогов на его спине. Из официальных

лиц может удостоверить это полицеймейстер города Тульчи, который тоже осматривал его на моей квартире. *Записал В. Г. Павлов*".

Когда я получил это совершенно, казалось бы, невероятное сообщение, то, несмотря на мою полную уверенность в чрезвычайной добросовестности и осторожности В. Г. Павлова, этого высокочтимого вождя русского баптизма,—я все-таки подумал: нет ли здесь преувеличений? История с Семеренко, ясно отразившая весь ужас преследования сектантов в деревнях, была ошеломляюща по своей систематической жестокости. Нам впервые пришлось здесь встретиться с прямыми пытками, учиненными над сектантом-баптистом. В моем распоряжении тогда была, кроме сообщения В. Г. Павлова, ссылка на тульчинского полицеймейстера. Я стал доискиваться новых подтверждений. В скором времени мне удалось отыскать в английском архиве А. и В. Чертковых письмо штундиста Е. Н. Иванова от 11 января 1897 г., где он рассказывал ту же историю о Семеренко, вполне согласно с указаниями В. Г. Павлова. Но и это казалось мне недостаточным для опубликования. Наконец, при дальнейшей работе в архиве А. и В. Чертковых, я натолкнулся на письмо самого Иосифа Андреевича Семеренко, писанное им из Одессы к своим друзьям 25 декабря 1896 г. В этом письме, прося своих друзей и братьев помочь ему перебраться за границу в Румынию, Семеренко рассказывает о всех произведенных над ним мучениях совершенно согласно с описаниями Павлова и Иванова. Все эти документы и свидетельства были столь вески, что я решился опубликовать ужасные сведения и впервые напечатал их в 6-ом выпуске „Материалов к истории и изучению русского сектантства“ (изд. „Свободного Слова“, Англия, 1902 г. стр.)

Неудивительно, что приходилось опубликовывать эти сведения с таким большим опозданием. Слишком много нужно было времени, чтобы сведения из глухих мест России,—тем более в эпоху безграничного господства гг. Победоносцева, Плеве и К°,—достигли, наконец, органов русской печати.

IV.

Помимо преследований со стороны администрации, суда, миссионеров и возбужденного сельского православного насе-

ления, баптистам приходилось иногда переносить совершенно неожиданные, глубокие потрясения во имя „исполнения закона“.

Об одном в высшей степени удивительном случае рассказывает В. Г. Павлов в своем сообщении: „Насильное крещение“, записанном им в 1896 г. со слов очевидцев и пострадавших. „Это было 8 сентября (1896 г.),—когда потребовали в нашу волость меня [82]) и троих других братьев. Так как все трое были в поле, то я пошел в волость (четыре версты) один и встретил там урядника, священника и волостного старшину. Последний спросил меня, не знаю ли я, где трое других и придут ли они? Я ответил, что они не придут, потому что их нет дома. Тогда он сказал мне: „Иван Васильевич, завтра вы должны со своими детьми ехать в селение Екатериновку (в семи верстах от нашей деревни), чтобы миссионер окрестил их в силу указа от 4 февраля. (Указ гласит: „местная полиция, священники и миссионеры должны употреблять все меры к приведению отпадших в церковь“.) Под „всевозможными мерами“ иные понимают, что надо убеждать народ, уговаривать и затем уже действовать. Но в А. уезде поняли это по своему, как мы это увидим ниже.—Иван Васильевич ответил: „Господа, вы знаете, что я не сделаю этого“. — „Хорошо, — сказали ему,—мы ожидали от тебя такой ответ, поэтому не удивляйся, если завтра поутру сотский с десятниками приедут к тебе во двор, возьмут у тебя детей и отвезут их в церковь. Мы это делаем для тебя, Иван Васильевич, и говорим тебе это сегодня, чтобы вы познакомились с этою новостью, иначе для других мы бы не сказали этого до завтра. Мы советуем тебе и вам всем, привезите сами детей, чтобы не употреблять насилия, потому что мы сделаем это завтра,— все уже готово для этого. Наша вся деревня знает это, и ваша вся деревня знает; до завтрашнего утра вам не позволят никуда выехать, а противиться—на этот раз вам все равно не поможет.“

---

[82]) Имена и фамилии пострадавших, а также точные указания о месте их жительства не были указаны В. Г. Павловым по причинам, вполне понятным для до конституционной эпохи. Если бы потребовалось, В. Г. Павлов, конечно, назовет их теперь.

„Получив такой ответ, я пошел домой и сговорился с тремя другими, что на этот раз мы действительно ничего более не можем сделать, если только не произойдет из этого большое насилие, а может быть даже убийство и смерть, и порешили взять здоровых детей из семьи и отвезти туда; из десяти трое были больные, а также один мужчина и две женщины; а других семь детей, трех отцов и двух матерей, повезли на утро в 6 часов в селение Екатериновку. Когда мы прибыли туда, то солнце только что взошло, и там собралось необозримое множество народу, равно полиция, священники, становой пристав и купцы; последние в другое время почти не ходят в церковь.

„Н. П. подошел ко мне и спросил: „Иван Васильевич, все ли тут дети?“—„Нет,—сказал я,—трое остались, потому что они больны“. — „Везите детей в церковь, — приказал Н. П.“ — „Нет, мы не хотим этого,—ответили мы;—от нас вчера потребовали доставить их сюда, чтобы избежать насилия. Вот они теперь здесь, но мы не позволяем ничего делать над ними“. После того Н. П. отправился в церковь и приблизительно через час возвратился оттуда с полицией и восприемниками и сказал: „Вот духовные родители для детей; теперь мы их будем крестить“. Мы убедили детей итти с ними (старшему всего было семь лет, а младшему два года) — ничего не делать и ничего не говорить, но позволить с собою делать все, что хотят. Когда детей увели в церковь и прошло опять с час времени, пришел Н. П. с полицией и просил нас итти в церковь, но мы не хотели. Он сказал, что не будет никакого насилия, священник имеет нам нечто сообщить. Мы протеснились через множество народа, который не мог поместиться в церкви. Нам дали место, и когда мы были там, священник сказал нам: „Не думайте, братья, что мы это насилие совершаем добровольно; нет, по нашему мнению, следует крестить только таких детей, которых приносят родители, как во время Іисуса, когда Он благословлял детей. Но от нас этого требуют... и мы должны делать это. Поэтому не гневайтесь на нас и не считайте нас за особенных врагов: мы должны это делать, и вы должны это позволить; а теперь хотите оставайтесь тут, или выйдите вон, мы приступим к крещению“. Мы все вышли, кроме одной женщины, которая потом рассказала, как происходило дело.

Старшего мальчика окунули в бочку с водою,—раз, два, три. Мальчик сильно сопротивлялся и расплескал при этом много воды. И когда затем накинули на него одежду, он побежал из церкви к повозке, говоря отцу: „Меня хотели утопить, но я все же убежал; уже три раза меня окунули".

„С того времени шестилетняя девочка от страха все еще не придет в себя. Маленьких детей привели к повозке кумовья, которые помогали переодевать их. Затем пришел Н. П. и сказал: „Теперь ваши дети крещены по слову Божию, так крещены, как вы крестите, и еще лучше".—„Да,—сказал я ему,—но жаль, что не по вере". Потом я спросил, можем ли ехать домой? „Да",—ответил он,—и мы уехали".

Вот эпически просто и спокойно рассказанная огромная драма, совершившаяся в глубине России, на фоне культуры и цивилизации рубежа XX века. Факт невероятного насилия над совестью родителей и детей засвидетельствован столь осторожным руководителем русских баптистов, как В. Г. Павлов [83]).

В своде законов Российской Империи сказано, что „в Российском государстве свобода веры присвояется не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам". В т. XIV уст. о предупр. и пресеч., в ст. 70 мы читаем: „Сия (т.-е. православная) вера порождается благодатию Господнею, поучением, кротостью и более всего добрыми примерами. Посему, господствующая церковь не позволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и вер к православию, а тем из них, кои приступить к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди апостольской".

Так говорит закон государства российского, исполнять который, казалось бы, обязаны и миссионеры, и священники. В действительности, как видим, еще недавно происходило совершенно иное.

Что касается специально крещения, то в русском своде законов есть закон 4 декабря 1862 г., который *запрещает* крестить евреев моложе 14 лет, так как до этого воз-

[83]) См. „Материалы к истории и изучению русского сектантства", вып. 6-ой, стр. 25 (изд. „Свободного Слова", Англия). Рукопись эта написана в 1897 г.

раста ребенок еще несознательно относится к жизни и акт крещения ниже этого возраста рассматривается как „принудительное средство“. В этом законе несомненно есть хоть намек на справедливость, так как в 14 лет все-таки подросток относится сознательнее ко всяким поступкам, чем малолетний. Чем же, однако, отличаются дети баптистов от еврейских? Почему их можно „крестить“, без согласия их самих и их родителей, в каком угодно возрасте? Или предполагают, что ребенок баптиста и в семь лет может сознательно отнестись к совершаемому над ним обряду?

„Меня хотели утопить! Уже три раза меня окунули“,—кричал отцу семилетний мальчик, когда ему удалось убежать от священнодействовавших пастырей церкви, троекратно погружавших, согласно церковным правилам, этого несчастного мальчика. После этого миссионерам святейшего синода, оставалось сделать только одно: арестовать этого новокрещеного мальчика и предать его суду за кощунство, ибо как могли бы сказать казенные насадители православной веры на Руси, он дерзнул посягнуть на святость таинства нашей матери-церкви и, несомненно наученный злокозненным отцом своим, впал в ересь, называя троекратное погружение в воду священнодействовавшими служителями церкви дерзким и богохульным словом: потопление. И вот, было бы большое судебное противосектантское дело, достаточно обоснованное и несомненно фактически подтвержденное.

Спрашивается, для чего же существовали до 1905 г. все статьи закона, якобы ограждавшие свободу совести?

V.

Если баптисты подвергались разнообразным, а подчас и жестоким преследованиям в то время, когда они жили на воле, то, само собой понятно, они испытывали еще большие притеснения, когда попадали в ссылку. Ссылали баптистов по преимуществу административным порядком, причем выбирали для водворения их такие места, где бы не было русского населения. Более всего их ссылали в отдаленнейшие места Закавказья, в знойные и лихорадочные долины, в глухие поселения и аулы, расположенные на самой границе Персии и Турции. Пребывание в этих местах, с его огромными лишениями и горестями, тяжко отражалось

на всем быте этих по преимуществу крестьянских семей, в редком случае находивших себе работу. Страшная нужда подрывала надломленное в тюрьмах и этапах здоровье, и многие посланные в ссылку вскоре заболевали там тяжелой лихорадкой, тифом и другими болезнями. Без врачебной помощи, оставленные на произвол судьбы, гибли ссыльные баптисты, засланные в такие трущобы, как Гирюсы, Джебраил, Тертер и др.

„Среди гор Закавказья есть трущоба, называемая Гирюсы,— говорится в рукописи: „Несколько слов о ссыльных братьях в Закавказье“ [84]).—Это не что иное, как жалкая татарско-армянская деревня, весьма удачно выбранная русской администрацией для того, чтобы мучить христиан. Деревня эта находится в 100 верстах от уездного города Шуши. Дорога туда идет по ужасным скалам и кручам. Когда приедешь в Гирюсы, то колесная почтовая дорога кончается и более никуда не ведет. Кругом возвышаются высокие, бесплодные горы, а за этими горами идут пропасти и ущелья и ездить там можно только верхом. Жители местечка очень бедны и живут впроголодь, потому что почва камениста, а поэтому и бесплодна и жители могут сеять себе очень мало. Посеянный же ими хлеб, когда сожнут, то по причине гористой местности не могут возить снопами на телегах или арбах, а возят вьюком на ослах. Пшеница родится вообще худого качества. Жители — армяне и в особенности татары — свирепы, грубы, невежественны, грязны. Живут они по склонам гор, в выдолбленных ими пещерах в скале. Так как почва не может вознаградить труд земледельца, то население летом уходит на заработки. В самом же местечке, понятно, о заработках не может быть и речи. В Гирюсах есть несколько начальствующих лиц, и у них братья наши служат за такую ничтожную цену, что едва могут прокормить только себя, а на семью не хватает. На работу на сторону начальство братьев не пускает никуда и пособие— 3 руб. 60 коп. в месяц — дает очень немногим. Из всего этого видно, что цель правительства та, чтобы путем физических и нравственных мук поколебать стойкость веры братьев

---

[84]) Цитируем этот рассказ по „Материалам к истории и изучению русского сектантства“, вып. 6 (стр. 46—49), изд. „Свободного Слова“, 1902 г.

и таким образом побудить их возвратиться в лоно православия. Многие несчастные не выдержали испытания и действительно возвратились лицемерно в лоно господствующей церкви. Но это нисколько не помогло им, потому что на родину их все-таки не пустили, а перевели на жительство в другие города Закавказья. Гирюсы назначены для жительства административно-ссыльным, а лишенных прав состояния ссылают в другие города, где последним гораздо лучше, нежели первым.

„Первые из административно-ссыльных, в 1890 г. водворенные на пять лет в Гирюсах, за неимением средств и удобных помещений нашли себе квартиры в сырых армянских саклях. Раз пристав спросил их, собираются ли они на молитву. Они ответили утвердительно. Он спросил, где они собираются сегодня. Они ответили: в квартире Капустинского. Пристав донес об этом, и Капустинского перевели из Гирюсов на почтовую станцию Тертер, где еще хуже. Некоторые из сосланных пробовали заняться чем-либо, чтобы добыть себе пропитание. Кроме бесплодности почвы, необеспеченность жизни парализует труд ссыльных.“

Автор этой рукописи сообщает о многих фактах грабежа и полного уничтожения огородов и бахчей, которые пытались заводить ссыльные баптисты. Все эти разграбления почти всегда совершались под непосредственным руководством низших агентов полиции. „По причине дикости нравов и разврата, — сообщает тот же автор, — братьям-ссыльным почти невозможно жить там со своими семьями, потому что дети совращаются. Некоторые девушки были обольщены и изнасилованы туземцами“.

Такова картина жизни баптистов в ссылке. Из многочисленных материалов, имеющихся в моем распоряжении [85]), видно, что обстоятельства жизни баптистов в ссылке нигде не были лучше, а нередко бывали и хуже описанных здесь. Взять измором—вот девиз борьбы Победоносцева с сектантами, будь то баптисты, духоборцы, еговисты или еще кто-либо иной. И он достиг бы своей цели, как достигали ее инквизиторы средних веков в своей борьбе с сектантами, если бы... это был не конец XIX века.

---

[85]) Часть из них опубликована в первом выпуске „Материалов к истории и изучению русского сектантства и раскола“, Петербург, 1908.

Прежде всего об ужасном положении ссыльных баптистов заговорила европейская печать. Различные протестантские общины постарались войти в непосредственные сношения с ссыльными сектантами. В Закавказье были командированы особые лица, которым поручалось исследовать все на местах и лично убедиться во всем том, что сообщалось в частных корреспонденциях и опубликовывалось в заграничном органе русских баптистов—в ежемесячном журнале „Беседа", который издавался сначала на русском языке в Стокгольме [86]), а потом в Лондоне.. Все сообщенное не только подтвердилось, но получило еще более яркую окраску, так как непривычные к русской жизни очевидцы-иностранцы восприняли весь ужас ссылки более чутко, чем представляли себе его сами ссыльные. В Европе заговорили. Стали собирать денежную помощь для ссыльных и разными путями, тайно, точно совершая преступление, посылать деньги в разные места ссылки. Конечно, местные власти принимали всяческие меры, чтобы изловить эти „преступные" деньги, спасавшие многих от неминуемой гибели; но при том сочувствии, которым всегда пользовались наши сектанты в интеллигентной части общества, это сделать было трудно, и помощь, часто весьма своевременная, невидимыми путями достигала своей цели.

Но если эта помощь спасла многих от голодной смерти, то она, конечно, не могла дать удовлетворения. Всевозможные притеснения, придирки, прижимки и издевательства, которые со всех сторон сыпались на сосланных русских баптистов, беспросветность политической реакции, через которую не видно было даже начала конца старого порядка,—заставили многих баптистов подумать об эмиграции за границу. И из Закавказья, и из других мест все чаще и чаще,—из ссылки и с воли,—баптисты перекочевывают за границу, направляясь в разные страны Европы. Они поселились главным образом в Румынии, а также в Болгарии, в Англии, в Швеции, в Швейцарии, в Германии, во Франции; некоторые переплыли океан и навсегда остались в Соединенных Штатах и в Канаде. Так разгоняло во все стороны правительство старого порядка наиболее культурные элементы крестьянского населения России.

---

[86]) Ранее „Беседа" нелегально издавалась в России литографским и гектографским способом.

VI.

Читатель в праве спросить нас: почему же, за что так преследовали эту наиболее лояльную секту из всех существующих в России? Очень понятно почему: баптисты хотели исповедывать религию согласно своей совести. Эта религия шла в разрез с учением господствующей церкви. Они отрицали многие догматы, обряды, обычаи, признаваемые за обязательные государственной религией. Но самое главное—это то, что баптисты, будучи политически весьма умеренными людьми, все-таки всегда чувствовали и понимали устарелость прежнего порядка.

В своем „Исповедании веры и устройстве общин крещеных христиан, называемых обыкновенно баптистами, с доказательствами из священного писания о гражданском порядке“ баптисты пишут: „Мы веруем, что власти от Бога установлены и что Он облекает их властью для защиты добрых и для наказания злодеев. Мы считаем себя обязанными оказывать безусловное повиновение их законам, *если эти законы не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры* [87]), и тихою безмятежною жизнью во всяком благочестии облегчать им их тяжелую задачу. Мы считаем себя также обязанными по Божию повелению молиться за правительство, *чтобы оно* по Его воле и под Его милостивой защитой *так употребляло вверенную ему власть, чтобы ею могли быть сохранены мир и правосудие.* Мы признаем, что злоупотребление клятвы воспрещено христианам, но что клятва (присяга)—именно благоговейное, торжественное призывание нашего Бога во свидетели истины,—законно требуемая и даваемая, есть только молитва в необыкновенной форме“.

„Мы веруем, что правительство, которое и при Новом Завете не напрасно носит меч, имеет право и обязанность по Божиему закону наказывать смертию и употреблять меч против врагов страны в защиту вверенных ему подданных, а посему мы считаем себя обязанными нести военную службу, когда потребует от нас этого правительство. Однако мы можем сердечно соединяться и с теми, которые не разделяют нашего убеждения относительно присяги и военной службы. Мы не видим для себя препятствий, со стороны нашей веры, занимать правительственные должности“.

---

[87]) Курсив здесь и ниже—автора.

Эта весьма сдержанная формулировка отношения к старому порядку очень характерна для всего русского баптизма. Но и в этой осторожной формулировке мы ясно видим, что деятельность правительства старого порядка одобрялась баптистами лишь постольку, поскольку она не нарушает „свободное исполнение обязанностей" их веры. А для их „веры" необходимо была и свобода слова, так как они хотели проповедывать свою веру; и свобода совести, так как они хотели открыто исповедывать то, во что они верили; и свобода собраний, так как им нужно было собираться самим для выполнения установленных обрядов богомоления и собирать других для проповеди; и свобода печати, так как им нужно было издавать книги как для своей потребности, так и для пропаганды. Им нужна была хоть самая умеренная, но *конституция*. Баптисты, это—конституционалисты, ценящие парламентский строй и желающие полного отделения церкви от государства. Само собой понятно, что Победоносцев, Плеве и др. считали их за политически неблагонадежный элемент и преследовали их так же сурово, если не больше, как и все другие хоть сколько-нибудь свободолюбивые элементы страны.

Баптисты приняли вызов охранителей старого порядка. Во имя своей „веры" они стойко вынесли полувековую борьбу и, несмотря ни на какие преследования, остались твердыми и непоколебимыми в своих убеждениях, энергично и мужественно, тайно и явно распространяя свое учение по всей России.

1905 год изменил их положение. Они достигли того, к чему так страстно стремились: своей общине они дали весьма стройную организацию, чрезвычайно расширившуюся повсюду в России. Но в общественном смысле теперь они пассивны. Их бездействие будет нарушено, быть может, Государственным советом, который, повидимому, не желает итти на встречу требованиям миллионных масс народа, жаждущих свободы совести, и новые преследования опять начинают реять, как старые призраки, над их головами.

Мы убеждены, что тогда проснутся многие заснувшие в последние годы. И вместе с ними неизбежно воспрянут и баптисты, уже немного вкусившие от плода гражданской свободы.

О секте Иеговистов [88].

По поводу книги *Е. В. Молоствовой* „Иеговисты“.

Жизнь и сочинения кап. Н. С. Ильина. „Возникновение секты и ее развитие“. С 10 рисунками. XII+299 стр. Цена 1 руб. 25 коп. Петербург. 1914 г. (Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии. Том XXXVIII, изданный под редакцией А. С. Пругавина.)

Одной из очередных общественных задач, выдвинутых нашей жизнью, над разрешением которой придется особенно усиленно трудиться ближайшим поколениям, очевидно, является всестороннее познание России. Совершенно несомненно, что великие события, совершающиеся теперь в мире, отразятся у нас прежде всего и, может быть, больше всего в сфере неудержимого стремления познать самих себя. На пути такого познания в России давным давно стоят всевозможные официальные рогатки, которые всегда, везде и всюду старательно мешали подойти возможно ближе к народной массе для ее всестороннего изучения. Правительственная власть всегда, елико возможно, старалась в своих интересах монополизировать дело этого изучения как при посредстве различных ведомств, департаментов и учреждений, так и при помощи официальных обществ, в которых всюду отсутствовал и отсутствует еще теперь дух живого творчества. Может быть, ярче всего эти отрицательные черты воздействия правительственной организации в деле изучения народной жизни проявились в вопросе изучения религиозно-общественных движений в России. Святейший синод своими много-

---

[88]) Впервые эта статья, без моего ведома сильно сокращенная редакцией, была напечатана в журнале „Голос Минувшего“ № 11 (ноябрь) 1916 г. (221—228 стр.).

ветвистыми щупальцами,—через консистории, миссионеров и приходское духовенство,—так ловко и так тщательно опутал и скомпрометировал все дело изучения этой стороны народной жизни, что вот уже много-много десятилетий наша демократия, наше общество, наша наука почти исключительно питаются в этом вопросе гнилыми плодами этих не только тенденциозных, но, в огромном большинстве случаев, просто лживых якобы „исследований". Через многочисленные журналы, отчеты, книжки, брошюры, листки и пр.,—это, может быть, наиболее зловредно-деятельное ведомство сумело так засорить общественное сознание в вопросах религиозного разномыслия в России, что постоянно приходится встречаться и в народе, и в обществе, и в научных работах, и в беллетристике, и в газетах с самыми нелепыми, с самыми дикими утверждениями, раз дело коснется вопросов так называемого сектантства, старообрядчества или даже какого-либо легкого разномыслия по религиозным вопросам в самой православной среде. Духовная правительственная власть сумела настолько развратить, растлить общественное сознание в этом вопросе, что нет той нелепости, той отвратительной гадости, грязи, которым везде и всюду не поверили бы, казалось бы, самые серьезные люди, раз дело идет о сектантах. Светская наука, в большинстве случаев, питалась в этом важном вопросе народной жизни все из тех же мутных источников, и только в последние три-четыре десятилетия мало-по-малу начинают проявляться свободные светские исследования быта, нравов, обычаев, веры, политических и общественных воззрений тех групп русского народа, которые принято у нас называть сектантами, старообрядцами. С величайшим негодованием встречают обыкновенно писатели из духовной среды эти светские голоса в яко бы „духовных" вопросах. Это раздражение, а подчас и прямое беснование гг. миссионеров вполне понятно и явно свидетельствует нам, насколько эти свободные исследования бьют прямо в цель. И надо надеяться, что недалеко то время, когда светская историческая наука совершенно вырвет из рук официальных гонителей за веру, противников „свободы совести", это сильно действующее средство: постоянная фальсификация сведений, неправильное сообщение и освещение того, что есть в жизни этой области явлений, не может не влиять разлагающим образом на обще-

ственное сознание нашего народа и общества. Вот почему мы всегда с особой радостью приветствуем каждого нового светского работника на этом поприще, ибо каждое новое такое исследование не только дает основание для дальнейших выводов, но и наносит существенную брешь в общественно-зловредных построениях представителей ведомства православного исповедания. Мы приветствуем новую исследовательницу религиозно-общественной жизни русского народа Е. В. Молоствову, выпустившую в свет книгу об иеговистах, сектантах, последователях Н. С. Ильина, о которых до сего времени в литературе было известно немногое, а из этого немногого бóльшая часть была переполнена злой неправдой. Главное достоинство этой книги заключается в том, что Е. В. Молоствова писала ее по документам, непосредственно собранным среди самих сектантов, по подлинным рукописям основателя этого учения, почему и все исследование получило большую степень достоверности. Коренной же недостаток всей этой работы нами усматривается прежде всего и больше всего в самом методе построения исследования. Мы находим здесь не цельную монографию, исчерпывающую историю секты, а лишь биографический очерк ее основателя капитана Н. С. Ильина с некоторыми экскурсами в область быта, религиозного понимания, связанного с обрядами и обычаями приверженцев этой секты. Этот недостаток своей работы очевидно сознавал и сам автор, писавший, что „на свой труд он смотрит, главным образом, как на свод материалов... возможно более полный, чтобы эти материалы, мало понятные вне последовательной своей связи и появляющиеся в печати по большей части впервые, могли служить не только основой для изучения секты в ее дальнейшем развитии, но и обработанным пособием для будущего историка религиозного разномыслия“ (VIII). Таким образом и сам автор смотрит на свою работу как на материалы для будущего историка, а не как на самую историю секты „иеговистов“. К сожалению, отправная точка зрения на историю вообще, а потому и на историю изучаемой общины Е. В. Молоствовой не только крайне туманна, но и просто неверна. „Если можно рассматривать,—пишет она,—человечество как целое, то несомненно, что и религии всех времен и народов суть лишь разные звенья одной и той же цепи“ (17). Само собой по-

нятно, что это „если", так необходимое для Е. В. Молоствовой, не имеет никакой научной ценности. Давным-давно уже всем известно, что „человечество" ни в коем случае не только нельзя рассматривать как нечто „целое", но что оно всегда кипит борьбой классов, перекрещивающихся интересов сословных, национальных, торговых, политических, религиозных и пр. Нужно ли опровергать и тот крайне устарелый взгляд, что религии, как таковые, будто бы являются чем-то самодовлеющим в истории народов. Азбука социального знания обязывает каждого исследователя истории твердо помнить, что формы религиозной мысли, формы общественных движений на религиозной почве, все творчество жизни религиозных общин, изменения в их быте и пр., и пр. всецело подчинены общему ходу социально-политического развития тех или иных стран, где эти движения совершаются, являясь несомненным отражением тех форм общественной жизни, ее противоречий и борьбы, которые господствуют в данной социальной среде. Став на совершенно обратную, старую, казалось бы, вполне изжитую точку зрения, Е. В. Молоствова, конечно, должна была заговорить о том, что отнюдь не подлежит ведению науки, а может быть отнесено только к личным примитивным чувствованиям. „Стремление определить Первоисточник жизни и свои отношения к нему обще всему человечеству,—утверждает Е. В. Молоствова,—и разница только в степени приближения к этому Первоисточнику, т. е. в высоте нравственных принципов каждой данной религии" (17). Странно читать подобные ламентации в научной работе XX века! Разговоры о „Первоисточниках жизни" нужно просто бросить, как явно мешающие ясности мысли. К чему затемнять и без того запутанные пути исследования жизни людей?

Все дальнейшее рассуждение о „Великой Тайне", об единой общей религии, самое шаблонное и просто неверное понимание „мистицизма в христианстве" (как будто одно исключает другое!), все это, что мы читаем у Е. В. Молоствовой на 17, 18 и след. страницах,—все это обнаруживает в авторе крайне поверхностное, скользящее отношение к трактуемому предмету и, может быть, лучше было бы совершенно обойти молчанием эти вполне неудачные страницы, если бы отправная точка зрения не мешала автору во всей

его работе подойти просто и жизненно к вопросам борьбы и существования изучаемой им общины. Автор не замечает, что его схоластическая точка зрения совершенно не свойственна тому же Ильину, который, несмотря на увлечение писаниями мистиков конца XVIII и начала XIX века, быстро разобрался в них и, может быть под непосредственным давлением русской действительности, вскоре перешел от отвлеченностей к практике жизни. Так, когда он, взволнованный новыми мыслями, стал все более и более углубляться в размышления о жизни, он вдруг почувствовал, что его осенило „откровение", т.-е. познание чего-то нового, принятое им за „милость Божию" (23). Что же сказало ему это „откровение", это выявление новой творческой мысли, осветившей ему его путь жизни? „Откровение это заключалось в том,—пишет Е. В. Молоствова,—что вся сущность христианства—в одной только любви" (23). Какой же практический вывод сделал из этого „откровения" Ильин? Он впоследствии с твердостью заявил, что не должно быть никаких религий в мире, ибо эти „перегородки" между людьми только мешают людям по настоящему объединяться между собой. Ильин, во имя этой же любви, возненавидел все то, что не дает людям жить в единении, в мире и в согласии: отсюда крайне отрицательное отношение его к представителям духовной и светской власти и ко всем тем учреждениям этих властей, которые не только не помогают людям жить, но всячески уничтожают самую жизнь людей, в чем Ильину пришлось убедиться на собственном опыте, ибо бо̀льшую часть своей жизни он ведь сам провел в монастырских и иных тюрьмах и казематах, несказанно мучимый теми, кто тоже полагал свою близость—по долгу службы—к „Первоисточнику"... И совершенно напрасно Е. В. Молоствова стремится в чем-то защитить, оправдать или извинить Ильина, когда он с полным нравственным правом писал о своих мучителях: „Боже! не прости им, ибо они знают, что творят!" (147). „Эти слова,—пишет Е. В. Молоствова,—противоречат, конечно, идеалу самого Ильина об „общечеловеческой религии любви", но можно ли за них осуждать его?" (147),—восклицает она и... не осуждает... Вот эта-то сентиментальная приписка ясно показывает нам, что Е. В. Молоствова совершенно не разобралась ни в духе, ни в смысле всего учения

Ильина. С первой до последней строчки учение этого религиозного энтузиаста дышит беспрерывной, неиссякаемой борьбой, страстью. Во имя лучшего будущего он везде и всюду призывает людей на непримиримую борьбу с „сатанистами", т.-е. с теми сильными—духовными и светскими—владыками мира, кто задавил жизнь людей, кто мешает народу жить так, как нужно, как он сам того хочет. Совершенно отрицая современное христианство, которое „есть то же самое язычество" (39), „Ильин пришел к мысли,—пишет Е. В. Молоствова,—разрешить вопрос о соединении религий... путем учреждения такого братства христиан, которое захватило бы весь мир, уничтожив своей неоспоримой истиной все людские разделения и раздоры" (31). Для этого лучшего будущего Ильин требовал от людей совершенно иной „любви", чем они привыкли это слышать от своих пастырей. „Любовь к одному только Богу есть самая хитрая ловушка" (118),—писал он своим последователям и требовал от всех „деятельной любви" к человеку, постоянной борьбы с „ошуйными", т.-е. с приверженцами духовной и светской власти. Даже самого Бога Ильин совлекал с неба на землю и вселял его в человека, как это делают многочисленные приверженцы „духовного христианства" в России, т.-е. духоборцы, духовные молокане, старый и новый Израиль и т. п.

„— За кого же нужно почитать Его?" т.-е. Бога.

— За человека, за человека!—отвечают разом два друга в одном из диалогических произведений Ильина (115 стр.). И эта мысль проводится Ильиным много раз в других его произведениях. Весь мир, все на свете, по учению Ильина, существует для человека. В будущие времена все будут равны и равно будут наслаждаться радостями жизни, а теперь всюду и везде должна быть борьба „света с тьмой" во имя лучшего будущего, во имя мира, братства и любви, провозглашенных им как нечто совершенно необходимое для блага человечества. Вот почему в современной действительности, по Ильину, необходимо

„Православье без любви
Считать созданьем Сатаны;
Попов, пасторов и муллов—
За торгашей, вралей, плутов;

Ханжей, монахов и кликуш—
За сонм безумных, мертвых душ;
Судей, владык, синод, сенат—
За сонм губителей, за ад;
Чины и красные штаны—
За дурь, за прелесть Сатаны;
Защиту вер войной, гоньбой—
За гордость, зверство, за разбой,
Зане захват людей в рабы
Проклят от Бога Еговы". (147 стр.)

Как видим, капитан Ильин был многим, очень многим недоволен, а его верные ученики были всегда тверды в том же мнении, что и он сам. Ильин всегда был твердо последователен в своих выводах и, например, относясь совершенно отрицательно — как к „врагам" и к „палачам" — к духовенству православной церкви, он никогда не изменял себе в этом мнении. Так, давая „заповеди" жизни своей общине,—эти основоположения внутренней организации его последователей,—Ильин, говоря о том, кто может считаться членом общины, заповедывает своим собратьям: „Ежели бы кто из духовенства уверовал бы в сие богочеловеческое братство (что однако очень трудно), то принимать его в братство не следует до тех пор, пока Господь не освободит его от такого звания, ибо творящий ложь или служитель Иезавелин не может быть одесную Господа, а когда же поп оставит свое поповство и присоединится в царствие Христово, то и тогда он должен во всю жизнь свою считаться в оном самым глупейшим и ничтожнейшим членом и отнюдь ни о чем в братстве не рассуждать, а пребывать в безмолвии и послушании и в совершенном подчинении каждому брату и в безответной покорности" (51). Можно ли говорить после всего этого, что будто бы Ильин в современную ему эпоху мечтал о каком-то сантиментальном единении всех душ? Конечно, нет! Для Ильина не было „единого человечества", а были „ошуйные" и „десные": с первыми он призывал к беспощадной борьбе ради счастья и блага вторых и ради торжества правды во всем мире, для чего прежде всего нужны свобода, братство и равенство, без которых, как без воздуха, людям жить нельзя. „До того все сбились с толку,—

пишет он,—что даже не стали видеть самой ясной аксиомы, что где есть страх, рабство, чиноначалие, там нет уже истинного равенства, а где нет равенства, там нет и любви, а где нет любви, там нет и Христа“ (145). К этой мысли Ильин возвращается постоянно. Объединение людей,—объединение в любви и равенстве,—по его мнению, совершенно необходимо для жизни человечества. „Весь неизменный закон Его Синайский и даже Новая Заповедь даны... не для одиночной или не для монашеской жизни, а для общественной“...—пишет Ильин в приложении к 9-ой части его трактата „Луч Света для Рассвета“ (288). „Словом,—заключает он свое рассуждение,—где нет любви или равенства, там нет и Бога, ибо Бог есть Любовь, а где нет Бога, там нет и бессмертия. След., все одиночники, иноки, монахи или пустынники суть уже не люди, а беснующиеся звери, потому что и звери, если они в своем уме, то живут обществами, обществами же ростятся и плодятся и наслаждаются жизнью и произведениями природы по благословению Божию“ (289).

Эти отвлеченные рассуждения Ильин старался воплотить в самую жизнь своей общины. Следственная комиссия, разбиравшая первое дело об „общине Десных“,—как в то время называли себя последователи Ильина,—установила, что, по понятию этих сектантов, „весь закон Божий состоит токмо в единой братской любви по духу, телу, имению и стяжанию так, чтобы отнюдь не было ни в чем разделения в теле Христовом и все его члены одинаково бы заботились друг о друге, сиречь,—страждет ли один член, да страдают с ним и все члены, славится ли один член, да торжествуют с ним и все члены, потому что все Десные составляют одно Тело Христово и по одиночке члены Его“ (101). Власти в этих убеждениях сектантов видели крайнюю опасность для государства, так как прекрасно сознавали, что всякое объединение угнетенных всегда ведет к тому, что угнетенные рано или поздно пожелают сбросить иго. А так как Десные имели строгую заповедь, глубоко проникшую в их сознание, что „каждый член братства по мере средств своих должен оказывать помощь всякому нуждающемуся единоверцу, что мы и исполняем,—говорят они,—поэтому у нас нет нищих и все равны“ (214),—то понятно, что окружающее население не могло не видеть яркой разницы между

разобщенной, беспомощной жизнью православных и всегда радостной, общей, взаимно поддерживающей жизнью этих новых людей, несущих новую весть о новой счастливой жизни тысячелетнего царства, о котором так заманчиво говорится в „Символе“ иеговистов, в том „Символе“, который каждый иеговист знает наизусть и, конечно, старается всегда распространить между теми людьми, среди которых каждый член братства ведет неустанную пропаганду.

„Два равносильных Человекобога в нашей солнечной системе: Еврей—Иегова и Гейденс—Сатана. Иегова есть Бог бессмертных людей или иеговистов, а сатана есть Бог смертных людей или сатанистов. По прошествии 120 седьмин лет по изгнании Адама и Евы из рая Иегова одолеет Сатану, закует его в цепи и ввергнет в глубокий провал; и тогда установит мир, свободу, благоденствие и одну веру в него для всех людей, под всемирным правлением в Иерусалимской Республике на 1000 лет“ и т. д., и т. д. Обещая новую, вечную жизнь в свободной, в всесветной республике, Ильин, конечно, быстро находит себе последователей, которые всегда твердо стояли на страже своих верований и на вопрос властей, почему они присоединились к Ильину, устами обвиняемого Григория Волгина ответили: „мы были ищущие и страждущие правды“ (70). Достаточно вспомнить мрачное, тяжелое, полное кошмарных ужасов время николаевской эпохи, чтобы понять, что новая „Сионская весть“ Ильина, призывавшая людей освободиться от всех светских и духовных пут, висевших на народе, должна была всюду иметь хороший успех. Священник А. Вишняков констатирует этот факт. „Пропаганда Ильина,—пишет он,—имела также не мало заманчивого вследствие практической идеи братства: везде есть бедные люди, — поясняет он свою мысль, — обездоленные судьбой, которым так дорого близкое участие и еще дороже материальная помощь“ (70). Совершенно понятно, что для Вишнякова, как представителя одного из самых корыстных сословий, все сводится и здесь к „материальной помощи“. Но „ищущие и страждущие правды“ очевидно были увлекаемы и другими стремлениями Ильина. Не надо забывать, что постоянной идеей Ильина было воссоединение в одно целое „всего человечества“, с уничтожением всяких „перегородок“ и привилегий между людьми. Уничтожение со-

словий, чинов, духовного и светского начальства, самих религий и пр. и пр.,—вот что всегда и везде внушал Ильин исстрадавшимся простым русским людям, знавшим на себе всю тягость крепостного права и „кнутобойного“, как говорил Ильин, общественного порядка России того времени.

Еще в молодости Ильин, искавший путей воссоединения человечества, работал над новым языком,— своего рода эсперанто,—так как хотел „путем одной азбуки создать один язык и путем одного языка соединить человечество“ (10). Но, помимо этой мечты о воссоединении всего человечества, Ильин для России страстно жаждал освобождения от всех наших общественных зол и напастей.

В бумагах, отобранных у Ильина при обыске его камеры в Соловецком монастыре, был найден его новый трактат, помеченный „15 декабря 1859 г.“, где описывается один из случаев его жизни: „Многим известно на Урале, что я еще в 1856 г. поместил портрет сего Монарха— (Александра II) у себя близ икон. И на вопрос: „для чего я это сделал?“—с радостным восторгом каждому отвечал: для того, что я особенно возлюбил сего Монарха именно за то, что Он уничтожил в нашем отечестве вечно-потомственное солдатство и что есть слухи, что он намерен уничтожить и вечно-потомственное рабство и вечно-потомственный стон и вопль от страшного деспотизма предержащих властей...“ (110) Само собой понятно, что то, что с таким энтузиазмом говорил на следствии в 1856 г. капитан Ильин, он не уставал твердить и своим ближайшим знакомым, друзьям и последователям. И эта жажда освобождения от „деспотизма предержащих властей“ не могла не найти самого глубокого душевного отклика среди тех простых русских людей, которые, будучи рабами рабов, всегда вдвойне чувствовали этот дворянско-бюрократический гнет общественного строя России того времени. Само собой понятно, что все власти, соприкасавшиеся с Ильиным, смотрели на него подозрительно. Мундир капитана несколько охранял его. Следившие за ним агенты власти, зная его постоянные разговоры о Боге, не решались заподозрить в его взглядах ничего политического и,—как это сделал нижнетагильский исправник в своем донесении,—„сильное раздражение противу правительственных властей“ стремились объяснить тем, что, как

им казалось, „по временам бывает у него (у Ильина) отсутствие рассудка“ (84).

На ту же точку зрения стала и следственная комиссия, которая все учение и всю пропаганду Ильина отнесла к „порождению больного ума и расстроенного воображения“, которое „испытывает судьбу тех бесчисленных заблуждений, которыми так богата история мистицизма и религиозного изуверства“ (102). И на этом основании Ильин вместе со своими ближайшими учениками понес тяжкое наказание, к которому нередко присуждали подобных же „еретиков“ гг. инквизиторы Западной Европы. По высочайшему повелению Ильина „за основание им религиозной секты, сущность учения которой заключается в искажении смысла слов Евангелия и в превратном толковании значения православной веры“, предписано было сослать в Соловецкий монастырь без обозначения срока заключения (102). Ссылке в различные монастыри были подвергнуты и ближайшие друзья и родственники Ильина: его дочь А. Н. Ильина (по мужу Будрина) была сослана в Новгородский Свято-Духов монастырь; Лалетин—в Казанский Свияжский монастырь; Лалетина—в Новгородский Покровский Зверинский монастырь, при чем у Лалетиной были отняты старшие дети и отданы родственникам, которыми они были „помещены в закрытые учебные заведения, где они выросли сиротами“ (103).

Жизнь Ильина в заточении в Соловецком монастыре была поистине ужасна. Сплошная пытка и надругательство тех, кому он был вручен „для духовного убеждения“,—как говорилось в указе, посланном в Соловецкий монастырь,—сопровождали многострадальную жизнь в заточении Ильина. В Соловецкий монастырь Ильин был доставлен 25 сентября 1859 г., где он пробыл в одиночном заключении до 28 сентября 1873 г., когда после четырнадцатилетнего заточения он был переведен в другую монастырскую тюрьму—в Суздальский монастырь, где он пробыл в условиях, нисколько не лучших, чем и в Соловецком монастыре, до 18 июля 1879 г., т.-е. всего в обоих монастырях почти двадцать лет! Но „духовные вразумители“ не имели никакого успеха в своем деле. Ильин не только остался непреклонным в своих убеждениях, но он еще подробнее развил все свое учение, формулировал его в ряде трактатов и популя-

ризировал во множестве небольших брошюр, написанных в стихах и в прозе. Несмотря на вечный дозор, обыски и преследования, он ухитрился и в казематах Соловецкого монастыря написать очень много произведений и, — что удивительней всего, — переправив их на волю, дать им весьма широкое распространение. Его страдания и страдания его ближайших друзей заставили еще тесней сплотиться его последователей, организоваться в весьма деятельную тайную организацию. Ореол мученичества озарил Ильина и его друзей ярким светом духовной красоты и привлек и до сих пор привлекает в общины иеговистов многих крестьян и рабочих Предкавказья, Поволжья и Урала.

После Ильина осталось большое литературное наследство. Его рукописи, рассеянные по множеству организаций, еще должны быть собраны и изданы, дабы в материалах по исследованию русского сектантства и связанного с ним религиозно-общественного движения остался яркий след проявления в России хилиастического течения западно-европейских мистиков XVIII века.

Три скопческие рукописи [89]).

Обыкновенно принято думать, что секта скопцов — секта тайная, скрытная и что ни ее учение, ни ее историю никому постороннему узнать нельзя. Этот взгляд имеет постольку достаточных оснований, поскольку вообще, до самого недавнего времени, большинство старинных сект в России были скрыты от глаз наблюдателя более всего в силу невероятного преследования со стороны светской и духовной власти. В самом деле, можно ли ожидать откровенности от тех, кто хорошо помнит, по преданиям своей общины, что при допросе о вере основателя их учения Кондратия Селиванова ему обливали голову расплавленным, горячим сургучом, а в более позднее время, уже в XIX веке, 2 ноября 1849 г. было высочайше повелено относительно скопцов,— „чтобы отвратить навсегда от поступления в сказанную секту, надо представлять скопцов в смешном виде. Для сего следует оскопившихся ныне водить по селению, к которому они принадлежат, в женской одежде и дурацкой шапке. Исполнение сего возложить на благоразумного чиновника и донести министру о последовавшем для доклада его величеству" [90]).

Усердные не по разуму чиновники нередко понимали свои „благоразумные" обязанности как прямые издевательства над несчастными жертвами, виновными в том, что они по своему искали путей к заветному „Царствию Божию". Так, „в 1851 г. было предписано нижегородскому губернатору

---

[89]) Эта заметка впервые была напечатана в журнале „Современник", кн. III, 1913 г. (стр. 334—341).

[90]) См. „Обзор мероприятий министерства внутрениих дел по расколу с 1802 по 1881 год" (стр. 115—116). Издание Департамента Общих Дел 1903 г. СПБ. 1903 г.

одного подсудимого скопца в Лукояновском уезде одеть в бабий сарафан и показать народу на базаре"... Для того, чтобы одеть скопца в сарафан, командировали слишком за двести верст старшего полицеймейстера Нижнего-Новгорода Зенгбуша. Зенгбуш, нарядив скопца в сарафан, хотел показать свое усердие к службе тем, что, как он выразился, кажется, в рапорте своем, „пригласил народ плевать скопцу в глаза". Но на многолюдном базаре не было смеха: смущенная толпа, вследствие распространившейся молвы о казни, ожидала появления палача и виселицы. Кончилось дело тем, что все, и раскольники и нераскольники, смотрели на скопца, как на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно в уездный город, то народное к нему участие выразилось в необыкновенно щедром ему подаянии калачами и деньгами. [91])"

Само собой, что все эти меры только заставляли скопцов сделаться еще более скрытными. В последние годы хотя судебное преследование скопцов вспыхнуло с новой силой, но дух времени берет свое, и представители этой народной организации все более и более начинают склоняться к мысли о необходимости широкого ознакомления с своим учением, историей, нравами, обычаями, литературой всех тех, кто интересуется судьбами сектантского движения в России.

Предполагая издать отдельным выпуском материалы о русской скопческой общине в нашей серии „Материалов к истории и изучению религиозно-общественных движений в России", я обратился к представителям этой интересной и своеобразной общины, прося их все тайное сделать явным, для чего прежде всего прислать мне возможно больше рукописей, картин, писем и пр. И вот за последние несколько лет со всех сторон России я начинаю получать множество скопческих рукописей, фотографий и пр. Так откликнулись они, эти загнанные люди, зная, что над их верой, учением, нравами и обычаями здесь никто не будет смеяться, а, руководствуясь идеей свободы совести, отнесутся так же, как и ко всем прочим вероисповеданиям, существующим в мире.

Пред нами три рукописи одного и того же автора—скопца

[91]) См. 76 стр. книжки А. М. Бобрищева-Пушкина—„Суд и раскольники-сектанты". СПБ., 1902 г.

Никифора Петровича Латышева. „Господи, благослови,— начинает он наибольшую из них.—То, что я хотел бы передать читающему миру, касается более не меня лично, а тех немногих людей, которые, согласно заветам Христа, оставляли все свое достояние и по желанию своего призвания отдавались на суд мира“...—пишет он. И затем в спокойной летописной форме излагает он события с 1872 г., когда он сам был оскоплен, по нынешние дни.

„Наше семейство жило до ссылки в селе Федоровке, Таврической губернии. Отец был земледелец. Мы все ему помогали в этом деле. Хозяйство у нас росло. Жизнь становилась во всех отношениях изобильной. Сельчане нас уважали, несмотря на то, что мы не участвовали в их привычках и обрядах“...—Так начинает свое жизнеописание Латышев. И вот на эту почву отчужденности от православия неожиданно упадает семя сектантской проповеди, появившейся в селе Федоровке вместе с приездом из Румынии двух убежденных скопцов, которые были привезены туда одним крупным землевладельцем-овцеводом. Все те, кто хотел послушать новых провозвестников, сейчас же бросили полевые работы, несмотря на то, что стоял самый разгар страдной поры. Народ, чающий хотя бы какого-нибудь движения воды, жадно бросился слушать новые слова, новые объяснения о вечной жизни, о самосовершенствовании, об удалении себя от блуда и плотских вожделений, об искании Царства Божия здесь на земле „среди человеков“. „Заграничные настаивали на том, что так нельзя жить. Рано или поздно надо курс жизни менять. Христос нес бремя страданий, и мы должны протащить природу с ее усвоенными привычками по шипам и терниям, иначе какие же мы будем последователи Его и учения Его?“ И эти призывы нашли себе отзвук в переполненных и умиленных сердцах простых людей. Продолжалась повседневная жизнь. Так же убирали хлеб, так же работали с раннего утра до поздней ночи, а в сердце шла своя работа: все хотели жить как-то иначе, никто не знал ничего другого, кроме той вести, которую принесли с собой эти новые люди, читавшие Евангилие, подтверждавшие все свои мысли словами священного писания. Наступила осень. „Отец наш по уборке хлеба уехал за границу в село Николаевку ныне Бессарабской обл., где жил в то вре-

мя известный скопец Волошин, занимавший в селе должность „примаря“ (старшины). Через месяц явился оттуда уже оскопленным. К этому времени,—продолжает наш автор,—и мы, горя желанием поскорее омыть, по завету Іисуса Христа, свои ноги, спеша в Царство Бога живого, обращаясь из тьмы к жизни, делали над собой кастрации, так что к концу знаменательного для нас 1872 года в нашем уезде и уезде Бердянском насчитывалось более сотни последователей нового учения и десятка три-четыре вновь оскопленных. Неучаствовавшие в нашем торжестве спасения, как Озеров, учительница Яркина, Савинов, Работягов, Красниковы, а из нашего селения Дьяковы, боясь, чтобы и на них не пало подозрение в принадлежности к секте, поспешили заявить полиции о таком нашем перерождении. Немедленно было предписано: позабрать и посадить под замок“. И с этих пор начинается обыкновенная русская история. Одни ведут следствие, допрашивают, исписывают горы бумаги, другие сидят в тюрьмах и радуются великой радостью своей счастливой доле—тяжелым страданиям за „Христову правду“, за „Христов закон“, сознавая только то, что „страдание за правду“,—за ту правду, которую они сами творят и понимают,—есть высшее благо человека, очищающее в своем горниле все тленное во имя вечного, все плотское во имя духовного. Особенно трудно, а потому и радостно досталось страдание на новом пути автору воспоминаний. „Когда мы с братом Андреем,—пишет он,—будучи еще несовершеннолетними, в виду этого немного от других запоздавшими в своем оскоплении, лежали с теплившимися и сочившимися кровью ранами, и, помню, сладко и крепко спали, до сотни мужиков с кольями, с вилами, во главе с волостным старшиною, писарем и сельским старостою, вломились в запертую на засов дверь, и когда я глянул, открыв глаза, то сразу не понял, что все это значит. Откуда, думаю себе, эти злые и свирепые на вид люди? Что им было нужно от нас, за что хотят нас вилами и кольями побить? Какое мы им сделали зло? Помню были и знакомые соседи, до того нас уважавшие за наше пред ними преимущество по трезвой и образцовой трудовой жизни, а теперь принявшие вид как будто палачей. Мы ведь, насколько я помню, не слишком таились в своем убеждении. Тогда к чему бы эти колья, вилы и сви-

репые, искаженные злобой мужицкие рожи? Но обряд злобы и ненависти был выполнен. Нас взяли под стражу, как разбойников. Несмотря на то, что я после такого чувствительного очищения-омовения не мог почти пошевельнуть ногами, меня вынесли или вывели,—не помню, и уложили вместе с братом Андреем в бричку и повезли в управление. Вместе с нами тут же арестовали и виновника нашего оскопления мещанина г. Ейска, проживавшего в приморском городе Бердянске с родителями своими, сына их—меньшого—Дмитрия Петровича Семенова. Началось расследование. Набили тюрьму нами... Следствие продолжалось три года...“

И эти три года люди томились в одиночном заключении. „В 1876 году в октябре был суд. Суд по количеству обвиняемых был громадный, так что в городе, где это происходило, не находилось в то время такого большого здания, где бы можно было вместить судящихся, судьев, свидетелей и зрителей такого зрелища. Для этого нарочно строили громадное досчатое здание наподобие цирков. И вот при таких условиях,—прибавляет автор записок,—и при таком народном зрелище судили, как мне теперь кажется, совершенно безвинных людей, желавших себе добра в будущем и не сделавших никому зла в настоящем“.

Небольшая часть подсудимых, принесших полное раскаяние, была оправдана, другие же—большинство—„судившиеся за чаяние и воскресение, были приговором симферопольского окружного суда высланы в пределы отдаленного края Восточной Сибири, в Якутскую область, на поселение. Нас пятерых мальчиков и десятка два молодых девиц выпустили после суда на свободу. Девиц скоро рассовали по российским девичьим монастырям на эпитимью, а мы, пять мальчиков, возрастом самому старшему брату Андрею было 16 лет, вышли, правильнее сказать, не на свободу, а прямо на руки нужде и горю...“

Мыкаясь по всей России, переходя от малярной профессии в послушники монастыря, в конце-концов материально вполне хорошо устроившись, Н. П. Латышев нигде не мог найти себе покоя и, наконец, добровольно отправляется в Якутскую область на место поселения своих родителей и единоверцев. Подробно описывая все экономическое устройство новых поселенцев, всю ту суровую нужду, которую перенес-

ли они в холодной северной тайге, где, в сущности говоря человеку и жить-то не следовало бы, он с особенною грустью пересказывает повествования о тех лихих днях, когда ссыльным скопцам „приходилось кору с деревьев глодать и по-двое суток не брать в рот никакой пищи“.

В миссионерской литературе до сего времени широко распространяется клевета, что скопцы ненавидят своих детей, не любят с ними встречаться. На самом деле, конечно, этого ничего нет. Родительские и сыновние чувства так же остаются у этих сектантов, приносящих по своему учению свою плоть „в жертву Богу“, как и у всех других людей. Мы уже видели, что два брата, бросая вполне хорошую, обеспеченную жизнь, неудержимо тянутся к своим родителям и достигают своей цели, добровольно переселяясь под полярный круг, в полосу вечной мерзлоты. Как же встретили их родители? „Прошагав, идя за телегой 400 верст по проложенной уже раньше лесной тропе, ночуя под открытым небом и слушая вой диких зверей, мы на 15-й день прибыли в Петропавловское скопческое селение,—пишет Латышев.— Тут нас давнишние жители этого села, торгующие братья Демьяновы, зазвали в гости. Пока мы пили чай, слух разнесся по селу, что приехали, наконец, и вольные Латышевы. Друзья наших родителей и брата, два молодых скопца, товарищи Семен Дамашенко и Филипп Крючков, узнав, что мы у Демьяновых пьем чай, пришли и увели нашего коня с возом к себе. Мы, оставив коня и телегу у своих друзей, отправились в лодке через реку Алдан в Троицкое селение, откуда, увидав, что идет лодка, братья высыпали на берег, дожидаясь нас, видя, что мы держим курс прямо к извозу родительского дома, а тут еще брат Федор крикнул: „Матушка, ставь самовар, гости едут!“ Выскочив первым на берег, я не знал, где именно мой отец, когда ко мне приблизился сухой на вид, седой старичок и назвал меня по имени. Я догадался, что это именно мой отец. Матери брат Федор шутя предложил узнать, где ее любимец Никиша, оставленный ею почти ребенком, а теперь большущий, почти 30-летний человек. Она бросилась было к Андрею. Тут все закричали: „не узнала!“ Потом шествие чуть не всем селом направилось в дом наших родителей“... Так встретила их родная семья.

Прожили они здесь в добровольной ссылке вместе со своими родителями долгих 16 лет, дождавшись, наконец, до ярко вспыхнувшей зари новой, свободной жизни, до революции 1905 г. „Во время летних полевых работ и уборки хлеба Григорий Демьянов, ездивший в город по делам торговли, приехал домой в Петропавловское селение и на вопросы обступивших его сельчан-скопцов поведал о том, что и нам, братцы, полная свобода, для удостоверения подав копию с высочайшего указа правительствующему сенату от 5 июня 1905 г., в коем указана милость и ссыльным по 197, 200, 201 и 202 ст. Улож. о наказ.[92]).

Все присутствовавшие, как подкошенные, преклонили колени и горячо благодарили Бога и царя за милость, а некоторые, побежав по селу, кричали: „Свобода, свобода нам!" Отец братьев Зверевых, зная, что его сыны в поле за рекой в сторону Троицкого селения, поспешил переплыть на дощаной „ветке" (легкой лодочке) сперва в Троицкое селение, возвещая всюду о полученной свободе. Одни бросали шапки вверх, оглашая село криками: „Ура, свобода!". Старички, где-нибудь стоя на коленях, всхлипывали от радости; неверия в бывшее к ним пророчество[93]) как будто и не бывало.

Сразу на полях и в домах работа прекратилась. Старшие из братьев заявили, что этот день „надо ознаменовать для себя праздником и общей молитвой за здравие государя императора и всего царствующего дома. Все сразу приняло праздничный вид, и радостные на всех лица"... И вот сразу все загорелись одним чувством: скорей в Россию! Все стали продавать за бесценок,—были случаи продажи дома за пару сапог; другие просто все бросали на произвол судьбы и, словно боясь, что у них отберут эту чародейку-свободу, ехали и ехали—туда, в Якутск, а оттуда далее на запад в Россию, за Урал, на юг отогревать свои застывшие кости... Древ-

---

[92]) Это статьи старого Уложения о наказаниях, замененные ныне, в 1913 г., действующей 96 ст. Улож. о наказ.

[93]) За полгода до манифеста „на кругу" во время богослужения скопцов, как единогласно утверждают они, было произнесено одним из их пророков ясное предсказание о полном их освобождении из ссылки. Зная, что ни один манифест ранее не касался их, ссыльные скопцы не поверили этому пророчеству и даже шутили над ним. Когда же пришла свобода, сильно каялись в своем неверии.

ние старики и старухи, точно помолодев, бодро совершали невероятно трудное, полное лишений путешествие, лишь бы скорее увидать родное солнышко, а там, далее, все равно, хотя бы умереть. И этих людей осмеливаются еще упрекать в том, что они не любят своей родины, что они не патриотичны! Правда, среди них не найдется людей, доведенных до исступления тем звериным национализмом, которым так пропитаны вершители судеб русского народа; правда, среди них много гуманных людей, которые отнесутся к каждому человеку без всякой предвзятости; правда, они в беде помогут и еврею, и татарину, и православному. Мы вполне также понимаем, что от всего этого сильно разгораются сердца тех, кто в преследовании разноверцев-сектантов находит особенное, почти садистическое удовольствие. Мы также хорошо знаем, что все эти преследования окрыляют многих надеждой на совершение хорошей чиновничьей карьеры как по гражданскому, так и по духовному ведомству.—Все это верно. Но верно и то, что все эти утверждения гг. миссионеров и официальных преследователей русского сектантства не имеют ни малейшего отношения к действительной правде сложного и крайне важного вопроса русской народной религиозно-общественной жизни.

Рукописи Н. П. Латышева имеют еще тот особый интерес, что сам он принадлежит к последователям новоскопчества, утвержденного Лисиным, принявшего на себя достоинство второго Искупителя. В присланных нам рукописях Латышев затрагивает мимоходом и этот крайне интересный момент в жизни скопческой общины. Мы не сомневаемся, что в следующих его рукописях учение и история новоскопчества будут изложены во всей полноте, и тогда мы сейчас же познакомим читателей и с этими документами. Все настоятельнее чувствуется потребность также в подробном исследовании столь твердой и широко распространенной народной легенды об отречении от царской власти Петра III Федоровича и явлении его в народе. Это он, Петр Федорович, принял на себя звание Кондратия Селиванова, так же, как по столь же широко распространенной легенде Александр I принял на себя имя старца Федора Кузьмича. Семинарские историки сектантства пытаются все время исказить эту до сего времени могучую народную легенду; всеми силами стремят-

ся они подменить, очевидно, дорогой народному творчеству образ царя, *отказавшегося от власти*, ушедшего в народ и пострадавшего вместе с народом за его стремление к истине, чистоте и святости,—подменить пошлой, несвойственной духу народа, идеей самозванства, навязывая всюду, что Селиванов присвоил себе имя Петра III. В то время народ, да и не только народ,—и, в частности, скопцы,—твердо был убежден, что видит и знает Петра Федоровича, только лишь называвшегося Селивановым. Народная легенда вознесла этот образ до крайнего предела возвеличения и почитания, наделив его всеми чарованиями и достоинствами звания перевоплощенного, по вековечной премудрости, Христа. Но, конечно, нашлись многие, кто пожелал уничтожить его „небесный лик“. А он „в свое время явился в лице Милосердного Батюшки Петра Федоровича“,—пишет Латышев. Такой высокой ценой народ платил памяти того, кто еще 20 января 1762 г. своим именным указом запретил преследовать „раскольников“, т.-е. всех инако верующих той отдаленной от нас эпохи, так как в России „и иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники—христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которых они бегают за границу“. (Собрание постановлений по части раскола, кн. I-я, стр. 586.) Очевидно, эта веротерпимость была такой огромной, поражающей новостью в жизни русского народа, что он крепко и твердо, не веря боярам, попам и подъячим, по-своему понял смерть Петра III, причислил его к лику народолюбцев, окутал поэтической дымкой народной легенды, принял его в себя и бережно хранит этот образ до сего времени: с легендой о царе-Христе, пострадавшем за народ от бояр и вельмож, с легендой о „воскресшем“, т.-е. духовно переродившемся Петре III Федоровиче, нам и до сего времени приходится встречаться и не только среди скопцов, но среди других сектантских общин и крайних ответвлений старообрядчества. И эта легенда подлежит тщательному изучению исследователей жизни русского народа.

„Научные“ открытия „Нового Времени“ [94]).

Гофштеттер в „Новом Времени“ напечатал два огромных фельетона, озаглавленных очень заманчиво: „Тайна хлыстовщины“ [95]).

Поручая этому писателю такую ответственную тему, петербургская газета, очевидно, знала, что делала. Нужно было написать фельетон по-нововременски „убедительно“, „сильно“, т.-е. хлестко и размашисто, обставив его ссылками на работы, цитатами из книг, упоминанием имен и пр., и пр. Одним словом, нужно было произвести „впечатление“ на нововременского читателя, а для этого, как говорят опытные люди, г. Гофштеттер как раз подходящ. С специальной точки зрения вся эта стряпня г. Гофштеттера не имеет ни малейшего значения, и, конечно, о работах фельетонистов подобного типа не стоило бы тратить и двух слов, если бы в этом длинном писании нововременского ученого не встретилось бы одно столь удивительное, столь характерное обстоятельство, на которое, при всей брезгливости к органу гг. Меньшикова, Буренина и К⁰, нельзя не обратить внимания печати и общества.

В фельетоне Гофштеттера от 20 марта, как читатели вероятно помнят, начиная с третьего столбца, положительно пестрит имя Радаева. О нем г. Гофштеттер пишет: „Едва ли не лучшим выразителем хлыстовской мистики является знаменитый пророк арзамасских хлыстов Радаев“.

Запомним это: Радаев — „лучший выразитель хлыстовской

---

94) Эта статья впервые была напечатана в журнале „Современник“, апрель 1912 г.

95) См. „Новое Время“ 20 и 21 марта 1912 г.

мистики“ и притом он не один: он—„пророк арзамасских хлыстов“, т.-е. целой народной организации. Далее говорится все в том же духе: „по учению Радаева...“; „Радаев говорит...“; Радаев, Радаев, Радаев... и так на протяжении огромного фельетона. Целых девять столбцов из 14 посвящены именно ему, изложению его учения, его взглядов, его отношению к жизни вообще и к женщинам в частности.

И его имя всегда тщательно переплетено с ругательным словом „хлыст“, в сущности решительно ничего не выражающим. Одним словом, совершенно ясно, что и для Гофштеттера, и для „Нового Времени“ учение Радаева есть не что иное, как „столб и утверждение истины“ неведомого „хлыстовского“ учения. Конечно, такого же мнения должны быть и читатели этого полуофициоза; ведь в этом-то и заключается практическая задача практической газеты. Да и как не поверить читателю не специалисту, когда на него обрушиваются „творением“ писателя, утверждающего все столь авторитетно и безапелляционно, замучивающего читателя и своими соображениями, и цитатами, и упоминанием профессоров, писателей и пр., и пр.

Что г. Гофштеттер придает Радаеву исключительно важное значение для изучения „хлыстовского“ учения, „хлыстовских тайн“, видно также из того, что и во втором своем фельетоне (от 21 марта) он опять возвращается к нему и пишет (в третьем столбце): „Приведенные выше литературные данные не оставляют сомнения в том, что высоко поднимающая теперь голову хлыстовщина основывает свои победы на тайной психической отраве, на внушении и гипнозе“. Так как самые главные „литературные данные“ г. Гофштетера, как мы уже упоминали, относятся именно к писаниям Радаева, этому краеугольному камню всего „исследования“, всего научного багажа нововременского „ученого“, то, очевидно, и это очень важное утверждение г. Гофштеттера относится именно к Радаеву. Запомните, читатель: г. Гофштеттер утверждает, что эти его „данные не оставляют сомнения...“ Они— сама истина. И даже в конце своего фельетона [96]), подкрепляя все свои соображения, для вящшего убеждения читателя, г. Гофштеттер „паки и паки“ прибегает к тому же источнику своего вдохновения.

---

[96]) Третий столбец от конца.

Он пишет: „недаром арзамасский хлыст Радаев утверждал..." и т. д.

И так везде и всюду: Радаев„—хлыст", Радаев—„хлыстовский пророк", Радаев...

Очевидно, в „Новом Времени" нашли ключик от таинственного ларчика, тайна „хлыстовщины" открыта, разоблачена, все дознано и узнано с скрупулезной точностью и начальство... вполне довольно!

Но кто же такой герой гофштеттерской эпопеи? Кто он, этот неведомый, этот таинственный Радаев?

Пойдемте, читатель, посмотрим на него. На этот раз, к счастью, нам сделать это тем легче, что не придется даже поднимать документов, покрытых архивной пылью, нам не потребуется также ссылаться на свои собственные исследования и розыскания, а нам нужно заглянуть лишь только в... „Богословский Вестник" за 1907 и 1908 гг. С разрешения ректора Духовной академии, находящейся в Сергиевском посаде, епископа Евдокима [97]), в одном из специальных исследований, сделанных в этой же Духовной академии, о Радаеве читаем мы следующее: „Радаева принято считать, с легкой руки *П. И. Мельникова* [98]), знаменитым *хлыстовским* пророком, а его последователей — *хлыстами*. Согласно с этим, сочинения и показания Радаева считаются главнейшим источником сведений о вероучении хлыстовской веры. Но такой взгляд совершенно не оправдывается документальными данными, собранными в судебных делах о Радаеве и его сторонниках [99]). На основании изучения этих дел, я, — пишет автор,— прихожу к решительному заключению, что Радаев не принадлежал к хлыстовской секте, а представлял из себя религиозно-помешанного энтузиаста (параноика), с резко выраженной эротической окраской, страдавшего при этом припадками большой истерии..."

Так вот он кто, этот Радаев, открывший „тайну хлыстовщины" ученейшему Гофштеттеру! Но к чему же он принад-

---

[97]) „Печатать разрешается августа 16 дня 1908 г.— Ректор Академии епископ Евдоким",—так гласит подпись на отдельных оттисках из этого журнала.

[98]) Курсив везде автора.

[99]) Разбивка везде моя, *Прим. В. Б. Б.*

лежал, какая его вера, если он не был „хлыстом“? „Министерство внутренних дел,— продолжает наш автор,— по рассмотрении следственного производства о Радаеве нашло, что он и его последователи „принадлежат к православию, и потому означенное дело рассмотрению в порядке, установленном для дел раскольничьих, не подлежит, а должно быть решено на основании общих законов“ (т. I, л. 160). Вот вам и „лучший выразитель хлыстовской мистики“,—как настойчиво утверждал г. Гофшттетер.

„Равным образом, — говорится дальше,— и сенат „в общем собрании московских департаментов“ признал Радаева виновным лишь в распространении богохульства, состоящего в порицании св. архангела Михаила, и в убеждении учеников своих в том, что блуд с крестьянками делает он по научению Духа Святого“. Согласно с этим сенат определил: „Радаева, 32 лет, лишив всех прав состояния, наказать публично, через палача, плетьми, тридцатью ударами, и сослать в отдаленнейшие места Сибири, где предать его церковному покаянию, а соблазненных им женщин подвергнуть аресту на три недели и предать церковному покаянию“ (т. I, л. 159—160) [100].

Таким образом, мы видим, что помимо нам современной экспертизы над учением Радаева,—экспертизы, выходящей из недр московской Духовной академии, где, конечно, знают, что такое православие и что такое сектантство,— с этим вероятно согласится и „Новое Время“ и его „ученейший“ сектолог г. Гофштеттер,— помимо этого, еще давно, в 30-х годах XIX столетия, над принадлежностью Радаева к православию был произнесен окончательный приговор. Надо помнить, что это было тогда, когда неведомые хлысты, сочиненные преследователями религиозного свободомыслия в России, были отнесены законом к разряду „особо вредных сект“, когда сектантов вообще преследовали так, как может быть никогда позже, когда, конечно, не упустили бы малейшей возможности прицепиться к самому незначительному обстоятельству, лишь бы отягчить участь, опорочить и

---

[100]) См. V и VI стр. „Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве“, исследование Д. Г. Коновалова. Сергиев посад, типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908 г.

без того гонимых сектантов. А это ли не удобный был случай,— случай с Радаевым,— еще раз показать сектантов в отвратительном свете безнравственных, распущенных людей.

Не надо забывать, что и высшее духовенство того времени, имея большое влияние в правительстве, всегда располагало полной возможностью обрушиваться на сектантов с самой тяжелой репрессией. И несмотря на все эти обстоятельства, как мы видим, ни министерство внутренних дел, ни правительствующий сенат не нашли возможным признать в Радаеве ни сектанта вообще, ни „хлыста“ в частности! Наоборот—и там и там его признали обыкновенным православным.

Позволительно теперь спросить, на каком же основании, по какому праву и „Новое Время“ и г. Гофштеттер, по пословице „на Тебе, Боже, что нам не гоже“, навязывают сектантам то добро, которое по всей справедливости принадлежит православной церкви, а стало-быть, и самому „Новому Времени“, ее постоянному защитнику. Г. Гофштеттер позволил себе даже сочинить каких-то неведомых „арзамасских хлыстов“, считая за таковых увлеченных Радаевым женщин и мужчин. Из приведенной резолюции сената мы ясно видим, что это такой же гофштеттерский вымысел, такая же „нововременская правда“, которая на простом языке обыкновенно называется ложью. Тяжело карая за богохульство Радаева, даже не снисходя к его болезненному состоянию, Сенат крайне легко отнесся к женщинам, „соблазненным в блуд“ Радаевым. Сенат приговорил их к трехнедельному тюремному заключению и церковному покаянию и тем самым ярко подчеркнул свое решительно отрицательное отношение к заподозриванию их в принадлежности к секте да еще к „особо вредной“. Мужчин же сенат не подверг никакому взысканию. Каждому понятно, что если бы это было иначе, то сенат, по меньшей мере, по нравам первой половины XIX века, послал бы всех этих женщин на вечное поселение в Сибирь. И мы видим, что этого не только не случилось, но случилось как раз обратное.

Ясно, что сенат этим решением, столь различным к самому Радаеву и к его приближенным, вполне отверг какое бы то ни было сходство учения Радаева с каким бы то ни было сектантским учением вообще и его последователей с

какими бы то ни было сектантами. Радаев и его близкие были и остались обыкновенными православными людьми. А г. Гофштеттер? А его „данные, не оставляющие сомнения"? А „Новое Время"? О, они сенату не верят! Какое им дело до решения сената? У них есть свое собственное мнение, вполне совпадающее с мнением и желанием некоторых из тех, кого называют сильными мира сего. А раз это так, то и „рады стараться!" Гофштеттеру надо было написать „сочинение" на заданную тему, ему надо было во что бы то ни стало, в согласии со всеми другими черносотенцами, доказать, „открыть" несуществующие ужасы, „тайны хлыстовщины", чтобы иметь точное оправдание напряженно проводимому ими в жизнь заговору против остатков одной из политических свобод—свободы совести. Евлогии, Игнатьевы, Восторговы, Скворцовы и все, кто с ними, знают, что делают, когда пишут и сочиняют свои письма, послания, резолюции...

Будем, однако, справедливы к г. Гофштеттеру. Невежество, им обнаруженное в том вопросе, который он взялся трактовать, принадлежит не ему одному; оно должно быть распределено в известной пропорции между ним и теми авторами, кто для него являются воистину непреложным авторитетом, у кого он почерпнул всю свою высокоученую „премудрость", все свои „научные" данные. Доверившись, например, г. Рождественскому, по профессии священнику, он как раз попал именно в ту среду, где профессиональной обязанностью стало возведение всякой хулы на инако мыслящих вообще и на сектантов в частности и в особенности. „В судебных делах о хлыстах,—пишет Д. Г. Коновалов,—имя Радаева фигурирует нередко, но не в показаниях сектантов, а в экспертизах „с духовной стороны"; доказывая, что хлыстовская секта открыто санкционирует разврат, эксперты обычно ссылаются на „Арзамасского пророка людей Божиих (Радаева)" [101]. Вот вам эти „духовные писатели"! Вот вам эти „духовные экспертизы"! Как видите, дело совершенно простое: приказано доказать, что есть „хлысты", что они „санкционируют разврат в своем учении",—что ж? Сделайте одолжение! Сейчас же все устроим! Сочиним сектантов, притянем к ним

[101]) См. там же, стр. VI

большого православного развратника, давно сосланного в Сибирь и ныне умершего, прикроем его авторитетом своей рясы, и дело сделано. „Безнравственность“, „развращенность“, „цинизм“ сектантов решительно доказаны. Пользуясь незнанием судей (не могут же они быть специалистами по всем вопросам!),—пользуясь авторитетом роли эксперта и своего официального положения духовного лица или чиновника синода,—сколько десятков и сотен несчастных страдальцев из народной сектантской среды упекли эти смиренные отцы-миссионеры в Сибирь, в тюрьмы, в заключение... Сколько разорили они семейств, сколько поклепов, издевательств, клеветы и лжи распространили они в народе на этих горестных „Людей Божиих“, на этих вечно гонимых членов „Ново“ и „Старо“-Израильских общин. И, очевидно, не однажды ссылались гг. эксперты на арзамасское дело, когда г. Коновалову пришлось написать, что „имя Радаева фигурирует нередко“ в экспертизах официальных, в показаниях экспертов со стороны православной церкви. Ссылаясь на то, чего нет, ссылаясь заведомо ложно, клевеща, таким образом, на сектантов, под присягой, в суде и перед судом, миссионеры-эксперты православной церкви систематически вводили и самый суд в ужасное заблуждение, так как они, конечно, не могли не знать о постановлении министерства внутренних дел и о решении правительствующего сената по делу Радаева.

Вся эта гофштеттерская история с Радаевым крайне поучительна. Она являет нам редкий по отчетливости пример того, как делают у нас историю сектантства в России, какими сведениями питаются наши официальные сферы в одном из самых важных в народной жизни вопросов—в вопросе „свободы совести“. Оболгать огромную народную организацию смешать с грязью сотни тысяч людей, приписать им то, чего у них нет, отдать, навязать им то, что по чести и славе всецело принадлежит другим,—в данном случае православию,—все это у нас дело пяти минут.

Ложь и клевета, полная бесцеремонность в средствах для достижения поставленных темных целей—вот обыденные способы воздействия, излюбленные приемы при травле измученных народных масс известного сорта угоднической печатью. И с этой чумой печатного слова почти нет средств бороться..

Точно так же, как православного Радаева зачислили в „хлысты“, так точно зачисляют и множество сектантов, живущих согласно своей совести, в какую-то „хлыстовщину“, которую никто никогда и нигде не мог определить и сказать, что же такое в самом деле обозначает этот термин „хлыстовщина“? И мы еще и еще раз утверждаем здесь, решительно и непоколебимо, что никакой такой секты не существует нигде в мире, а есть только удобный пароль для духовенства и черносотенцев при преследовании русских крестьян-сектантов, давно ушедших из православной церкви.

Когда в деревнях миссионер или священник произносят по отношению к той или иной семье крылатое слово: „вот хлысты!“—старшина, урядник, стражники, становой знают, что им нужно делать. Именно в этом кроется и заключается весь смысл слова „хлыстовщина“ и иного смысла в нем нет. С той же целью оно теперь настойчиво произносится и в „Новом Времени“.

Вопрос свободы совести в официальном освещении [102]).

(По поводу книги: „Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год“. Издание департамента общих дел.)

Труд этот, напечатанный по распоряжению директора департамента общих дел гофмейстера Б. В. Штюрмера, выполнен еще в 1881 году д. ст. сов. Д. Ф. Хартулари, „занимавшим в то время должность начальника III отделения департамента общих дел“. Таким образом, эта работа во всех смыслах является совершенно официальной. К сожалению, труды, выходящие из недр правительственных канцелярий, почему-то не поступают в общий кругооборот книжного богатства и потому долго остаются незамеченными ни специалистами данного вопроса, ни критикой. Впрочем, может быть, именно для этого труды официального происхождения и не пускаются в общую продажу.

Работа г. Хартулари соединяет в себе все недостатки официального творчества. Будучи работой исключительно ведомственной, вмещая в себя только „обзор мероприятий министерства внутренних дел“, она не только не исчерпывает предмета, но очень далека от полноты. В области официальных отношений к старообрядчеству и сектантству, распоряжения по министерству юстиции, по ведомству православного исповедания и даже по министерству иностранных дел (относительно беженцев и зарубежных общин старообрядцев и сектантов) имеют не менее важное, нередко даже большее значение, чем распоряжения министерства внутренних дел. Ведомственное творчество помешало г. Хартулари заглянуть в обширные архивы соседних министерств. Если отбросить этот органический недостаток книги, весьма

[102]) Впервые эта статья была напечатана в журнале „Вестник Европы“.

умаляющий научную ее ценность, и обратиться к рассмотрению ее содержания, то прежде всего бросается в глаза дилеттантское отношение к предмету работы, так ярко выразившееся даже в самом заглавии книги: „Обзор мероприятий... *по расколу*“. По заглавию мы в праве думать, что эта книга говорит о старообрядцах, именуя их оскорбительным для них словом, в настоящее время совершенно упраздненным в официальной номенклатуре. Между тем дело обстоит совершенно иначе. Действительному статскому советнику Хартулари заблагорассудилось—вопреки всем установившимся наименованиям, которые и в 1882 г. были уже более или менее обсуждены специальной и общей печатью,—назвать и все многоветвистое русское сектантство также расколом. Нужно ли говорить о том, что происхождение русского сектантства и старообрядчества совершенно различно и спутывать то и другое, подводя под одно наименование, значит еще более усложнять тот вопрос народной жизни, который и до сих пор далек от благополучного разрешения.

Работа г. Хартулари является новой только в некоторой своей части. Только обзор мероприятий ведомства в царствование Александра II служит добавлением к тому, что ранее не было сделано. Бо́льшая половина книги (181 стр.) является сокращенным повторением сведений из восьмитомной работы П. Варадинова: „История министерства внутренних дел“ (1863 г.), последний том которой специально посвящен „истории распоряжений по расколу“. Эта „история“ доведена Варадиновым до 1855 г. Том в 656 страниц, имеющий свои крупные недостатки, во всяком случае дает гораздо больше материала, чем работа г. Хартулари. Кроме того, у Варадинова приведены не только выписки из распоряжений, но весь материал снабжен статистическими данными, различными справками, ссылками; все изложение ведется в виде исторического обозрения с цитатами из подлинников. Пользуясь самым широким образом трудом Варадинова, г. Хартулари не только нигде о том не упоминает, но даже цитирует слово в слово многие страницы без кавычек и без указания, откуда именно почерпнуты публикуемые им под своим именем сведения.

Распоряжения XVII века Варадиновым и Хартулари ведут-

ся в собственном изложении без цитат, и здесь особенно характерным является явное заимствование г. Хартулари у Варадинова. Для этого следует только сравнить соответствующие места той и другой работы.

Всю труднейшую часть своей работы г. Хартулари просто списал у Варадинова, кое-что поставив в скобки, заменив „г.“ словом „год“ и пр. Начиная, например, с 7 по 20 стр., г. Хартулари щедрой рукой черпает из Варадинова, не указывая на это нигде ни одним намеком. Поговорив немного „от себя“,—он через полторы страницы вновь притягивается к труду Варадинова и опять начинает переписывать оттуда страницу за страницей, конечно, не указывая источника, и так продолжается с 22 по 27 страницу. Дальше, г. Хартулари немного освобождается от этого безграничного влияния Варадинова, начинает вводить новые документы, но и то, вплоть до конца царствования Николая I, чувствуется постоянное влияние работы доктора прав и философии П. Варадинова на „обзор“ действительного статского советника Хартулари. Даже ошибки одного источника переходят без исправления к другому. Так, Варадинов, излагая события 1746 года, пишет: „В Москве и С.-Петербурге секта квакерская, христовщина или *хлыстовщина*...“ И слово в слово то же самое переписывает г. Хартулари (стр. 18). А между тем ни в одном документе XVIII столетия нельзя найти слово „хлыстовщина“, которое прибавлено здесь было Варадиновым, а Хартулари повторено. Слова „хлыст“, „хлыстовщина“ появились в русском языке только в первой трети XIX столетия (около тридцатых годов), а XVIII век совершенно не знал этих слов, нарочито придуманных теми, кто вечно преследовал русских людей за их разномыслие в вере. В XVIII веке могли этих сектантов называть словом „христомужи“, но отнюдь не „хлысты“. Таким образом, мы видим, что официальное издание министерства внутренних дел утверждает то, чего совершенно не было в действительности и не могло быть. А разве такое утверждение не могло повлиять на тех, кто писал законы, распоряжения, циркуляры по поводу сектантов, кто оставил и в новом уложении ужасную 96 ст., по которой тех, кого именуют „хлыстами“, лишают всех прав состояния и ссылают на вечное поселение в Сибирь?

Автор официального обзора пытается формулировать свое отношение к различным эпохам законодательства по старообрядчеству и сектантству. Еще в царствование Алексея Михайловича был издан закон, „в котором предписывалось: „Вероотступников, боголживников и церковных мятежников—казнить, жечь огнем без всякого милосердия“. Этот жестокий закон сейчас же сказался в жизни. Начались преследования старообрядцев и сектантов, которых подвергали строжайшим наказаниям: их мучили, истязали, ссылали в отдаленные места, нещадно били кнутом и, наконец, предавали смертной казни. Как всегда бывает при насильственном подавлении идейного движения, из этих преследований ровно ничего не вышло. „Все эти меры жестокости,—пишет г. Хартулари,—не только не подавляли раскола, а напротив того, увеличивали число его последователей, которые смело шли на плаху, считая себя мучениками за веру и, сплачиваясь между собою все более и более, предпочитали смерть под ударами кнута и топора подчинению тем нововведениям, какие, по мнению их, им навязывала незаконно духовная и светская власть“ (стр. 5). Правительство того времени на эту мужественную стойкость старообрядцев и сектантов ответило еще бо́льшей жестокостью, формулированной в специальных правилах, на основании которых эти слои населения должны были подвергнуться сплошным казням, ссылкам, потоку и разграблению. „Едва появились эти правила,—пишет Хартулари (стр. 6),—как массы народа поднялись с своих мест, бросили свои жилища и с грудными младенцами, без всяких средств, бежали куда глаза глядят: одни в непроходимые леса и болота, а некоторые даже за пределы отечества. Этого мало: в среде раскольников возникает фанатическое явление, небывалое и до сего времени приводящее в содрогание, а именно самосожигание. Жгли себя русские люди целыми семействами, целыми обществами“. Это признание официального обозревателя деяний правительства крайне характерно: здесь устанавливается—и совершенно верно устанавливается—непосредственная связь между жестокими распоряжениями правительства XVII века и огромным трагическим явлением русской народной жизни. После этого нельзя уже говорить, как это у нас было принято, что самосожигание старообрядцев есть плод учения самих старо-

обрядцев. Отнюдь нет! Обстоятельства жизни заставляли прибегать к этой крайней мере самозащиты, потому что лучше было покончить с собой самоубийством, чем отдаваться в руки жестоких преследователей, которые не только все равно убивали, но еще подвергали сначала страшным мучениям тех, кто „бежали куда глаза глядят“. Массовое самоубийство старообрядцев XVII и XVIII века являлось таким же протестом, какой нередко встречался среди лиц, преследуемых у нас в России за политический образ мыслей в XIX и XX столетиях.

А лишь только преследования прекратились, прекращается самосожигание старообрядцев. „Царю Петру I, видимо, было совершенно безразлично, кто как верует на Руси,“— пишет Хартулари (стр. 7). — „В виду такого взгляда как бы слегка повеяло веротерпимостью, и русские люди, бежавшие от преследований правительства, начали целыми семьями возвращаться в прежние места своего жительства, занялись хозяйством, казни прекратились и о самосожигании не было и слышно“. Впоследствии, как известно, Петр I изменил свои взгляды на старообрядчество и „то, что прежде царь считал одним религиозным разномыслием, теперь представлялось ему государственною изменою, открытым мятежом“ (стр. 7). Преследования были настолько жестоки, что Петр I приобрел у старообрядцев звание Антихриста.

„Мероприятия по расколу царствований Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны не представляют собою каких-либо особых самостоятельных распоряжений“ (12 стр.). А „кратковременный период царствования Петра III, до настоящего времени столь чтимый раскольниками, отличается рядом льгот, дарованных старообрядцам“ (стр. 13).

В общем итоге и по мнению обозревателя министерства внутренних дел, „все эти меры, при совершенном невыяснении себе правительством смысла и значения раскола,— были мерами случайными и не представляли какой-либо особой, зрело обдуманной системы действий, направляемых к примирению раскола с церковью и к усмирению массы недовольных“ (стр. 14). Таким образом, вся деятельность того времени в старообрядческом и сектантском вопросе сводилась к нулю, оставляя по себе лишь тяжелую память и страшный след мучительства в народном сознании.

Екатерина II отменила ряд жестокостей, чинимых, кому было не лень, над старообрядцами и сектантами, облегчила их участь, но, „к сожалению, — пишет г. Хартулари, — все... меры правительства, отличавшиеся такою снисходительностью к последователям раскола, не могли принести желаемой пользы, частью вследствие распространения их только на поселян известной местности и на основании лишь особых ходатайств о сем сильных в то время своим влиянием при дворе вельмож, тогда как остальные раскольники оставались под действием прежних законов, частью потому, что подобные меры предпринимались не во имя сознательной веротерпимости и убеждения в бесполезности преследования раскола мерами жестокости, но в силу известных современных политических соображений. Вот почему все мероприятия императрицы Екатерины Великой, по существу своему наиболее действительные, имели однако же последствием не улучшение положения раскола на Руси, а только новые среди его недоразумения“ (22 стр.).

Политика Павла I по отношению религиозного разномыслия пошла двумя руслами: более или менее терпимое отношение к старообрядцам и крайне враждебное и жестокое к сектантам, главным образом потому, что последние „не признавали Богом поставленной власти на земле“. Так, в именном указе от 28 августа 1799 г. говорилось: „Всех изобличенных в этой (духоборческой) ереси отослать в Екатеринбург вечно к разработке рудников, содержа их всех скованными и употребляя в наитягчайшие работы, дабы сии духоборцы, отвергающие внешнюю власть на земле, пределом Божиим поставленную, восчувствовали чрез сие как следует то, что суть на земле власти, Богом определенные, на твердую защиту добрых, злодеям же подобным на страх и наказание“ (29 и 30 стр.).

Конечно, при таком отношении к народному верованию никак нельзя было ожидать какой-либо общей терпимости в вопросах совести. Скорая смерть Павла I прекратила те жестокости, которые щедро посыпались-было на сектантские общины в России.

Программу деятельности в старообрядческом и сектантском вопросах императора Александра I „до двадцатых годов“ обозреватель министерства внутренних дел представ-

вляет себе в следующих словах императора к тамбовскому губернатору по поводу распространения секты духоборцев: „Общее правило, принятое мною на заблуждение сего рода, состоит в том, чтобы, не делая насилия совести и не входя в розыскание внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никаких внешних оказательств отступления от церкви и строго воспрещать всякие в сем соблазны не в виде ереси, но как нарушение общего благочиния и порядка“ (45 стр.).

И здесь, сто лет тому назад, как и теперь, поперек всем благим пожеланиям стало пресловутое недопущение „внешних оказательств“. Веровать, быть убежденным в чем-либо и молчать об этом, ни с кем не делиться своим мнением, веровать и не иметь возможности проявить свою веру—это значит, при всем прекраснодушии заботящегося о терпимости, быть сжатым железными тисками произвола и насилия всякого облеченного властью. „Столь неудачно употребленное в программе слово „оказательство“ дало возможность лицам, на коих возлагалась обязанность следить за этим оказательством, придавать этому слову самое широкое и разностороннее значение и пользоваться им, как средством для всякого рода злоупотреблений и вымогательств“ (45 стр.). В виде примера г. Хартулари приводит известный случай, когда, „спустя 10 лет после законов о ненаказуемости за одну лишь принадлежность к молоканству, по приговору генерал-губернатора несколько солдат были наказаны кнутом и сосланы в Нерчинские заводы“ (46 стр.).

С двадцатых годов XIX века наступает поворот к преследованию инако верующих. Установляется строгий надзор за сектантами и старообрядцами. „Духоборцы и молокане высылаются в Таврическую губернию, распространители сего учения предаются суду, субботников ссылают на Кавказ, скопцов поголовно отдают на службу в войска Сибири и Грузии, а неспособных—на жительство в Иркутскую губернию“ (48 стр.).

В царствование императора Николая I старообрядчество и сектантство были подвергнуты большим испытаниям, в которых главное место занимает православное духовенство, предложившее ряд мер, ничего общего не имеющих с какой бы то ни было терпимостью.

Обозреватель министерства внутренних дел сообщает, что „император возлагал большие надежды на учрежденные в то время миссионерские общества, но этим надеждам не суждено было осуществиться, вследствие непонимания своих обязанностей лицами, на коих возлагались эти поручения, а также и вследствие их неразвитости. Правда, в 1842 году духовная власть, не исследовав в сущности учения раскольнических сект, составила своеобразную классификацию, избравши масштабом степень политического и религиозного вреда; но такой односторонний взгляд на раскол и подобная классификация, сохранившая и до сего времени свое значение, еще более укрепили в императоре Николае I убеждение, что раскол представляет собою антиполитическое (?) явление, а для императора Александра II служили главным препятствием к осуществлению желания сего государя дать большему числу раскольников возможно широкие гражданские права как по происхождению и имуществу, так и по отправлению ими духовных треб" (84 стр.). План духовенства того времени осуществился вполне. В эпоху особого страха перед всякой политикой верные сыны реакции выдвинули фантастическую схему сект, не имевшую никаких оснований в действительности, причислив всех инако верующих к сектам „вреднейшим", „вредным" и „менее вредным". К счастию, эти деления почти совершенно отошли теперь в область предания, оставив лишь по себе след в жестокой 96 ст. угол. уложения [103]). В самые вредные секты были зачислены те, которые не поддавались влиянию проповедей и увещаний агентов ведомства православного исповедания, в борьбе с ними чувствовавших себя наиболее бессильными. Исходя из несомненно „личной" точки зрения, духовенство навязало русскому законодательству антинаучную схему, по которой, как по хорошо протоптанной дорожке, почти три четверти столетия ссылали и судили тысячи русских людей, виноватых лишь в том, что они хотели жить согласно своей, а не чужой совести, согласно своим убеждениям.

---

[103]) Эта статья закона просуществовала вплоть до февральской революции 1917 г., когда временное правительство в первые же дни своего правления сейчас же отменило как эту, так и иные статьи уложения о наказаниях, стеснявшие свободу веры, свободу совести.

Прим. В. Б. Б. (1919 г.).

До какой степени злобы, невежества и антихристианского настроения доходило духовенство эпохи Николая I даже в верхних своих слоях, можно видеть из следующих слов разбираемой нами официальной книги: „Вообще нельзя не признать, что в царствование императора Николая I духовенство, на котором лежала нравственная обязанность сеять слово Божие путем кротости между отступниками от православия, по взглядам своим на раскол недалеко ушло от церковных пастырей XVII и XVIII века,—если только припомнить предложение тамбовского архиепископа Георгия о том, чтобы называть сводные браки беспоповцев „сводною случкою" (85 стр.).

В эпоху императора Николая I сектантов и старообрядцев преследовали всеми способами, более всего сдавая, особенно сектантов, в солдаты; детей их отбирали, рассылали по монастырям или сдавали в кантонисты. Только в одном случае было проявлено благоволение к старообрядцам: когда „для поощрения к переселению русских купцов и мещан в города западного края дозволено было раскольникам сект, приемлющих священство, причисляться в купцы и мещане этого края" (127 стр.). Здесь сказались руссификаторские тенденции того времени в борьбе с Польшей. Надо заметить, что старообрядцы и сектанты были лишены права приобретать собственность в Остзейских губерниях, в Бессарабской области и, согласно резолюции государя, „ни в которой из пограничных западных губерний" (127 стр.).

„Тяжелая, стойкая и последовательная борьба императора Николая I с расколом не имела желаемого результата",—пишет г. Хартулари (стр. 182).

В царствование Александра II были сделаны некоторые улучшения в быте старообрядцев и сектантов. Были отменены некоторые противные духу времени распоряжения, но так как в основу всего законодательства по религиозному разномыслию легла уже упомянутая нами фантастическая и зловредная, ныне, к счастью отмененная, схема деления сектантов, то само собой понятно,—как это совершенно верно отметил и г. Хартулари,—и все последствия этой основной посылки были крайне печальны, антикультурны и антигражданственны.

„Подводя общий итог всему в настоящей записке изло-

женному, нельзя не заметить вообще, что с самого возникновения на Руси раскола все принятые против него гражданские меры не столько уничтожали раскол, сколько иногда еще более способствовали к его усилению и распространению. Жестокие преследования и гонения, каким подвергались защитники старины, еще сильнее раздражали, озлобляли и ожесточали их, не говоря уже о том, что общий характер административной по расколу деятельности прямо указывал на отсутствие всякой правильной и строго обдуманной системы действий" (200 стр.).

Таково мнение начальника III отделения департамента общих дел. Полагаем, что с г. Хартулари было согласно и его высшее начальство, которое нашло нужным напечатать в 1903 году записку, написанную еще в 1881 году. Более двадцати лет пролежала она под спудом, и только тогда, когда почуялось дыхание весны, когда стали намечаться признаки приближающегося освобождения России от ужасов преследований за веру, совесть и убеждения, только тогда этот свод распоряжений, снабженный разъяснениями далеко не либеральными, но все-таки не чуждыми обыкновенной человеческой терпимости, свободными от человеконенавистничества, слишком часто свойственного распоряжениям ведомства православного исповедания,—появляется на свет Божий, как материал для будущих законодательных актов.

Свобода совести провозглашена, но ...„оказательство" осталось так же незыблемо, как и при Александре I.

И результаты те же: преследования, преследования и преследования различных сектантов и отчасти старообрядцев. Судьи России ежегодно судят сектантов и за самое вероучение, и за „оказательство", и за распространение своей веры.

Когда же наступит желанный день сознания творцами законодательства, что „в принуждении нет веры" и что „свобода совести" не терпит ни административных, ни законодательных преследований? Разве возможно в Западной Европе или Америке какое бы то ни было преследование за веру? Когда же и к нам придет то, что́ незыблемо утвердилось там, за рубежом нашей западной границы?

Война и сектанты [104]).

I.

Война, как одно из самых огромных, потрясающих явлений общественной жизни, всегда оставляет громадный след в психологии народных масс. И если это мы можем наблюдать везде и всюду в повседневной жизни при случайных встречах, то при столкновении с сектантскими массами, всегда организованными в более или менее крупные ячейки, общины, союзы,—это особенно бросается в глаза. Будучи, по преимуществу, теми же крестьянами, отличающимися от окружающей среды большей организованностью, стремлением вдумчиво отнестись к тому, что делается вокруг, привыкшими сопрягать общественные явления с личной жизнью и жизнью своей общины, сектанты обыкновенно отливают свое отношение к переживаемому моменту в формулы, резолюции, особые послания или духовные стихи, которые как бы регистрируют в летописях общины это целостное мнение всей широко-народной организации.

Вспомним японскую войну и возникшие во время нее и после нее движения, достигшие высшего напряжения к дню 17 октября 1905 г. Нет секты, которая так или иначе не отразила бы эти сложные, полные трагизма и радости, незабвенные дни русской жизни.

Вон новоизраильтяне, они, имея свое особое летосчисление и живя „в веках“ по своим вождям, считая жизнь одного вождя за век, в начале XX столетия жили уже „в двадцать первом веке“. Но день 17 апреля 1905 г.—день объявления

[104]) Эта статья впервые была напечатана в журнале „Современный Мир“, декабрь 1914 г. (стр. 102—115).

свободы совести—они сочли поворотным днем всей русской жизни, а потому для себя,—для всей своей многоликой, разнообразной, разноплеменной, обширной общины,—этот день возвели в первый день новой эры и перестали считать время от Рождества Христова. Вот почему новоизраильтяне нашего времени живут теперь „в восьмой год первого века новой эры“. Знаменательные дни 17 апреля и 17 октября 1905 г. они кроме того возвеличили в своей прозе и воспели в своих духовных стихах [105]).

То же самое встречаем мы и в других сектантских общинах.

Еще ранее севастопольская война и эпоха освобождения крестьян также всколыхнули весь сектантский мир, породили не только особую сектантскую литературу, но вызвали целые огромные движения, между прочим отлившиеся и в формы сектантских организаций, оставившие глубокий след в летописях народного бытия.

Идя далее в глубь времен, мы столкнемся с эпохой наполеоновских войн, которые не только у нас в России имели неисчислимое влияние на широко-народные массы, но вызвали к жизни целое сектантское антимилитаристическое движение, особенно сосредоточившееся в XIX столетии в Сербии и в Венгрии, в лоне „назаренских общин“. У нас в России в сознании сектантов образ Наполеона принял яркие формы пришедшего на землю Антихриста, а ведь известно, что, по сектантскому разумению, когда Антихрист на земле, то это не только к худу, но и к добру, ибо мир, отживая старую жизнь, стоит в это время у врат царства Божия,—царства правды, любви и свободы, которое, то приближаясь, то удаляясь от нас, в эти грозные дни совсем близко, здесь, при дверях...

II.

Прошло только четыре месяца со дня возникновения всемирной, нам современной войны, прошло так мало дней для народного сознания, которое не торопится „при смене и повороте времен“, а уже яркие признаки чего-то нового начинают мелькать в сознании сектантских общин.

---

[105]) См. мои „Материалы к истории и изучению русского сектанства и старообрядчества“, Вып. IV „Новый Израиль“. Мое предисловие, (стр. C.XIX.) С. Петербург, 1911 г.

Возьмите только что вышедший № 8 и 9 „Духовного Христианина“ [106]), этого „ежемесячного, народного, свободомыслящего журнала“, который издают „сыны свободы, поклоняющиеся Отцу в духе и истине“, журнала, основанного,—заметим это,—именно в 1905 г. и принадлежащего наиболее деятельной, духовно восприимчивой части молокан, называющихся „духовными молоканами“. Почти весь номер посвящен войне.

„Вы идите в ваши храмы и молитесь Богу, а я, раз вынул меч, вложу его с честью“,—так закончил свою речь к народу германский император Вильгельм II,—говорится в передовой статье этого № журнала, озаглавленной „Война“. „Какой цинизм для религиозно-верующего человека и какой позор для всего христианства! Все светочи человечества в течение тысячелетий проповедывали о скором пришествии царствия Божия на землю, о наступлении того времени, когда „перекуют мечи свои на орала и копья на серпы“. И вдруг накануне торжества Высшей Справедливости перед всем миром встал страшный призрак, а теперь и горькая действительность—война“.

„...Как Россия, так и Европа пережили трех бичей человечества: Аттилу, Чингиз-Хана, Наполеона. То были люди своего века, века духовной тьмы и грубого насилия, но они были более искренни и своим кумиром считали собственную личность. Первый из них свою власть проявил в том, что поклялся, что там, где он пройдет, и трава расти не будет, а последний, достигнув высоты своего величия и желая разделить власть с Богом, приказал изготовить медаль с надписью: „Тебе, Боже, небо, а мне—земля и народы“.

„...Ныне человечество стоит перед новым испытанием и, может быть, перед последним чудовищем сего мира, поклявшимся „вложить меч свой только с честью“. История знает две „чести“ „великих людей“—Атиллы и Наполеона. „Чести“ первого уже достиг Вильгельм, ибо земля разоренной им Бельгии превращена в безжизненную пустыню; на пути же к достижению второй „чести“ неизбежным Роком огненными словами предначертано „мене... мене... текел... упарсин...“—„исчислил Бог царство твое и положил конец ему, ты взвешен на весах и найден очень легким“.

Таково отношение к Вильгельму, таково отношение к со-

---

[106]) 1914 года.

временной всемирной войне среди духовных молокан. И это отношение еще более наглядно сказалось в заявлении молодых сестер „духовных молокан“, присланном в „совет Бакинской общины Духовных Христиан“.

Вот оно.

„Дорогие и возлюбленные братья во Христе.

Вы знаете, что почти по всему лицу земли, данной Богом человеку для мирного жития, течет кровь человеческая. Воплями и стонами наполнена она от одного края до другого. Не избегла этой страшной участи и наша родина. Не тысячами и не десятками и не сотнями тысяч, а миллионами сходятся люди на полях брани, и в ужасных схватках разят друг друга огнем и железом. Война, этот страшный бич человечества, только началась, а сколько уже людей нашли себе могилу, но еще более переранено и искалечено. И вот от места побоищ по всей огромной Руси тянутся поезд за поездом, переполненные израненными людьми. Недалеко те дни, когда поезда с ранеными придут и в наш город на наше попечение. В ком теплится любовь к брату-человеку, тот спешит на помощь этим жертвам страшного чудовища—войны. Везде кипит сейчас работа, текут пожертвования, готовят для увечных кров, пищу, целебные лекарства, одежду, белье, кровати, чтобы облегчить страдания их. Нам кажется, что там, где стоны, страдания, там первыми должны быть самаряне—духовные христиане.

Мы, как духовные христиане, отрицающие всякое убийство, не вдаемся теперь в рассуждение, правы или не правы те люди, которые, убивая других, сами пали от меча, истекая кровью, но мы будем очень неправы, если станем равнодушно в стороне и будем смотреть на то, как около страдающих, помогая им, хлопочут другие. Мы поэтому не только должны, но и обязаны принять посильное участие в труде по оказанию помощи раненым“ [107]).

Это воззвание глубоких, убежденных антимилитаристов возымело свое действие во всей среде „духовных христиан“—„духовных молокан“.

В статье „Помощь жертвам войны“ (стр. 86 того же жур-

---

[107]) См. стр. 90 № 8—9 (август—сентябрь) 1914 г. журнала „Духовный Христианин“.

нала) мы находим сведения о практической работе этой обширной сектантской закавказской организации. „Гром военной грозы, разразившейся над русскою землею, застал бакинских братьев бодрствующими и препоясанными. После первых же выстрелов, раздавшихся на западной границе, по инициативе молодежи, было созвано экстренное собрание, отличавшееся особым оживлением и многолюдством. После краткой молитвы одним из братьев было произнесено прочувствованное слово о необходимости немедленной организации помощи раненым на поле битвы. Тут же единогласно было постановлено открыть сбор пожертвований на устройство лазарета имени духовных христиан".

Дело это быстро подвинулось вперед. Нашли средства, помещение, материал и людей, и в настоящее время уже оборудован госпиталь „на 30 кроватей, из коих 5 кроватей Бакинской общины баптистов". Предполагают там же еще открыть палаты на 20 коек.

Война и здесь, как общенародное бедствие, повлияла на объединение разрозненных, доселе враждовавших и ссорившихся между собой общин.

„В деле устройства лазарета,—сообщается в той же заметке,—Бакинская община духовных христиан проявила замечательное единодушие и энергию. Забыты были все разногласия и недоразумения между старыми и молодыми. Все пять бакинских собраний слились здесь в одно, каждый старался сделать все возможное с его стороны. Вспоминая, что духовным христианам в Закавказье приходится переживать уже вторую войну: во время русско-турецкой войны в 1878—79 г. они уже находились в ссылке в Закавказье и деятельно помогали в устройстве ухода за ранеными, автор этой заметки, Д. Зайцев, говорит, что „за эти 35 лет многое изменилось на русской земле, много пережито нами и сладкого и горького. Живо помним мы ясные, светлые дни 17 апреля [108]) и 17 октября [109]); помним также, как вскоре эти дни сменились пасмурными днями циркулярных разъяснений, вследствие которых наши братья лишились права приобретения недвижимости в Закавказской и Закаспийской окраинах, которые теперь защищают собственной жизнью" (89 стр.).

[108]) День издания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.).

[109]) День издания манифеста о политических свободах (17 октября 1905 г.)

Так всколыхнула, объединила и вызвала к работе и творчеству война с Германией десятки тысяч духовных закавказских молокан. И это явление мы можем наблюдать повсюду в сектантском мире.

III.

Но не только в филантропических формах помощи проявляется отношение сектантов к современным событиям.

В настоящее время еще скудны сведения, поступающие из глубины страны, из рассеянных в степях и лесах хуторов и деревень, где только имеются сектантские общины, но что в этом оригинальном мире русской народной жизни именно теперь идут разговоры и обсуждения, бродят новые мысли, рождаются и перерабатываются старые учения, — это несомненно.

Последней новостью из этого „духовного царства" является сильное оживление, связанное с прямыми выступлениями и оказательствами так называемых „святодуховцев". Это новое религиозное общество имеет вековую историю. „Святодуховцы" выросли из самого крайнего крыла так называемого „Спасова согласия" старообрядцев. Как известно, это—те старообрядцы, которые давно убедились, что истинная христианская вера с „антихристовых времен петровых" поистратилась, что человечество лишилось настоящего священства—преемника апостолов Христа, что все священные таинства, освящавшие жизнь человека, за отсутствием настоящих служителей алтаря, потеряли свои благодатные свойства, что весь мир стал впадать „в прелесть" и что, наконец, приблизились и наступили времена антихристовы. Не на кого стало надеяться в жизни, человек остался один без пастырей, живых молитвенников, ходатаев и заступников перед престолом Божием, и вот пришло время надеяться ему только на самого себя, да на Господа, милостивого Спаса,—откуда и „Спасово согласие". Отрицая современную духовную иерархию, с еще большим ожесточением эти сектанты всегда относились к бюрократии, к чиновничеству, к светской власти. Они считали их прямыми исполнителями воли антихриста. Внешние знаки власти: деньги, паспорта, форменная одежда, различные документы,—все это для них было явными при-

знаками „печати антихристовой", почему надо было бежать мира, скрываться, прятаться от властей. Образовалось оригинальное и весьма распространенное общество людей, по преимуществу из крестьян, живших в государстве и не только не признававших его, но всячески его отрицавших, скрывавшихся от него. Эта своеобразная жизнь выработала особые учения, нравы, обычаи. Здесь воцарилась полная бессословность, брак по любви, отсутствие всяких церковных обрядов, свои нормы наследования, обиход жизни, ступени совершенства, странничество, бегунство...

Все отрицающее учение, казалось, одно время дошло до своего конца; не было выхода: „земля должна была упасть на солнце и сгореть",—говорили наиболее страстные последователи этого учения. Но людям, как видно, не свойственно жить одними отрицаниями: всегда нужен положительный идеал, тот светоч, к которому необходимо стремиться. И вот, мало-по-малу и здесь начинает вырабатываться новое положительное учение, которое должно осветить путь „Спасову согласию", путь к новым формам жизни, к новому строительству. И этому делу крайне помогла современная война, всколыхнувшая, сдвинувшая с мертвой точки массы народа.

IV.

Господь Бог, творя миры, вызвал к жизни бесплотный и бестелесный мир ангелов, которые, пребывая у престола Всевышнего, радовались сами и радовали Господа радостью неизреченной. Райские люди, не вкушавшие от древа познания добра и зла, тоже не имели в себе качеств человеческой природы, ибо их природа была божественна, они приближались к Божеству. И лишь только тогда, когда случилось грехопадение, когда люди стали различать добро и зло, только тогда приобрели они качества человеческой природы,—вот почему душа человеческая, жившая в мире прежде нас в других плотях, будет жить и после нас, почему мы, дойдя до известной степени духовного совершенства, можем чувствовать, ощущать свое бытие в прошедшем и то во сне, то на яву, при известном напряжении созерцания, можем точно знать, чем мы были раньше, можем общаться с мирами, бывшими до нас.

Окружавшие Господа ангелы, архангелы и все небесное воинство,—все эти Михаил, Рафаил, Сатанаил, Уриил и множество других,—имеют две природы—божественную, отлившуюся в их имени в частичке „ил“, и человеческую: Миха, Рафа, Сатана, Ури и т. д.

Что такое люди?

Это — падшие ангелы, т.-е. те ангелы, у которых человеческое взяло верх над божественным, но это не значит, что такое преобладание будет во веки веков: человек может вернуться в свое отечество, восстановить, усилить божественное начало, которое опять возьмет верх, и сделаться небожителем. Человек греховен, смертен, но способен к совершенствованию, к поднятию, и потому ему отчаиваться нечего. Как нет абсолютного зла, ибо всякое зло есть минимальное добро, так нет абсолютного греха, ибо грех, греховная жизнь есть только искажение, умаление жизни праведной и, наоборот, сама природа людей стремится к поднятию в человеке всего наилучшего, высшего, ибо настоящая природа человека, а не его внешняя искаженная оболочка, несомненно божественна. Дух святой, дух Божий, высшее сознание, предвечный разум опочил именно на человеке, создал людей Божиих и пророков и тем всем людям указывает путь к совершенству, а не к отчаянию, к светлой радости, а не к злому унынию, а потому человек должен знать и понимать, что „будем как Боги“ сказано не спроста: это значит, что мы можем и даже должны вернуться в свое первобытное совершенное состояние. Таким образом всякий, кто желает жить „в Бозе“, „по Духу святу“,—должен быть „святодуховцем“, утверждающим внутреннего человека в естестве и духе, не нуждаясь в поклонении веществу. Утвердив человека в святости, в крепости, в бодрости, в стремлении к совершенству духовному и телесному, в пребывании со Христом, „святодуховцы“,—так называют этих новых людей, и так сами они называют себя,—переходят к разбору и созерцанию мира внешнего, их окружающего, к царству всевластного,—вселенского Антихриста.

V.

Когда Сатанаил, самый преданный Господу слуга, возгордился в любви своей и возымел дерзостное намерение по

совершенству сделаться равным самому Всевышнему Богу, он был низвержен, повергнут в прах, потерял свое достоинство небожителя и пал на землю, как Сатана. Увлеченные им небесные силы, греховные, соблазнившиеся прародители рода человеческого—Адам и Ева—появились на земле, чтобы в поте лица своего добывать хлеб и в болезнях и муках рожать себе подобных. Гордость все время мешала Сатане раскаяться перед Господом и вымолить у него прощение. Всю свою ярость уязвленного и попранного самолюбия, всю месть и злобу, накипевшую в его раненом сердце, всю изобретательность дьявольского ума, познавшего от древа познания добра и зла,—он, Сатана, чтобы огорчить Господа, чтобы причинить ему боль и досаду, направил на несчастный род людской, этих ослабевших, упавших, больных и слабых творений, потерявших всю силу небесного творческого огня. Это он, Сатана, метущийся из края в край по всей вселенной, не зная ни отдыха, ни срока, чтобы более и более обидеть небо, со всем своим бесчисленным воинством творит непрерывное дело зла, расставляет сети соблазна, порока, насилия, издевательства, всего ужасного и нечестивого, что только знает мир, и все более и более старается захлестнуть всю вселенную мертвой петлей своей безмерной, беспредельной, страстной лютости, в уничтожении добра находя и цель, и смысл, и удовлетворение своей оскорбленной, униженной и попранной жизни.

Месть Богу—вот его призвание. И Сатана, в образе Антихриста, завладевает миром, не замечая только одного, что Всеблагой и Всемилостивый Спас снисходительно смотрит на всю эту злую его работу и допускает творить им творимое только „до времени“, „до последнего часа“. Внимайте и слушайте: кончаются времена и сроки, и трубный глас живоносной трубы Архангела уже слышен в сердцах „святодуховцев“. Бьет последний час жизни и смерти людей.

Наступают последние времена. По таинственным числам Библии святодуховцы сознали для себя, что царство Антихриста, заполонившего весь мир человеческий без остатка, кончилось в 1912 году, а самому Антихристу дано еще время „на последнее издыхание“ только три года: в 1915 году приближается суд Божий над всем миром.

— Мы знали и ждали каждый день и каждый час, что

приближается что-то страшное и ужасное,— говорили они мне,—Сатана стал безудержно разгуливать по миру в последние дни и проявлять свою более чем злую волю повсюду. Вспомните, что было у нас: кровавая японская война, кровь и кровь после войны, а смертные казни, суды и ссылки, печали и погромы, когда брат восстал на брата, сын на отца, род на род, племя на племя... А там китайская, персидская революции, резня в Турции, славянские войны, где всем до того ослепил очи Антихрист, что бросились друг на друга и стали резаться, не замечая того, что ведь они кровные братья во Христе. Разве вы не слышали потрясающего стона и злорадного хохота Сатаны, который в свисте бури и в громе и в молнии тешит свое безудержное, полное черной крови сердце?...

Ему нужно унизить людей перед Господом, чтобы Он, Всеблагой и Всемилостивый Спас, отвернул свое лицо от рода человеческого и тем самым отдал бы в бесконечную власть, на веки веков, весь род людской ему, Антихристу, чтобы его же царствию не было конца.

— Тебе, Господи, небо, а мне землю. Тебе—небожители, а мне—род людской, и мы будем равны с тобой по власти, могуществу, силе и крепости. И ты и я, мы будем Боги,— так думает, так мечтает, так просит и молит у Бога в своей гордости Антихрист. Ведь он, Сатана, день и ночь стоит перед всевидящими очами Господа, в отдалении от Его престола, трепещет перед ним и ревнует его перед всеми, стараясь собой закрыть, затмить весь мир. Как любящая, безмерно ревнивая жена, любуясь и наслаждаясь взором супруга своего, только и говорит, только и требует, только и твердит ему: люби, люби меня! Смотри, любуйся мной, вот я, прекрасная из всех, я вся безраздельно твоя, и нет меня без тебя, так пусть же и тебя не будет без меня! Не смей, не смей ни на кого смотреть! Весь твой взор для меня одной, весь ты целиком принадлежишь мне... И этой ревности нет границ и нет ей конца, и нет от нее терпения и нет счастья, а есть только одна мука... Так вот и тут, он, Сатана, влюбленный в Господа, хочет собой затмить весь мир от лица Всеблагого. Хочет, чтобы Он, милостивый Спас, устремил весь свой взор на него одного и за ним уже не видел нас, страдающих и гибнущих людей...

— Что тебе люди? Зачем они? Смотри, какие они отвратительные, гадкие, низкие, скверные!..—И он, Сатана, мечется и бьется, перевертывает миры, бросает народ на народ, воспроизводит безмерное зло через людей, чтобы окончательно оконфузить весь род людской перед Господом Богом...

Но Антихрист знает, что проходят времена и сроки и что ему дана последняя отсрочка—три года,—когда он должен или смириться, или погибнуть. И вот он напрягает последние свои силы, чтобы спасти себя от неминуемой гибели, а путем своего спасения, он по заблуждению своему избрал гибель и терзание людей... В ослеплении своем он не знает и не чувствует, что все те страдания, которыми он окутывает мир, служат очищением земли. Именно через страдания делаются остающиеся люди еще более твердыми, дружными, верными, а некоторые из них, поняв причины своего несчастия, своей гибели, возраствивши в себе внутреннего человека, стали и при земной жизни уже угодны Господу, который уже освятил их святодуховством... День пятидесятницы совершается и поныне среди тех, кто попран и унижен от людской власти.

VI.

И вот наступил 1914 г.—последний год жизни Сатаны, последний год страдания людей, когда, наконец, в них прольется снова благодать Божия и все небесное, заглушенное долгой властью Антихриста, начнет превозмогать земное, тленное, невечное. Зло станет тушиться добром, а добро возрастет, давая пышный цвет и колос.

И вот, когда уже совсем близко стало это время, Сатана вновь шевельнулся, воспрянул всей предсмертной своей силой, решил повально истребить весь мир, все жительство, всех людей...

— Если не мне царствовать, так и не тебе, Господи! Пусть же они сами истребят себя,—и он бросил народ на народ, царство на царство... Забыл, окаянный, что ведь силой небесной и мертвые воскреснут и оживут!

И вот он прибег к своему избранному дьявольскому сосуду, давно умащаемому им и возвеличенному по всей земле. Давая ему силу и власть захватить весь мир, он через него

возымел желание одним ударом расправиться с человечеством. Много лет он в тиши лелеял свое детище и теперь спустил с цепи этого верного и преданного дракона своего.

В императоре германском Вильгельме втором Сатана избрал свое пребывание и явился в свет Антихристом, чтобы окончательно поглотить весь мир, как ранее он пребывал в русском императоре Петре первом, а потом во французском императоре Наполеоне первом. Антихрист всегда избирает своими излюбленными сосудами гордящихся и возвышающихся над народами императоров, этих бичей и тиранов народов вселенной.

В воинстве Вильгельма сражаются невидимо „тьмы тем" черной рати Сатаны. Это они помогают ему придумывать всякие штуки и носят на черных крыльях своих по всей земле, бросая из края в край, с границы на границу, само вместилище Сатаны—императора германского Вильгельма второго. Так как эта война—не просто война, а битва самого Сатаны, самого Антихриста, с воинством Христовым, с войсками земли Русской, где много скрывается в простом звании, невидимо и не слышно, смиренных и кротких богоносцев, святых и праведных людей, всей жизнью своей угодивших Богу,—то ясно, что эта брань слуг тьмы с детьми света, Антихриста со Христом должна быть ужасна, кровава, длительна... И можно ли сомневаться в том, на чьей стороне будет победа?

Кто со Христом—тот и в силе!

Кто с Богом—тот и в радости!

Народ русский выйдет счастливым и обновленным из войны. Все его внутренности (т.-е. общественные порядки) перестроятся, обновятся, и царство насилия растворится и исчезнет с лица земли.

И как бы ни старался император Вильгельм,—все равно ничего выйти у него не может: кончаются времена и сроки, кончается царство Антихриста, истекает злая сила Сатаны, и новое небо спускается на обновленную землю.

Владычеству на суше и морях императора германского Вильгельма приходит последний конец... Рушится его царство,—этот престол Сатаны, и все другие престолы полетят за ним в бездну, ибо все они хотя и враждуют до времени, но всегда связаны одной цепью силы, власти и угнетения людей.

Любовь и радость, счастье и покой уже озаряют измученное чело человечества, уже слагаются славословия и пения, которыми будет приветствоваться новое солнце, готовое любовно озарить и обнять от края и до края исстрадавшуюся землю...

А виновник страшного несчастия, император Вильгельм второй, будет наказан: он пожелал быть вселенским властителем и завладеть всем миром, для чего и отдался во власть Сатаны,—с ним будет то же, что с Сатаной. Низвержен был Сатана за дерзостную мечту овладеть небом. Низвержен будет и повергнут в прах император Вильгельм, возымевший дерзостную мысль завладеть всей землей.

В этом непоколебимо уверены „святодуховцы“.

VII.

И вот придет время, кончится война, минет царство Антихриста,—говорят „святодуховцы“,—и Всемилостивый Спас добрым оком своим окинет землю и громким голосом прозвучит голос Всевышнего в сердце каждого человека: долго мучились вы, будучи мучимы и водимы духом злобы поднебесной. Обовладал, запленил всю землю нашу злой Антихрист, ныне же его царствию положен конец. Падите в преисподнюю вы все, неправедные и злые, мучители и гонители людей Божиих, в чьих сердечных и душевных сосудах сохранилась чистота Божия. И ты, долготерпеливец и страдалец народ-труженник, заслужил лучшую долю своим смирением, покорностью и любовью. Ты, мученик, отмучился за все прегрешения свои, взгляни же теперь на мир Божий спокойно, свободно и вольно. Это для тебя создана вся земля, весь свет и вся поднебесная... И во всех странах мира заблестит новая заря, новое строительство жизни возликует на развалинах прошлой. Человечество оглянется назад и ужаснется пройденному пути, куда, к счастию, уже более нет возврата, ибо человек воспрянет из злого угнетения.

Все прекрасное, истинное, миролюбивое, свободное, человеческое преобразится в святодуховство, когда не нужны будут ни войны, ни казни, ни насилия, ни утеснения, а жизнь закипит истинная, достойная истинных сынов Божиих. И тогда свободный человек заложит первый камень новой

жизни, которая будет стремиться, избавившись от власти Антихриста, осуществить здесь на земле Царство Божее среди человеков.

VIII.

„Святодуховцы“, недавно выступившие на проповедь, имеют в настоящее время в народе, среди старообрядцев и сектантов, необычайный успех. Здесь, несомненно, зарождается новое, большое, народное религиозно-общественное движение. Весьма важно отметить, прежде всего, что крайние ответвления старообрядчества в этом своем проявлении сдвинулись с мертвой точки.

Учение „святодуховцев“,—прекрасных знатоков священного писания, книг и различных писаний как старообрядцев, так и православных, — в настоящее время обсуждается во многих старообрядческих ячейках, и имеются случаи совершенно неожиданных присоединений, особенно среди тех, кто не приемлет священства.

„Святодуховцы“ — открыто называют себя провозвестниками новой религии, имеющей много общего с древним христианством, но совершенно отрицают современное православие, равно как и другие господствующие религии; христианами они, однако, себя не называют. Признавая Евангелие, поучаясь в Ветхом Завете, они говорят, что „христианство поистратилось“, что на земле в настоящее, время его нет и не может быть, ибо нет ни законных таинств, ни обрядов, ни иерархии и ничего другого, чем крепка была дониконианская старая вера христиан, а чего нет, то уже прошло и восстановиться не может. Здесь, конечно, слышится голос отрицаний старообрядческого „Спасова согласия“. На этом основании они не считают возможным называть себя христианами, ибо это было бы таким же самозванством, как самозванничает, с их точки зрения, потерявший Христа, находящийся во власти Антихриста, так называемый христианский мир.

— Кто же вы?

— Мы—святодуховцы,—отвечают эти новые люди новой религиозной общины.

Учение „святодуховцев“, самый краткий облик которого мы здесь привели, пришлось весьма по душе многим

ответвлениям русского сектантства, особенно русским израильтянам. Нам известны случаи присоединения к „святодуховцам“ выдающихся представителей Стараго Израиля.

Будет ли „святодуховство“ расширяться еще далее, сказать трудно, но в этом учении есть все элементы, которые могут примирить и объединить весьма многие религиозно-общественные группы и ячейки как сектантов, так и старообрядцев, до сего времени разрозненных и враждовавших между собой. Во всяком случае, это—первая ласточка пробуждения сектантской мысли под неподсредственным действием войны. Само учение, конечно, возникло и зрело раньше, но завершение его, окончательная формулировка, энергичное практическое выступление связано непосредственно с военными событиями нашего времени.

IX.

Само по себе сосредоточение сектантской мысли на событиях войны, приведение их в связь с своей идеологией и, наконец, стремление развязать узел запутанной тяжелой общественной задачи при посредстве возведения самого сильного и наиболее умного императора в сан Антихриста, при повержении которого возрастают чаяния и ожидания новой жизни, социальной реформы, всяких политических, общественных обеспечений и пр.,—само по себе это явление не новое в жизни русского народа, русского сектантства.

Вторая величайшая война, властно захватившая всех, очевидно порождает ту же психологию масс, что и первая, бывшая сто лет тому назад.

Когда император французский Наполеон обрушился на Россию с своим всесокрушающим войском, то среди сектантского мира вскоре появились рассуждения о том, что наступили последние дни, ибо „поднял свой зев сам зверь из бездны и рыкает уже на полях христианской земли.“ Быстро были подысканы пророчества, объяснения, тексты и пр., которые ясно указывали на то, что император Наполеон не кто иной как сам Антихрист, „слуга звериного числа“ пришедший „пожрать весь мир“.

Правда, с Наполеоном дело несколько осложнилось, ибо в народе вскоре разнеслась весть, что он желает уничтожить в России крепостную зависимость, избавить крестьян от

помещиков и отпустить „измученных на свободу“,—почему образовались даже общины сектантов, которые признавали в Наполеоне проявление духа Христа. Их жестоко преследовали за такие мысли, а сами они получали название „наполеонитов“. Насколько широко было это явление в жизни русского народа той эпохи, сказать очень трудно, ибо крайне мало пока разыскано на этот счет сведений; как теперь можно думать, это оригинальное явление русской народной жизни в те времена тщательно замалчивалось.

Императору Вильгельму II до сего времени не приписывает никто в народе освободительных тенденций, наоборот, можно всюду наблюдать отношение к „немцу“, как к представителю несомненного утеснения и порабощения народа: так отливаются в народном сознании вековые ужасы бироновщины, хозяйничанья немецких бурмистров в имениях русских помещиков, шпицрутены и другие немецкие прелести, долгие годы распространявшиеся у нас в России и широко применявшиеся господствующими классами и самодержавным правительством, которые всегда находились под сильным и непосредственным влиянием немецко-русского юнкерства, его муштры, издевательств над крестьянами, солдатами и рабочими.

Назарены в Венгрии и Сербии [110]).

I.

Происхождение и время возникновения секты назарен в литературе не определяется с достаточной точностью. Мнения о том и о другом весьма различны, подчас гадательны. Большинство исследователей, однако, приурочивает момент зарождения этой секты к двадцатым годам XIX столетия.

Мотивы возникновения секты тоже приводят различные. Так, г. Л. Пантелеев, в своем небольшом очерке „Назареи в Венгрии", напечатанном в „Русском Богатстве", пишет:

„Возникновение секты „назареев" можно отнести к началу нашего столетия, ко времени окончания великих французских войн. Нельзя проявлений религиозной секты,—продолжает он,—имевшей в основе своего учения любовь к ближнему, безусловный мир и равенство всех, соединившихся в общей любви к Богу и к ближнему, принимать за результат корыстных или честолюбивых стремлений единичного лица; но следует смотреть на это явление, как на последствие того движения, которое тогда охватило духовную жизнь всей Европы. Ужасы и жертвы страшной войны, длившейся два десятилетия, возбудили в народе глубокое отвращение к войне и заронили в нем невыразимую жажду прочного мира.

---

110) Впервые эта работа была напечатана под моим псевдонимом „Владимир Ольховский" в журнале „Образование" 1904 г. Потом она была издана отдельной книжкой, тоже под тем же псевдонимом „Владимир Ольховский", книгоиздательством „Посредник" в серии „для интеллигентных читателей" (№ CXXVII) 75 стр. 1905 г. Москва. В настоящем издании мы сделали в ней некоторые дополнения по документам и сведениям, за это время накопившимся у нас. Прим. В. Б. Б.

„Обыкновенная толпа и удовлетворилась простым фактом прекращения ненавистной войны; но люди с более возвышенной душой и благородными стремлениями иначе поставили вопрос, и все свои душевные силы направили на то, чтоб навсегда избавить человечество от страшного бича.

„Одним из проявлений этого движения и были „назареи“,— заканчивает г. Пантелеев (76—77 стр.).

Душан Маковицкий предполагает, что венгерские назарены произошли от английского баптизма, и видит преемственную связь между назаренами и анабаптистами XVI века, при чем указывает, что в Венгрии анабаптистское учение было распространено еще в XVI и XVII столетиях [111]). По его мнению, первые учителя назаренов во многом отклонились от английского баптизма, например, в том, что участие в войне они не считали ни в каком случае дозволительным, тогда как английские баптисты во многих случаях вполне допускали это участие [112]).

Влад. Димитриевич, автор книги „Назаренство. Негова историја и суштина“, пишет, что, по его мнению, происхождение назарен очень гадательно.

„Одни утверждают,—продолжает он,—что корень назаренства в Америке; другие производят его от юго-славянскихъ богомилов; некоторые находят, что назарены одного происхождения с русскими штундистами...“ (стр. 6).

В чешской газете „Národni Listy“ Іосиф Голечек напечатал фельетон, в котором разбирает очень интересную книгу сербского писателя Йаши Томича: „Назарени“. В этом фельетоне Іосиф Голечек пишет, что, по его мнению, „секта назарен весьма похожа на „моравских братьев“ и менонитов. Назарены одинакового происхождения со „штундой“,—прибавляет он.

Это разномыслие в суждении о происхождении назарен нас нисколько не удивляет. И в этом случае произошло и происходит совершенно то же самое, что было и бывает с другими разнообразными сектами. Жизнь народов и до сих пор очень часто является для историка и наблюдателя об-

---

[111]) Nazarénové v Uhrách. Dušan Makovický. V Praze, 1896, стр. 3. (Назарены в Украх. Душана Маковицкого).

[112]) Рукопись Душана Маковицкого: „Назарены в Венгрии“, стр. 2.

щественных процессов той таинственной областью, куда проникнуть непосвященному весьма затруднительно, нередко совершенно невозможно. В народной среде совершается брожение, значительные ее массы волнуются теми или другими для них вполне назревшими, неотъемлемыми и насущными общественными потребностями и потребностями духа. Во многих селах, хуторах и слободах составляются тайные собрания, на которых с жаром обсуждаются родившиеся на свет и уже страстно захватившие души общественные, религиозные и прочие вопросы. В целом крае ведется усиленная пропаганда, вербуются последователи, процесс жизни быстро разлагает старые понятия, вытесняет стародедовские обычаи, привычки, властно заменяя отжившую идеологию групп населения новыми формами мысли и чувства, более соответствующими изменившимся устоям экономической и политической жизни. И только тогда, когда этот процесс разгорится и озарит заревом пожара более или менее значительные районы, только тогда это общественное явление из недр народа всплывает на поверхность жизни, им начинают интересоваться ученые, историки и наблюдатели, изучают его, классифицируют и подводят под те или иные номенклатуры, нередко приписывая этому народному движению то, чего в нем совершенно нет, и не замечая в нем тех элементов, которые составляют его сущность. Пропасть, отделяющая еще в настоящее время народные массы от образованных классов, так велика и глубока, что сведения об их жизни доходят к нам нередко с таким же промедлением, как свет от звезд, бесконечно далеко удаленных от нашей планеты. По той же причине даже названия сект почти всегда одни—у самих сектантов, другие—в литературе, в исследованиях. Сами себя сектанты всегда называют тем именем, которое соответствует внутреннему, сокровенному смыслу их учений; в литературе же обыкновенно употребляется кличка, прозвище, подчас обидное, или название, придуманное сторонними наблюдателями жизни и деятельности этого народного союза.

„Общество друзей“ в Англии принято называть „квакерами“ от насмешливого слова „quaker“ — трясущийся, дрожащий, — слова, данного в былое время врагами и антагонистами этих сектантов для осмеяния их за особые приемы в движениях и голосе при совершении ими молитвы.

Точно также случилось и с назаренами. Сами себя они называют: „во грехах покаявшиеся, ведущие благочестивую жизнь христиане, которые по произнесении вероисповедания приняли святое крещение“.

Кроме того, назарены называют себя „последователями Христовыми“, „наследниками Христа“. Также они охотно себя называют „верными“, „верующими“, „крещеными“, „староверцами“, а православные их называют „нововерцами“. Про свою веру они иногда говорят, что их вера „мужицкая“. Словенский народ зовет их „святыми“; сербский—„бугерами“, „нововерцами“.

Название же „назарены“ им было присвоено приверженцами других исповеданий. Такие же недоразумения, а нередко и сплошные неверные утверждения встречаются при исследовании о происхождении той или иной секты. В большинстве случаев сектанты не имеют писаной литературы [113]). Вся их мудрость, учение и взгляды на жизнь обыкновенно сохраняются устно из поколения в поколение, и только после записи этих псалмов, стишков, сказаний, поучений, легенд и рассказов удается более или менее точно установить генетическую связь между сектантскими учениями разных эпох, разных наименований, разных местностей. Только после подробных и тщательных записей всей этой устной литературы мы в состоянии будем хоть отчасти действительно научно разобраться в той невообразимой путанице и мешанине, которая царствует в сектантском вопросе.

Ниже мы постараемся разобрать, по доступным нам материалам, учение секты „назаренов“, здесь же отметим только то, что относительно происхождения этой секты ничего положительного пока сказать нельзя. Мы, конечно, не можем апеллировать к „благородным стремлениям“ и „возвышенности души“ тех или иных людей,—как это делает г. Пантелеев,—и в их желаниях и ожиданиях искать указаний на момент и мотивы возникновения той или иной секты, в данном случае „назаренов“. Приурочивать этот момент возникновения к концу наполеоновских войн и объяснять обра-

---

113) Некоторые русские секты имеют свои записи, но всегда тщательно сохраняют их от постороннего глаза, давая их на прочтение нередко еще менее охотно, чем знакомя с своим вероучением в устной передаче.

зование секты только реакцией групп народа на годы крови и железа мы также не имеем ровно никаких оснований. Мы думаем, что учение секты венгерских „назаренов“ есть новое отражение давно существовавшего в Венгрии народного вольномыслия, критического отношения к господствующим церквам и деятельности светской власти. Весьма вероятно, что в годы, последовавшие за наполеоновскими войнами, это движение оживилось, как это было в России после севастопольской, а потом после русско-турецкой войны, когда сектантское движение сразу выдвинулось вперед, а в некоторых сектах началось особое брожение и перерождение, что так ясно, мы, например, наблюдаем в духоборческих общинах после русско-турецкой войны 1878—1879 г. г. Точно такое же явление могло быть и с назаренами.

В современном нам учении назарен есть довольно много элементов старого восточного сектантства гностического происхождения. Мы можем только предположить, что в эпоху наполеоновских войн, в эти годы всеобщего возбуждения, сектантское движение в Венгрии усилилось, обострилось. Сектанты стали больше знакомиться друг с другом, плотнее соединяться, искать организации своих сил.

Обыкновенно называют Генриха Фрёлиха, швейцарского пастора, основателем секты венгерских назаренов.

С этим утверждением мы не можем согласиться и прежде всего отметим, что у нас очень часто законодателя группы, союза—смешивают с их основателем. Когда народное движение достигает известного предела, когда силы людей, охваченных им, начинают требовать активного выхода и практического приложения, тогда является насущная потребность формулировать, более или менее точно определить те воззрения, взгляды, желания и способы воздействия, которые до сих пор были известны многим, но проводились в жизнь ощупью, без заранее намеченного плана.

Во имя удовлетворения такой назревшей потребности общество само собой выделяет человека, воплощающего желание всех, оформляющего все то, что до сих пор было не совсем ясно, туманно, расплывчато. Если среди данной группы не находятся подходящие элементы, то их ищут и обыкновенно находят на стороне, ухватываясь за ту пропаганду, за то формулированное уже вероисповедание или светское уче-

ние, которое наиболее соответствует назревшим потребностям этой пришедшей в движение группы населения.

Именно такую же роль, правда, с гораздо меньшей компетенцией и значением, случайно и, вероятно, неожиданно для себя самого сыграл швейцарский пастор Генрих Фрёлих в деле образования и организиции общин секты, обыкновенно называемой „назаренами" и живущей в Венгрии и Сербии.

II.

Ревностным первым апостолом секты „назарен" в Венгрии обыкновенно в официальной истории называют Людвига Хенгзея. Биографические сведения о нем, а также и об его знакомстве с Генрихом Фрёлихом довольно подробно сообщает Armin Schwarz (Армин Шварц) в газете „Pester Lloyd", где он в 1897 г. поместил интересный фельетон под заглавием „Evangelimänner in Ungarn".

„Людвиг Хенгзей,—пишет Армин Шварц,—родился в 1820 г. в деревне Сент-Петруре (Szent-Péterur). Он был вторым сыном деревенского кузнеца. Уже в детском возрасте кроткий и чувствительный мальчик проявлял созерцательную и поэтическую натуру. Отцу Хенгзея, деревенскому кузнецу старого покроя, был отнюдь не по душе характер сына. Однажды ночью старика разбудил какой-то шум. Засветив огонь, он увидел, что Людвиг стоит на коленях в своей постели и, горько всхлипывая, горячо молится.

— О чем ты плачешь?—сурово спросил отец.

— О том, что евреи распяли Спасителя,—ответил, заливаясь слезами, мальчик.

— Какое же тебе до этого дело?—крикнул старик.

— Ах, если бы Господь наш Иисус Христос еще жил, я попросил бы Его исцелить мою бедную, больную маму, как он исцелял многих больных,—ответил сквозь слезы мальчик.

Старый Хенгзей ничего не нашел возразить на это, но он тотчас же решил отдать Людвига в слесаря, так как в кузнецы он уже, по его мнению, не годился. Почему,—прибавляет А. Шварц,—старику показалось ремесло слесаря менее тяжелым, чем его собственное, трудно понять; но факт тот, что он отдал своего сына в ученье к одному слесарю в Кестгеле (Keszthely), и Людвиг вышел из этого учения искусным и хорошим работником.

Осенью 1839 года Людвиг Хенгзей отправился путешествовать и пришел в Пешт, где он нашел себе работу в слесарной мастерской Иоганна Печника (Pecznick). В этой мастерской работали, кроме него, два других подмастерья; их звали: Иоганн Денкель и Иоганн Кропачек. Несмотря на свои иностранные фамилии, они были природными венгерцами.

„Знакомство с этими двумя товарищами,—пишет А. Шварц,—имело решающее значение для всей жизни Людвига Хенгзея. Во время своих путешествий Денкель и Кропачек побывали в Швейцарии и познакомились там с Самуилом Генрихом Фрёлихом, первым проповедником нового учения. Сущность его учения состояла в чистоте жизни, в любви к ближнему, в вере в Бога, в отречении от всех земных благ, в стремлении ко спасению своей души; священным писанием признавал он только Библию и преимущественно Новый Завет.

По своем возвращении в Венгрию Денкель и Кропачек сполна присоединились к новому учению, но у них было очень мало способностей к деятельности проповедников. Их учитель Фрёлих был человек высокого образования, серьезно изучивший богословские науки. Этого не хватало товарищам. Только один Денкель умел читать и писать по-немецки и по-венгерски и был хорошо знаком с священным писанием. Но, в общем, он вынес не вполне ясные идеи и о новом учении. Однако, он не долго колебался присоединить к нему своего нового товарища, Людвига Хенгзея, наивная и благочестивая душа которого представляла благодарную почву для пропаганды. 20-го ноября 1839 года вечером они раскрыли друг перед другом свои души, и Денкель и Кропачек с братским поцелуем приняли Хенгзея в число верующих. Ночью 8-го мая 1840 года они отправляли в слесарной мастерской свое первое богослужение. При нем присутствовали: Денкель, Хенгзей, Кропачек и еще один ремесленный подмастерье, Иосиф Белла, не принятый еще тогда в число верующих“.

Уже в этом рассказе А. Шварца мы обнаруживаем всю ту схематичность, которая обыкновенно бывает заметна в тех исторических произведениях, где во внешнем сцеплении различных обстоятельств видят основу деятельности группы населения, не вникая при этом в глубины ее общественной жизни. По Армину Шварцу, выходит все очень просто. Людвиг Хенгзей имел „наивную, верующую душу“, он почему-то

поехал в Пешт и обязательно прямо в ту мастерскую, где жили два рабочих, побывавшие во время своих странствований даже в Швейцарии, хотя они и были „природные венгерцы“, коренные жители страны. Денкель и Кропачек почему-то обязательно знакомятся в Швейцарии с Фрёлихом, возвращаются опять за тысячи верст на родину и ведут пропаганду якобы „нового учения“. Армину Шварцу, повидимому, совершенно достаточно было знать, что Фрёлих „хорошо изучил богословские науки“, которые, как он сам и пишет, совершенно были ненужны и непонятны венгерским рабочим Денкелю и Кропачеку. Но так как Фрёлих был пастор, учил о „любви к Богу“ и совершенно не учил о том многом, что составляет сущность, смысл и общественное значение „назаренов“,—и так как он писал по-латыни и говорил многое ненужное и непонятное своим венгерским знакомцам, то именно по всему этому он и является основателем якобы „новой“ секты! Мы не можем признать за всеми этими доводами достаточного веса и основания и думаем, что влияние Фрёлиха сказалось только в том, что он формулировал некоторые основы веры „назаренов“ и этим самым через Денкеля и Кропачека дал отправной пункт Людвигу Хенгзею для его последующей организаторской и литературной деятельности.

Из дальнейшей биографии Л. Хенгзея, изложенной в том же фельетоне Армина Шварца, мы узнаем, что после официального присоединения к назаренам он вскоре покидает Пешт и отправляется к себе на родину, где в Залаевской волости поднимает широкую пропаганду своих воззрений. В это же время Хенгзей изложил на бумаге все принципы своей проповеди. Переписанные его товарищами, эти тетрадки служили хорошим подспорьем в деле пропаганды, и они таким образом являются первым писанным документом из назаренской литературы. К сожалению, насколько нам известно, эти тетрадки до сих пор нигде не были полностью опубликованы. Вторым назаренским писателем был некто Иосиф Ковак. Он—дворянин, местный помещик и вообще более или менее интеллигентный человек. И. Ковак, между прочим, вступил в переписку с Г. Фрёлихом, с которым он переписывался по-латыни, ибо не знал немецкого языка. Именно от него-то и идет то известие, что „назарены“ в

Венгрии являются не чем иным, как отголоском учения швейцарского пастора Г. Фрёлиха. Хотя записи И. Ковака и являются весьма ценным материалом для истории секты „назаренов“, но вместе с тем надо всегда иметь в виду, что И. Ковак, происходя не из народа, никогда не мог быть интимно близок с назаренами и, может быть, невольно гораздо больше интересовался учеными богословскими выкладками и соображениями пастора Г. Фрёлиха, чем народными сектанскими учениями. Эти учения сильно бродили тогда среди крестьянских масс и сослужили, несомненно, большую службу для формировки той секты, которую теперь принято называть „назаренами“.

Оставшиеся в Пеште товарищи Л. Хенгзея продолжали свое дело в этом большом городе, вербуя себе последователей из рабочего класса и из бедной мещанской и ремесленной среды.

В то время в городе Пеште жила вдова слесаря Анна Нип, имевшая свою мастерскую на Большой Полевой улице, в доме №1097. Она тоже, как сообщает А. Шварц, присоединилась к местной общине секты назаренов и предоставила свой дом для собраний своих единоверцев. Число приверженцев „новой веры“ быстро увеличивалось, и они, рассеясь по всей стране, разносили семена своего учения во все стороны, все более и более присоединяя к себе те элементы из венгерского крестьянского населения, которые жаждали общественных перемен и мечтали о „новой жизни“, более гуманной, свободной, менее эксплоататорской, зависимой и тяжелой.

В конце сороковых, а особенно в начале пятидесятых годов назаренов можно было встретить везде, по всему пространству Венгрии и Семиградья.

Пропаганда Людвига Хенгзея имела особенно шумный успех. Его убежденность, облеченная в форму страстной речи народного оратора, привлекала к себе толпы слушателей, покоряла их и, увлекая неудержимо, заставляла бросать свою старую католическую веру и массами переходить к „назаренам“. „Светские власти,—пишет в своем фельетоне Армин Шварц,—его не трогали, но со стороны католического духовенства он не пользовался такой же терпимостью. Местный священник фон-Пагок пронюхал про его проповедь, призвал к себе Людвига Хенгзея для объяснений и отпустил его с серьезными предупреждениями и страшными угрозами. В это же время,

по требованию того же священника, у Хенгзея были конфискованы его книги и рукописи". С этих пор начинаются со стороны духовенства правильные преследования Людвига Хенгзея. В скором времени он должен был убедиться, что ему совершенно нет возможности продолжать свою пропагандистскую деятельность в Венгрии, и молодой сектант решает покинуть свою родину. В сотовариществе с своим другом Иосифом Белой он отправляется в сентябре 1841 года в Швейцарию, стремясь повидаться с Фрёлихом, о котором он так много слышал в кругу назаренов. Хенгзей в этом же году встретился с Фрёлихом в Цюрихе, и они оба „были очень рады,—как пишет А. Шварц,—установить, что в основных пунктах учение их обоих было согласно между собой". Это утверждение еще раз показывает нам, что честь, приписываемая Фрёлиху, как основателю секты назаренов,—приписывается ему неизвестно почему. Что-нибудь одно: если Фрёлих был основателем секты „назаренов", то ему нечего было радоваться, что его правоверный ученик не разномыслит с ним. Если же он выразил радость, что между Хенгзеем и им нет значительного расхождения, по крайней мере в области „основных пунктов", то само собой очевидно, что учения Фрёлиха и Хенгзея—не одно и то же учение, а только близко друг к другу подходящие.

Людвигу Хенгзею более уже не удалось увидать свое отечество; он вскоре сильно заболел, его подорванный организм не выдержал борьбы, и в 1844 году этот апостол „назаренов" умер на чужбине, имея 24 года от роду. „Кости его,—прибавляет Армин Шварц,—затерялись где-то в одном из углов цюрихского кладбища..."

III.

Со смертью Людвига Хенгзея пропаганда учения „назаренов" не ослабла. Особенно быстрое распространение назаренов было обнаружено после 1848 года, года европейских революций, сильно встряхнувших народные массы. „Абсолютическое правительство 1850—1854 г. г. сильно преследовало назаренов,—пишет Dušan Makovický (Душан Маковицкий),—и многие из них были заключены в тюрьмы" [114]). Одно из

[114]) См. Dušan Makowický: „Nazarénové v Uhrách", стр. 4.

мест, откуда назаренство распространялось в разные стороны Венгрии, была казенная тюрьма в Илаве, где было заключено много назаренов. Там назаренство распространялось между арестантами, и они, выходя на свободу, разносили его дальше. „Таким же путем,—прибавляет Д. Маковицкий,—оно и теперь разносится из военных тюрем между войсками“ [115]). Определить точно число приверженцев секты, как всегда в подобных случаях бывает, очень затруднительно. Народная перепись в Венгрии в 1890 году определила число назаренов в 7.000 человек. Цифра эта всеми признается как очевидно неверная. Армин Шварц насчитывает всех этих сектантов до десяти тысяч. Другие писатели говорят, что эта цифра неверна, что их гораздо больше. Это последнее утверждение имеет под собой почву. В конце девяностых годов прошлого столетия увеличение числа назаренов было особенно заметно. Произошло это потому, что прежде назарены обязаны были приписываться к какому-либо вероисповеданию, считавшемуся признанным законодательной властью Венгрии. В девяностых же годах XIX столетия назаренам разрешили не приписываться ни к какому вероисповеданию, а лишь только в течение 5 лет платить определенную церковную подать; по прошествии пяти лет назарены считаются вполне свободными от всякой церковной повинности.

Подать эту назарены платят очень исправно, но вместе с тем весьма неохотно, так как видят в ней явный компромисс, сделку с совестью и называют эту повинность „бедой“ [116]), от которой нет сил избавиться.

Это новозведение в гражданском быте „назаренов“ имело значительные последствия для всей секты, прежде всего сказавшиеся на численности ее. В местной прессе это явление отмечается постоянно. Так, газета „Budapesti Hirlap“ в статье „Назарены в южной Венгрии“, помещенной в номере от 7-го февраля 1897 г., пишет: „Среди рабочего люда больших венгерских равнин все более и более распространяется учение назаренской секты. Про Орошгаз уже давно известно, что там у назарен имеется своя хорошо организованная община, члены которой по большей части—словаки. Сегодня

---

115) Рукопись Д. Маковицкого: „Назарены в Венгрии“, стр. 3.
116) См. фельетон „Národni Listy“, И. Голечека.

получено нами письмо из Мезѐ-Берéнь,—продолжает газета,—увы! полное жалоб, что и там поднимает голову эта секта. Вначале только две словацкие женщины преклонились пред новой религией, теперь уже девять мужчин и семь женщин насчитывает там эта секта".

„Государство не признает их,—продолжает газета,—но их тайная организация все-таки очень совершенна и действует она весьма искусно. Благодаря именно этой прочности организации выходит, что одни и те же идеи и планы одновременно появляются и осуществляются в Липтовской волости, в Бачке, в Надьлаке, в Орошгазе, в Салонте и других местах. Сами назарены приписывают такое явление внушению при посредстве „святого духа", но мы то отлично знаем, что под этим „святым духом" кроется прочная, централизованная дисциплинированная организация, члены которой до фанатизма одушевлены одной и той же идеей—распространения своего учения. С тех пор как наши законы разрешили выход из церкви без обязательства присоединиться к какому-либо другому вероисповеданию, назарены стали широко пользоваться этим правом. Во всех уголках страны, как будто сговорившись, они толпами являются в приходы, заявляя о себе, что они вышли из церкви [117]). Так, на-днях,—сообщает газета,—в Мезѐ-Берéне 9 мужчин и 7 женщин явились к протестантскому пастору и заявили, что они бросают церковь и переходят в ряды „свободомыслящих". Карл Есепский, пастор, член городского управления, думает по этому поводу сделать предложение в думе, чтобы для людей, отвергающих религию, было определено особое место для погребения и чтобы всякое общение с ними верующих было прекращено. Но не только в Мезѐ-Берéне, но и в других городах южной Венгрии число назаренов все более и более умно-

117) Совершенно такое же явление было и в России и с приверженцами общин Нового Израиля, когда они, по повелению своего вождя В. С. Лубкова, в 19 г. всюду явились в церкви к священникам, принесли им иконы, лампадки и пр. и заявили: „твоя от твоих, тебе приносяще", положили иконы и с пением своих сионских песен разошлись по домам. Разница, конечно, в том, что новоизраильтяне не имели на это никаких разрешений и духовенство православной церкви постаралось всюду воздвигнуть против них преследования и через полицию, и через других представителей гражданской власти и науськивая темную толпу, подталкивая ее к погромам сектантов.

жается. В Араде и прилежащих к нему деревнях румыны бросают греко-кафолическую церковь и переходят к назаренам. Епископ Метиан по этому поводу вызывал к себе подчиненных ему священников и приказал им точно разведать причины многочисленных выходов из церкви. В Дюле и Орошгазе на днях 220 человек сразу заявили в приходе, что они совершенно покидают церковь. Иоанн Ра́ц, учитель из Дюла, обратился к властям, обращая их внимание на распространение секты назаренов, особенно указывая на их ночные тайные собрания, где они оживленно беседуют не только о религии, но с захватывающим интересом разбирают социальные и политические вопросы. Эти собрания могут быть очень пригодны, — прибавляет газета, — для пропаганды „социализма“.

Мы еще имеем примеры массового распространения секты назаренов среди рабочего и крестьянского населения.

Доктор Душан Петрович Маковицкий, собиравший случайные сведения о распространении назаренов, в своих беглых заметках, любезно им предоставленных в наше распоряжение, пишет:

„В Год-Мезе-Вашаргеле в декабре месяце 1896 года, в течение одной недели, перешли к назаренам 141 человек.

„В Гайду-Бесерме́не насчитывается теперь (1896 г.) 2.000 назаренов. Они построили себе дом для собраний, который им обошелся в 20.000 гульденов“.

„Вице-губернатор Арадской жупании, — сообщает далее Д. П. Маковицкий,—подал докладную записку министру исповеданий, в которой просит, чтобы правительство издало запрещение массового выхода из церкви и, на этом основании, в назаренство“.

„Из 450 плательщиков церковных податей в Кишь-Перече теперь (1897 г.) осталось только 120 человек. Остальные отказались платить подать. Большинство вышедших из церкви присоединились к назаренам“.

Кроме этих свидетельств массового распространения секты назаренов, приведем еще сведения газеты „Opravdový Krestan“. Эта газета в номере от 25 октября 1897 года поместила краткую заметку под заглавием: „Распространение назаренов“. „Недавно мы писали,—так начинает свою заметку газета, — что назаренизм ужасно распространяется на Сегединских ху-

17*

торах. Теперь нам сообщают, что назарены быстро распространяются также и среди сербов греко-восточного исповедания. В селе Баваниште, неподалеку от города Бершеца, недавно сразу 117 взрослых людей присоединились к назаренской общине. В Среме, Банáте и Бáчке нет села, в котором „новая вера“ не имела бы своих последователей. „Сионская арфа“ (сборник назаренских гимнов) была издана в 30.000 экземпляров на сербском языке. Назаренская вера,—прибавляет газета,—распространяется также и в Сербии. В Белграде уже существует назаренская община, имеющая много членов“.

Интересные сведения по вопросу о распространении назаренов сообщает также газета „Národni Noviny“. Так, в номере от 24 июня 1897 г. она пишет: „Исправнику Старой Бечи 55 семейств заявили о своем выходе из церкви и сейчас же присоединились к назаренам“.

В одном из номеров этой же газеты в 1897 г. мы находим горькую жалобу реформатского священника Александра Надя, пославшего даже начальству официальную просьбу о помощи, так как он оказывается вполне бессильным в борьбе о все более и более распространяющимся назаренством и баптизмом. „Особенно к первой из этих двух сект,—сообщает он,—народ переходит сотнями, с радостью бросая церковь“.

Уже упоминавшийся нами писатель, Влад. Димитриевич, сообщает в своей работе, что „во всей Венгрии, по его сведениям, назаренов около 10.000 человек; больше всего,—говорит автор,—сербов. Одних сербов,—прибавляет он, — около 4.400 человек. Остальные распределяются между мадьярами и румынами. Назаренство между венгерскими сербами, по его мнению, особенно сильно распространилось в 60-х годах. Первыми пропагандистами среди них были два хорвата—Ребрич и Елич“.

Назаренство среди венгерских сербов появилось сначала,—пишет В. Димитриевич,—в деревнях южной Венгрии: Сурдук, Бановце, Голубинце, Сурчин и Болевая.

По мнению Яши Томича, одними из самых сильных пропагандистов назаренства среди сербов были Боривой и Лазарь.

Боривой в детстве был болезненно вспыльчив. Малейшая причина приводила его в бешенство. Вследствие вспыльчивого характера он не мог даже посещать школу, хотя от

природы был необыкновенно даровит. Его сделали пастухом и заставили вскоре жениться. После двухлетней спокойной семейной жизни случилось так, что Боривой нашел в зимнюю метель полузамершего бродягу, уже свалившегося в снег. Боривой привез его к себе в дом, привел в чувство, и отец Мелентий, как называл себя бродяга, научил за это Боривоя молитве о Страшном суде. Страх перед Страшным судом заставил впечатлительного Боривоя серьезно каяться в своих грехах. Он решил три года поститься и отправиться на поклонение в Иерусалим. Он строго постился, воздерживался от еды, удалялся от молодой жены и не поддерживал с ней брачной жизни. Жена его не разделяла мыслей своего мужа, не хотела даже поститься и воздерживаться, как сделал это ее муж, и когда Боривой убедился, что она вступила с кем-то в любовную связь, страшно возревновал, вспылил и, вне себя от гнева, застрелил изменившую ему жену. И вместо Иерусалима он должен был отправиться в ближайшую тюрьму. В тюрьме Боривой вскоре познакомился с назаренами и присоединился к их вере. Со всей страстностью своей натуры предался Боривой новой секте. Он, преступник в глазах всех, быстро сделался любимым „братом" назаренов, которые, зная об его поступке, не оттолкнули его, а наоборот, всеми силами старались облегчить ему мучения совести и помочь искупительной жертвой найти силы и возможность жить дальше более светло и радостно.

Как известно, назарены все грамотны, так как они должны, по уставу своей организации, уметь читать священное писание. Боривой был неграмотен. И вот здесь-то, в тюрьме, началось первое образование Боривоя, и первым его учителем был Лазарь, молодой крестьянин соседней деревни, заключенный в тюрьму на полгода за то, что в кабаке он бутылкой ранил в голову одного своего односельчанина за его издевательства и насмешки над ним, хотевшим было оставить секту назаренов по семейным, крайне тяжелым обстоятельствам. Это происшествие было на пользу Лазарю: его поколебавшийся характер, чуть было не увлекший его на стезю компромисса, вновь окреп, и Лазарь в тюрьме с новой страстью принимается за дело пропаганды. Назарены глубоко почитают Лазаря за его ум и знание „писания", а окружающий народ прозвал его „назаренским епископом".

Лазарь кончил свое наказание, а Боривой, приговоренный на 3 года тюремного заключения, оставшись один, весь отдался делу пропаганды учения назаренов среди арестантов. Характер Боривоя сильно изменился с тех пор, как он сделался назареном. Страсти его улеглись, и на его примере мы видим реализацию принципов назаренской нравственности. „Страсти туши. Мирских благ ради не пой, не плачь, не радуйся и не грусти, а будь всегда спокоен, тверд и мужествен. Совершай добро и беги от зла,“ — так рекомендует поступать назаренское учение [118]).

Чтобы покончить с вопросом о распространенности назаренов в Венгрии, мы приведем здесь наиболее подробное и, как нам кажется, наиболее точно составленное сообщение о численности и местах распространения назаренов. Оно принадлежит Душану Маковицкому, который на стр. 14 и след. уже цитированной нами книжечки пишет: „Особенность распространения назаренов та, что, как только где-нибудь они достигнут большого числа, они перестают распространяться. Во многих местах, где назаренство существует 10—20 лет, оно утрачивает влияние. Говорят, что это происходит потому, что чем их больше, тем больше и толкователей писания и тем больше несогласий. В католическом городке Старой Бечи в начале 70-х годов 200 семей присоединилось к назаренам, в конце же 80-х годов там было всего 2—3 человека из этой секты.

„Больше всего назаренов, кажется, на левом берегу Тиссы, за Марушей и между ней и Керешами. Затем в Бачке, Среме. В бывшей Военной Границе почти нет лютеранского или реформатского прихода, где бы назарены не имели своего собрания.

„Население тех краев по народностям очень смешанное: мальяры, немцы, румыны, сербы живут на этом пространстве приблизительно в равном количестве (около 750 тысяч каждых), около 100 тысяч словаков; кроме того: болгары, цыгане, греки, русины и евреи.

„Назаренов, вероятно, больше всего между мадьярами, сербами и словаками, меньше между румынами и еще меньше между немцами.

---

[118]) Сведения о Боривое и Лазаре мы почерпнули из фельетона Иосифа Голечека, напечатанного в газете „Národni Listy“.

„Количество всех назаренов неизвестно им самим, правительство же умалчивает о них в статистических сведениях. О количестве их можно заключить из следующих данных: мадьярские назаренские книги песен появились до 1880 года в четырех изданиях, сербские до 1886 года—в двух, словенские до 1894 года—в двух (второе издание в 4.000 экземплярах). В 1892 году одна пештская газета сообщала, что между рекрутами того года было 210 назаренов, отказавшихся взять ружье в руки; это были почти одни сербы из Бачки. В ноябре 1895 года на Угорском сейме говорил Коложвари-Кишь о нескольких стах тысяч назаренов (вероятно причисляя к ним и баптистов, которых смешивают часто с назаренами). Это сообщение кажется мне преувеличенным. Я думаю, — прибавляет Д. Маковицкий,—что число их заключается между 30 и 80 тысячами, но менее 30 тысяч — едва ли.

„Насколько мне известно,— продолжает Д. Маковицкий,— назаренство более всего распространено в следующих уездах: Бачке, Баранянском, Бекемском, Бигарском, Боршодском [119]), Чанадском, Чонградском, Яснадокунсолнодском, Ородском, Пенетянском, Силадском, Темешском, Тронтальском, местами в Семиградии и за Дунаем. В северной Венгрии, насколько мне известно, назарены есть только в Липтовском уезде (деревня Порубка—6 женщин и 3 мужчины), в Новоградском (дер. Угорско) и, может-быть, в Спишском уезде. В Хорвато-Славонской земле назаренов больше в Сремском уезде. В Боснии назарены тоже имеют свои общины. В Сербии в 1891 г. было 80 назаренов-рекрутов, отказавшихся служить с оружием в руках. В Америке (в Соединенных Штатах) было, по статистическим сведениям 1886 года, 45.000 назаренов. Туда и в Канаду переселяются они из Венгрии. В Венгрии назаренство в конце 80-х годов XIX ст. „очень распространилось между сербами (православными), теперь очень распространяется между румынами (православными). Между мадьярами, говорят, перестает распространяться, но,— прибавляет Маковицкий, — этому противоречат многие сведения.

---

[119]) В Боршодском уезде назаренство распространил в деревне Капосташь-Сирмашь крестьянин А. Сабо, которого за его усердие заперли в дом для умалишенных, но, убедившись, что он здоров, выпустили.

Прим. Д. Маковицкого.

Слабее всего и в немногих местах назаренство распространено между католиками, больше же всего, кажется, между кальвинистами (мадьярами). В словенской лютеранско-католической общине Падиней есть 300—400 назаренов, но никто из них ранее не был католиком".

Таковы частные, официальные и газетные сведения о распространении этой секты.

Антон Уйялки, исследовавший назаренов, дает нам очень интересную картину социальной подкладки успеха деятельности назаренских пропагандистов.

„Высоко стоящее солнце,— пишет он,— льет свои горячие лучи на бесконечную равнину. На краю луга стоит косарь, опершись на свою косу. Он только что кончил свою полосу и хочет немного отдохнуть. Он снял широкополую шляпу и рукавом из толстого домашнего холста проводит по лицу, чтоб отереть пот; потом оглядывает взором обширную равнину. Перед ним тянутся ряды однообразных полос, засеянных хлебом, кормовыми травами и корнеплодными растениями. Из всего этого ему лично ничего не принадлежит; он—только бедный поденщик, который должен скосить эту луговину; да притом и поденная плата очень невелика. Прежде житье все-таки было лучше: на Тиссе и других реках строили громадные плотины, и много лет тысячи людей находили себе там хороший заработок. Теперь все кончено, и бедный рабочий должен искать себе заработка только в полевых работах. Но хотя у него ничего нет, кроме косы и пары сильных рук, все же он молит небо ниспослать благословение на посевы, потому что, если ничего не вырастет, у бедняка не будет работы, и наступит тяжелая нужда. На краю горизонта виднеется несколько колоколен, там — город. Загрубелое лицо косаря омрачается, о городе он и слышать не хочет, ничего хорошего оттуда не ждет. Когда на одиноком хуторе появляется городской чиновник, нужно ожидать чего-нибудь недоброго.

— Если вы до такого-то срока не уплатите податей, то...

— Послезавтра ваш сын должен явиться... в приемную комиссию...

— У такого-то украден поросенок, на вас падает подозрение,—извольте явиться в суд...

Или:

— В воскресенье будет избираться новый депутат, приходите в город с флагами, музыкой и всеми способами выражайте свою радость: человек, за которого будут подаваться голоса, очень умный господин, он умеет говорить хорошие речи...

„Все соблазны находятся в городе, а за его чертой ничего, кроме труда и бедности. Когда почувствуется в доме недостаток хлеба, бедняк может послать свою дочь в город в няньки: там она современем сделается горничной, но может дойти и до звания кормилицы...

„Вот мысли, которые бродят в голове бедняка-косаря“ [126]),— прибавляет Антон Уйялки.

И вот к таким-то „косарям“, очень часто стоящим на границе полной пролетаризации, и обращают свою речь пропагандисты назаренской секты. Они объединяют их, организуют в общества и союзы, развивают среди них чувство солидарности и взаимопомощи, разъясняют им согласно своему разумению смысл и цель жизни.

Очень интересен и многознаменателен факт, сообщенный в 1898 г. в одном из январских нумеров газеты „Budapesti Hirlap“. В статье под названием „Социалисты и назарены“ сообщалось: „Из Бекеш-Чабы нам пишут: известно, что назарены обыкновенно сходятся ночью на свои религиозные собрания. На юге Венгрии, как известно, существует закон, регламентирующий право собраний, почему власти особенно зорко следят за назаренами, так как их собрания являются противозаконными. Кроме того властям хорошо известно, что назарены на своих тайных собраниях не занимаются только религиозными и догматическими вопросами, но, главным образом, беседуют и знакомятся с разными социалистическими и коммунистическими учениями.

„Исправник Страка, — продолжает газета, — издал приказ, чтобы назарены более не смели собираться по ночам на собрания. Но назарены все-таки продолжают свои ночные собрания, громогласно заявляя, что они не позволят никому делать им предписания в делах их совести. Здесь они не хо-

---

[126]) Цитировано по статье Л. Пантелеева „Назареи в Венгрии“ см. журнал „Русское Богатство“.

тят повиноваться никаким законам, никаким властям, и их можно скорее уничтожить, чем подчинить. Только грубое насилие может помешать им в их желании собираться. И действительно, мы очень часто видим, что вооруженные жандармы врываются в назаренские дома, арестовывают сектантов и отправляют их под конвоем в тюрьмы. Но назаренство все-таки,— прибавляет газета,— очень сильно распространяется, и интересно то, что главные очаги этой секты находятся среди крестьян-социалистов".

„В Араде,—пишет далее газета,—как сообщает специальная телеграмма, состоялось епископальное заседание, на котором обсуждался вопрос, какие нужно принять меры, чтобы воспрепятствовать распространению социализма и назаренства среди румын".

Есть также и другіе подтверждения того несомненного факта, что социалистические учения находят весьма благодарную и подготовленную почву среди тех крестьян, которые раньше были затронуты сектантской пропагандой.

Утверждение корреспондента „Budapesti Hirlap", что главные очаги секты назаренов находятся среди крестьян-социалистов, конечно, нужно понимать в обратном смысле, т.-е. что среди тех деревень, где ранее распространялось сектантское учение, социалистическая пропаганда, ясно формулировавшая требования и желания пролетаризирующегося крестьянства, нашла много последователей, хорошо укоренилась, превратив крестьян-сектантов в крестьян-социалистов. Именно на такой ход и положение вещей указывают многие другие наблюдатели развития жизни назаренских общин.

IV.

В чем же заключается, собственно, учение сектантов-назаренов? Попытаемся дать на этот вопрос более или менее ясный ответ [121]).

Основу своей веры назарены почерпают, главным обра-

[121]) При составлении этой и следующей глав мы пользовались источниками: 1) „Nazarènovè v Uhrách" Dušan'a Makovick'oro, 2) Evangelimänner in Ungarn", Armin'a Schwarz'a (газета „Pester Lloyd", 1897 г.); 3) „Назареи в Венгрии", Л. Пантелеева, „Русское Богатство"; 4) „Среди Назарен", воспоминания А. Шкарвана; 5) „Назарены в Венгрии", рукопись и заметки Д. Маковицкого; 6) „О назаренизме", свящ. Демича;

зом, в Новом Завете. Нагорную проповедь принимают дословно. Они говорят православным: „Мы знаем Евангелие наизусть и толкуем его под влиянием Святого Духа“ [122]).

Ветхий Завет они тоже признают, но он у них имеет более историческое значение, чем догматически-законодательное. Больше других частей из Старого Завета они любят псалмы Давида, пророков Исаию и Иеремию [123]).

В 50-х годах липтовские назарены признавали один Новый Завет, а Ветхим даже не интересовались. Кроме Библии назарены употребляют на своих молениях книгу песен, называющуюся „Сионская арфа“. Эта книга содержит в себе псалмы Давида, англо-баптистские, Фрёлиховы, протестантские (Трановского) и другие.

Назарены учат, что христианская религия духовная, и потому они признают только духовное, внутреннее почитание и служение Богу „духом и истиной“. На этом основании они отвергают храмы, обряды, телесный пост, „телесный крест“, т.-е. крестное знамение. Признают только один „крест“, помогающий, по их мнению, совершенствоваться человеку, это—терпение и страдание. Терпеть преследования за веру — самое верное доказательство несения креста. Несение же „креста“, который они называют „Христовым“,—признают главным законом жизни, который реализируется в постоянном отречении от себя во имя пропаганды и „защиты веры“, но это отречение не должно быть пассивным созерцанием окружающего

---

7) „Назаренство, негова историј и суштина“, Влад. Димитриевича, 8) Seberiny „Die Secte der Nasarener in Ungarn“, 9) „A nazarénusok nàlam „Mor lòkai в газете „Magyar Hirlap“ 1897 г.; 10 и 11) Корреспонденции и сообщения в газетех „Budapesti Hirlap“; „Magyar Hirlap“; „Egyetértés“; „Nàrodni Listy“; „Besztercebánya ès vidéke“; „Opravdovy krestan“; „Nàrodni Noviny“; „Свободная Мысль“, Женева, 12) А. Шкарван. „Мой отказ от военной службы“. Издание „Свободного Слова“ (№13) Англия 1900 г. Считаем необходимым поблагодарить здесь доктора А. Шкарвана, который любезно согласился перевести для этой нашей работы на русский язык сообщения из венгерских и чешских газет.

[122]) Назарены принимают весь текст Евангелия, но объясняют непонятные им места, при чем многое толкуют иносказательно, так же как это делают у нас в России сектанты восточного происхождения (духоборцы, молокане, новый и старый Израиль и пр.).

[123]) Эти же пророки являются излюбленными и у нас в России теми именно сектами, о которых мы упоминали в предыдущем примечании.

мира, но, наоборот, оно должно всегда сопровождаться напряженной „деятельной любовью“, проявляющейся всегда, везде ко всему живущему в мире.

Отрицая телесный пост, назарены признают весьма необходимым и действительным „пост духовный“, т.-е. воздержание от раздражения, волнений, ответов на обиды, пустословия, смеха, шуток и пр., и пр. Подобное „нравственное воздержание, по их мнению, создает серьезное настроение в человеке, когда он может проверять себя и совершить новую работу духа“, т.-е. углубиться в созерцание природы евангельских учений, в созерцание всех явлений жизни, которые идут мимо него и мимо которых проходит он сам.

Спасение, по их мнению, достигается верою в учение Христа и соответствующими поступками. Учение Христа может понять только тот, кого освятит Дух Святой, дух правды; это и есть „милость Божия“. Но спасение не достигается, если человек не работает сам над собой; для спасения человек „должен упражнять себя в правде и познании Бога“.

Совершенно отрицая необходимость для молитвы „храмов Божиих“, назарены в подтверждение своей правоты всегда приводят то место Евангелия, где говорится: „и когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно“ [124]).

К храмам всяких вероисповеданий назарены относятся пренебрежительно. „Бог не живет в церквах, построенных рукой человеческой“, говорят назарены. Церковь же Христова находится не в храмах, а в людях [125]). Она состоит из одних „верующих“, „перерожденных“, т.-е. назаренов. Глава же церкви—Христос. Из людей никто не благ, все в той или иной мере грешны. Благ же только один Бог; на этом осно-

---

124) См. Евангелие Матфея, гл. 6, ст. 5 и 6.

125) Все эти объяснения крайне напоминают объяснения тех же русских сектантов, о которых мы говорили. Так, например, относительно церквей духоборцы говорят: Бог живет „не в бревнах, а в ребрах“, т.-е. не в церквах деревянных, а в людях и т. д. *Прим. В. Б. Б.*

вании назарены совершенно не признают святых. Единым посредником между небом и землей они считают Христа, опираясь при этом на первое послание к Тимофею, во второй главе которого говорится: „Един Бог, един посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус“ [126]).

На этом же основании назарены отвергают все духовенство и иерархию. Священников назарены, конечно, не имеют и в богословской учености не видят никакой надобности: „Ученость князей (священников) нам заменяет Божья милость“, говорят обыкновенно назарены. „Апостолы тоже не были учеными людьми, однако, удостоились подвинуть дело Божье“, объясняют свое нежелание учиться назарены.

К правительственным школам относятся совершенно отрицательно и обучают грамоте друг друга сами [127]). Школы называют „дьявольскими паренисками“—место, где рождаются дьяволы...

Отрицая иерархию и священнослужителей, назарены тем самым устанавливают принцип свободной пропаганды „слова Божия“, т.-е. своего учения со всеми теми толкованиями и выводами, которые они делают из Евангелия. И, действительно, все назарены—„сами себе священники“, т.-е. просвещают всех в своей вере. Толковать и разъяснять священное писание может и должен только мужчина на том простом основании, что сам Иисус Христос избрал себе в апостолы исключительно мужчин и ни одной женщины. Женщины же имеют право „рассказывать“ свое исповедание веры [128]). Назарены отрицают также мощи, всякие реликвии

[126]) См. первое послание к Тимофею, гл. 2, ст. 5.

[127]) Такое же отношение к правительственным школам было и у духоборцев не только в России, но и в Канаде, так как и там они видели в этих школах стремление правительственных чиновников заполнить сознание их детей и привить к ним совершенно противные их миросозерцанию понятия и наклонности (например, милитаристические идеи, преклонение перед принципом частной собственности, неприкосновенности и божественности (в России) власти царя и его слуг и пр. и т. п. Сами же они в высшей степени хотели получить образование, для чего приглашали учителей, выписывали книги и пр.

[128]) Русские сектанты резко отличаются в этом вопросе от назарен. Женщина у них в особом почете и она, как, например, у духоборцев вообще является главной хранительницей псалмов, вопросов и ответов и всех преданий общины. То же самое в новом и старом Израиле, где женщина также нередко стоит во главе общины.

и пр. Относительно мощей они говорят, что в Евангелии нигде не сказано, что живые должны молиться за мертвых, а тем более поклоняться им.

Отношение к Христу у назаренов не у всех одинаково: одни считают его за Бога, воплотившегося в человеческий образ, другие же отрицают такое воплощение. Так, на одном из собраний, как свидетельствует Seberiny, назарены, беседовавшие с пришедшим к ним священником, сказали ему: „Мы такие же святые, беспорочные, как Христос или Павел". Из этих слов видно, что назарены признают Христа не за Бога, а за человека. Вообще же, в массе, назарены верят в Троицу и в Бога-Христа.

Принцип „непротивление злу" понимают в буквальном смысле. Основывают это свое понимание на Евангелии и цитируют 39 стих 5 главы от Матфея: „А я говорю вам: не противься злому", при чем считают, что злу нельзя противиться злом, а добром, любовью, убеждением не только можно, но должно противиться всякому „истинному христианину", т.-е. назарену. Это свое утверждение также почерпают в Евангелии, в котором на мадьярском языке 39 стих 5 главы Матфея переведен так: „àlljatok ellent rosznak a rosszal", что значит: „не противьтесь злу злом". Под „злом" назарены понимают всякое насилие человека над человеком. Удерживаясь от зла, назарены прежде всего воздерживаются от насилия.

Зная этот принцип назаренов, многие из любителей сильных ощущений и издевательства над другими совершают ужасные насилия над назаренами, испытывая их терпение. Так, Вл. Димитриевич рассказывает об одном ему известном случае, когда подговорили какого-то забулдыгу бить атлета-назарена. Забулдыга долго бил назарена, но тот не защищался, хотя одним ударом мог бы положить его на месте.

Праздников, кроме воскресенья, назарены не соблюдают. По воскресеньям не работают, хотя и это правило для них не обязательно. Они считают, что „все дни равны". Во многих местах, однако, назарены также не работают ни в католические, ни в протестанские праздники. Поступают так для того, чтобы не возбуждать к себе вражды окружающего населения.

Назаренское учение совершенно запрещает клясться и присягать. Этот принцип назарены проводят в жизнь с неумоли-

мой последовательностью: ни в суде, ни в частной жизни, ни во время определения в военную службу назарен ни под какими угрозами не станет присягать.

Из „таинств“ назарены признают только два: крещение и причащение [129]).

Крещение водное они признают как знак, признак вступления в их „братство“. В „братство“ они принимают только взрослых, по полной воле и охоте. Дети назаренов еще не считаются назаренами. Когда они вырастут, „войдут в полный разум“, они могут присоединиться к „братству“; до тех же пор, пока они сами этого не захотят, их не считают назаренами. Крещение водное совершается в различный возраст, по большей части над вполне взрослыми, но бывали и бывают случаи, когда крестят между 7—14 годами; крещение в таком юном возрасте надо считать отступлением от правил назаренских братств, а никак не постоянным, с точки зрения назаренов законным явлением. В некоторых местах водное крещение, обыкновенно совершаемое в реке, абсолютно отрицается назаренами, как ни к чему не нужный обряд. „Вера наша крепка не обрядами и словами, а делами и поступками“, говорят эти наиболее крайние сектанты. „Крещение“ они понимают в духовном смысле. „Чтобы быть истинным христианином,—говорят они,—нужно все свое прошлое забыть и отбросить тогда, когда становишься на новый путь жизни, когда совершенно свободно становишься членом общества верующих, когда ты чувствуешь и твердо знаешь, что ты во Христе переродился. В этом перерождении духа, в этом ощущении истины и заключается наше крещение.“

Относительно таинства причащения прежде всего приходится сказать то же, что и о таинстве крещения. У назаренов на этот счет строго определившегося взгляда нет. В разных общинах они придерживаются разного. Так, в некоторых местах наиболее крайние назарены совершенно отрицают таинство причащения.

Другие назарены признают причащение только как символ, напоминание о крестных страданиях Христа. В некоторых

---

[129]) Этим они отличаются от указанных в 122 примечании русских сектантов, которые не признают никаких таинств, толкуя крещение, причащение и пр. духовно, иносказательно.

местах таинство причащения только теперь проникает к назаренам под влиянием баптистов. Но до сих пор все назарены, признавшие это таинство, всегда соглашались между собой в одном, „что причащение нам нужно,—говорят они,—не на то, чтобы Бог через него грехи прощал нам, а для того, чтобы оно напоминало нам о Христовой смерти“.

Вообще надо заметить, что сведения о значении этих обоих таинств для назаренов очень скудны, так как они очень неохотно говорят о них, так же как и об обряде брака, о котором мы расскажем несколько ниже. В общем же можно сказать, что эти оба таинства, повидимому, не играют существенной роли в жизни назаренских общин.

„Возрождению слова“ назарены придают огромное значение, а потому прежде, чем вступить в их „братство“, „просвещенный“ должен пройти иногда весьма долгий искус.

Тот, кто становится назареном,—пишет Д. Маковицкий,—всегда проходит через „назаренскую горячку“, т.-е. через особенное состояние восторга, при котором только духовные интересы занимают человека, обычную же работу он делает только так, по необходимости. Вот в этом-то состоянии новообращающийся должен совершить двоякий путь покаяния: внутренний и внешний.

Внутреннее покаяние заключается в том, что готовящийся стать назареном должен „уединиться в мире“, „остаться сам с собой“, не взирая на все внешние обязанности, которые он должен исполнять по тем или иным причинам. Вдумываясь в свою жизнь, в свое прошлое, неофит разбирается в самом себе, критикует сам свою жизнь и налагает сам на себя те или иные „бремена“, которые могут помочь ему избавиться от своих недостатков, очиститься от пороков, чтобы стать, наконец, на „истинный путь праведной жизни“.

Покаяние внешнее заключается в том, что новообращающийся должен самолично покаяться перед всеми теми, кому он сотворил зло в своей жизни „делом, словом или помышлением“.

Исполнение этого акта очищения совести обязательно для каждого назарена, и история этой секты отмечает целый ряд трогательных и мужественных поступков, совершенных этими „нововерами“.

Для иллюстрации приведем здесь несколько примеров такого „покаяния“.

Одна из венгерских газет поместила на своих столбцах небольшую заметку под заглавием: „Назаренская совесть“. В этой заметке сообщалось:

„На-днях в Год-Мезе-Вашаргеле неожиданно обнаружились ужасные подробности убийства, виновниками которого были три подростка 17 лет тому назад. Один из них уже умер, двое выросли и развились в мужчин, полных сил и энергии. Раскрылось это дело при следующих чрезвычайных обстоятельствах. В прошлое воскресенье в дом Иосифа Кнапеца, год-мезе-вашаргельского жителя, явился некто Матвей Барто́к, 33 лет от роду, и сказал хозяйке дома следующее:

— Семнадцать лет тому назад я служил у вас и тогда, сообща с вашими двумя сыновьями, с Иосифом и Иваном. убил вашего младшего сына, семилетнего Имра. Моя вера теперь не позволяет мне более молчать об этом: я—назарен, и я говорю вам эту ужасную весть и прошу: простите меня!..

Устрашенная женщина сейчас же побежала за полицией, и Матвей Барто́к был немедленно схвачен, хотя он и не думал сопротивляться, и вместе с своим соучастником, братоубийцей, был отведен в тюрьму.

На первом допросе назарен рассказал следующее:

— В 1879 году я служил у Кнапеца. У них в то время был младший сын, больной, калека Имра, которому сами хозяева часто желали смерти и говорили, что если бы Господь взял его, они зарезали бы барана для поминок.

Старшие братья тоже очень не любили своего братишку-калеку, постоянно сердились на него, так как должны были смотреть за ним. И вот однажды мы сговорились втроем придушить Имра. Так и сделали. Когда хозяева уехали в город, два старших стали душить Имра, но не сладили с ним и позвали меня.

— Ну, и после?—спросил следователь.

— После я пришел к ним на их зов, повалил мальчика на пол, обмотал ему платком горло и стал душить. Он стал задыхаться, хрипеть и жалостливо смотрел на меня своими испуганными глазенками. Мне стало как-то тяжело и жалко его. Я перестал душить, поднялся и сказал мальчикам:

— Вот видите, как нужно с ним управляться, сейчас ему тут и будет конец.

Я ушел. Мальчики сейчас же принялись за дело и придушили Имра. На третий день после этого его похоронили.— Так закончил свой ужасный рассказ покаявшийся новообращенный назарен“.

Доктор А. Шкарван рассказывает в своих рукописных воспоминаниях следующий случай, весьма характерный для назарена:

„Заходит однажды бедный мужик к некоему Антонию Палфи, управляющему Сегединскими хуторами.

Палфи сидел на крыльце своего дома.

— Слава Иисусу, —говорит мужик, приподнимая шляпу.

— Во веки слава,—ответил Палфи.

— Ну,—говорит мужик,—узнаете ли вы меня?

— Как же,—отвечает Палфи,—ты служил здесь лет пять тому назад...

— Вот, вот, — говорит пришедший, радуясь, что его узнали.— Именно так... Я тот самый, который служил здесь лет пять тому назад... С тех пор, правда, я не бывал здесь...

— Ну, что ж, это не беда... Так что ж тебе нужно?

Мужик помялся на одном месте и потом, как бы набравшись смелости, глядя прямо в глаза своему прежнему хозяину, сказал:

— А вот дело такое было... В то время, сударь, я крал у вас пшеницу... А теперь, как перешли мы в новую веру, так вот пришел я к вам: надо, думаю, оплатить вам убытки...

— Пшеницу крал? — недоумевая, переспросил взволновавшийся управляющий.

— Да, крал, верно говорю вам,—тихо, смотря прямо в глаза Антонию Палфи, сказал сектант.

Управляющий стал подробно расспрашивать мужика: когда, каким образом крал он пшеницу.

— Дело было так,—рассказывал назарен,—шла молотьба, а я на краю луга, под хутором, вырыл ночью яму, а днем носил в нее пшеницу, носил сколько мог.

Антоний Палфи—старый уже человек, и с тех пор, как окончил гимназию, все время живет на хуторе. Он хорошо знает всех своих работников, окрестных крестьян, хорошо знает их нравы и очень удивлен, как это днем, когда шла

молотьба, можно было совсем из-под его носа украсть пшеницу? Он просто не верит этому.

—Да как же ты крал ее? Как ты мог перетаскивать ее из гумна в яму?.. Ведь я ж неотлучно все время там стоял...

— В голенищах, сударь мой, в голенищах... Очень даже просто,—объяснил сектант и поспешно прибавил:—Итак, что с меня следует за краденую пшеницу?

— Я, брат, не знаю, сколько ты ее там накрал,—ответил Палфи.

— Думаю, гульденов на пять,—сказал назарен, подумавши.—Так вот извольте получить...—И он, засунув руку во внутренний карман жилетки, вынул кошелек, достал из него аккуратно сложенную бумажку в пять гульденов и положил ее на край стола.

Считая дело оконченным, он попрощался с изумленным Антонием Палфи и пошел со двора.

Открывая маленькую калитку, он оглянулся и сказал:

— Еще словечко позвольте спросить?

— Что скажешь?

— Да вот все на счет того... довольно ли с меня пяти гульденов за пшеницу-то вашу?

— Не знаю, брат!..—ответил Палфи.—Совсем не знаю... Ты брал, ты и знаешь...

Назарен опять подошел к столу, снова вынул кошелек и к пяти гульденам приложил еще один серебряный и, вполне спокойный, пожелав всякого благополучия Антонию Палфи, вышел из его хутора."

Только после такого всестороннего искуса, продолжающегося иногда долгие годы, и доказательств „делами" преданности принципам нового учения, неофит принимается в „братство" на равных правах со всеми другими.

Всякого „просвещенного", т.-е. присоединившегося к „братству", назарены называют между собой „братом" и „сестрой". „Братом" и „сестрой" называются те, кто прошел все „покаяния", кто „умер для греха", и только такой может быть окрещен—там, где крещение признается—и вообще принят в „собрание Иисуса Христа."

Других, еще не принятых окончательно, назарены называют „менее совершенными", „приятелями", „приятельницами".

При обращении строго наблюдается, чтобы не было никаких уговоров и упрашиваний. Назарен свободен публично, вслух исповедовать свое учение и тем пропагандировать, но воздействие, путем настойчивости считается непозволительным, как одна из форм нравственного насилия. „Пусть каждый читает святое писание и сообразует с ним свои поступки, и все станут истинно верующими“, говорят назарены, и, конечно, как все сектанты, под истинно верующими подразумевают самих себя.

С новыми членами назарены обходятся очень мягко и ласково и стараются сделать ли все, чтобы в новой обстановке они нашли истинное удовлетворение.

Нередко бывает, что из семьи переходит кто-либо один в назарены: муж или жена. Замечено, что где в назарены перешел только один муж без жены, то этот переход не крепок. По большей части муж снова возвращается к своей старой религии. Но, наоборот, где жена сделается назаренкой без согласия и сочувствия мужа, там по большей части и все взрослые члены семьи переходят постепенно в назаренство.

Часто бывает, что муж страшно преследует жену за ее „новую веру“, бьет палкой, мучит, но никакие издевательства обыкновенно ни к чему не приводят. Женщины-назаренки остаются твердыми и непоколебимыми. „Тело убьешь,—говорят они своим мучителям-мужьям,—а душу нет“.

Все назарены организованы в общины, „дружества“, „братства“.

В каждой общине есть свой старейшина и кроме него несколько проповедников, а также 2 или 3 помощника старейшины, которые несут должность кассира, писца; на их же руках находится дело призрения бедных и больных. Каждый старейшина непременно посещает хоть раз в год ближайшие общины, а то объезжает и все. Но кроме таких объездов старейшин общение между общинами весьмо слабое. Только в чрезвычайных случаях назарены держат „большое собрание“, на которое съезжаются, по возможности, все члены общин.

На такие собрания приезжают назарены из других стран, например, из Голландии, Америки, Австралии, и ведут обсуждение поставленных вопросов через переводчиков.

В каждой отдельной общине установлена строгая дисциплина, связанная с добровольным подчинением распоряжениям старейшины. Старейшины отдельных общин иногда съезжаются вместе для обсуждения важных вопросов дня, касающихся одинаково всех назаренов. В старейшины обыкновенно попадают наиболее уважаемые из назаренов. Их на эту должность уполномачивает сама община. Между собой назарены различных общин, чувствуя общую связь, живут мирно. Характерно, что духовное родство—родство по вероучению—они ставят гораздо выше родства по крови.

Бывают случаи, что кто-либо из назарен собьется с пути, опустится и начнет вести жизнь, приятную „князю мира сего" и отнюдь не согласную с принципами назаренской нравственности. Если община убедится, что все напоминания своему „заблудшему брату" ни к чему ни приводят, остаются совершенно бесполезными, то такого члена исключают из общества. Самое исключение производится так: с отвергнутым не разговаривают, при входе его в собрание перестают петь или читать Евангелие и, пока он находится среди них, упорно молчат. Делают так до тех пор, пока вчерашний назарен не уйдет из общины и не возвратится в мир „полный суеты, соблазнов и зла".

В применении к обыденной жизни принципы назаренского учения реализуются в следующем: прежде всего они не делают никакой разницы между людьми по национальностям, они являются самыми ярыми космополитами, за что много терпят от националистов—сербов, словаков и особенно венгерцев.

Государственным законам находят возможным подчиняться, но только в тех случаях, когда они не идут вразрез с Евангелием. В этом-то „но"—все дело. Согласно их толкованию Евангелия, почти все „законы человеческие" никуда не годятся, назарены их отрицают и не подчиняются им.

Назарены не признают судов и всячески избегают их. Не любят даже являться в них свидетелями. Над собой они признают только один суд—„суд Божий", как говорят они, выражающийся прежде всего „в голосе своей совести". Отрицая всякую „мирскую человеческую праведность", которой нет и не может быть на земле, так как люди несовершенны, они находят, что всякие наказания мирские, за

какие бы то ни было проступки и провинности, совершенно не нужны, излишни, бесполезны, ничтожны и жестоки. „Лучше нам самим, по своей воле, переносить несправедливость, чем судиться“, говорят назарены, и действительно, они не идут в суд.

В 1895 г. у назаренов было большое собрание, на котором присутствовали представители почти всех общин, где обсуждался вопрос: отдавать или нет в государственный суд тех назаренов, кто совершит какое-либо преступление как до вступления в их общину, так и во время пребывания в ней. Было единогласно решено, что назаренам нет решительно никакого дела до „суда мира сего“, и потому никогда в таких случаях назарен не должен обращаться к суду.

На тех же основаниях назарены решили не употреблять гербовой бумаги, и этим решением они положили конец всяким тяжебным делам, денежным ссудам и пр.

Властей назарены не признают и не считают для себя возможным брать какой бы то ни было официальный пост. „Разве мы должны повиноваться законам, придуманным людьми?—говорят назарены.—Лучше будем слушаться Бога, чем людей. Что противно священному писанию, тому мы не должны повиноваться“.

Гражданские должности и обязанности исполняют весьма неохотно. К политическим правам равнодушны, потому что не видят никакого толка от обещаний депутатов. Однако, в этом вопросе у них нет единомыслия. Значительная часть назаренов стоит за то, чтобы добиваться политических гарантий, например, полной свободы совести, собраний и пр. В некоторых местах выставляют своих кандидатов на выборах: например, в Семиградии выставили кандидата в сейм.

Подати считают несправедливыми требованиями государства, но все-таки платят их „из принуждения“, успокаивая свою встревоженную совесть тем, „что это лихо сам Бог напустил на нас“. Платить подати считают старой дурной привычкой, которая идет с самого царя Давида, который тоже собирал подати, и ему платили.

Г. Тури в своем полемическом сочинении против назаренов пишет, что часто случается, что назарены предоставляют властям силою забирать у них имущество за невзнос

податей, сами же наотрез отказываются платить хотя бы одну копейку. То же самое происходит нередко по отношению к церковным податям, которые, как мы уже указывали, они называют „бедой“. Г. Бюро пишет (в 1870 г.), что из-за этой подати они ежегодно в Бачке подвергались и подвергаются жестокой экзекуции.

Относительно имущества говорят так: „Кому что Бог дал, пусть то и имеет, но пусть не привязывается к нему сердцем своим“.

Принцип взаимопомощи очень сильно развит между назаренами. Во всякой беде и несчастии каждый назарен знает, что он не останется один, что к нему придут на помощь его „братья“ и сделают для него все, чтобы помочь и утешить его. Эта общая черта взаимопомощи у наиболее крайних назаренов переходит в стремление жить сообща, на строго общинных, коммунистических началах. Д. Маковицкий, Бюро и Тури неоднократно заявляют, что им хорошо известно, что назарены тайно проповедуют и нередко осуществляют идею общности имущества. Между прочим, в августе 1895 г. в мадьярских газетах появилось известие из Бекешского уезда, что там, в одной из деревень, назарены поравняли имущество, сложили его все сообща и повели хозяйство, не признавая ни на что частной собственности. Впрочем, и здесь, как и вообще почти во всех сектантских общинах подобного рода, наблюдается коммунизм потребления, а не коллективизм производства.

Назарены также прославились своей безупречной, постоянной и неподкупной честностью. В судах, куда их вызывают в качестве свидетелей, с них не требуют присяги: „все равно, ведь и так правду скажут“, говорят про них судьи.

„Нижеследующую сцену,—пишет А. Шкарван,—я видел на суде присяжных, где в качестве свидетелей были призваны из деревни человек десять крестьян. Сначала, по обыкновению, вызвали всех к присяге и девять из них дали присягу. Десятый, очень тихий и скромный старичок, шагнул вперед и сказал:

— Прошу я почтенный суд, чтобы мне не присягать, потому я—верующий.

Старика освободили от присяги.

После этого начался допрос свидетелей. Они приходили из комнаты свидетелей по одному, и каждый показывал то,

что знал. По окончании допроса председатель спрашивал у свидетеля:

— Сколько заплатили за проезд?

— Двадцать крейцеров.

— Значит, сюда и обратно сорок крейцеров?

— Да,— ответил первый свидетель.

Следующего председатель спросил уже так:

— Железная дорога сюда и обратно сорок крейцеров?

— Да,—подтвердил свидетель.

И так, все девять ответили на вопрос председателя своим тихим „да".

Последним был старик назарен. Старик рассказал, что знал, и, когда кончил, председатель спросил его:

— Железная дорога сорок крейцеров?

— Нет, сударь, только двадцать,—ответил сектант.

— Знаю, знаю, сказал председатель, — сюда двадцать, обратно двадцать: значит, всего сорок.

— Неверно, сударь мой,—возразил опять старик:—сюда десять, обратно десять: всего выходит двадцать...

Мелкий это факт,—прибавляет А. Шкарван,—и двугривенный—небольшие деньги в наше время, но все-таки очень много характерного в том, что из десяти именно тот сказал правду, кто даже присягу не давал, что будет говорить правду".

Подобные факты и рассказы во множестве рассеяны по всей литературе о назаренах, и даже враги их не могут отказать им в уважении за многие высокие качества их характера и принципов нравственности.

Каждую неделю в воскресенье и в четверг назарены собираются на общественное моление [130]). На молении могут присутствовать также и посторонние люди, но ни в коем случае не те, кто исключен из общины. Хотя назарены и говорят, что „Богу надо служить в духе—правдой и истиной, а не обрядами", но, несмотря на это их утверждение, у них выработались свои определенные обряды, и их моление носит на себе ясные отпечатки ритуала.

На моление назарены собираются в частный дом; в некоторых местах они имеют нарочно для этого выстроенную

---

130) В некоторых общинах на моление собираются три раза в неделю.
Прим. В. Б.-Б.

хату-молельню; иногда собираются на открытом воздухе, где-либо в поле, в овраге, в лесу. Сходятся тихо, без шума, незаметно, во многих местах тайно. Собираются обыкновенно днем, но нередко и по ночам.

Комната, где происходит моление, обыкновенно бывает просторная. Окна комнаты обращены во двор дома. Внутри комната чисто выбелена. Посредине комнаты стоит крашеный стол, на котором лежит Новый и Старый Завет. Направо и налево от стола—скамейки в несколько рядов. Направо садятся мужчины, налево женщины. Верующие разделяются на два разряда: „братьев“ и „сестер“,—они сидят в передних рядах,—и на „друзей“ и „подруг“, в число которых входят еще не совершившие всего „покаяния“ или гости—посторонние люди, пользующиеся доверием назаренов. „Друзья“ и „подруги“ сидят в задних рядах. Кроме этих двух разрядов присутствующих на молении, из „братьев“ обыкновенно всегда выделяется один или несколько „пророков“; пророками могут быть те, кто обладает высшим дарованием—ясностью и глубиной мысли, умением толковать священное писание а также сильной возбудимостью религиозного экстаза [131]).

На стене молельни всегда висят часы, как символ времени, всего преходящего и смертности человеческой.

Возле молитвенной комнаты нередко находится пристройка с двумя окнами, выходящими в комнату для собраний; окна эти открыты, так что через них можно все видеть и слышать. Пристройка эта специально предназначена для матерей, не могущих оставить дома своих малюток. В пристройку они уходят, если ребенок заплачет, или если нужно покормить или переменить его.

В воскресенье пищи назарены не варят, так как стараются побольше быть вместе. Нередко матери своих детей оставляют дома без всякого призора, лишь бы иметь возможность присутствовать на собрании.

Моление начинается с того, что все садятся на скамьи и сидят, опустивши голову, со сложенными между коленами руками и молчат. Наступает мертвая тишина. Иногда слышны вздохи. Бьет двенадцать часов. Старейшина после вступи-

---

131) В русских христовщицких сектах (в Старом и Новом Израиле) пророки также должны обладать теми же качествами.

тельных слов просит открыть сборник „Сионская арфа“. Сначала чтец прочитывает какой-либо псалом, потом начинают то же самое петь хором. Поют иногда сначала порознь, каждый на своем родном языке, а иногда все разом на разных языках. Потом кто-либо читает Евангелие и объясняет его, потом опять поют. Наконец, становятся все на колени и молятся вслух, горько оплакивая свои грехи и каясь друг перед другом [132]). Во время моления бывают продолжительные паузы, „дабы душа познала Бога“, как говорят назарены.

Для того, чтобы читатель мог составить себе более ясное представление о „молении“ назаренов, приведем здесь описание одного такого моления, сделанное, по нашей просьбе, доктором А. Шкарваном.

„Рано утром я пришел на вокзал,—пишет А. Шкарван,—где назарен, с которым я условился ехать на собрание, уже поджидал меня. Мы выпили по чашке кофе и скоро сели в поезд. В вагоне мы встретили двух „сестер“ назаренок, тоже ехавших на то же собрание, что и мы. Они с ног до головы были одеты в черное [133]). С моим спутником встретились очень приветливо, хотя, как мне показалось, немного искусственно. Их чересчур серьезные лица, изысканная почтительность, манера и содержание их разговоров, важность осанки—все напоминало мне в них монахинь и казалось неестественным и напускным. Они, повидимому, очень заботились о том, чтобы выказать себя не простыми, а какими-то особенными, вечно благочестивыми женщинами. Но это, кажется, общая черта всех сектантов, сильно вредящая прежде всего *им* самим [134]).

„После пятичасовой езды мы были на месте. На станции

[132]) Всенародное покаяние на богомолениях также очень распространено в русских сектах восточного происхождения.

[133]) Русские сектанты восточного происхождения любят веселые, радостные цвета и особенное пристрастие имеют к платьям белого цвета, как символу чистоты.

[134]) Среди женщин русских сект этих качеств как раз не наблюдается. Приветливое, ласковое, жизнерадостное и веселое настроение—вот по преимуществу те качества, которые обыкновенно свойственны русской женщине-сектантке. Она тверда в своих намерениях, никогда не свернет с намеченного пути, далека от сделок с совестью, но всегда жизнерадостна, и эти качества придают большую красоту жизни сектантских общин.

встретил нас назарен, у которого было решено на этот раз собраться. Это был небрежно одетый, невысокого роста немец, как я после узнал, человек весьма зажиточный, по профессии машинный мастер. С нами, словаками, он заговорил на очень недурном словацком языке и повел нас прямо в свой дом. Дом был большой, каменный, двухэтажный, с длинным рядом пристроенных к нему машинных мастерских. На дворе и в доме везде царили строгий порядок и чистота. Все свидетельствовало о практичности и энергии хозяев.

Нас ввели в целый ряд больших, светлых комнат, очень просто, но весьма солидно меблированных, впрочем, без всяких украшений. Назарены все уже прибыли. Народа было немного—всего одиннадцать человек, большей частью все женщины. Кроме хозяина, остальные были словаки. Здороваясь, целовались друг с другом. Очевидно, они хорошо были между собой знакомы, и дружеским расспросам и сообщениям не было конца. Очередь дошла и до меня. Стали расспрашивать про мою жизнь, про мои планы и намерения, и было очевидно, что они принимают меня за желающего вступить в лоно назаренства.

...Между тем был подан обед, сытный и вкусный. Но назарены ели очень умеренно, соблюдая за столом молчание и торжественность, как будто они не просто едят, а причащаются. После обеда шла вольная беседа, главным образом о религии, помню, не особенно интересная. Вскоре началось и моление.

Все присутствующие сложили руки, низко опустили головы, и наступило гробовое молчание, и длилось оно мучительно долго. Это они ждали сошествия Святого Духа. Наконец, Дух Святой сошел и заговорил устами сапожника—моего спутника. Он начал говорить импровизированную молитву, просто и очень прочувствованно, так что приятно было слушать. И если бы он оборвал ее после первых двух трех фраз, впечатление осталось бы сильное и хорошее. Но он продолжал и продолжал. После первых же фраз сейчас же чересчур увлекся, вошел в экстаз, стал говорить напыщенно и неясно, даже путаясь, повышенным, сантиментальным голосом, всхлипывая и проливая слезы. Все это мне было очень неприятно. Вскоре мне сделалось просто скучно, хотя, повидимому, это чувствовал только я, неверующий, а

„верующие“, судя по выражениям их лиц, плачу и набожным вздохам, совершенно разделяли экстаз оратора, очевидно, принимая его слова, как внушение самого Духа Святого. Молитва была страшно и непростительно длинна. Когда она, наконец, кончилась, хозяин роздал всем, и мне в том числе, по экземпляру специального назаренского молитвенника с песнями, и началось пение. Все пели, пел и я, стараясь вникнуть в смысл текста.

Но беда заключалась в том, что песнь прочтешь не более как в пять минут, а поют ее долго, иную чуть ли не целый час. Было скучно, скучно и скучно. Однако, что мне оставалось делать? Встать и уйти? Я чувствовал, что этим я оскорбил бы и в высшей степени скандализировал бы этих добрых людей; поэтому я твердо решил терпеть и терпеть до конца. Но это было очень трудно! Песня следовела за песней, и даже тексты песней меня уже перестали интересовать. Я зевал неудержимо и томился ужасно. От непривычного, продолжительного сидения на одном месте в запертой комнате у меня стала кружиться голова, и я чувствовал себя несчастным узником, между тем как все прочие прямо блаженствовали. Пение было прервано только ужином и короткой вольной беседой после ужина. Потом оно опять продолжалось. Какая это была пытка! Я страдал за чужую веру... Был уже вечер. Пробило десять часов, и назарены, наконец, закрыли свои „Сионские арфы“. Я обрадовался, думая, что мои страдания кончились. Но, увы!.. После нескольких минут передышки сапожник с умилением сказал: „Вот эта песня и есть настоящая пища души, она никогда не надоест и никогда ею не насытишься... Давайте же еще, братья и сестрицы, споем вот эту чудесную и прекрасную песню.

...И снова открылись „Сионские арфы“, и снова пошла „духовная трапеза“, которую душа моя никак не хотела принимать.

Я невольно подумал про духоборцев, которые, говорят, часто целыя ночи [135]) проводят за пением псалмов: „небось и те святые тоже так мучаются“, пронеслось у меня в голове

---

[135]) Таких продолжительных богомолений у духоборцев почти никогда не бывает. Их богомоление со всем обрядом „поклонения“ редко за-

К одиннадцати часам, наконец, кончилось пение, и в этот раз всерьез, и нам стали готовить постели.

...Было еще очень рано, когда мы поднялись на другой день утром. Когда мы оделись, наелись, все-таки было еще очень темно на дворе, так что в комнатах горели лампы. Мы снова сели за стол, по-вчерашнему, с „Сионскими арфами“ в руках, чтобы продолжать „славить Господа“.

Вскоре засияло солнце на дворе. Брильянтами заблестела замерзшая пелена. Меня так и потянуло туда, на холод, на свободу... Но я не решался встать и уйти, не решался показать собранию „святых“, что мне среди них скучно и что я предпочитаю грешный мир их „праведному“ и набожному собранию. Таким образом я опять просидел с назаренами, пока не кончилось моление. В одиннадцать часов, в той же компании, мы уехали из гостеприимного дома“.

Нам остается теперь сказать еще об обрядах при совершении брака и похорон.

Всякий „духовный“ брат может взять себе в жены „духовную“ сестру. По своему выбору редко кто из назаренов берет себе жену. Это считается не только не нужным, но и положительно вредным. Влюбление и взаимное расположение считаются даже препятствием к браку, так как и то и другое „распаляет“, „разжигает“ человека, как говорят назарены,—и лишает его душевного равновесия и спокойствия, из которых назарен ни в коем случае не должен выходить [136]).

нимает более двух часов. Бывали случаи, когда съезжаются на общее богомоление несколько тысяч человек и тогда обряд „поклонения“ затягивается на несколько часов, так как в нем принимают участие все присутствующие. С обрядами духоборцев можно подробнее ознакомиться в моей работе „Обряды духоборцев“ журнал „Живая Старина“ 1905 г. Что касается других сект—Новый и Старый Израиль,—то здесь собрания и богомоления бывают настолько художественно интересны и содержательны,—особенно там, где ходят в духе,—что несмотря на то, что они иногда затягиваются на несколько часов, но время идет незаметно. Наиболее длительны, обыденны и тягучи собрания молокан. *Прим. В. Б. Б.*

[136]) В протоколе полкового суда в Францельфельде от 8 апреля 1869 г.—сообщает Д. Маковицкий—есть следующее выражение допрашиваемого назарена Ю. Трюмеля: „Плотские желания с той или другой стороны—грех, и такой исключится через это из собрания“.

Вот почему невесте жениха или жениху невесту о[illegible]ыкновенно выбирают старшие в семье, при чем более в[illegible]сего обращается внимание на здоровье и на то, чтобы [illegible]новая пара могла себя самостоятельно прокормить.

Брак, в конце концов, зависит от согласия об[illegible]щины. Совершается он без всяких церемоний, без всяки[illegible]х торжеств и пиршеств.

Собрание строго исследует, нравственен ли [illegible] жених и может ли он сам содержать семью. Потом собр[illegible]ание спрашивает родителей обеих сторон и невесту, жела[illegible]ет ли она выйти замуж за „этого брата". Если невеста [illegible]согласна, то жених и невеста вместе заявляют собранию, [illegible]что они хотят жить сообща, и тут же дают публично обе[illegible] верности. Один из старших „братьев" желает им от лица [illegible] собрания „наилучшего блага от Господа Бога", и обряд „венча[illegible]ния" закончен. Новобрачные идут домой, держась рука за р[illegible]ку. По назаренскому закону, муж не смеет целовать жену.

Когда в семье родится ребенок, [illegible] назарены тоскуют и сильно плачут, „так как,—говорят о[illegible]и,—беда в том, что совершенно неизвестно, зачем дитя п[illegible]ришло в мир и будет ли от него добро или зло?"

Девушки, до замужества, о[illegible]деваются очень просто; не пляшут, не поют светских песен[illegible], не сходятся с парнями на гулянки и т. п. На голове вс[illegible]егда носят черный платок. Цветами никогда не украшают[illegible]ся.

Похороны у назарен[illegible] [illegible]резвычайно просты. Умерших местами хоронят священн[illegible]ики тех церквей, из которых они вышли, и назарены эт[illegible]ому не препятствуют. Но в большинстве случаев назарен[illegible] хоронят своих умерших сами. Покойник кладется в пр[illegible]остой, некрашеный гроб; на кладбище умершего несут без [illegible] молитв, без пения. Впереди несколько человек идут с ло[illegible]патами. Знаков сожаления о смерти „брата" или „сестры" [illegible] высказывать не полагается. Плач и причитание по пок[illegible]ойнику считаются просто неприличными, неуважением к ум[illegible]ершему [137]). „Надо,—говорят назарены,—радоваться смерти[illegible], потому что его Бог отозвал к себе на вечную жизнь и упо[illegible]коение". Жены и матери, однако, все-таки не выдержива[illegible]ют и сдержанно плачут. На это проявление жа-

---

[137]) То же [illegible] самое у духоборцев. *Прим. В. Б. Б.*

лости смотрится, как на человеческую слабость, свойственную женщинам.

Закопав умершего, назарены расходятся по домам и не устраивают никаких поминок.

Назарены верят в воскресение мертвых и говорят, что праведникам будет вечная жизнь, грешникам—вечная мука и ад [138]).

Из других обрядов упомянем молитву перед едой и после еды, утром и на ночь.

Других, каких-либо обрядов у назаренов нет.

Все учение назаренов вырабатывает из них людей аскетического образа жизни, резко отличающихся от окружающих. Назарен, как мы уже говорили, не пьет никаких спиртных напитков, не курит, не нюхает табак, не играет ни в карты, ни в какие другие игры, не поет светских песен, не играет на инструментах, не танцует, не участвует ни в каких праздниках, зрелищах и веселье.

В еде очень умерен. „Ядерницы"—колбаса с кровью и рисом—совершенно не ест, „потому что кровь, как говорят назарены, побуждает к грехам". Со скотиной обходится ласково, человечно, никогда не изнуряет ее. Назарен никогда не смеется, иногда только улыбается. Назарен всегда учтив, вежлив, внимателен и спокоен. Встречаясь с „сестрами", „братьями" или „приятелями", приветливо с ними здоровается, снимает шапку и расспрашивает о жизни. Со всяким духовным и светским начальством, а также с „господами"—помещиками, купцами и пр.—очень сдержан и холоден, часто совсем не здоровается, шапки перед ними не снимает никогда, а лишь иногда шевелит пальцами правой руки на груди в знак того, что он заметил прохожего.

На всякие вопросы назарен отвечает прямо, без обиняков, кратко и категорично. Ответив на вопрос, очень не любит, чтобы его переспрашивали вторично. Считает такое

---

[138]) Что понимают назарены под словами „вечная жизнь" и „вечная мука, ад", мы не могли выяснить с точностью. Есть данные, которые позволяют сделать предположение, что то и другое некоторыми понимается, как возмездие в „загробной жизни"; другими же, наоборот,—как „суд совести" над человеком при его обыкновенной жизни. Сам человек волен сделать из своей жизни „рай" и „ад", в зависимости от своих поступков, образа мыслей и жизни. *Прим. В. Б. Б.*

невнимание неучтивостью и не вежливостью; злословия и ругательств (по свидетельству Д. Маковицкого, национальная мадьярская дурная привычка) от назарена не услышишь. При покупке товаров никогда не торгуется и, продавая сам, не запрашивает. Не делает долгов и не дает в долг, а помогает безвозвратно. Всякое лихоимство, обман, воровство, взимание процентов и т. п.—все строго порицается у назаренов. Если кто-либо из назаренов совершит подобное преступление и сам не раскается и не вернет, положим, украденное, то местное собрание назаренов изобличает виновного публично и заставляет публично же виниться перед тем, кому нанесена обида или ущерб, при чем все убытки назарен должен покрыть немедленно.

Никакого оружия назарены с собой не носят и при каких бы то ни было нападениях не защищаются.

Военной службы не признают. „Мы можем чистить ружье, ходить за больным,—говорится в одном назаренском ответе венгерскому министерству,—но не можем убивать“.

V.

Свое отношение к воинской повинности назарены строят на понимании евангельского текста 5 главы 44 стиха от Матфея, в котором сказано: „а Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас“.

Этот евангельский текст дает нерушимую стойкость назаренам в борьбе с воинской повинностью.

Надо здесь заметить, что когда в Венгрии вводилась „всеобщая воинская повинность“, и притом лично обязательная, министерство военных дел отнеслось к назаренам весьма терпимо.

В распоряжении от 12 августа 1869 года сказано [139]):

„Лица, подлежащие отбыванию воинской повинности и принадлежащие к непризнанной законом секте „назареев“, призываются в окружные управления к зачислению в ряды постоянного войска и исполнению воинских обязанностей.

---

[139]) Цитирую по статье Л. Пантелеева „Назареи в Венгрии“.

В случае же отказа их от принятия оружия по нравственному их убеждению, дозволять им отбывать эту повинность в военных госпиталях, согласно § 67 отдела 3 в инструкциях о применении военных законов". А в § 67 отдела 3,—продолжает Л. Пантелеев,—значится:

„Принадлежащие к секте менонитов в Галиции... освобождаются от ношения оружия с тем, что отбывают службу при госпиталях... и освобождаются от изучения управлять оружием. Теми же льготами они пользуются в военное время".

Но уже в 1875 г.,—пишет Л. Пантелеев,—это гуманное распоряжение было отменено, и 18 июня этого года было издано нижеследующее постановление: „Дошло до сведения военного управления, что принадлежащие к постоянно возрастающей секте „назареев" переходят в эту секту если не в самый год обязательной явки для отбывания воинской повинности, то не более как за год или за два, что наводит на мысль, что это проделывается не столько в силу внутреннего убеждения, сколько для того, чтобы уклониться от воинской повинности. Поэтому, чтобы избежать разрастания под таким предлогом секты, государственное военное министерство, по соглашению с венгерским министерством народной обороны, признает приказ от 12 августа 1869 г. не имеющим силы и приказывает, чтобы лица, принадлежащие к секте „назареев", призывались не только к отбыванию воинской повинности, но и к ношению оружия."

Появление этого приказа повлекло за собой, как мы увидим ниже, целый ряд невероятных жестокостей, жертвами которых являются стойкие духом назарены. Австро-венгерские власти, издавая этот приказ, очевидно, не имели достаточно ясного представления об учении назарен: иначе они бы не ссылались на то, что только к сроку отбытия воинской повинности, или года за два раньше, сектанты официально присоединяются к секте. Выше мы уже пояснили, что назарены считают почти совершенно недопустимым, чтобы ребенок или юноша, еще не находящийся „в полном разуме", мог вступить в секту. Такое вступление должно быть совершено сознательно, почему само собой понятно, что возраст, обязательный для отбывания воинской повинности, и возраст вступления в „общину" назарен почти что совпадают.

Чиновники правительств, относясь к явлениям народной жизни исключительно бюрократически, никогда не берут на себя труда вдуматься в истинное положение вещей, а рассуждают по очень простой формуле „да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого“, и ни что же сумнящеся, пишут указы и приказы, которыми они предают зверскому мучительству ежегодно целые сотни людей, губят сотни жизней и разрушают множество семей.

Правда, преследования назаренов начались гораздо раньше появления приказа 1875 г. Так, А. П. Бир, протестантский богослов, старавшийся в 1870 году возвратить назаренов в лоно церкви, пишет в статье „Назарены в Бачке“ следующее: „Если хорошо помню, в 1857 г. случилось, что между прочими отобрали в солдаты трех назаренских парней. Их отвели на место пребывания полка, но когда пришлось присягать, они отказались наотрез. Арест в течение нескольких недель, жестокое биение палками не были в состоянии заставить их отречься от своего исповедания. Одного, как наиболее непослушного, расстреляли; другие же два умерли от многократного биения палками, но до последней минуты остались верными своей вере“ [140]).

После объявления приказа от 18 июня 1875 г. наступила самая ужасная пора для назаренов. Вероятно, ввиду того, что в приказе было прибавлено: „с ослушниками поступать по всей строгости законов“,—немедленно начался целый ряд военных судов, которые, по свидетельству Северини, немилосердно преследовали назаренов. „Вначале случалось,—пишет он,—что военные власти многих назаренов расстреливали по военным законам. Потом военный суд,—прибавляет Северини,—стал милостивее относиться к ним, примером чего может служить то, что во время оккупации Боснии отказывавшихся назаренов не приговаривали к смерти, как того требует закон, а только в тюрьму“. Но в такой категорической форме не приходится говорить о времени оккупации Боснии и Герцеговины. В это время, правда, военные власти уже несколько смягчились, но все-таки и в этот период они обагрили свои руки в назаренской крови. Доктору А. Шкарвану лично рассказывал один из назаре-

---

140) Цитировано по книжке Dušan'a Makovicky'ого „Nazarènové v Uhrách“, стр. 19.

нов-вожаков следующий факт, бывший во время оккупации Боснии и Герцеговины:

„Во время завоевания Австрией Боснии и Герцеговины, однажды был командирован один полк [141]) в сражение. Два солдата назарена заявили своему начальству, что стрелять они в противников не будут, так как все люди—братья и никто не должен убивать другого. Эти солдаты-назарены сейчас же были преданы военному суду и тут же расстреляны".

Современем расстреливать назаренов перестают совершенно, но зато подвергают всевозможным дисциплинарным взысканиям, нередко граничащим с пыткой.

Отказавшийся от оружия назарен прежде всего переходит в распоряжение „унтеров" и „фельдфебелей", которым поручается „образумить" непокорного. Этот пароль, данный обыкновенно кем-либо из офицеров, развязывает руки огрубелым и жестоким знатокам субординации, и над крестьянским парнем проделывают всевозможные издевательства. Одним из особенно любимых и часто применяемых наказаний или, лучше сказать, способов дисциплинарного воздействия, является так называемое „вывязывание", очень сильно распространенное в австро-венгерской армии [142]).

„Так как, наверное, не многие из читателей знают,—пишет д-р А. Шкарван,—что обозначает техническое выражение „вывязать", то, думаю, уместно будет рассказать здесь об этой средневековой, варварской пытке, употребляемой до сих пор в австро-венгерской армии и применяемой ежедневно сотни раз и в тюрьмах и в полках всей монархии. Делается это следующим образом: руки солдата на спине складываются накрест, на перекрестке их надевают кандалы, ножные кандалы также сковывают вместе. Потом протягивают крепкую веревку через отверстие ручных кандалов и, затянув один конец веревки узлом, другой конец пропускают через железные кольца, укрепленные в стене аршина на два над головой наказуемого, и тянут веревку до тех пор, пока не

---

141) Какой именно полк, А. Шкарван. забыл. Назарен назвал его. *Прим. В. Б.-Б.*

142) Этот варварский способ широко применялся австро-венгерскими военными властями в последнюю войну (1914—1919 гг. к русским военнопленным, чем-либо не понравившимся этим современным палачам трудящихся. *Прим. В. Б-Б.*

приподымут жертву настолько, что она едва прикасается земли носками сапог. Как только мускулы теряют свое напряжение и солдат невольно опускается на всю подошву, повиснув на вывернутых руках, так тотчас снова подтягивают веревку. При этом многое зависит от того, насколько сильно совершающий экзекуцию солдат натягивает веревку: если это делается как следует, по всем правилам искусства истязания, то даже самые сильные натуры не выдерживают этой пытки и впадают в обморок. Когда случается это „неприятное осложнение“, то веревку опускают и ждут, пока истязуемый не придет в сознание, и тогда снова продолжают пытку“ [143]).

Измученного таким образом человека безжалостные „отцы-командиры“ нередко бросают в холодный, темный карцер, напоминающий скорей могильный склеп, чем помещение для живого человека. Чтобы пребывание в карцере было еще более чувствительно и мучительно для арестованного назарена, его сковывают цепью, притягивая правую руку к левой ноге. В таком невозможном положении лишенный света и тепла, лишенный пищи, вполне одинокий, но крепкий своей верой, сидит и страдает за свой принцип молодой сектант, по большой части только недавно вступивший в лоно „братства“ и взявший на себя тяжелые обязанности борца за „свободу даже до самой смерти“, как говорят они.

Летописи истории назаренов полны сообщениями о проявлении истинного героизма самыми простыми крестьянскими парнями, которые, во имя принципа, охотно идут на какие угодно истязания и редко, редко изменяют раз принятому на себя обету. Надо заметить, что так поступают не только рекруты, но и запасные, т.-е. такие, которые уже после отбытия действительной службы сделались назаренами. И они, когда их призывают на маневры, обыкновенно не хотят брать оружия в руки. Зная, что их за это, может быть, приговорят к пожизненному заключению, они заблаговременно распоряжаются своим хозяйством так, чтобы жене было легче управляться одной, и прощаются как бы навеки с ней и с своими детьми.

---

[143]) См. А. Шкарван „Мой отказ от военной службы“ (стр. 157—158).

Приведем некоторые примеры из этой области жизни назаренов.

Иоча Радованов (серб) из Вечбаса (Бачка). Зачислен в октябре 1892 г. в Пеште в 6 полк в 6 роту. Когда ему давали оружие, он сказал, что не может его взять, потому что вера его не позволяет ему этого. Сначала его заперли на 6 часов, затем на 4 дня, и потом он сидел 3 месяца в предварительном заключении, пока суд не приговорил его к заключению на 2 года. Его старший брат тоже приговорен к заключению и в 1894 г. сидел уже 10-й год. Мать этих обоих братьев пришла навестить младшего в тюрьму. Начальство ей не разрешило свидания с ним. Она стояла и плакала на дворе тюрьмы. И в это время она увидала в одном из окон лицо сына и сейчас же крикнула ему: „Сыне мой злати, не мов за Бога узэти пушку!“ (Сынок мой золотой, Бога ради не бери ты ружье!) [111]).

В конце августа 1895 г. призывались запасные Сегединского резервного полка. Когда им раздавали ружья, двое из них не хотели принять их, потому что им это не дозволяет назаренская вера. Капитан Олчвари пожалел их и доказывал им, что Бог всегда любил мадьярских гонведов (земское войско, венгерское—не австрийское) и что ведь теперь идут не на войну, а только на маневры, где никто не будет проливать крови. Назарены на это ответили:

— Но нас для того ведут на маневры, чтобы выучить убивать людей.

Капитан пытался подействовать на них примером. Он сказал им, что прошлой осенью один назарен тоже так себя вел и его несколько раз наказывали и, наконец, заключили на 17 лет в крепостную тюрьму.

— Ничего, пусть нас застрелят,—спокойно ответили назарены.

Другие запасные пошли к семьям этих назаренов, и жены их, не находившиеся еще в секте, с плачем просили мужей, чтобы те покорились власти, но они не согласились. Капитан посадил их предварительно на 10 дней тяжелого ареста. Когда их отводили, они, плача, расставались с семьями.

— Оставайтесь с Богом,—говорили они,—нас заживо

---

[111]) См. D. Makovicky. Nazarénové v Uhrách, стр. 21.

похоронят ради Господа Бога, ради святой невинности и чистоты душевной, потому что люди должны быть, как агнцы Божии.

Капитан Олчвари еще раз испробовал одно средство над ними: велел повесить на них ружья и препоясать сабли, но они скрестили руки на груди и стояли не шевелясь [145]).

Один назарен—серб из Чурута—подвергся жестокому истязанию: фельдфебель Иван Александер подвесил его за ноги и оставил висеть вниз головой [146]).

В 1873 г. в Люблянах был в Сентешском полку один назарен, через год пришли два другие (все мадьяры из Сегвару, Годмезенвашаргелу и Макова). Первого мучили в течение 3 месяцев голодом, арестом, привязывали ему два ружья и ранец, наполненный патронами, и заставляли его, обвешенного этими тяжестями, делать упражнения. Он делал все, но только когда надо было брать ружье в руки, не брал. Командовали „бегом",—он бежал, падал, должен был сам подыматься и бежать дальше. Целые ночи должен был он простаивать вооруженный около постели и падал от изнеможения. После 3-х месяцев его определили в санитары. Из двух других, которых мучили подобным же образом, один покорился [147]).

Рекрут Лоренц из Баната не хотел принять ружье. Майор велел солдатам зарядить ружья, на которых были навинчены штыки, окружить назарена и взять ружья на прицел. Меняя солдат, майор продержал назарена в таком положении целый день. Один из солдат, который также должен был наводить свое ружье на назарена, выступил из рядов, отбросил в сторону свое ружье и крикнул: „Кто слыхал, чтобы так мучили праведного человека!". Солдата, конечно, арестовали [148]).

Доктор А. Шкарван записал со слов своего знакомого назарена следующий случай:

„Был у меня товарищ,—рассказывал назарен,—по имени Франко Новàк, он должен был отбывать военную службу в Темешвàре. Когда его первый раз повели вместе с дру-

---

145) См. D. Makovicky. Nazarènové v Uhràch, стр. 22.

146) Там же, стр. 22.

147) Там же, стр. 23.

148) Там же, стр. 23.

гими рекрутами на учебный плац, он отказался принять оружие. И так и этак хотели заставить его упражняться с оружием, но все было безуспешно. О нем сейчас же рапортовали по начальству. На Новàка набрасывались с криком и ругательствами, но и это не помогло: он твердо стоял на своем. Заметив суету около Новàка, присутствовавший на плацу генерал прискакал к этому месту и спросил, что случилось. Ему доложили. Узнав в чем дело, генерал ласково спросил Новàка, почему он не хочет взять оружие. Новàк вынул из кармана маленькое Евангелие и сказал:

— Высшие власти разрешают печатать эту книжку, а также не запрещают и жить по высказанным в ней заветам. В книге же этой сказано „люби ближнего, как самого себя“. Не принимаю оружия потому, что хочу следовать заветам Спасителя.

Генерал спокойно выслушал до конца Новàка, потом сказал ему:

— Однако, в этой же книжке сказано: „кесарево—кесарю, Божие—Богу“.

Новàк сначала смутился и молчал, но быстро спохватился, снял военную фуражку, оружие, мундир и, положив все это к ногам генерала, сказал: „Вот это все его величества кесаря, вот я и отдам ему все, чтó его“.

Генерал совершенно не знал, что ему ответить, пришпорил коня и ускакал к другому отряду“,—торжественно закончил свой рассказ назарен.

Очень трогательный случай приводит венгерская газета „Budapesti Hirlap“ (сентябрь, 1897 г.). В заметке под названием „Назарен“ она рассказывает, что „к городскому нотариусу Надькикинды явился дрожащий, дряхлый старик. В руках у него был поблекший лист бумаги—свидетельство о праве на пенсию инвалиду 48-го года.

— Извольте записать, господин нотариус,—проговорил дрожащим голосом старик,—что я отказываюсь от трех гульденов ежемесячного вспомоществования, которые до сих пор получал от казны.

Удивленный нотариус спросил старика:

— Что вы, Вайда, разве нашли клад какой?

— Верно, совершенно верно, господин нотариус,—ответил взволнованный старик,—я, действительно, нашел клад.

Нашел я, господин нотариус, своего Господа, который дороже мне всех кладов мира сего и которому не нравится, чтобы раб его питался хлебом, доставленным ему оружием.

И свидетель славного времени,—заключает газета,—бедный изнеможенный старик отдал свое свидетельство нотариусу, так как он уже оставил знамя, бросил оружие и стал назареном".

Отказы назарен от воинской повинности являются не единичными фактами, но нередко принимают массовый характер. Так, газета „Magyar Hirlap" сообщает, что „при наборе новых рекрутов в 1897 году для австро-венгерского войска, оказалось 214 таких новобранцев, которые все, как один, объявили, что они вполне годятся для того, чтобы копать картофель, но не для того, чтобы воевать против неприятеля. Эти назаренские парни все сербы из Бачской жупании, из тех мест, где Тисса впадает в Дунай".

Назарены не избегают пропагандировать свое учение и в казармах и в военных тюрьмах, за что нередко бывают жестоко избиваемы, но иногда и там имеют успех.

„Так, в „Новом Базаре" я знал двух рядовых,—пишет А. Шкарван,—между солдатами роты. Прежде они были унтерами в Сегедине, но за пьянство и буянство были разжалованы. Они были посажены в Арадскую тюрьму, откуда в наказание их перевели в наш Босенский батальон. В это время, однако, эти оба пьяницы были уже самыми тихими, кроткими людьми: назарены бригадной (Арадской) тюрьмы обратили их в „веру верующих" и успокоили их".

Газета „Застава" в заметке в номере от 31 декабря 1895 г. сообщает, что „один назарен отправился в казарму и начал проповедывать о том, что ружье брать в руки грех, и пр. и т. п. Солдаты сначала смеялись над ним, потом избили проповедника, избили так сильно, что пришлось отнести его на носилках в госпиталь. Это произошло в мадьярском городе Печутель, между Дунаем и Дравой".

Одно из самых последних известий о назаренах, сидящих в тюрьмах за отказ от воинской повинности, относится к 1899 г. Мы имеем в виду заметку, напечатанную в № 1 (январь 1900 г.) ежемесячного журнала „Свободная Мысль" (Женева).

В ней говорится:

„В октябре месяце (1889 г.) один назарен из Соединенных Штатов получил разрешение посетить назаренов, заключенных в военной тюрьме в Сегедине, в Венгрии. Их было там 33 человека. Все они уже отбыли при своих полках короткие сроки ареста, а теперь присуждены на долгие, многолетние сроки. Американский брат ободрял и благодарил за их мужественный пример и твердость и убеждал к дальнейшему смиренному несению своего креста“.

Кроме этого сведения в том же журнале появились два сообщения о назаренах, отказавшихся от военной службы. Эти сообщения относятся к 1900 и 1901 г. г. Позднее нам не удалось получить никаких сведений о назаренах.

Английская газета „Morning Leader“ в номере от 30 октября 1900 г. сообщает, что „венгерские военные власти подвергли жестокому наказанию Алекса Максимова за отказ от военной службы. Максимов—назарен и, будучи призван к военной службе, отказался держать в руках ружье и участвовать в каком бы то ни было военном учении. Он был судим военным судом и приговорен к двухлетнему тюремному заключению. По истечении этого срока, его вернули в полк, но он не пробыл в строю и часа, как снова отказался взять винтовку в руки, объявляя, что его убеждения назарена не позволяют ему делать этого. Опять его судили военным судом и приговорили к 8 годам тюремного заключения; по прошествии этого срока его заставили насильно прослужить еще три года в армии“[149]).

Пештская газета „Pesti Hirlap“ от 25 июня 1901 г. в статье под заглавием „Почтенные узники“, сообщает следующее: „В сегединской тюрьме находятся тридцать семь военных арестантов, присужденных к заключению за отказ отбывать военную службу и даже взять в руки ружье. По мнению начальника тюрьмы, это—лучшие арестанты, и они пользуются там общим уважением. Если нужен добросовестный, ловкий рабочий, то выбирают только назарена, и никогда не бывает того, чтобы в нем приходилось разочароваться. Без малейшего ропота и даже с хорошим расположением духа они исполняют свою работу, вполне сдружившись с мыслью, что

[149]) Цитировано по журналу „Свободная Мысль“ № 12 (декабрь) 1900 г. (стр. 204), Женева.

они—заключенные. На самом деле у них не бывает даже сильного желания на освобождение, так как они хорошо знают, что через несколько недель им все равно придется вернуться назад, так как они не принимают оружия и после многолетнего заключения так же решительно, как и в первый день своего отказа. Среди теперешних узников-назарен самая интересная личность это—Степан Шапта, уже восьмой год живущий в тюрьме. В первый раз военный суд засудил его на пять лет, второй раз на три года. В октябре месяце сего года (1909 г.) его выпустят на свободу, но не совсем, потому что сейчас же наденут ему военный мундир и поднесут ему ружье, и так как он не возьмет его, то его снова засудят, но уже только на два года, ибо военная служба длится всего десять лет и сверх этого срока уже не принуждают отказавшегося к службе [150]). И так, Степан Шапта, 10 лет своей жизни проживет в тюрьме, не нарушив при этом своего благорасположения к людям. Прочие назарены похожи на него и очень редки между ними те, которых продолжительная тюрьма могла бы заставить сдаться" [151]).

Многие назарены (несколько десятков), осужденные на долгие сроки, сидят по тюрьмам еще в следующих городах в Венгрии: в Ороди и в Коморне; а также в Хорватии; в Петроварадине; в Новой Австрии; в Моллерсдорфе, близ Бадена.

Венгерские газеты сообщают о некоторых отказах от присяги и службы назаренов-резервистов во время осенних учебных сборов.

VI.

Все эти преследования, конечно, не могли остаться без обсуждения среди назаренских общин.

Назарены несколько раз собирались на свои „большие"

---

[150]) Русское самодержавное правительство Николая II применяло ту же меру как к духоборцам, так и вообще к лицам, отказывавшимся от воинской повинности по религиозным убеждениям. Оно ссылало всех таких лиц, после тюремного заключения и мучений в дисциплинарных баталионах, на поселение в Якутскую область сроком на восемнадцать лет, так как это количество лет каждый призываемый считается военнообязанным.

[151]) См. журнал „Свободная Мысль" № 16 (август, сентябрь 1901 г.) Женева, статья „Назарены в тюрьме" (248 стр.).

собрания и делали постановления и разъяснения, которые и доводили до сведения подлежащих властей. Сообщим здесь два наиболее типичных:

1) Местное годмезевашаргельское собрание выразилось относительно отказов от воинской повинности следующим образом: „Мы уже сказали,—пишут назарены,—что воздерживаемся от присяги перед судом и в тех случаях, когда наших парней берут в солдаты, но мы и по этому поводу должны сказать (так как на нас за это нападают), что мы все подчиняемся королю и государственным законам, хотим исполнять их и то, что касается податей и военной службы и других обязанностей, за исключением одной: что касается убивания людей—этого мы делать не можем, так как в Новом Завете сказано: „Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас“ (Мф. 5, 44). Чистить оружие—возьмем, но упражняться с ним—нет, потому что если бы пришлось употреблять его на деле для убийства людей, то мы бы никаким образом не дотронулись до него, и император ошибся бы в нас. Поэтому последователи Христа, зачисленные в солдаты, отказываются упражняться с оружием. Но ведь есть достаточно должностей, где они могут исполнять верную службу, как, напр., военные служители, при чем мы бы согласились носить штык и исполняли бы другие, подобные этой, службы, и думаем, что вы, господин министр, найдете это разумным и будете иметь возможность сделать соответствующее распоряжение. А мы бы нашим одноверцам, если бы это оказалось нужным, давали свидетельства, для того, чтобы другие не выдавали себя за таких же. Молодых людей и так мало между нами, так что и случаев отказов может быть немного“ [152]).

Таково было заявление одного из самых больших назаренских собраний, в котором насчитывается более тысячи членов. Оно было бы чересчур умеренным,—умеренным настолько, что шло бы в прямой разрез со всем учением назаренов, если бы в изложении этого самого „исповедания“ не было бы сказано, что государственным законам следует подчиняться только настолько, насколько они не противо-

---

[152]) См. брошюру Маковицкого, стр. 19.

речат законам Божеским, в противном случае надо слушать скорее Бога, чем людей,—говорится там [153]).

Это „настолько, насколько"—общее почти всем сектантам основание для всевозможного неподчинения, когда требования властей идут вразрез с „требованиями совести", которые в последнем счете всегда являются не чем иным, как требованием, волей-неволей, уже сознанных политических и общественных прав, идущих наперекор господствующему в государстве режиму и властвующей политической системе.

Как и следовало ожидать, и это более чем смиренное, почти раболепное заявление назаренов было оставлено без всякого последствия военным министерством, и сектантов все так же, по-старому, продолжали и продолжают преследовать за их отказы от оружия.

В 1897 г. назарены сделали еще попытку убедить властей переменить отношение к ним. Как сообщает венгерская газета „Budapesti Hirlap", в конце 1898 г. все венгерские назарены подали прошение министру гонведов (министр венгерской милиции), в котором просили следующее: „1) Избавить назаренов от ношения и употребления оружия. 2) Освободить их от обязанности коленопреклонения во время команды „на молитву". 3) Освободить их от обязательной присяги. 4) Не принуждать их вместе с другими солдатами посещать церкви остальных вероисповеданий".

Но и это коллективное заявление всех венгерских назаренов, конечно, осталось гласом вопиющего в пустыне. Бюрократическое стремление стричь всех под одну гребенку помешало и здесь заправилам венгерского правительства войти в обсуждение сути дела, ходатайства были оставлены без рассмотрения, и преследование назаренов все также продолжалось и продолжается по наши дни.

В 1897 году назарены отправили депутацию к президенту министров барону Бàнфи. Об этой аудиенции сообщила газета „Budapesti Hirlap" в номере от 8 ноября 1897 г. Газета писала: „Барон Бàнфи, президент министров, принимал вчера у себя на аудиенции депутатов назаренов из некоторых густонаселенных мест Южной Венгрии. Депутация просила президента министров заступиться за них и ходатай-

---

[153]) См. 19 стр. брошюры Маковицкого.

ствовать о разрешении свободно организовать им свою назаренскую церковь. Президент министров не обещал именно потому, что их назаренская вера учит о военной службе совершенно противно законам страны. Бàнфи спросил их, между прочим, что они делали бы, если бы неприятель, внешний враг, напал на их родину, неужели и тогда они не стали бы употреблять оружия? Оратор депутации ничуть не смутился этим вопросом и ответил, что „Господь Бог не оставил бы нас; Он защитил бы и помог нам!“ Но что можно было бы, хотя бы для самозащиты, употреблять оружие, назарены ни в коем случае не хотели допустить. Личное ходатайство назаренов, конечно, осталось без всяких последствий.

Все это ужасное, вполне бесправное положение назаренов объясняется больше всего, конечно, общим законодательством Венгрии относительно „свободы совести“. Вследствие того, что этот важный вопрос разработан в венгерском законодательстве очень плохо, вследствие того, что он находился в полном несоответствии с понятием о конституционном правовом государстве,—вследствие всего этого „указ венгерского министра просвещения 1868 г. и закон 1875 г.,— пишет Д. Маковицкий,—не считают законными ни самое назаренское исповедание, ни отпадение назаренов от церквей, к которым они до сих пор принадлежали, ни назаренские браки и детей от них и не освобождают назаренов от платежа податей церквам, из которых они выступили“.

По новому закону о религиозной свободе 1895—1896 г.г. назаренство остается исповеданием, не признанным законом, и назарены должны еще 5 лет после выхода из церкви, признанной законом, платить ей подати и должны детей своих воспитывать в какой-либо из законом признанных церквей. До сих пор,—вполне правильно замечает Д. Маковицкий,—они могли воспитывать своих детей в своей собственной вере, по своему убеждению; следовательно, новым законом назаренов, через их детей, силою загоняют обратно в те церкви, которые они оставили.

В Хорвато-Славонии государственным законом 15 декабря 1893 г. постановлено: 1) Исповедания секты назаренов и баптистов считать законом не признанными. 2) Последователей этих сект не принуждать исполнять обряды некоторых испо-

веданий из признанных законом. 3) Брак, заключенный по обряду назаренов, и детей от него считать незаконными. 4) В областях, заселенных сектантами, должны вести записи о случаях рождений и смерти и о супружеских связях у назаренов. 5) Так как назарены должны исполнять все областные обязанности, то должны и детей посылать в школы. 6) Умершие назарены должны быть похоронены на той части общинного кладбища, где хоронятся дети, умершие до крещения“ [154]).

Вот эти-то драконовские постановления, внесенные в закон о „религиозной свободе“ (!) специально для назаренов, и должны были, по проекту „начальства“, „вразумить заблудших“, но, как всегда бывает в таких случаях,—они только еще сильнее возбудили назаренов своей очевидной несправедливостью, подбавили им упорства и фанатизма и узаконенным беззаконием дали плохой прецедент, расчистив дорогу для всякого насилия и бесчинства любого „из представителей большой и малой власти“ над кроткими и убежденными сектантами.

Пробовали назарены обращаться за заступничеством и ходатайством перед высшим правительством к различным якобы гуманитарным обществам, и, между прочим, обратились и к известной „Лиге мира“, через председателя венгерского ее отделения известного писателя Мавра Иокая. Ответ этого официального представителя столь нашумевшего в Европе общества настолько характерен и интересен, что мы приведем его здесь полностью [155]).

„Накануне мне было доложено,—пишет Мавро Иокай,—что ко мне явится депутация. С полной готовностью я согласился принять их. Мне давно было известно вероисповедание назаренов.

Они явились точно, в определенный час. Их пришло семеро; это были представители от разных многочисленных южно-венгерских назаренских городов; между ними находились крестьяне, ремесленники, фабриканты, землевладельцы. Их оратор был крестьянин, старик, с хорошим лицом.

На мой вопрос, какое название имеет то вероисповедание, к которому они принадлежат, он ответил мне:

[154]) См. брошюру Д. Маковицкого, стр. 18.

[155]) Ответ этот напечатан в газете „Magyar Hirlap“, 4 ноября 1897 г.

— Мы—верующие, последователи заветов Христа.

Я попросил их сесть и передать мне цель своего посещения. В ответ на это оратор стал рассказывать, что за последнее время власти делают назаренам затруднения в приобретении домов и земли при внесении их имен в поземельную книгу; но главная жалоба их заключается не в этом, а в том, что военные власти с ужасной строгостью поступают с их сыновьями, которым религиозное убеждение не позволяет брать в руки оружие: за это их сажают в тюрьму, некоторых же 12 лет принуждают служить при лазаретах. И вот они обращаются к моему посредничеству и просят помощи для устранения всего этого.

Почему именно моего посредничества в помощи?

Потому что я состою президентом „Лиги мира“ в Венгрии.

Действительно,—пишет Мавро Иокай,—моя обязанность состоит в распространении любви к миру и даже более того—в этом мое искреннее сердечное намерение.

И я рассказал им свой взгляд на то, какими средствами можно водворить мир на земле.

Я свято верю, сказал я им,—пишет Иокай,—что современное поколение вполне может пользоваться миром, но именно потому, что руки у него полны оружием. Каждое большое государство, каждый монарх, каждое правительство знают очень хорошо, что другие государства точно так же вооружены, как и они; что их народы точно так же готовы пролить свою кровь за отечество, как и их народ, и, зная это, все они избегают нарушить мир, что было бы одинаково пагубно как для побежденных, так и для победителей. Тяжелым бременем лежит на нас этот вооруженный мир; однако, лишь только мы сложим оружие, в тот же момент на нас кинутся войной наши соседи и разделят между собою нас, безоружных. Я им рассказал, что все народы во всем мире имеют еще, кроме своего отечества, родственные им народы—и немцы, и французы, и англичане, и русские. Одни венгерцы в целом свете не имеют другого отечества, кроме Венгрии. Если мы позволим иностранцам завладеть нашей страной, то нас ожидает лишь рабское иго и исчезновение нашего народа. И среди этой катастрофы погибнут и назарены также.

Также я выставил перед ними то обстоятельство, что у

нас, кроме учения Христа, есть еще учение Арпада, про которого мы отнюдь не должны забывать, так как не кто иной, как он, вывел нас из азиатских пустынь, пригодных лишь для уединенной аскетической жизни,—в деятельный европейский мир, где мы со всех сторон окружены чужими народами, из которых всякий поносит нашу славу, угрожает нашей будущности, вырывает из-под наших ног кусками нашу землю.

Если мы сами себя покинем, то покинет нас весь мир, покинет нас сам Бог, и мы обратимся в прах.

На это назарены ответили лишь, что Христос запретил воевать.

Тогда я предложил им мою Библию с замечательной резьбой la Maistre de Sacy на переплете и указал им, что из четырех евангелистов Марк, Лука и Иоанн ничего не упоминают об изречении Христа о том, что „взявший меч от меча погибнет", и что это изречение есть только у одного Матфея. Но Христос этими словами,—продолжает президент венгерского отдела „Лиги мира",—запрещал не военщину, не защиту отечества, так как в его время Палестина была уже римской провинцией и евреи не обязаны были служить в римских войсках, но Спаситель подразумевал под этими словами убийство уголовное, которое карается мечом закона. Десять заповедей Иеговы, данные на горе Синае, тоже запрещают „убийство", и вместе с тем тот же самый Иегова дал начальникам еврейского народа приказание, чтобы они в городах филистимлянских убили всех мужчин, и народ израильский, во имя Иеговы, брался за оружие против чужих завоевателей. Бог тоже делает разницу между убийством и геройскою защитою отечества.

На это назарены ответили мне, что Христос (по Матф. V гл.) приказал нам любить даже врагов наших и творить добро тем, кто нас преследует.

—Я тоже следую этой заповеди, ответил я,—сказал назаренам Иокай:—я не убиваю людей чужого народа. Одинаково я уважаю немца, русского, румына; желаю им благополучия в их стране; желаю, чтобы и на них сошел Дух Святой, чтобы и они любили нас. Никогда я не сочувствовал тому, чтобы молодое поколение нашей страны напало с оружием на кого-нибудь из наших соседей; я лично пе-

реношу всякие нападки на меня и не мщу; однако выпустить из рук средство для защиты я не советую.

На это мои посетители ответили мне, что не в том заключается их желание, чтобы вся Венгрия сложила оружие, а только, чтобы их братья могли вместо срока рядовой службы отслуживать свой срок при занятиях, где не требуется брать оружия.

— Но в таком случае всякий заявит, что он—назарен, лишь бы освободиться от военной службы.

— Это не так,—ответил мне один из назаренов, участвовавший в оккупации Боснии, как лазаретный служитель,— это не основание всякому стать назареном, ибо для того, чтобы принадлежать к нашей общине, недостаточно не быть солдатом,—нужно прежде всего покаяться и очиститься от грехов своих: наши братья не крадут, не обманывают, не прелюбодействуют, не пьют, не ругаются, не дерутся, не присягают, а сказанное слово исполняют. Братья наши не ленивы, не гуляют, а работают; имение свое раздают, Бога почитают, любят всех людей. Вот каким требованиям должен удовлетворять мирянин, чтобы стать назареном. На свете же много таких, которые не на этом поприще ищут подвигов и удовлетворения. Они все, по своей совести, могут итти на военную службу.

Я должен был признаться,—пишет Иокай,—что действительно жизнь назаренов заслуживает уважения. Также я признался и в том, что самые верные наследники заветов Христа—назарены.

— Я сам такой же, как и вы,—продолжал Мавро Иокай,— я знаю наизусть Библию, спою до конца все псалмы Давида. В то же время я—президент „Лиги мира" в Венгрии, и я все мое влияние употребляю на то, чтобы содействовать сохранению мира путем слова, писаний и жертвой имущества. Однако, если моему отечеству будет угрожать неприятель (чего не дай Боже), то, несмотря на мою седую голову, седую бороду, я все-таки препояшусь мечом, сяду на коня и стану в ряды защитников отечества. Священное писание полно мудрых изречений, это верно; однако я придерживаюсь народной железной поговорки: „не трогай мадьярина!"

После этого,—заканчивает Мавро Иокай,—мы, попросив друг у друга прощения, простились братским пожатием рук".

VII.

Интересно рассмотреть теперь, как же относится к назаренам духовенство всех признанных в Венгрии церквей.

В начале очерка мы уже видели, какие каверзы чинил пастор фон-Пагок одному из первых пропагандистов назаренства—Людвигу Хенгзею.

С течением времени, когда пропаганда назаренов развивалась все больше и больше, когда пасторы и патеры всех признанных церквей воочию убедились, что их „стадо" грешных душ все уменьшается и уменьшается, а вместе с тем уменьшаются и тают те приходские доходы, которые доставляли им ранее „верные чада церкви", спешили обратиться к центральному правительству с „докладными записками", „мнениями", „наблюдениями", „доносами", „извещениями" и пр., и пр. официальными бумажками, в которых везде, как по мановению волшебника, твердилось одно и то же: отечество в опасности, мир погибает, на земле воцаряется анархия, народ развращается и гибнет,—вообще были пущены в ход все те жупелы и страхи, которые обыкновенно всегда и везде пускаются представителями правящих классов, раз только „кровные" интересы их собственного существования затронуты хоть сколько-нибудь серьезно.

В брошюре доктора Душана Маковицкого хорошо сгруппированы данные об отношении церквей к назаренам. Он на странице 16 и следующих пишет: „В Швейцарии священники требовали помощи у правительства против назаренов.

В Венгрии во время абсолютического правления (1850—1854 г. г.) происходило подобное же. Церковь жестоко преследовала назаренов, судила, арестовывала, высылала против них жандармов, и при их же помощи были окрещиваемы в церквах назаренские дети. Точно так же относились к ним гражданские власти еще в 1875 г. в Торонтальском уезде, где жандармы разлучали назаренских супругов, и даже в 1893 г. в Хорвато Славонии, где при помощи жандармов священники крестили назаренских детей.

В 1870 г. реформатские церкви—Пачерская и Маковская—составили записку о назаренах. Пачерская церковь указывает в следующих 7 пунктах влияние назаренов на

государство, церковь и общество: 1) назарены заключают браки без законной формы, вследствие чего умножаются беззаконные сожительства и незаконные дети; 2) назарены противятся военной службе; 3) кроме Библии, не признают другой науки; 4) торговля, по их понятию, вся основана на лжи; все образовательные учреждения презирают; 5) не пользуются гражданскими и политическими правами; 6) к другим исповеданиям относятся отрицательно; 7) случается то, что, не имея права вести метрики ни рождения, ни смерти, не делаются известными".

„Пачерская церковь для „искоренения зла" предложила хоть сколько-нибудь в некоторых пунктах осмысленные и целесообразные меры, но, вероятно, именно поэтому эти меры и не были проведены в жизнь, кроме пункта о „власти правительства". Эта церковь рекомендовала: „Против § 1—учреждение гражданского брака. Против § 2—власть правительства. Против §§ 3, 4 и 5 -учреждение общинных школ. Против § 6—уравнение церковных податей назаренов и не-назаренов. Против § 7—гражданские метрики" [156]).

„В 1887 г.,—пишет Маковицкий,—собрались священники разных исповеданий (лютеранского, кальвинистского, православного, униатского и католического) из бывшей Военной Границы в Чрепае (Торонтальского уезда). Некоторые из них были против насильственных мер, большинство же решило требовать у правительства, чтобы оно способствовало строгому исполнению распоряжений „церквей против назаренов".

Особенно сильно нападают на назаренов протестантские священники. Их обвинения назаренов сводятся к следующему: назарены „хотят достигнуть спасения одной праведностью, а не через Иисуса Христа; назарены духом горды и высокомерны; они проповедуют, что они—правоверные христиане и что спасение возможно только в их вере; что хотя это правда, что „добрые", „набожные" между ними строго исполняют Новый Завет, но что они делают отступление в том, что отдаляются от „неверующих" и относят к ним слова Павла: „никакого дела общения не имейте с неверующими"; что одних одноверцев признают братьями, одних их привет-

[156]) См. брошюру Д. Маковицкого, стр. 16.

ствуют словами: „Бог тебя благослови“, мимо же других проходят с наклоненной головой или, в некоторых местах, шевелят пальцами в знак поклона. Затем обвиняют их, что они нарушают 10 моисеевых заповедей, именно 4-ю, когда в родителях своих видят только своих воспитателей и говорят, что земля, которая кормит всех нас, есть мать наша.

Затем, что они утверждают, что только они верно понимают Св. Писание и что им, кроме него и собрания песней, другой книги не надо, потому что другие книги—одна людская мудрость, что они даже сжигают катехизисы и другие тому подобные книги, ссылаясь на одно место в павловых посланиях.

Затем, что и между ними умнейшие толкуют писание и совершают миссионерские путешествия и что этим „миссионерам“ тоже платят из добровольных приношений, так что хотя они и проповедуют: „даром получили, даром и давайте“, но не исполняют этого.

Затем, что плохо понимают Св. Писание, когда, например, „воздайте кесарево—кесарю“, и „всякая душа да будет покорна высшим властям“,—толкуют по-своему и когда все власти без исключения признают ненужными, отказываются платить государственные и церковные подати, не хотят защищать трон и отечество; что хотя они мирским властям открыто и не противятся, но повинуются им только для того, чтобы не быть принуждаемыми; что не хотят продавать лошадей для войска, что ставят себе целью уничтожение государства, когда говорят: „нам не надо ни священников, ни учителей, ни начальников, ни судей. Мы следуем истине, не делаем никому зла, и поэтому судьи и все власти становятся для нас ненужными“. Насколько эта секта,—говорят протестантские пасторы,—опасна для государства и церкви, настолько же она противна и опасна образованию и всякому прогрессу в науках. В их глазах только та работа законна и справедлива, от которой мозоли на руках. Вся торговля,—говорят они,—основана на лжи. Они очень склонны к коммунизму,—прибавляют протестантские пасторы,—и в большинстве случаев, не имея собственности, говорят: „на что господам земля, ведь они ее не могут обрабатывать“.

Много и еще всевозможных обвинений падает на голову назаренов. Представители всех церквей Венгрии выделяют из своей среды таких „священных особ“, которые с истин-

ным удовольствием и наслаждением клевещут на назаренов положительно все, что только им взбредет в голову.

В мадьярской газете „Egyetértés" от 26 июля 1898 г. напечатана была статья под заглавием „Против назаренов", в которой был приведен следующий весьма интересный образчик доноса одного из „батюшек" на назаренов.

Священник Кадич писал:

„Хотя § 25 XLIII статьи закона 1895 г. и разрешает всем и каждому исповедовать именно ту религию, какую захочет сам каждый отдельный человек, с тем, однако, условием, что эти исповедания будут находиться в границах предписанных законов страны и не будут нарушать общественную мораль.

„Вероисповедание назаренов, как известно, законом не признано. Эта же самая статья закона также предписывает, что каждое отдельное „вероисповедание" должно учреждать и содержать свои приходы, должно заботиться об обучении своих детей. В назаренской общине моего прихода находятся самые темные личности, нравственно глубоко павшие. Об обучении своих детей они совершенно не заботятся; праздников никогда не соблюдают. Распространяют же они ложные для общественного блага, крайне вредные учения. Учения эти настолько бессмысленны, что вполне резонно служат постоянной мишенью для насмешек и поругания окружающих. Учение их не похоже ни на какие другие религиозные учения. Противозаконно же оно, главным образом, потому, что назарены провозглашают ношение и употребление оружия противным закону Бога. § 9 уже упомянутой статьи закона разрешает всем признанным и одобренным вероисповеданиям свободно исполнять свои богослужения. Но назаренская секта, как известно, не признана и не одобрена, но, несмотря на это, они все-таки вполне открыто и свободно исполняют свои моления.

„По § 19 той же статьи все религиозные собрания должны быть публичные, открытые, и на них дозволено толковать только о религии; назарены же часто собираются совершенно секретно, а протоколы свои они не показывают властям, как это следовало бы по точному смыслу закона. Существование этих же тайных собраний невольно наводит на мысль, что в них назарены ведут противогосударственные беседы. Дела же назаренов заключаются в том, что

они повсюду соблазняют народ, сбивая его на плохую дорогу, и приход мой ежедневно теряет то того, то иного, казалось бы, верного члена его".

В таком же духе продолжает священник и дальше, рисуя трепет и ужас, которые должны охватить все человечество, раз только эта „погибельная" религия восторжествует. Люди превратятся в зверей, кинутся друг на друга, начнут грабить, резать и убивать всех и вся, вообще наступит... „всеобщая анархия",—не утерпел включить в свою „слезницу" эту модную кличку священник Кадич.

В заключение прошения встревоженный „духовный отец" убедительно просит гражданские власти проникнуться всеми его соображениями и немедленно закрыть все молитвенные дома назаренов, ибо § 20 LIII статьи закона гласит: „Верующие какого-либо вероисповедания, не составляющие свой особый церковный приход, должны присоединиться к приходу наиболее родственного им вероисповедания, находящемуся в территории мадьярского государства".

Исполнится ли когда-либо это заветное мечтание священника Кадича, мы не знаем, но знаем только одно, что, несмотря на все преследования со стороны светских и духовных властей, назаренские собрания не перестают функционировать.

Но мы должны здесь также отметить, что среди этого общего концерта человеконенавистничества уже со стороны более гуманных представителей признанных законом церквей раздался голос, останавливающий занесенную над назаренами руку и призывающий власть имущих остановить свое кровавое дело. „Оружия против назаренов у церкви,—пишет Северини, автор одной из лучших брошюр о назаренах,—не может быть другого, кроме духовного. С одной стороны, самоотверженная верность, усердие, прилежность служителей церкви, с другой—строгий надзор церковного начальства за тем, исполняют ли священники свои обязанности: это—наши лучшие оружия" [157]).

„На Чрепайском совещании,—пишет Д. Маковицкий,—греко-католический священник М. Матейч, сказал: „Назарен-

[157]) См. брошюру Д. П. Маковицкого, стр. 16.

ство не отрицает христианства, но лишь авторитет государства". А лютеранский пастор Ю. Швам выразился так: „Назаренство не болезнь, а скорее признак болезни самой церкви. Лечить ее должно быть задачей самой церкви".

Интересен также отзыв лютеранского пастора М. Бодицкого, помещенный в № 1-м „Лютеранских церковных листков" (1896 г.). М. Бодицкий пишет: „Я имел возможность говорить с назаренами. Их главное обвинение против нашей церкви в том, что, находясь в ней, можно свободно грешить. А мы против этого обвинения не имеем никакой защиты. Не согласен я с тем способом борьбы против назаренов,—продолжает М. Бодицкий,—чтобы всю вину сваливать на них. Было бы хорошо, если бы мы искали бревно в своем собственном глазу и научились бы от этих,—если можно так их назвать,—еретиков-сектантов тому, чего нам недостает, чтобы мы могли назваться собранием святых".

Один лютеранский пастор пишет в частном письме о том, что прежде, чем начинать бороться с назаренами, самим „духовным пастырям" необходимо подумать о самих себе и своей нравственности. По мнению этого пастора, „многих толкнула в назаренство только преступная и распутная жизнь наших южно-венгерских священников и нерадивое совершение ими богослужения. Например, священник проповедует трезвость, а сам валяется пьяный в грязи; проповедует о чистоте нравов, а сам—самый большой блудник; покровительствует господам и не обращает внимания на жалобы паствы. Кроме 4—5 человек, во всей Бачке и Среме нет ни одного лютеранского священника, исполняющего свои обязанности как следует",—заключает откровенный пастор.

Таково отношение духовенства господствующих церквей к венгерским назаренам. Это отношение, в большинстве случаев сводящееся к пропаганде „мер строгости", вряд ли может подействовать успокоительно на население страны, уже захваченное в сферу своего влияния назаренскими общинами. Мы думаем, что случится как раз обратное: чем прямолинейнее будет проводиться политика подавления сектантского движения, тем упорнее будут настраиваться сектантские массы, тем больший ореол будут приобретать сектантские мученики в народе, тем легче назаренам будет вербовать своих последователей. Освобождение этой секты

от всякого судебного и административного гнета, уравнение ее во всех правах с другими существующими в стране обществами и союзами—вот единственно правильный путь, по которому должна бы была пойти венгерская законодательная и административная власти, если бы они захотели быть сколько-нибудь справедливыми к назаренам. Но мы прекрасно знаем, что буржуазные правительства, хотя бы и конституционные, крайне неохотно идут навстречу тем народным движениям, которые в своих социальных основах резко противоречат господствующим классам и относятся всегда очень отрицательно к тем, кто говорит, „на что господам земля, ведь они ее не могут обрабатывать" и которые на своих собраниях ведут „противогосударственные беседы". Конечно, в глазах буржуазных правительств такие люди „враги отечества" и их всегда стараются истреблять. Только широко-народное революционное движение может обеспечить этим крестьянам-сектантам, чающим осуществления новых справедливых порядков на земле, безобидное, действительно свободное существование и неприкосновенность их миросозерцания.

И мы думаем, что в Венгрии, в стране конституционного права, недалеко то будущее, когда из законодательного кодекса совершенно и безвозвратно исчезнут остатки старых пережитков и вместо них водрузится знамя полного гражданского равноправия и гражданской свободы и веротерпимости, как одного из проявлений этой свободы.[158]).

Женева, 1904 г.

---

[158]) В настоящее время (1921 г.) Венгрия находится в лапах представителей такой гнуснейшей реакции, которая перещеголяла в этом отношении все другие страны. Вероятнее всего эти изверги буржуазно-дворянского мира, десятками тысяч разстреливавшие венгерских рабочих и крестьян, не милуют и назарен. Будущее даст нам факты жизни и из этой области и тогда мы дополним наше исследование.

Алфавитный указатель

собственных имен, условных выражений, названий книг, статей, и пр., встречающихся в этой книге.

Цыфры, стоящие около слов, указывают на соответствующие страницы книги.

А.

Б.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Книги Владимира Бонч-Бруевича.

Программа для собирания сведений по исследованию и изучению религиозно-общественных движений в России. (Православие.—Сектантство.—Старообрядчество). Издание пятое.

Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России. Под редакцией **Влад. Бонч-Бруевича.**

Первый выпуск. Баптисты.—Бегуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчестве.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты.

Второй выпуск. **„Животная книга духоборцев“.** Записал и собрал **Влад. Бонч-Бруевич.**

В „Животную книгу“ входит более четырехсот различных произведений устной литературы духоборцев. Вступительная статья **В. Д.** Бонч-Бруевича: „Изложение мировоззрения духоборцев“.

Третий выпуск. Штундисты.—Духовные скопцы.—Постники.—Свободные христиане.—Старообрядцы.

Четвертый выпуск. **Новый Израиль.**

Пятый выпуск. **Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды.** Том первый.

Шестой выпуск. **Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды.** Том второй (Готовится к печати).

Седьмой выпуск. **Чемреки.** (Ответвление Старого Израиля).

Тринадцатый выпуск. **Кружок Татариновой** (Печатается.)

Назарены в Венгрии и Сербии. (К истории сектантства). (Распродана.)

Волнения в войсках и военные тюрьмы. Второе издание.

Духоборцы в канадских прериях. Книга I-ая.

Духоборцы в канадских прериях. Книга II-ая.

Духоборцы в канадских прериях. Книга III-ья.

К истории русского духоборчества.

Община „Новый Израиль“.

Среди сектантов.

Из мира сектантов.

Кровавый навет на христиан. Второе издание.

Знамение времени. (Убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса). **Второе издание.**

Избранные произведения русской поэзии. Пятое издание. Сборник стихотворений на гражданские мотивы от Пушкина и до наших дней. В сборник вошли 829 произведений 232 авторов.

Родные песни. Сборник стихотворений Некрасова, Никитина, Плещеева и др. Издание четвертое.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Главное Управление ◇ Москва ◇ 1922.